

УГЛОВ АРТЕМ

A person with dark hair, wearing a blue jacket and dark pants, is crouching on a rooftop. They are looking out over a city skyline at sunset. The sky is filled with vibrant orange, yellow, and purple clouds. The city buildings are silhouetted against the bright sun. The person is sitting on a dark, possibly wet, surface. The overall mood is contemplative and serene.

В ТЕНИ
АЛТОПОЛИСА

Трудно выжить на улицах городских трущоб, оставшись без отца с матерью. Когда все что у тебя есть — это пустой живот, да гуляющий ветер в карманах. Но если задался целью, если захотел изменить свою жизнь к лучшему, ничего не станет помехой: ни бандиты, ни мелкий возраст, ни предательство друга. Просто продолжай цепляться руками, карабкаться изо всех сил и однажды обязательно повезет. И может тогда тебе удастся выбраться из тени небоскребов славного города Алтополис.

Глава 1. Свинчатка в кармане

Алтополис называли городом тысячи небоскребов — сияющим преддверием рая на земле, и множеством, великим множеством других эпитетов, что придумал и сочинил коллективный разум рекламных агентов.

Чего только стоили туристические буклеты. Каждый их разворот буквально пестрел огнями выстроившихся в ряд витрин модных магазинов; разливался яркими красками кичащихся друг перед другом вывесок; мелькал на страницах новенькими, только что сошедшими с конвейера авто. Сочная зелень парков тысячами побегов пробивалась сквозь дорогой глянец бумаги. Укрывала от палящего солнца раскидистыми кронами дубов и дарила прохладу пруда, подернутого легкой рябью. А еще были башни, отточено острыми шпильями пронзающие небесную синеву. Это все было, как и в любом другом городе, запечатленном со специально подобранного ракурса.

Но были и неудачные кадры, без ретуши, без специально подобранных фильтров. Их не публиковали в рекламных брошюрах, не демонстрировали в рейтинге «*top 100 самых-самых*». О них стыдливо замалчивали в новостях, а если и упоминали, то обыкновенно бегущей строкой внизу экрана.

Отбракованный материал... Такова была участь всех жителей Красильницкого — поселка, прилипшего к юго-восточной окраине города, что грязь к подошве ботинка. Место, о котором в приличном обществе не принято было говорить, и о существовании которого многие даже не подозревали. С высоты птичьего полета этот район больше всего походил на аппендикс — отросток, втиснутый в узкое пространство между промышленной зоной и железнодорожной веткой, ведущей в бесконечную степь. Лучшего места для отребья рода человеческого не найти. Как только не называли Красильницкое: и грязным гетто, и помойными трущобами, и выгребной ямой. Да оно таковым и было.

Своим появлением на свет поселок был обязан великому князю Даниилу Романовичу, в честь коего, собственно, и получил название. Красильницкий, считавшийся прогрессистом из наипервейших, тщательно отслеживал тенденции. Он не только одевался по последней Парижской моде, но и действовал согласно «свежей» европейской мысли. Стоило страницам таблоидов запестреть множеством статей на тему голода в Латинской Америке, и князь моментально откликнулся. Выдал из казны солидную сумму на строительство дешевого жилья неподалеку от Алтополиса, в те времена еще не столь блистательного и сияющего. Устроил в Сенате публичные дебаты, в ходе которых было принято решение о переселении двадцати тысяч семей из терпящего бедствие Пау-Бразил. Дома, а точнее, хибары возвели в кратчайшие сроки. Государственная казна расщедрилась на благородную инициативу, а потому жилой площади вышло даже больше, чем изначально планировалось. Но не беда, у нас и своих нуждающихся навалом. Их первыми и запустили обживать новые места в ожидании заокеанских соседей.

По итогам Даниил Романович получил свою порцию славы. На экранах телевизоров замелькал гордый профиль великого князя, и даже британская Daily расщедрилась, признав его персоной года. Поначалу все шло хорошо: телевиденье снимало репортажи о дружбе народов. Показывало кадры с играющими в мячик мальчишками и стариками, раскуривающими кальян за совместной партией в шахматы. Идиллия длилась ровно до тех пор, пока из казны выделялись бюджетные деньги. А когда интерес к теме иссяк, вдруг

выяснилось, что прибывшие беженцы работать не собираются. Не потому, что не хотят, а потому что не могут. Кому нужны необразованные, не знающие языка иностранцы, когда и своих голодранцев в достатке. В короткий срок треть поселка превратилась в аналог латиноамериканских трущоб. Они так и назывались — Фавелами. То еще местечко... сплошной лабиринт из грязных улочек, завешанных цветастыми тряпками. В воздухе витал вечный аромат благовоний, перемешанный с кислой вонью залежалых, и потому взопревших от жары помоев. Чужака здесь запросто могли избить или того хуже, прирезать. Местные банды росли как на дрожжах: грызлись промеж собой, сбивались в стаи для захвата все новых территорий. Дабы дать отпор наглым иноземцам, местные ватажки были вынуждены забыть о былых обидах. Тяжелую ношу объединения взвалил на собственный плечи легендарный Малага, по одним источникам вор-рецидивист, по другим — казак из числа ростовских. Шашкой рубил он лихо, особо не разбирая кто свой, кто чужой. Может потому и удалось сколотить в кратчайшие сроки столь серьезную силу.

Убили Малагу на второй год войны — затыкали ножами в одном из питейных заведений, не оставив живого места на теле. Малажские за атамана отомстили, подпустив красного петуха с трех сторон. Пожар тогда занялся знатный. Пламя быстро перекинулось по крышам домов в центральные районы, а потом и на оставшуюся часть поселка. Говорили, что отблески алой зарницы были видны аж за сотни километров окрест. Целый месяц над трущобами стоял вой и плач. Целый месяц разгребали завалы, находя скрюченные и обгорелые до неузнаваемости тела. Люди молились и проклинали друг друга на разных языках, а потом сели за один стол и договорились разделить поселок на три части.

Западные районы отходили Малажской ватаге, вместе с промышленной зоной, давно заброшенной и потому заросшей сорняком. В бывших производственных корпусах расположились мастерские, готовые выполнить любой заказ в наикратчайшие сроки: от ремонта стиральных машинок до разбора на запчасти угнанного авто. Единственное, чем не занимались на западе — это наркотой.

Торговля дурью считалась прерогативой иноземцев, застолбивших за собой восточную часть поселка и обширный пустырь, простиравшийся с юга. Ценность последнего заключалась в обводной дороге, усеянной заправками и сомнительного рода забегаловками, что уличный пес блохами. А еще наркотрафике, протянувшемся с афганских полей аж до Лиссабонского порта. Контролировали поток ребята серьезные, но кое-какие крохи перепадали и местным голодранцам, готовым участвовать в любых, даже самых грязных делах. За что, собственно, и ценились.

Между малажской западной частью города и латиноамериканской восточной пролегла серая зона — граница, отделявшая одну противоборствующую сторону от другой. Смесь языков, религий и крови — это все, что осталось от старого Красильницкого. Разбитые вдребезги мечты о дружбе народов. Кучка людей, пытающихся выжить в условиях полунищенского существования, в тени прекрасного и могучего Алтополиса, преддверия небесного рая на земле. Место, где я имел несчастье появиться на свет....

Я плохо помнил своих родителей. Отца не знал вовсе, а от матери остался лишь едкий, щекочущий ноздри запах краски. Она много лет проработала на ткацкой фабрике, а после ее закрытия довольствовалась подработкой: прачкой, полумойкой — кем придется. Тех малых крох, что она приносила домой, едва хватало на еду. Сам я этого не помнил за малостью лет, но дед Пахом рассказывал. Он же и сжалился над матерью, взяв в качестве помощницы в

лавку.

Старик торговал всякими безделушками вроде расчесок и зеркалец. Но особое место на прилавках магазинчика занимала жидкость для окраски волос. Созданная на основе натуральных компонентов, она пользовалась большой популярностью, особенно среди жителей Фавел.

Утро каждого воскресенья начиналось с треска дешевеньких мопедов под окном. Бразилы приезжали целыми караванами, весело гомоня и давя на клаксоны. Занимали всю улицу перед лавкой и принимались грузить товар в притороченные к багажнику плетеные корзины. Болтали на горячительной смеси русского с португальским, щедро одаривая прохожих белозубыми улыбками.

Дед Пахом говорил, что радушие их насквозь фальшиво, что сказанные ими слова не стоят и ломаного гроша. Старик не любил латинян, но продолжал следовать непреложному правилу торговли: барыш превыше всего. По-другому в труппах не выжить.

Мать умерла, когда мне не было и шести. Я плохо запомнил тот день. В памяти отпечатались лишь серые тучи, нависшие на размокшей от бесконечных дождей землей. Было холодно и промозгло. Морщинистые руки бабки Лизаветы постоянно кутали меня в толстые слои одежды, словно это могло унять дрожь. Я не мерз, мне было страшно... Раньше целый мир заключался в одном единственном человеке, в её заботливых руках и ласковом взгляде. И вдруг она ушла, оставив меня одного. Стоящего в продуваемом всеми ветрами поле, возле разверзшегося чрева могилы. Спасибо старикам, не бросившим сироту на произвол судьбы. Взвалившим на плечи тяготы и заботы, связанные с моим воспитанием.

Бабушка Лизавета и дед Пахом... Руки последнего, морщинистые — больше похожие на кору старого дуба, пахли табаком. Вечерами тот любил усаживать меня на колени и рассказывать сказки о добрых и могучих героях, побеждавших коварное зло. Истории про турецкую войну он тоже любил, но рассказывал крайне редко. Может потому, что оставил на дне Босфорского залива левый глаз, а может опасался бабки.

— Ух, старый! — ворчала она, шутливо замахиваясь полотенцем. — Все никак не уймешься? Ты зачем ребятенка нехристью проклятушей пугаешь? И без того погляди — глазища большие. Снова всю ночь вертеться будет.

Вертелся я не от историй про зловредную турку, а от постельных клопов, ставших настоящим бедствием для поселка. Мелкие насекомые грызли всех подряд не разбирая, кто с какого края живет, и каким богам молится.

— А клопам чего? Има все равно, чью кровь сосать: православному или латинянскую. Они и козу дойную загрызут вусмерть, — любил повторять дед Пахом, хотя сам давно укусов не чувствовал. И даже позволял щипать, демонстрируя стойкость. На вопросы, отчего же так вышло, старик хитро отвечал:

— А чего моей коже станется? Огрубевшей от морской воды, выдубленной под горячим солнцем, да выдержанной на семи ветрах.

— Деда, так ты закаленный? — переспрашивал я от удивления.

— А то, — не моргнув единственный глазом, подтверждал старик. — Как настоящий былинный богатырь. Только Илья Муромец закалялся в бочке с парным молоком, а я под османским небом.

— Закаленный... вишь, че выдумал, — ворчала бабка в ответ. — Чурка ты бесчувственная, потому и не кусают. Каковым с молоду был, таковым и остался.

Дед Пахом ушел первым. Просто не проснулся в один день и все... Лежал и улыбался в

пропахшие густым запахом табака усы. Бабушка Лизавета не проронила по супругу ни единой слезинки. Она не завывала, как это было принято в Фавелах, не причитала, как малажские бабы, а почернев лицом, ушла вслед за мужем на четвертый день.

Тут-то и выяснилось, что у деда Пахома есть наследники. Откуда не возьмись нарисовался двоюродный племянник по отцовской линии. Он быстро прибрал хозяйство в свои руки, поставив во главе магазина жену — высохшую от злобы женщину. Будучи не способной зачать ребенка, та ненавидела всех вокруг, в особенности же детей.

С первого дня она принялась изводить меня. Ругала на чем свет стоит, лишая еды за малейшую провинность. Приходилось ложиться спать с мечтой о горбушке хрустящего хлеба, с ней же и вставать, воображая о том, как вцеплюсь в неё зубами, как стану грызть, жадно вдыхая аромат свежей выпечки.

Бурчащий желудок — это еще полбеды. Настоящие проблемы начались после того, как хозяйка принялась распускать руки. Пару раз отбив ладонь о костлявый затылок, она взялась за чурбачок. Деревяшка била не в пример сильнее, оставляя на теле синяки и кровоподтеки. Хозяин знал об этом... не мог не знать, но предпочитал закрывать глаза на происходящие события. А вот я терпеть не стал. В один вечер собрал нехитрые пожитки и вычистив хозяйскую кубышку до дна, пустился в бега. Благо трущобы походили на муравейник с бесконечным числом ходов — огромный мир для двенадцатилетнего пацаненка.

«Деньги — это всё», — столь простую истину я постиг быстро, стоило закончиться украденным монетам. Уже через месяц начал попрошайничать на рынке и тогда же пришел к очередной истине: *«протянутая рука — тоже бизнес»*. Пришлого пацана отвели в закоулок и повалив на землю, принялись обучать основам коммерции. Били несильно, больше для порядка, ровно такие же салаги, как и я сам. Руководил процессом старшак: длинный дылда с изъеденными оспинами лицом, следивший, чтобы посторонние из числа сердобольных не вмешивались в курсы повышения квалификации.

— Понял, за что? — спросил он в самом конце, и удовлетворенный ответом потрепал по плечу. Мол, ничего, со всяким случается.

Целый день я отлеживался, сдерживая наворачивающиеся на глаза слезы. И только под вечер, гонимый голодом, отважился выбраться наружу. Зашел на местный развоз и стащил ватрушку с края прилавка. После я воровал много раз: убегал, попадался и воровал снова. Меня лупили кулаками, охаживали плетьюми, но ни разу ни били смертным боем. Даже не знаю, с чем это было связано: юным возрастом или с тем, что хватал всякую мелочь вроде посыпанных сахаром булочек. Я никогда не крал денег или драгоценностей, а съестного брал ровно столько, чтобы уgomонить ноющий от голода живот.

Днем гулял по улицам, присматриваясь к разложенным на прилавках товарам, а вечером забирался на крышу, любоваться горящими огнем небоскребами. Это стало своего рода традицией, ежедневным ритуалом. Мне и в голову не могло прийти, что в этих огромных сооружениях живут и работают люди. Они казались мне чем-то фантастическим, сотканным из потоков воды и сияния полуденного солнца. Во истину диковинное зрелище и единственное из доступных.

Когда наступил сезон дождей, я соорудил лежанку на крыше пекарни. Натаскал картону и постелил прямо под бортик, надежно скрывающий от любопытствующих глаз. Последнее было важно, потому как в трущобах хватало любителей лазать по крышам. Сотни мальчишек из одного лишь озорства забирались на верхотуру. Швыряли в прохожих мелкими

камышками или просто дрыгали босыми ногами. Взрослых, в особенности владельцев домов подобное безобразие раздражало. При малейшем подозрении, они вооружались длинными палками и сгоняли непрошенных гостей обратно на землю. Потому приходилось действовать осторожно, дабы сохранить место ночевки в секрете. Лишний раз не шуметь, и до захода солнца на месте не появляться. Выбирать разные маршруты подходов и постоянно осматриваться — не наблюдает ли кто?

Для навеса я отыскал серую пленку, как раз подходящую под цвет крыши. Закрепил на кольшках, низко-низко, чтобы хватило пространства залезть. Настелил вместо матраса тряпья, прямо поверх толстого слоя картона и красота — спальня готова! Впервые за долгие месяцы появилось место, которое я мог бы назвать своим домом. Укрытое от чужих глаз, а главное — теплое, с ароматом свежее испеченных булочек поутру.

Я ни разу не воровал здесь, хотя возможности таковые имелись. Один раз Севастьян — сын владельца пекарни, закрутился по работе и оставил выпечку без пригляда на целых пять минут. Ох и велико же было искушение... Румяные, с пылу с жару, пирожки дразнили одним своим видом, не говоря уже про аромат. Времени бы хватило с избытком, чтобы стащить целый поднос, а после кормиться от пуза на протяжении нескольких дней, но я не смог...

Убеждал сам себя, что дело в осторожности, что нельзя воровать в месте, подарившем приют. Я постоянно повторял это, в глубине души понимая, что это не так. Не совсем так... Была еще одна веская причина, по которой не смог этого сделать.

Трудно было жить одному. Это святой человек может закрыться в келье и довольствоваться беседами с Богом. Я же был самым обыкновенным мальчишкой. Может потому и прикипел к семье пекаря, считая их если и не за родных, то за людей очень близких.

Место возле теплой трубы обладало удивительным свойством доносить голоса. Особенно по утрам, когда поселок спал и любой, даже малейший шорох становился достоянием моих ушей. Я слышал, как первой вставала мать, сгоняла со стола обнаглевшего котюру и принималась возиться на кухне. Как отец проверял тесто, успело ли подняться за ночь? А после шел будить любимшего подремать сына, чтобы тот подготовил печь, не забыв натереть маслом противни.

Вечерами я сидел с ними за одним столом, слушая последние новости о зарядившем дожде и о лавке конкурентов, что открылась наемдни на соседней улице. Хлеб у них, конечно, редкая дрянь — рожь, перемешанная с овсом, но зато цены на двадцать процентов ниже. А народу что — многого не надо, он и старый сапог готов жевать, лишь бы дешевле вышло.

Конкуренция сильно ударила по доходам пекарни. Пришлось занимать у соседей и брать ссуду в банке под грабительские проценты. Но судьбе словно и этого было мало. Громом среди ясного неба прозвучало известие — Севастьян влюбился. И ладно бы девушку выбрал достойную, веры нашенской. Так нет же, отыскал полукровку — плод греха падшей женщины и грязного латинянина из Фавел. Девушка как на грех уродилась красивой, с оливковым цветом кожи и статью, достойной античных статуй.

— До чего же бесстыжая твоя Тайка, — распекала мать сына, сидя за одним столом. — Вечно подле нее мужики толпятся, а та и рада хвостом крутить — один наряд хлеще другого: то грудь на показ, то ноги голые. Сраму-то, сраму... Ходит важной павлинихой, распутив перья. Глазки всем строит.

— Мама, тебе-то откуда знать?

— Знаю и все тут!

— Опять твои кумушки сплетни разводят? Ты сама её видела?

— А мне и видеть не надо. Как в народе говорят, яблоко от яблоньки не далеко падает.

Мать была шлюхой известной и дочь уродилась такой же.

— Ну знаешь...

По скрипу отодвигаемого стула понимаю, что Севастьян встает из-за стола. Слышу, как мать кричит вслед:

— Думаешь, ты один такой выискался? Лучше спроси, откуда у нее деньги на новые украшения взялись. Чего молчишь... не знаешь? А я тебе скажу: привадила она одного клерка из числа городских. Весь из себя деловой в костюмчике. Прямо-таки зачастил в последнее время, что ни день то с подарками: или колечко золотое вручит, или сережки — всё нечета твоим конфетам.

Слышно как громко хлопает дверь, но мать еще долго не может успокоиться. Все распекает непутевого сына, ни в грош ни ставящего мнение родителей. Отец молчит... Он поговорит с Севастьяном позже — на следующий день, когда кроме них двоих в доме никого не останется.

— Может погодишь чутка? Пройдет время, мать успокоится, тогда и вернемся к разговору о свадьбе.

Севастьян мигом вспыхивает:

— Сколько можно ждать?! Я и так последние полгода кормлю обещаниями: «Тая обожди, обожди еще, совсем чутка...». А Тая не дурочка — она понимает к чему дело идет, потому и предупредила: если до весны вопрос не решится, выйдет за другого. Ты же сам видел, какая она... У нее этих женихов, один с верхнего города приезжал свататься.

— Так уж и с верхнего?

— Да, отец, представь себе! Среди них есть даже чиновник из мэрии. Кто я по сравнению с ним — нищий пекарь из трущоб?

— Но выбрала-то она тебя.

— На сегодня, отец... А что будет завтра? Ты можешь с уверенностью сказать, что в будущем ничего не изменится? Или думаешь, добросердечные кумушки не донесли, какого мнения свекровь о будущей невестке. Мать же нисколько не стесняется соседей. Она словно специально вытаскивает грязное белье на улицу и полощет-полощет.

— Я поговорю с ней, обещаю.

Во дворе воцаряется тишина. Мне очень захотелось перегнуться через бортик и посмотреть, что эти двое делают. Я бы непременно так поступил, но страх потерять теплую крышу куда сильнее. Поэтому лишь сильнее вжимаюсь в мокрую после дождя поверхность.

— Поздно, отец... Пошли, еще нужно успеть замесить тесто на ночь.

Дверь хлопает, а я остаюсь лежать, пляясь в клубы пара над головой. Они вырываются из приоткрытого рта и поднимаются вверх, истаивая призрачной дымкой. Красивое и одновременно завораживающее зрелище. Я продолжаю смотреть, а из головы не выходит брошенная в сердцах фраза:

«Поздно, отец».

И столько горечи в ней прозвучало, столько боли, что сдается мне — тесто здесь ни причем.

Следующее утро выдалось туманным — привычное дело для здешней зимы. Это тысячу

лет назад стояли морозы, из-за которых у мужиков усы покрывались инеем, а у деревьев трескалась кора. Потому и называли их трескучими. Нынче же времена были другие.

Снег больше не укутывал землю белым покрывалом. Он ложился рваными клочками, чтобы к обеду окончательно растаять, превратив окружающий мир в непроходимую грязь. Серость была везде: и над головой, и под ногами, а с небес бесконечно сыпало ледяное крошево попеременно с дождем.

Бабушка Лизавета утверждала, что скоро на землю опустится ад. Спалит всех грешников в гиене огненной, а людей набожных и богобоязненных пощадит. Ибо всякому известно, что пекло адское ничто против человека, почитающего Святыя Писания.

Мне однажды довелось увидеть картины судного дня. У старушки целая книга имелась со столь подробными иллюстрациями, что от разглядывания их становилось не по себе. Куда там деду Пахому с его рассказами про турецкую войну.

Несчастные грешники пытались выбраться из объятий огненной лавы, сплошным потоком стекающей с черной горы. Открывали рты в беззвучном крике, тянули руки к небесам, а хвостатые бесы тыкали в них вилами, заставляя вернуться обратно. Страшные картинки, пугающие до жути... Именно потому я и читал каждое утро «Отче наш», а вечером просил Пресвятую Богородицу присмотреть за мамой. Бабушка Лизавета говорила, что хорошие люди непременно окажутся на небесах, потому не стоит за них беспокоиться. Но все же, как она там одна?

После молитвы я имел обыкновение смотреть на башни. Опирался спиной о теплую трубу и любовался огнями зеркальных исполинов, устремленных в небесную высь. Увы, но сегодня они оказались затянуты плотной пеленой тумана: ни света далеких огней, ни шума городских улиц. Лишь влажный воздух, пробирающий только что проснувшееся тело до костей.

Я привычно огляделся и не обнаружив ничего подозрительного, пустился в путь. Перебрался на соседнюю крышу дома, оттуда на следующую, еще на одну. Это было не сложно, учитывая скученность строений. Я путал следы, словно заяц-русак из рассказанных дедом сказок. Тот тоже по прямой не ходил, все норовя свернуть с тропинки, чтобы хитрая лиса лежку не выследила. Вновь осмотрелся и только уверившись в отсутствии зрителей, спрыгнул на землю.

Обыкновенно высота зданий в трущобах не превышала два этажа. Нижний строился из дешевых газобетонных блоков, а верхний кроили из всего, что под руку подвернется: камней, досок, картона или плотной клеенки, натянутой на каркас. Часто встречались этажи, целиком сколоченные из обломков рекламных щитов, пестревших афишами старых фильмов или заборов, некогда ограждавших промышленную зону. Шутники даже вешали на фасад таблички: «**вход воспрещен**» или «**опасно, высокое напряжение**».

Забавно, что последнее висело в борделе. Один из посетителей решил поразвлечься, приколов знак прямо над входом. Надпись настолько понравилась мадам Камилле, что с тех пор потертая от времени табличка встречала каждого переступившего порог.

Квартал Желтых Фонарей — место порока и разврата, место гибели невинных душ. Я любил туда заходить, но совсем по иной причине, нежели остальные. Сначала мне нравилась мигающая в окнах иллюминация — такая красота и каждый вечер бесплатно. А потом на меня обратили внимание местные жрицы, наряженные в яркие одежды, будто на дворе стоял канун Нового Года.

Оказавшиеся здесь мужчины искали порочные удовольствия, а я лишь радовался

праздничной атмосфере, царящей в мрачных, покрытых серостью трущобах.

Мое знакомство с борделем случилось весной, на следующий день после того, как сбежал от новой хозяйки лавки. В карманах еще водилась денюга из украденной кубышки, а в голове царил бардак и хаос. Я толком не понимал, чего делать и куда идти, потому и замер перед витриной с горящими лампочками.

— Посмотри, какой глазастенький, — первой обратила на меня внимание блондинка. От нее пахло весенними цветами и карамелью. Длинные ресницы подмигнули, а покрытые блестками губы прошептали: — надо же, какой взрослый. Неужели и деньги есть?

— Конечно есть — карманные... Ему на конфеты дали, а он сразу сюда побежал, за сладостями особого рода, — улыбнулась темненькая, та что была с мушкой над губой. Облокотившись о дверной косяк, она принялась разглядывать меня. Непривычный к подобного рода вниманию, я порядком оробел. Щеки запылали алым цветом, вызвав очередной приступ веселья у девиц.

— Какая прелесть, — вновь прошептала блондиночка, — такой сурьезный и такой стеснительный молодой человек. Не боишься, что мамка заругает, если узнает за какими-такими леденцами её сынуля повадился ходить?

Я тогда не выдержал насмешек и сбежал. Целую неделю не показывался в квартале, но бесконечный дождь все лил и лил. От царящей серости становилось тошно на душе. Хотелось света, куда больше того, что могли дать исполинские башни. Хотелось праздничной атмосферы: смеха, разудалого веселья и музыки. Взгляд то и дело обращался в сторону борделя, перемигивающегося разноцветными огоньками. И я пошел, словно наивный мальчишка, влекомый звуками волшебной дудочки. В сказке злой колдун заманивал ребятню игрой на флейте, а в реальности хватило пары гирлянд.

Местные жрицы встретили мое появление шутками.

— Мари, глянь, опять твой кавалер заявился. Не иначе, карманы полные леденцов... Будь поосторожнее, я таких как он знаю — вечно орут, сиську просят.

Они обступали меня — смеялись, но больше прочих смеялась блондинка Мари. Та самая, что заговорила со мной первой. Она никогда не упускала случая подмигнуть мне длинными ресницами. Или окликнуть на улице:

— Эй, красавчик, куда спешишь?

Первый раз я долго крутил головой, пытаюсь отыскать в толпе знакомое лицо. И сильно удивился, обнаружив вместо яркой ночной бабочки серую мышку. Исчезли длинные ресницы, придававшие загадочности взгляду. Под смытыми румянами обнаружили впалые щеки, да и сама она стала заметно тоньше и меньше. Взрослая уверенная женщина превратилась в шкодливую девчонку, так и норовившую потрепать по голове или угостить вкусняшкой.

Я умел использовать взрослых. Знал, как изобразить слезливое личико, чтобы вызвать жалость у почтенных матрон или каким голосом следует кричать, чтобы меньше лупили за украденный пряник. Но только не в случае с Мари. Я и про сироту ляпнул случайно.

Достали подшучивать — все про мамку да про мамку, дескать заругает неслуха. А вот и не заругает! Некому меня было ругать... Точнее ругали многие, но чтобы как мамка... Я человек самостоятельный — сам решаю, где гулять и во сколько спать ложиться. Свободой своей дорожил превыше всего, потому как кроме нее ничего не осталось. Вот и тыкал при случае весомым аргументом. Того же Гриньку с Корчажного переулка много о себе возомнившего. Дескать, у него и родители есть, и лошадь деревянная на колесиках.

Подумаешь, лошадь... Зато меня не заставляли часами корпеть над прописью и... и много чего другого, о чем Гриньке, как мальчишке прилежному, приходилось только мечтать.

К примеру, он давно хотел ножик — острый и опасный, как у ватажников с Малажской стороны. Все уши прожужжал своими просьбами: достань мол, и достань. Складной, выкидной, самопальный — любой. Главное, чтоб походил на бандитский нож, а не на здоровенный тесак, спертый с кухни. Гринька настолько болел своей фантазией, что готов был расстаться с девятью копейками — всей карманной наличностью, что успел за лето скопить.

Этого было больше, чем достаточно, но если улицы чему и научили меня, так это торговаться. Сделав кислое выражение, я с безразличным видом протянул.

— Не-а.

Гринька зачесал затылок, пытаясь собрать разрозненные мысли в кучу.

— Могу обувь подогнуть — старые ботинки с меховой опушкой.

— А чего сам не носишь?

— У них подошва треснула малясь, а так ничего — тепло, если по лужам не бегать, то и нормально.

Вскоре выяснилось, что ботинки принадлежали сестре, и вид имели соответствующий: с розовым мехом и цветочным орнаментом поверх.

— Ты совсем с дуба рухнул? Как я в бабском прикиде на людях покажусь?

— А ты гуляй, когда стемнеет.

— Вот сам и гуляй, — обиделся я на подобное предложение. — Поди еще и детский размер втюхать хочешь?

Так оно и оказалось — сестра была младшей.

— Пальцы подожмешь, — неуверенно произнес Гринька. Он понимал, что убедить меня не получится, поэтому наморщил лоб, пытаясь найти выход.

На ум ничего не приходило и тогда я предложил фант — услугу, которую он будет обязан будет оказать, когда придет время. Гринька долго сомневался, чуя подвох. Пытался спорить, выдвигая кучу условий, но в конце концов вынужден был согласиться. Уж слишком сильно хотелось ножик.

Две недели я трудился. Доводил до ума обломок проржавевшего лезвия, найденного в куче мусора. Шлифовал, придавал остроту и форму, благо в заброшенном цеху имелся верстак. Обмотал шероховатую деревяшку черной изолентой — получилась пристойного вида рукоять. Выдолбил углубление и насадил лезвие на эпоксидный клей, позаимствованный еще в прошлом месяце в кожевенной мастерской.

Две недели упорной работы и нож готов. Вчера я озвучил эту новость Гриньке, заодно напомнив про фант. Услыхав просьбу, приятель долго кривился, словно проглотил дольку лимона. Пытался отнекиваться, но в конце концов желание получить заветный нож перебороло страх.

— Ладно, помогу тебе... Но сначала нож.

Именно поэтому я вскочил ни свет ни заря, и теперь бежал по улицам спящего поселка. Звуки шагов гулким эхом отдавались от стен прижатых друг к другу домов. Утренний туман стелился, полз клочьями, пытаясь скрыть облик трущоб. Но даже сквозь пелену проступали уродливые очертания поселка, отраженные в грязных окнах, покрытые трещинами серых стен и выплеснутые на улицу помоями.

Спрятанный под рубаху нож, отдавался болезненными тычками. Я несколько раз

останавливался, чтобы поправить его, но сверток продолжал упорно сползать, упираясь рукоятью под ребра. Он словно торопился попасть к новому хозяину, а поэтому всячески напоминал о себе. Ничего с Гринькой не случится: ждал пару недель, подождет и еще.

Вместо того чтобы бежать к приятелю напрямки, я свернул налево. Нырнул под арку и оказался в квартале Желтых Фонарей.

То, что ночью вызывало восхищенный вздох, под утро выглядело жалким подобием: начиная от облезших фасадов и заканчивая «девочками» мадам Камиллы.

Я был шокирован, когда впервые увидел закулисье борделя, пропитанное дымом сигарет и ароматами дешевых духов. После бурной ночи к ним примешивался едкий запах пота, блевотины и человеческих испражнений. Некоторые из посетителей напивались до такой степени, что гадили прямо в портки.

Мари не любила, когда я видел её в таком состоянии. Яркие ночные бабочки под утро выглядели жалко — потрепанные и опухшие, со следами потекшей краски на лице. словно подвергнувшиеся жестокой игре куклы. Она запрещала являться в ранние часы, но я все равно приходил.

Работницы борделя подкармливали меня, оставляя еду у дежурившего вышибалы — все недоеденное и не проглоченное после бурной ночи. Мадам Камилла терпеть не могла благотворительности, а потому сильно разозлилась, прознав про подачки. Велела выгнать оборванца взашей и больше не пускать. Девушки просили за меня, но хозяйка была неумолима. И только спустя месяц, она передумала. Дело было вовсе не в жалости или внезапно проснувшейся человеколюбии. Мадам Камилла руководствовалась иными мотивами. Она умела извлекать выгоду из вещей, казалось бы, незначительных на первый взгляд, как то взять мелкого проныру в оборот. С тех пор я выполнял мелкие поручения из разряда «подай-принеси». Был мальчиком на побегушках у местных жриц, у подзадержавшихся клиентов, а иногда и у самой мадам Камиллы. Работал за еду и был вполне счастлив.

Утренние часы — время полочки. Живот давно привык к распорядку дня, поэтому начал бурлить, стоило свернуть под арку. Серая масса борделя, лишённая разноцветных огней, неторопливо выплыла из тумана. Проступила табличка с ярко-красной надписью: **«опасно, высокое напряжение»**. Стучаться в главные двери борделя с утра считалось за моветон. Этому меня научили местные работницы, как и тому, с какой стороны обойти, чтобы обнаружить черный вход, и с какой очередностью постучать, чтобы тебе открыли.

Распахнув калитку, я оказался в заставленном ящиками внутреннем дворе. Иногда за ними лежали кучи дерьма и прочие радости жизни, поэтому приходилось ступать аккуратно, чтобы не поскользнуться на блевотине или не проколоть потертую подошву о случайный осколок. Наконец добравшись до заднего крыльца, я отбил положенный ритм и принялся ждать.

Дверь открыл хмурый верзила — один из трех вышибал, работающих на мадам Камиллу. В борделе было принято давать иностранные имена, поэтому здоровяка величали Густавом. В миру же Гриша Рябой, известный на всю округу физической силой и нелюдимым характером. Не то чтобы он не любил людей, просто не желал с ними общаться.

Вот и сейчас вместо приветствия он протянул мне промасленный пакет. Буркнул *«работы нет»*, и не дожидаясь ответа, захлопнул дверь.

Ноздри защекотал мясной запах. До того вкусный, что я не выдержал и распаковал посылку. Внутри оказался кусок бутерброда с тонко нарезанными ломтиками колбасы. Это

она мутила мой рассудок, заставляя то и дело сглатывать слюну. А еще здесь были заветренные дольки яблока, ветка винограда и обрезанная пополам булочка, покрытая подсохшей, а потому потемневшей корочкой грибного паштета. Вкуснотища!

Я не стал присаживаться на крыльцо. Проглотил все на ходу, и вытерев жирные пальцы об остатки бумаги, побежал дальше, к ожидавшему меня Гриньки.

Дом приятеля находился в конце Корчажного переулка. В два этажа, с кирпичными стенами и двускатной крышей из профнастила. Со стороны он мог показаться настоящим исполином в окружении неказистых соседей, сбитых из не пойми чего. Однако стоило заглянуть внутрь, и иллюзия величия моментально рассеивалась.

Маленькие комнаты, заваленные старой мебелью, в проходах вечно натянутые веревки с мокрым бельем, и горы — горы коробок, за неимением свободного места, составленные вдоль стены. Народу внутри ютилось столько, что приходилось спать на полу, в том числе и Гриньке. А все потому, что под одной крышей умудрялось сосуществовать четыре семейства.

Приятель как-то попытался объяснить, кто кому приходился дядей, а кто тетей, но я быстро запутался в родственных хитросплетениях. По мне так все Гринькины братья выглядели на один манер: огненно-рыжие, конопатые и невыносимо наглые. И сестры были не лучше. Вечно дразнили псом подзаборным и показывали языки. Эх, если бы не Гринька, надергал бы вредин за косички...

Подобрав лежащие камешки, я принялся швыряться в окно детской спальни на втором этаже. Можно было бы постучать в дверь, как все нормальные люди, но тут возникала одна проблема. Дело в том, что родители Гриньки меня не жаловали: не хотели, чтобы их сын общался с уличной шпаной. А дядька его — здоровяк с рыжими усищами так и вовсе грозился спустить с крыльца, если покажусь снова. Вот и приходилось изгаляться, придумывая разные способы.

После очередного камешка в окне замельтешила тень. Показалась голова с косичками, потом вторая, принявшаяся ковыряться в носу и строить обидные рожицы. А потом появился Гринька, отогнал надоедливых сестер и указал жестами, что скоро будет.

Собрался приятель за пару минут. Вылетел из-за угла дома в пальто нараспашку и фуражке, сбитой набок в заливчатской манере. Последней он гордился особенно: с кожаным ремешком на тулье, и металлическими клепками по бокам. Ровно такую же носили «стригунь» или «стриги», представители главенствующей банды в серой зоне. Или как они сами себя величали — артель. Дескать есть артели плотников и маляров, а мы чем хуже? Тоже трудимся на благо общества, запугивая мирных жителей и собирая дань с хозяйств.

Почему именно стриги, трудно сказать. Может причина заключалась в выбритых наголо баках, а может в способности «стричь деньгу». Уж что-что, а обдирать до нитки эти ребята умели. Особенно строптивых торговцев, устраивающих беспощинную торговлю на подвластной им территории.

Гринька стригами восхищался. Бывало, с открытым ртом следил, как те в вальяжной манере прогуливались по улице, засунув большие пальцы за ремень. Как взглядом хозяина оценивали разложенные на прилавках товары и прелести проходящих мимо девиц. Гринька мечтал иметь столь же непоколебимую силу. Он даже выпросил у родителей купить картуз с вплетенным ремешком. Для полного сходства не хватало лишь ножа, неперемного атрибута каждого уважающего себя стриги.

— Ну же, не томи, — вырвалось у него изо рта вместе с паром.

Пришлось лезть за пазуху, доставать сверток. Гринька увидав нож, аж замер с открытым ртом. Ну все, сейчас ругаться начнет... Нож и вправду вышел неказистым, ну то есть немного... совсем чуть-чуть, если не приглядываться.

Выхватив из рук самоделку, приятель принялся размахивать ею на манер клинка. Поворот вокруг оси, атака с наскоком, уход в защиту и резкий контрвыпад. С грозным криком «опа» Гринька пронзает невидимого противника, после чего останавливается и с видом знатока проводит пальцем по лезвию.

— Вещь!

Я едва смог сдержать вздох облегчения. До конца не верилось, что собранная из мусора поделка заинтересует приятеля.

— Девять копеек, как и договаривались, — произнес он торжественно, протянув ладонь с мелочью.

Я столь же торжественно их принял. Обыкновенно со мной расплачивались едой, а тут заработанные честным трудом деньги. Ни с чем несравнимое чувство гордости охватило грудь. Эх, видел бы меня сейчас дед Пахом... Он бы точно похвалил, потрепав волосы мозолистой пятерней.

Целых девять копеек — это же настоящее богатство! Наконец-то куплю себе курник — горячий, с хрустящей корочкой и сочным мясом внутри. А на сдачу возьму два... нет — три брикета сливочного мороженого. Залезу на крышу и буду объедаться, любуясь гигантскими небоскребами. Разве может быть день лучше?

Пока я фантазировал на тему ближайшего будущего, Гриня пытался пристроить нож. В итоге не придумал ничего лучше, чем засунуть во внутренний карман.

— Позже чехол куплю, — сообщил он мне, пребывая в приподнятом настроении. Все лето приятель грезил о собственном ноже и вот сбылось — лезвие лежало под сердцем. От осознания сего факта Гринька аж приосанился. Не иначе, возомнил себя стригуном — хозяином здешних улиц. Осталось лишь выбрить виски и получить полновесных люлей от бати. Родители знали об увлечении сына бандитской романтикой, но ничего поделать не могли. Трудно спорить, когда живой пример перед глазами: вечно сытый, наглый, в окружении красивых женщин. Стригуны умели жить ярко, не горбатясь сутками напролет и не заботясь о лишних копейках.

Про себя Гриня давно решил: как только стукнет семнадцать лет, непременно вступит в ряды артели. Выдержит испытательный срок, пройдет посвящение и набьет на плече татуху — непременный атрибут каждого стриги. Тонкое лезвие кинжала, обвитое лозой. Чем больше шипов на растении было, тем более уважаемым считался бандит. У самых авторитетных витки лозы обвивали запястье, скользили вверх по плечу и расплзались по спине многочисленными побегами.

Гриня утверждал, что это красиво. То же мне, нашел картину в художественной галерее... Разве может вызвать восхищение трава, похожая на колючую проволоку? Другое дело банды из Фавел. На их спинах красовались разноцветные волки и тигры, летающие драконы, хищные рыси. Вот где настоящее искусство! Жаль, что в сезон дождей их скрывала одежда.

Малажские ватажники были единственными, кто избегал отметок на теле. Легендарный атаман Малага называл подобное украшательство бесчестием для православного человека. Сам наколок не имел и того же требовал от других. Ходили слухи, что однажды рассвирепевший атаман срезал лоскут кожи с плеча подчиненного. Схватил нож и полоснул

прямо на живую, отодрав вместе с изрядным куском плоти. Что и говорить, лютым зверем был Малага. Ушел рано, но память о себе оставил крепкую...

Гринька словно прочитав мои мысли задрал рукав — залюбовался предплечьем, таким же худым и мосластым, как и он сам. Видимо воображал, как будут смотреться колючки лозы на его коже. Пришлось нарушить его мечтания.

— Про фант помнишь?

Лицо приятеля приобрело капризное выражение. Ух, как оно меня раздражало. Недовольный Гриня вечно оттопыривал нижнюю губу, становясь похожим на ребенка. Но он-то не ребенок — взрослый пацан!

— Сегодня не могу, у меня до обеда чистопись.

— Ты обещал!

— Да говорю же — не могу! С утра занятия, а после отец просил помочь.

— Значит слова своего не удержишь.

— Да причем здесь это, — затараторил Гриня. Он набрал было в грудь воздуха, собираясь привести кучу доводов в собственную защиту, но я слушать не стал. Бросив в лицо обидное «трепло», зашагал прочь по улице.

По поводу случившегося не переживал, потому как знал Гриньку. Погруженный в уголовную романтику, он обязательно передумает. Насмотрелся боевиков о благородных бандитах и вообразил, что в реальной жизни также. Что стригуны следуют непреложному кодексу правил и нет для них худшего зашквара, чем считаться треплом.

Гринька догнал меня спустя три дома. Пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать смех. Видок у приятеля был еще тот: весь взъерошенный, с алыми пятнами, особенно ярко выделявшимися на белой, покрытой веснушками коже.

Эх, Гринька-Гринька! Не удивительно, что рыжие сестрицы из тебя веревки выют, хоть ты и старше их по возрасту.

— Фиг с тобой, пошли! — пробормотал он, и первым зашагал по улице.

Сегодняшний день был для меня особым. Все началось неделю назад, когда впервые наткнулся на расклеенные по трюцобам объявления:

«К сведенью жителей поселка Красильницкое. С 17 января сего года будет проводится медицинский осмотр всех желающих на наличие маркера «АДЗ-12». Мобильная лаборатория центральной клинической больницы города Алтополис будет работать на центральной площади, с 8 утра до 12 по полудни. Акция проходит под патронажем его сиятельства князя Одоевского А. Н.»

Слово то какое придумали — маркеры. Никто толком не знал, что оно означает. Какие-то цепочки в ДНК, позволяющие развивать способности: бегать быстрее гончих, видеть дальше сокола и запоминать целые абзацы текста, разок взглянув на страницу. Имеющийся талант мало было обнаружить, его еще нужно было развить с помощью курса химиотерапии и под наблюдением специалистов. Набожные прихожане вроде деда Пахома считали сие открытие злом — печатью дьявола на теле рода людского, а атеисты вроде Гриньки, наоборот, верили в силу прогресса.

— Если бы не наука, где бы мы сейчас жили? В каменных пещерах подобно диким зверям, не имеющим ни свету, ни холодильника? — закипал мой товарищ, стоило начать с ним спорить. Пару раз доходило даже до драки. Гринька хоть и был старшим по возрасту, толком махаться не умел. Поэтому всякий раз получив тумаков, убегал обиженным домой.

Не выходил на улицу и даже не откликнулся на постукивающие по стеклу камушки. Обиды хватало ровно на два дня, а потом ничего — мирились.

В глубине души Гринька понимал, что можно прожить и без холодильника, и без крыши над головой. Я был тому ярким примером. Да, в сезон дождей приходилось туго, особенно перед рассветом, когда колючий мороз пробирал до костей. Не спасала ни куртка, ни теплая труба под боком. Приходилось вставать пораньше и караулить первые открывшиеся магазинчики, в коих можно было пересидеть, а при наличии мелочи в кармане согреться горячим чаем.

У бездомных не возникало моральных дилемм о печати дьявола. Они не спорили, что есть маркер: проявление зла или подарок эволюции. Достаточно было знать, что с каждым везунчиком подписывался многолетний контракт с положенными на содержание выплатами. Большими или маленькими — другой вопрос. Тут все зависело от покровителя, к которому попадешь. Обыкновенно в их качестве выступали потомственные аристократы: люди княжеского рода, чуть реже баронского. Были и представители крупных корпорации, вроде алюминиевого гиганта «Алко» или производителя телевизионных панелей «Сотос». И никогда людей высокого достатка. Только наивысочайшего — миллионеров или тех, кто был в состоянии выбить крупные суммы под залог.

Почему так? Все дело в затратах... Начинался процесс с мучительного поиска кандидатов. Я не знал точной статистики, но слышал, что вещь это крайне редкая. Проще монетку сыскать на улице, чем наткнуться на человека с маркером.

Забор материала производился с помощью самой обыкновенной иглы, воткнутой в вену. А вот для дальнейшего исследования требовалось дорогостоящее оборудование — центрифуги, хранящие в специальных камерах реагенты, и как венец всего — электронные вычислительные машины. Лишь очень богатые люди могли позволить себе подобные траты. Те, кто рассчитывал получить финансовый результат не прямо сейчас или через год, а в отдаленном будущем. Или не получить вовсе. Уж слишком много рисков возникало походу. Тут тебе и сложный процесс химиотерапии, и время, требующееся для раскрытия таланта. Один год, проведенный в стенах Академии, обходился в сотни тысяч рублей. Денег, потраченных в слепую — накота в мешке. Сами по себе маркеры не гарантировали ничего. Они лишь свидетельствовали о наличии неких скрытых талантов, которые только предстояло найти.

Для этого носителей помещали в специализированные учебные заведения, носящие бесконечно длинные названия, вроде Поволжской Гуманитарной Академии имени Его Императорского Величества и чего-то там кого-то там еще. В народе же говорили просто — Академка, и всем сразу становилось понятно. Место, где росли и обучались будущие таланты. Одни выбивались в люди и становились великими врачами, спортсменами или военными, другие исчезали, канув в небытие.

В труппах всякое болтали про Академку. Рассказывали, что местные доктора ставили чудовищные эксперименты над учащимися, что каждый второй умирал или становился безумцем. Что подписанные с покровителем контракты это ничто иное как кабала, вырваться из которой не получится до конца жизни. Пускай так, я был согласен. О свободе хорошо складывать песни или хвастаться перед приятелями. Ей приятно гордиться, но жить, когда кроме ее треклятой и нет ничего — невыносимо. Поэтому каждый пытался продать свою шкуру подороже: одни шли служить к атаману Малажскому, другие работали на мадам Камиллу, третьи вроде отца Гриньки горбатились в мастерских, чтобы хоть как-то

обеспечить многочисленное семейство. Все продавались, и я был бы рад это сделать, вот только кому? Особых вариантов трущобы не предлагали. В подмастерья не возьмут, у рабочих своих отпрысков хватает. В стригуны идти не хотелось, вся эта бандитская романтика была поперек горла. И что оставалось? Ловить призрачный шанс, любую возможность вырваться за пределы гноящегося аппендикса трущоб.

Едва услышав про тестирование, я загорелся этой идеей. Настолько, что уже мнилась мне теплая постель в стенах Академии и подносы полные еды. А вдруг повезет, а вдруг выпадет счастливый билетик и в моей крови обнаружится тот самый маркер. Оставалось лишь уговорить Гриньку...

— Нет! — отрезал тот категорически, стоило лишь открыть рот.

— Но...

— Нет.

— Ты даже не выслушал.

— Нет, нет и еще раз нет. Трехкратное нет — пятикратное!

И если бы не фант, хрен бы мне удалось подбить Гриньку. Он однажды проходил тестирование, в годков семь или восемь, и единственное что запомнил — это причинившую боль иглу.

— Гриня, я не прошу сдавать тесты! Колоть будут меня, а ты постоишь рядом, — убеждал я приятеля.

— Вот и иди, я здесь причем?

— Посмотри на меня.

— Ну?

— Что ты видишь, только честно?

Никто не любил грязных оборванцев: их сторонились, от них отворачивались, морща носы и брезгливо поджимая губы. Особенно этим славились городские барышни, неведомо каким ветром занесенные в трущобы. Они реагировали на меня как на облезлую крысу, выбравшуюся из подворотни. Понятно, что одежда моя имела неприятный запах и физиономия чумакая, сколько не драй. Это было понятно, но все равно обидно.

Работающие в мобильных лабораториях аспирантки мало чем отличались от городских. Собственно, они ими и были, занесенные в трущобы по воли случая и распоряжению декана. Они могли запросто отказать в процедуре тестирования. И тут сколько не возмущайся, правды не найдешь. Не было ее, не существовало для босяков с улицы. А местная охранка еще и пинка даст для профилактики, чтобы не вздумал возвращаться. Именно поэтому мне и понадобился Гринька. Опрятно одетый сопровождающий мог самым благоприятным образом повлиять на окружающих. Глядишь и не выпрут.

Сколько сил мне потребовалось, чтобы убедить рыжего. Одного фанта ему было мало, пришлось пообещать, что покажу хазу стригунов. Место, где собираются расписные офицеры с колючей лозой, доходящей до самого пупа. Не знаю, чего Гринька ожидал там увидеть, но глаза загорелись жадным огнем, а сам он после недолгих раздумий согласился выступить в качестве сопровождающего на тесты. Правда, не обошлось без условий. Их Гринька выдвинул целых три: первое — никому не говорить о месте куда идем, второе — в кресло он не сядет ни при каких условиях, и третье — хаза должна быть показана в тот же день. Лучше вечером, потому как утром у него чистопись, а после обеда работа в отцовской мастерской.

— Не понимаю, и чего ты так трусишь, — докапывался я до приятеля, пока мы петляли

по лабиринту трущоб. — Сделают укольчик и все.

— Ага, укольчик... Ты эту иглу видел — длиннющая! — Гринька развел руками, явно преувеличивая размеры угрозы. — Один раз ошибутся и руку насквозь проткнут.

— Брехня, — не поверил я. — Это же с какой силой надо давить, чтобы игла кость пробилась?

— Да с самой обыкновенной. Ты кончик вблизи видел? Он такой тонкий, что железный лист прощел, не говоря уж про человеческое тело.

— Брехня, — повторил я снова, — иначе почему об этом молчат?

Гринька огляделся и с самым таинственным видом произнес:

— Заговор фармакологических компаний... Все обо всем молчат, чтобы народ не волновался и стачки не организовывал. К примеру, ты знаешь, как новые лекарства испытываются?

— Обыкновенно, на мышках.

А вот нифига. Они привозят таблетки в бедные районы вроде нашего поселка и раздают под видом гуманитарной помощи. А потом специально обученные люди наблюдают за побочными эффектами — проявятся те или нет. Вот так и работает современная медицина. Испытывать на людях — это гораздо дешевле и нагляднее, чем на мышках.

Тут я спорить не стал. Сам неоднократно слышал от деда Пахома, что трущобы вроде испытательного полигона для властимущих. Их потому и не сносят, что экспериментируют всякое. И не только в плане медицины, ну и других наук.

Вот только зачем руку протыкать, Гринька так и не объяснил.

Через десять минут мы вышли к указанному в объявлении месту — небольшому пятачку, гордо величаемому площадью. Здесь даже плитка имелась, потрескавшаяся и побитая от времени, и единственный на весь поселок неработающий фонтан. Закрыли его по причине возникших финансовых трудностей. Администрация поселка латала дыры в бюджете, поэтому сэкономила на всем на чем только могла, в том числе и на счетах за воду. Деньги в конце концов нашлись, но вот беда за время простоя многие детали проржавели. Теперь для запуска требовался дорогущий ремонт плюс новый насос взамен украденного. Так и стояла никому ненужная бетонная чаша, медленно ветшая и приходя в негодность. Летом по ней лазили дети, а в сезон дождей хранили арбузы и дыни. Они и сейчас там плавали, под строгим присмотром бородатого охранника.

— Эх и нифига народу, — присвистнул Гринька, увидав длинную очередь, что начиналась за бакалейной лавкой, огибала фонтан и уходила вдаль аж до самых мясных рядов, едва различимых в густом тумана.

Над площадью стоял гул рассерженного улья, столь привычного для большого скопления людей. Одни продрогли и устали, другие ворчали, поминая нехорошими словами организаторов сего действия, заставивших спозаранку выбраться из теплой постели. Нет, чтобы после обеда устроить.

Кого здесь только не было: и стар, и млад, со всех районов, различных конфессий. Особняком держались смуглолицые жители Фавел. Они явно чувствовали себя не в своей тарелки, нервничая и оглядываясь в поисках возможных угроз. Зря, потому как люди князя Одоевского позаботились о безопасности, поручив охрану мероприятия стригунам. То там, то здесь мелькали знакомые кепки, да бритые виски. Наметанный взгляд уличного бандита определял угрозу лучше всяких детекторов.

Три года назад религиозные фанатики устроили погром. Напали с палками на людей, требуя отменить бесовские эксперименты. Заодно перевернули мобильную лабораторию, разломав и разбив оборудование на полмиллиона рублей. Неслыханная по меркам трущоб сумма. С тех самых пор на охране не сэкономили.

Гринька аж замер от благоговения, увидав выбритые виски. Пришлось схватить приятеля и потащить силой.

— Это Сеня, — с придыханием сообщил он, когда мы заняли положенное место в очереди. — Это же Сеня-Кастет! Знаешь почему так прозвали?

— Потому что носит кастет? — предположил я.

— Ага... Не самодельный кусок свинца, а настоящий фабричный, отлитый из чистого серебра, — добавил Гриня, как будто это что-то меняло. Запоминать погоняла бандитов было столь же бесполезным занятием, как и вести учет песчинок на пляже. Одни уходили: зарезанные и забитые, упившиеся вусмерть, пустившие химозу по вене, задержанные жандармерией и просто растворившиеся в небытие. На смену им приходили другие Толстяки, Бураны, Быки, Кастеты. Их было десятки — сотни, похожих один на другого словно братья-близнецы. Но Гринька их помнил, словно набожная старушка имена всех святых.

Пока мы стояли в очереди, он все уши прожужжал о драке, случившейся на днях возле китайского ресторанчика. Рассказывал с придыханием, словно это было Смоленское побоище с ханом Атыбаем, а не обыкновенная бандитская разборка.

— Бразила ножом тычет, а у Сиплого под рукой ничего нет кроме стула. Ну он его схватил и р-раз с замаха по башке. Прикинь?! Мебель в щепки, а бразила на пол мешком валится. И тут второй прыг из окна с мачете. Рожа страшная — обожженная, что у беса из преисподней, а на спине морской дракон. Главный их значит... Размахнулся и-и-и как рубанул, только лезвие в воздухе мелькнуло. Сиплый наклонился, и мачете над макушкой просвистело, угодив прямиком в деревянный столб. Бразила дерг на себя, а то ни в какую не поддается — крепко застряло. Он снова дерг, а Сиплый — молоток, не растерялся. Видит, что корпус открыт и прямым ударом в печень — хья-я!

— Какой Сиплый? — не понял я.

— Ну Сиплый, здоровенный такой.

— С Вербной улицы?

— Да нет же... Сиплого с Вербной еще в прошлом месяце в околодок свезли. А это другой, ростом повыше и родимым пятном аккурат на шее.

— Который Федя? Сапрыкина сын?

Гринька аж расстроился от подобного невежества. Всплеснул руками, словно старая бабка на лавочке, услышавшая плохую весть.

— Никогда Сапрыкины в артели не состояли. Дружбу водить — водили, но чтобы на верность присягать — не было такого. И родимого пятна на Фединой шее отродясь не водилось, только след от лишая.

— Кто же тогда Сиплый?

— Живешь на Центральной и не знаешь Сиплого... ну ты даешь. Он год назад в шестерках у Бурана бегал, а после приключившейся заварушки на заброшенке малясь приподнялся. Теперь валетом ходит.

Спросить бы кто такой Буран, но я решил не расстраивать Гриньку. И без того народ в очереди оглядывался, пытаюсь определить, кто там такой шумный. Могут и попереть.

Время тянулось медленно, как это обычно бывает, когда чего-то очень ждешь. Притомившийся Гринька вскоре умолк и принялся хлюпать простуженным носом. Поднявшееся солнце разогнало остатки тумана, и с неба заморосил мелкий дождик. Он всё норовил попасть за шиворот — пришлось накинуть капюшон, слишком большой для мелкого пацана. Шнурки были обрезаны прежним хозяином, поэтому порывы ветра легко скидывали его с головы. Приходилось то и дело придерживать за края, неохотно вынимая руки из теплых карманов.

— До обеда проторчим, — пожаловался стоявший впереди дядька и оказался не прав. В какой-то момент очередь сдвинулась с места. По толпе пронеслись довольные шепотки и уже через час мы стояли под стенами лаборатории. Это был настоящий дом на колесах — длинный, размером с холодильную фуру, и такой же серебристый. На борту красовался синий крест с надписью «*мобильная Л.А. второй клинической*». Через затененную полосу окна ничего было не разглядеть, разве что отражение нахмурившегося неба.

К заветной двери вела откидная металлическая лестенка. И чем ближе она становилась, тем заметнее нервничал приятель. Бледное лицо приобрело страдальческое выражение, словно от невыносимой зубной боли. Один раз Гринька даже дернулся, готовый сорваться с места. Пришлось схватить бедолагу за руку.

— Не дрейфь.

Гринька пробормотал нечто невразумительное о том, что нифига он не струсил и мне все померещилось. Ага, как же... а самого аж трясет.

Когда пришла наша очередь, я решил подстраховаться: первым затолкнул приятеля и только потом вошел сам, перекрыв единственный путь к отступлению. Перепуганный Гринька было заметался, однако увидав медсестру притих и вжался в угол, превратившись в мебель.

Внутри лаборатории оказалось просторно, а еще на удивление чисто, так что я остановился, памятуя о кусках грязи, прилипших к подошве ботинок. От стойкого запаха лекарств закружилась голова.

— Берем бахилы, — послышался монотонный женский голос. — Верхнюю одежду оставляем на вешалке, головные уборы снимаем... Подходим к столу и передаем документы.

Вот тут я признаться растерялся. В объявлении было четко сказано, что тесты может пройти любой желающий. Про паспорт не было написано ни слова.

— Какие-то проблемы? — девушка оторвала голову от монитора и впервые посмотрела на меня. Гладкая кожа без единой морщинки, тонкие дуги подведенных бровей — она выглядела словно манекен с витрины магазина. Даже голос её звучал механически, словно пропущенная через динамики запись: «*добро пожаловать, проходим, передаем*».

Наши взгляды встретились и на лице девушки промелькнуло удивление. Нет, это точно живой человек, манекены так не умеют.

— Сколько вам лет? — произнесла она, чуть изогнув одну бровь.

— Разве это имеет значение?

— Разумеется. Дети до пятнадцати лет не имеют право на заключение контракта. От их имени должны выступать родители или опекуны.

— Какого контракту? — не понял я.

— В случае обнаружения в ДНК последовательности нуклеотидов формы «АДЗ-12» испытуемому будет предложено подписать стандартную форму на обучение под покровительством княжеского рода Одоевских. С дальнейшей перспективой службы в доме

Его Светлости.

Из сказанного я мало что понял, потому растерянно уставился на Гриньку. Увы, но рассчитывать на дружескую поддержку не приходилось. Приятель застыл у стенки с перекошенным от страха лицом.

— Ваш брат? — поинтересовалась девушка.

— Просто сопровождающий.

— Понятно, — легкая улыбка промелькнула на ее губах, — в любом случае потребуется кто-то постарше. Тот, кто сможет принимать решение от вашего имени.

И до того мне стало обидно. Как еду искать, чтобы не сдохнуть от голода, или теплое местечко переночевать — всем плевать. Только взгляд в сторону отводят, и носики морщат от неприятного запаха. Мол, не приставай к взрослым — нищета подзаборная, твои проблемы. А как бумажку подписать, так сразу старшего подавай. Где справедливость, милая барышня?

Я не стал пытаться давить на жалость. Всякому известно, что сердца служивых людей закованы в крепкую броню из нормативов и актов, такую уговорами не пробьешь. Но и уходить с пустыми руками не хотелось, потому немного поразмыслив, заявил:

— В вашем объявлении сказано, что любой желающий может пройти тестирование. Вот я и хочу. А думать, кто бумажки будет подписывать, это уже опосля, по результатам. Может статься, что и нет у меня никакого маркера. Каковы шансы, что в крови окажется лишняя хромосома? Один к ста? Один к тысячи?

Губы девушки дрогнули и она вдруг расхохоталась. Засмеялась и её коллега, укрытая от глаз высокой перегородкой. Одному Гриньки было не до смеха. Приятель во все глаза таращился на стенд, где помимо пробирок хранились шприцы.

Девушка справилась с приступом веселья и уже куда менее строго произнесла:

— Надеюсь, у тебя нет лишней хромосомы. Трисомия — очень серьезное генетическое заболевание, не поддающееся лечению. Мы же ищем определенную последовательность нуклеотидов. Производим оценку полиморфизма длин рестрикционных фрагментов с целью...

Чем больше она говорила, тем меньше я понимал. Вся эта рыбонуклеиновая кислота и прочая ерундистика звучала неведомой тарабарщиной для моих ушей. Вскоре до девушки это дошло.

— Ну хорошо-хорошо, ты прав, — произнесла она, резко оборвав занудную лекцию. — Тестирование можно сделать и без старших... Назови свою фамилию, имя, адрес постоянного проживания.

— Это обязательно?

— А ты сам как думаешь? Система не позволит занести данные, если в профайле испытуемого будет стоять прочерк.

— Лешка я... Алексей Чижов. А по местожительству ничего сказать не могу.

Девушка вопросительно уставилась на меня. Что за глупая барышня попалась, неужели не понимает?

— Бездомный я.

— Не понимаю.

— Да чего уж тут непонятного — на улице живу.

— Но там же холодно, а ты... такой маленький, — в глазах девушки появилась растерянность.

— Маленькое тело легче согреть.

Собеседница шутку не оценила. На идеального гладкой поверхности кожи появились морщинки: совсем мелкие, едва видимые глазу.

— Проходи за перегородку, — произнесла она вдруг ставшим сухим тоном. Тонкие пальцы забегали по клавиатуре, наполнив пространство вокруг легким шелестом.

Процедура тестирования не заняла больше пяти минут. Спрашивается, и чего Гринька распереживался? Я даже боли почувствовать не успел. Пока головой вертел, меня укололи, приложив к ранке ватку.

— А что с результатами?

— Будут готовы после обеда, — проговорила похожая на манекен девушка, все так же не отрывая головы от монитора.

Задерживаться дольше не имело смысла. Мы вышли на улицу и захлопали по образовавшейся вокруг колес грязи. Судя по забрызганному кузову, транспорт пробирался по южной обводной дороге, имевшей обыкновение превращаться в топь. Особенно в сезон дождей, когда солнца не видно месяцами.

Люди местные про это знали, в отличии от городских мажоров. Сколько же их позастревало в свое время, любителей качественной дури из Фавелл. Особенно страдали модные спортсмены, умудрявшиеся закапываться в грязь по самый капот. Мотор ревел, колеса бешено крутились, а местная пацанва рассевавшаяся на пригорке, с интересом наблюдала. Меньше, чем за трешку те и пальцем не готовы была пошевелить. Или плати или жди эвакуатор, который еще неизвестно, когда приедет.

Я бы тоже дежурил с остальными, но вот беда — чужаков к бизнесу не подпускали. Если ты не живешь в Фавелах, не имеешь смуглой кожи и не говоришь по-португальски, на южную обводную лучше не соваться. Накостыляют так, что мама не горюй.

Мы покинули площадь и зашагали к дому Гриньки. Приятель до сей поры молчавший, вдруг наклонился к самому уху и зашептал.

— Она положила бумажку в карман.

— Кто?

— Ну медичка эта, что за столом. Пока ты за перегородкой сидел она к вешалке подошла и сделала вид что в окно смотрит. А сама рукой повела, вроде как незаметно... но я-то видел.

Я опустил ладонь и замер, нащупав тонкую хрустящую бумажку. Это была красная банкнота с профилем всемиловейшего государя Михаила Александровича — здорового дядьки с бакенбардами и густой бородой. Раньше не доводилось видеть подобного богатства, не то что в руках держать. Уж слишком велик был номинал. В трущобах и за меньшее убивали, а тут цельный имперский полтинник (*примечание автора — «полтинником» в просторечье называли монету в пятьдесят копеек. Имперской же считалась купюра наивысшего достоинства в пятьдесят рублей*).

Обалдел не только я, но и Гриня. Он аж присвистнул от удивления.

— Вот это я понимаю — сvezло так сvezло! Походу, сегодня твой день.

Приятель ошибался. Удача отвернулась от меня тем же вечером, стоило вернуться в лабораторию за результатами:

«Искомых маркеров в последовательности ДНК не обнаружено», — таков был вердикт. Не услышали небеса мою молитву. Оно и немудрено, в этаким-то гомоне. Люди

постоянно обращались за помощью к высшим силам, просили о новеньком велосипеде или кукле, об успехе в делах или исцелении от приставучей болезни. Как чуял, нужно было ночью молиться, когда большинство народу спит. Тогда бы точно слова не перепутали и дали вместо имперского полтинника контракт.

Не то чтобы я жаловался. Грешно попрекать небеса, вот только мне что с того подарка? Где сумеешь разменять банкноту? В местном магазинчике? Продавцы в лучшем случае кликнут жандармов, а в худшем отнимут и надают по шеям. Поди потом объясняй, откуда завелась столь крупная купюра.

Гринька моих забот не оценил. Назвал дураком, коли не понимаю свалившего счастья. И тут же потребовал выполнить свою часть уговора.

— Сдалась тебе эта хаза, — не выдержал я, — нет там ничего интересного. Обыкновенный бандитский притон.

— Для тебя может и обыкновенный, а я хочу одним глазком глянуть, как фартовые живут... Не мелкие шестерки, что по улицам ходят, а настоящие тузы.

— Ладно, пошли, — вздохнул я.

Но Гринька против ожидания остался стоять на месте.

— Ты чего?

— А сам чего? — на лице приятеля появилось выражение обиды. — За дурочка держишь или решил в легкую с темы соскочить?

— Да объясни ты толком, что не так?

— Сколько сейчас времени?

Я посмотрел на горящие огоньки окон, на рабочий люд, идущий сплошной волной со стороны железнодорожной станции.

— Начало девятого.

— А авторитетные на хазе когда появляются?

— Ближе к ночи.

— Во-от, — протянул Гринька, — значит после захода и пойдем.

— А мамка-то отпустит? — не удержался я от подначки.

Приятель мигом насупился.

— Твое дело прийти после двенадцати, а вопрос с матерью как-нибудь решу.

Прошлый раз, когда Гринька сбежал из дома, случился скандал. Отец выпорол провинившегося отпрыска сапожным ремнем, да так сильно, что бедолага пару дней спокойно сидеть не мог. Все стонал и охал, поправляя портки, из-под которых несло аптекарской мазью.

Интересно, что приключится на сей раз: отцовский ремень или Гринькина удача?

В положенный срок я явился под окна и принялся швыряться камешками. Через полминуты деревянная рама закрипела и в темном проеме показался Гринька. Ох, до чего же неловок он был. Вроде этаж невысокий, и делов-то — повиснуть на карнизе, да спрыгнуть вниз. Но приятель даже здесь умудрился нашуметь. Зацепился полрой пальто за ручку и едва не разбил стекло. Потом принялся хвататься за проржавевший от времени подоконник. Железяка дребезжала, словно по ней колотило градом, а Гринька все медлил.

И тут в проеме показалась копна рыжих волос.

— Куда собрался? — веселым голосом поинтересовалась она. — Немедленно возвращайся, иначе тятю позову.

Кажется, это была Олька... а может Катька. Для меня все они были на одно лицо: рыжие, конопатые, с неизменно шкодливым выражением. Готовые на любую пакость — нет, не из вредности, а из одного лишь им известного веселья.

Я это понимал, понимал и Гринька, отчаянно вцепившийся в подоконник. Короткие ноги приятеля болтались в воздухе, пытаюсь нащупать твердую почву, до которой еще лететь и лететь, почитай, весь первый этаж.

— Я леденец куплю, — просипел он напряжения.

— И мне, и мне, — в открытом окне появилась вторая мордашка.

— А мне заколку, — возразила первая.

— И мне, и мне... Я тоже хочу заколку.

— Куплю, — просипел бедный Гринька.

— Обещаешь?

Гринька не успел ответить. Пальцы разжались, и он кулем рухнул вниз, так что даже у меня в сердце екнуло. А неугомонные сестрицы продолжали тарыхтеть:

— И без заколки не возвращайся, иначе все матери расскажем... И без леденцов тоже.

Тень поднялась с раскисшей от бесконечных дождей почвы и захромала в мою сторону. Приятель выглядел не лучшим образом, весь перепачканный и поникший. При падении он умудрился впечататься лицом в грязь и теперь выглядел чумазым, как настоящая негра из Фавел.

— Может ну его? — предложил я.

Но приятель лишь покачал головой. Обтер рукавом грязь и упрямо заявил:

— Веди.

И я повел.

Многие считали время после заката самым опасным. Как будто днем убивали меньше... Нет, если шляться по отстойникам в поисках приключений, то можно и нарваться. Особенно нацепив наряд побогаче, демонстрировать всем желающим кошель с деньгой.

Мы с Гринькой по местным меркам не котировались. Считались обсосами — уличной шпаной, с которой и взять-то нечего окромя вшей. Чего нам опасаться, если только окосевших в конец пьянчуг, способных зашибить любого в хмельном угаре.

Днем вся трупобная грязь выставлялась наружу — без стеснения и прикрас. Не нужно было обладать острым зрением, чтобы разглядеть валяющийся под ногами мусор, покрытые слоем жира окна, потрескавшиеся стены домов. Угрюмые лица прохожих источали глухое равнодушие и усталость, а порою раздражение и злость. Но то днем... С заходом солнца картина мира преображалась. Ночной полог окутывал поселок, что хиджаб изрытое язвами лицо. Исчезала грязь, а следом за ней обыватели. На смену дневной суете приходила тишина, перемежаемая далеким собачим лаем.

Темнота в этом месте никогда не бывала абсолютной. Свет лился из окон сгрудившихся домов. Моргал и потрескивал в чудом уцелевших плафонах. Множество луж отражало звезды и серебристую плоску луны. А когда небо затягивало тучами, на выручку приходил город. Гигантский мегаполис излучал такое количество света, что полыхающие отсветы были видны на многие километры вокруг. Дед Пахом называл их еще зарницами.

Порою казалось, что до ушей доносился шум далеких улиц, проносащихся мимо машин и поющих рекламных стендов. И тогда я не выдерживал — забирался на крышу, чтобы полюбоваться горящими небоскребами. Посмотреть на перемигивающиеся огоньками

шли, на блуждающие в ночи лучи прожекторов. Я бы и сегодня так сделал, но из-за неугомонного Гриньки был вынужден поменять планы. Пришлось тащиться через три улицы в сторону Токарного переуллка. К большому дому с черепичной крышей, от которого знающие люди старались держаться подальше.

Стригуны любили проводить здесь свободное время: пили водку, играли в бильярд, лапали женщин. И что самое удивительное, вели себя скромно: по соседним окнам не шмаляли, бутылками не кидались, хотя могли...

Я однажды подглядывал за ними, притаившись на крыше напротив. Обыкновенные бухающие мужики. И чего такого особенного хотел узреть Гриня? Красивую картинку из сериала про благородных бандитов? Я еще понимаю, когда в эту ерунду верят городские барышни, но Гриня-то местный? Он же видел расписных каждый день. О да, иногда те могли поиграть в благородство. Помочь отстроить жилье после пожара, докупить парты в местную школу или прилюдно наказать педофила, да так что от последнего мокрого места не останется. Стригуны любили устраивать публичные акции. А еще они обирали до нитки простых обывателей. Калечили должников, запугивали строптивых торговцев и учили уму разуму особо борзых, ну или тех, кто просто не понравился.

«Учиняют беспредел, но в рамках», — однажды изрек дед Пахом, и я был с ним полностью согласен.

Первую часть пути мы проплутали по закоулкам, а потом поднялись наверх. Дома в трущобах прижимались друг к другу тесно, поэтому оставшуюся часть пути можно было проделать по крышам. Тут главное ногу не подвернуть и не сверзиться вниз, приняв черноту за черепицу.

Когда до места назначения оставалось пару домов, я велел приятелю не шуметь. Перелез через бортик и принялся красться вперед: шаг за шагом, вглядываясь в мелькающие впереди тени. Прощлый раз стригуны разместили капканы и выставили посты охраны, так что я чудом избежал проблем. Не хотелось снова испытывать удачу, особенно имея за спиной неуклюжего товарища.

Я проверял каждый шаг, а последние метры и вовсе прополз на пузе. Уткнулся в пахнувший сыростью бортик и затих, вслушиваясь в окружающие звуки. Рядом засопел недовольный Гринька. Он уже успел пожаловаться на лужи, и что мамка непременно заругает за грязные разводы на куртке. А я предупредил... нечего было наряжаться.

Секунды медленно бежали в тишине. До ушей долетели глухие удары бильярдных шаров... взрыв женского смеха.

— Ну чего там? — не выдержал Гринька.

Я прищелкнул на неугомонного товарища и осторожно поднял голову. Ровно настолько, чтобы оглядеться вокруг.

В доме с красной крышей горели окна. Редкие фонари освещали парковку, заставленную машинами. Их оказалось слишком много, а значит у стригунов сегодня гости. Важного статуса, если озаботились заказать девочек из Желтых Фонарей. Я увидел Яго — молчаливого вышибалу мадам Камиллы. Это был раздувшийся от мышц мулат, рожденный на задворках Фавел. Обычно он сопровождал девочек на выезд, следя за тем, чтобы охваченный возбуждением клиент не попортил товар. Вот и сейчас Яго дежурил, прислонившись к кузову машины. Интересно, если одному из стригунов вздумается тушить окурки о нежную кожу девиц, он вмешается?

От одной только этой мысли неприятно кольнуло в груди. Может и Мари здесь? Не то

чтобы я не понимал, чем занимается жизнерадостная блондинка. Просто представить ее наедине с одним из этих уродов. Как он хватает ее своими руками, как начинает мять грудь... Мари понимала мои чувства, поэтому просила не приходить ночью в квартал Желтых Фонарей. словно стеснялась, что я увижу ее в непотребном виде, в окружении этих...

Другие девчонки подшучивали, мол завела кавалера. Теперь ждет, когда тот подрастет, чтобы выскочить замуж и укатить прочь. Я бы с радостью... нет, не жениться, а увезти Мари подальше отсюда. Ведь именно она уговорила мадам Камиллу — прижимистую хозяйку борделя, разрешить подкармливать сироту. Одним небесам ведомо, чего ей это стоило. Про характер вредной старушечки ходили легенды. Говорили, что у неё в сытый год хлебной корочкой не допросишься, самой что ни на есть залежалой, успевшей покрыться плесенью.

— Помни, оборвыш, кому сытой жизнью обязан, — заявила однажды старуха.

И я был благодарен, только не ей, а Мари. За те крохи еды, что выдавали по утрам, за задорный смех и то, как она кладет ладонь на мою голову. Треплет отросшие космы, а в глазах пляшут веселые огоньки. За улыбку — великую роскошь в наполненных серостью трущобах

Я любил ее как старшую сестру, которой никогда не было, как единственного человека, способного крепко обнять. Прижать к щекочущим шею волосам — пушистым и пахнущим цветочным шампунем.

«Только бы не она... Только бы ее там не оказалось», — твердил сам себе, но неугомонное сердце вещало беду.

Я никогда не спрашивал Мари о работе. Это было негласным табу в наших с ней взаимоотношениях. Она не говорила о делах, а я не задавал лишних вопросов. Некоторые вещи лучше не знать, даже если они касаются близкого тебе человека... В особенности, если они касаются близкого.

— Глянь, кто идет, — зашептал Гринька. Все это время он лежал рядом, затаив дыхание и вдруг оживился. — Это же Кича... тот самый Кича! Ну я тебе о нем рассказывал.

Приятель любил поболтать о великих свершениях стригунов и их геройских драках. Он знал о каждом связанном с ними происшествии, собирая сплетни по углам, словно старая бабка. И чем более невероятными, чем более бредовыми они казались, тем охотнее верил в них Гринька.

Мосол, Кича, Череп — были для приятеля рыцарями лихой удачи. Может потому, что не гулял по опасным районам, и не сжимался в комок от страха, едва завидев развязную походку. Зато он наизусть мог пересказать содержание «Черной грозы» — сериала о благородных бандитах.

— Я тебе точно говорю — это Кича. Посмотри на левую руку.

Возле входа стояло два человека: крепыш с толстой бычьей шеей и казавшийся на его фоне худым франт. Почему именно франт? Да уж больно неподходящая для трущоб одежда была на нем: модное пальто с широким воротом, шляпа вместо надвинутой на глаза кепки. Левый рукав беспомощной тряпкой болтался на ветру.

Значит это и есть Кича? Я ни разу не видел его на улицах. Поговаривали, что тот состоял в артели на особых правах. Кем-то вроде официального представителя банды в мегаполисе, решающего вопросы юридического порядка. Трудно поверить, что сей господин считался матерым уголовником. Он столь ловко орудовал пером, что мог запросто одолеть нескольких противников. Так утверждала народная молва и притихший по соседству

Гринька. Приятель во все глаза смотрел на стоящую у крыльца легенду и, кажется, забыл дышать. По крайней мере его сопения я больше не слышал.

Тем временем мужчина у крыльца докурил сигарету. Выпустив напоследок тонкую струйку дыма, запульнул окурком в темноту. Постоял пару секунд, наблюдая за скрывшимся в ночи огоньком, и только после этого поднялся по ступенькам. Крепыш неотступно следовал за ним.

— Это Шыша, евойный телохранитель, — вновь ожил Гриня. — Прошлой весной на стрелке двух бразил завалил. Помнишь, я рассказывал?

Я не помнил, да и не пытался этого сделать. Кто кого завалил, зачем и почему — слишком много пустого трепачения о никчемных вещах. Гринька продолжал болтать, а я наблюдал за окнами первого этажа. На моей памяти они всегда были зашторены и не важно день стоял на дворе или ночь. Складки тяжелой ткани с трудом пропускали свет, отражая мелькающие внутри тени. Их было ровне две: мужская и женская. Силуэты двигались в хаотичном танце: то сближаясь в порыве страсти, то отстраняясь и расходясь по разным углам. Замирали и вновь неслись в бешеном ритме. Вдруг одна из теней дернулась, словно от полученного удара. Покачнулась и в мгновение пропала. Может отступила вглубь комнаты?

До ушей долетел женский вскрик, едва различимый на фоне общего шума. Гринька так и вовсе ничего не услышал, увлеченный собственной болтовней. От плохого предчувствия похолодело внутри. Я с самого начала знал, чем все закончится, стоило вспомнить о Мари. Права была бабушка Лизавета, когда говорила, что дурные мысли нужно гнать поганой метлой. Не лелеять внутри черноту, а осенить тело крестным знаменем и трижды прочесть «Отче наш». Потому как всякому известно, что подобное тянется к подобному.

Ладонь нырнула в карман, нащупав холодную поверхность свинчатки. Я отыскал ее в прошлом году, когда рылся в оставшемся после привоза мусоре. Круглые навершия с двух сторон делали находку похожей на самодельную гантель. Слишком маленькую для взрослого мужчины и слишком большую для пацана. Сжать в ладони с грехом пополам получалось, но вот бить выходило неудобно. Я постоянно таскал ее в кармане, готовый в любой момент пустить в ход. Даже перочинный нож не дарил такого спокойствия. А все из-за негласных правил, царящих в муравейнике трущоб: если показал лезвие, будь готов убить или быть убитым. Это как неременная угроза жизни, тут парой синяков не отделаешься. А за свинчатку что — только поколотят малясь.

Не успел я изготавиться, как окружающую темноту прорезала полоска света. Наружу вырвались звуки музыки, а следом на пороге показалась девичья фигурка. Она бросилась бежать в ночь, но не сумев преодолеть и десяти метров, упала на землю. Сорочка оказалась единственной из имеющейся на ней одежде. И без того короткая, она бесстыдно задралась, обнажив белую кожу. Волосы сплошным веером взметнулись в небо и тут же опали, прикрыв лицо. Мне не нужно было всматриваться, чтобы понять, кто это. Знакомая точеная фигурка, светлые волосы — Мари! Я знал это с самого начала, предчувствовал. Запрятанный в глубину страх вдруг выплеснулся наружу.

Я не понял, как оказался внизу, как бросился бежать к лежащей на земле девушке. Мари беспомощно барахталась в грязи, раз за разом пытаясь подняться. Неловкие движения человека, испуганного и отчаявшегося. Со стороны могло показаться, что сама тьма пытается поглотить жертву. Словно черные щупальца обхватили тело девушки и теперь медленно всасывали в разверзшуюся пасть.

Ноги сами собой заплелись, и я упал в жидкое месиво. Выронил из ослабевших пальцев свинчатку, но тут же нащупал и подобрал. Ладонь с чавканьем вырвалась из болотной грязи. Я встал на одно колено и, подняв голову, увидел новое действующее лицо. Это был незнакомый мне мужик — абсолютно голый, если не считать полоски трусов, прикрывающих причинное место. Он замер на пороге света, пьяно пошатываясь и вглядываясь в темноту. Под чистой, лишенной татуировок кожей бугрились мышцы.

Узрев копошащуюся на земле жертву, мужик издал победный крик, больше похожий на вопль козла. Коренастые ноги на удивление уверенно зашлепали по грязи. Их обладателя постоянно шатало, но ни разу не бросило вниз. Он все шел и шел, загребая густую жижу, а в горле не переставая булькал смех. Радость от вида беспомощной жертвы переполняла его.

Первый удар пришелся в живот. Мужик сходу пнул барахтающуюся девушку. Выдал несвязную речь в духе «получай, сука» и пнул снова. Снизу слышались жалобные звуки, похожие на мольбу. Я не разобрал ни слова из того, что пыталась сказать Мари... Точно, Мари!

По телу моему словно пропустили разряд тока. Пальцы стиснули свинцовую гантелью, а ноги понесли вперед. Я видел, как мужчина наклонился над распростертым телом девушки. Как намотал белокурые волосы на ладонь. Мягкие и шелковистые, пахнущие ароматами луговых цветов. Как оторвал лицо Мари от земли, настолько перепачканное грязью, что оно представляло собой сплошную черную маску. Как замахнулся и... я успел первым.

Зажатая в кулаке свинчатка, описав круг опустилась на затылок бандита. Тот против ожидания не упал, лишь закачался, издав протяжный стон. И тогда я ударил второй раз, третий. Остановился только, когда тело завалилось на землю. Не рухнуло беспомощным кулем, а странным образом перекувыркнулось на бок. Незнакомец попытался исполнить красивый кульбит, но оказался лежащим на спине. Из-под кустистых бровей показался на удивление трезвый взгляд. Колючий и цепкий, он словно пытался запомнить каждую черточку на моем лице.

— Гаденьш!

И тогда я ударил в четвертый раз. Бандит попытался прикрыться рукой, но не успел. Удар пришелся ровнехонько по центру лба, раскроив кожу и пустив кровь. Пока противник чертыхался, барахтаясь в грязи, я обернулся. Протянул руку девушке и обмер. Эта была не Мари... Да, светлые пряди волос, доходящие до самых плеч. Точеная фигурка и высокая грудь, столь ценимая клиентами мадам Камиллы. Но все же это была не Мари, а очень похожая на нее девушка.

Я замер с протянутой рукой, будучи не в силах понять, что же теперь делать. Соображалка и до того работала плохо, а теперь и вовсе одна мысль колотилась внутри — не Мари... это не Мари. И девушка удивилась не меньше моего, открыв рот и распахнув ресницы.

Из оцепенения вывел крик о помощи. Что удивительно, орал избитый бандит. Он заголосил так, что слышали в доме: захлопали двери, донесся топот множества ног. Не став дожидаться прибытия подкрепления, я рванул в спасительную темноту. Хвала небесам, ни разу не поскользнувшись и не упав.

Лабиринт знакомых улиц замелькал перед глазами. Бежалось легко и свободно, и только оказавшись в безопасном месте, я понял причину. Мое единственное оружие — тяжеленная свинчатка осталась валяться в грязи, у порога самого опасного на районе дома. Вот ведь раззява...

Все что оставалось — это глубоко вздохнуть и развести пустыми руками.

Глава 2. Чижик и медведи

Два дня я отсиживался на крыше, спускаясь вниз лишь по крайней нужде. Доедал остатки провизии и смотрел на величественные небоскребы. На горящие огнем столпы, подпирающие свинцовые тучи. По утрам же любовался сизой дымкой. Она была особенно заметна в безветренные дни, когда до ушей долетал шум городских улиц, а имперское полотнище на флагштоке болталось безвольной тряпкой. Если подняться на самое высокое здание в поселке, то можно разглядеть, как дымка тянется с южных равнин, застилая бескрайнее пространство до самого горизонта.

Никто толком не знал, откуда она берется. Одни говорили про следы далеких степных пожаров. Только какие пожары в сезон дождей? Из-за скопившейся в воздухе сырости спичку трудно было поджечь, не то что траву. Другие утверждали, что загадочная дымка — это городской смог. Дескать, слишком много автомобилей скопилось на улицах Алтополиса, ежедневно коптящих небеса в многокилометровых пробках. Что ж, звучало правдоподобно, вот только одна маленькая деталь нарушала логическую стройность данной версии: на юге не было ничего, то есть абсолютно. Ни автомобильных заторов, ни заводов и фабрик, лишь одна бесконечная степь и лента убегающей вдаль железной дороги. Так откуда взять смогу? Колдовство, не иначе... Да оно таким и выглядело: белесое покрывало — клубящееся, словно пар от горячей воды.

Многих подобное зрелище отпугивало, меня же наоборот — завораживало и одновременно скоблило душу, напоминая о прежних временах. Дед Пахом любил охотиться на сусликов. Случалось это крайне редко — старика мучали боли в коленях, и бабушка Лизавета ворчала, когда супруг надолго отлучался из дома, да еще и мальчика брал с собой. Все говорила, что времена нынче беспокойные, развелось отбросов в степи. Как будто в трущобах их было меньше.

Дед ставил силки, а сам садился на траву. Медленно раскуривал трубку, набитую крепким табачком. Щурил подслеповатые глаза и смотрел в бескрайнюю даль, покрытую той самой дымкой. Степной ковыль колыхался, ходил волнами под порывами теплого ветра. Высоко в небе парил одинокий орел, а под ногами прыгали кузнечики. Я умудрялся наловить их целый коробок, после чего хвастался перед дедом.

— Экий добытчик растет! — качал тот седой головой. — Ну теперича будет, что на ужин поесть.

— Деда, а разве их едят?

Старик молча усмехался в усы. И только гораздо позже я узнал, что в китайском квартале продавали жареных кузнечиков, пользующихся популярностью у охочих до всякой экзотики горожан. Сами местные такую пакость не ели.

Дед мог часами сидеть, любуясь степными просторами. И я, набегавшись до усталости, падал рядом. Прижимался к теплому боку и смотрел на гуляющую волнами траву, на круг закатного солнца, медленно опускающегося за горизонт.

Много времени прошло с тех пор. Но всякий раз, забравшись на крышу, я смотрел в сторону степи и вспоминал деда. Ноздри улавливали терпкий аромат табака, которого может и не существовало в реальности. Ничего не существовало: ни Пахома, ни Лизаветы, ни дома, в котором мы жили. Все что осталось — воспоминания, столь же зыбкие и непостоянные, как сизая дымка по утрам.

На третий день чувство голода пересилило страх, и я вынужден был спуститься вниз. Для вида поплутал по округе, продолжающей спать в столь ранние часы. Заодно убедился в отсутствии зрителей. Нырнул в ближайший закоулок и побежал напрямки в бордель, рассчитывая разжиться остатками вчерашней еды.

Глупо было надеяться, что обо мне забудут. Огреть свинчаткой стригуна? За подобные выходки наказывали по всей строгости уличных законов. Без адвокатов и присяжных, без оглядки на возраст и причину, побудившую совершить сие злодеяние, считавшееся самым тяжким на районе, контролируемом артелью. Тут фразой «*дяденьки, простите*», не отделаешься. Изобьют той же свинчаткой и бросят подыхать на улице в качестве наглядного примера.

Я бы давно подался в бега, но мешала холодная погода. Это летом можно было не беспокоиться о ночлеге: любое место под открытым небом твое. В сезон дождей дела обстояли иначе. Все чаще и чаще сухостой покрывался белым налетом инея, а лужи прихватывало тонким ледком. Пару раз темная туша неба разрождалась колючим снегом. Тот по утру ложился лоскутным одеялом, чтобы к полудню растаять без следа. Если бы не теплая крыша пекарни, я бы точно дал дуба. Где еще такую найдешь — в Фавелах? На востоке почитай самые жестокие детские банды. Они друг друга бьют не жалея, а что сделают со светлокожим чужаком, и думать не хотелось. На западе? У малажских только на словах царила казацкая вольница, а на деле армейская дисциплина. Сирот отлавливали на улицах и свозили в казарму — большой дом на окраине поселка. Пацаны говорили, что место это хуже тюрьмы, с решетками на окнах и жизнью по распорядку. За высоким забором обучали бойцов, готовых беспрекословно подчиняться приказам атамана. Вколачивали понятия о дисциплине с помощью кнутов и палок. Отрабатывали приемы до поломанных ребер и выбитых зубов, а на экзаменах заставляли драться промеж собой на ножах... Нет уж, лучше здесь со стригунами.

На что я рассчитывал, надумав остаться? Да на обычное русское авось. Мало ли чумазой шпаны околачивается окрест, в великих не по размеру куртках и свинчаткой в кармане. Может на сей раз свезёт?

Не свезло... Дверь на условный стук открыли, но вместо ожидаемого свертка с объедками скрутили, словно мелкого кутенка. Против здоровяка Густава не всякий взрослый устоит, так чего уж говорить обо мне. Схватили за шиворот и, не обращая внимания на скулёж, потащили по коридору. Встревоженные лица выглядывали из щелей: одни охали и спешили закрыть дверь, другие с любопытством наблюдали, но никто — ни одна из девочек мадам Камиллы ни рискнула заступиться.

Один раз я таки извернулся, цапнув держащую за шиворот волосатую руку. Почувствовал во рту тяжелый привкус крови, густой и вязкой словно сироп. Против ожидания вышибала хватки не ослабил. Он даже не остановился, отвесив на ходу легкий подзатыльник. В голове моей помутилось, и остаток пути запомнился плохо: сплошная череда комнат и перепуганных лиц.

Очнулся я в темном чулане. Тут же забился в угол и сжался в комок, ожидая побоев. Но время шло, а расправа все не наступала. Сквозь закрытую дверь пробивалась узкая полоска света. До ушей долетали женские голоса. Один раз мимо пробежали, спотыкаясь и цокая каблучками. Неизвестная девушка торопилась, боясь задержаться возле чулана с запертым пленником. Трусиха! Они все трусихи!!! Сразу вспомнились их перепуганные лица.

По щекам потекли горькие слезы обиды. До чего же фальшиво... Все эти ласковые улыбки не стоят и ломанного гроша, когда приходит настоящая беда. Никто из них не заступился, ни один человек, и что горше всего — Мари.

Первое время я ждал, когда с той стороны послышится знакомый голос. Скажет, что все хорошо и плакать не стоит. Щелкнет засовом, а после крепко обняв, поможет выбраться на свободу. Но время шло, а спасительница все не являлась. Может Мари заболела и не вышла на работу? Я утешался этой мыслью, хотя в глубине души понимал, что это не так. Она была среди стада запуганных овец, не смеющих и проблеять без дозволения пастуха. Шлюхи! Да, настоящие шлюхи! Раньше и в мыслях не допускал подобного обращения, а теперь понимал — правы были окружающие. Тот же Гринька, называвший их людьми второго сорта. Что еще можно ожидать от человека, готового продать тело за пару звонких монет. Вот и меня продали, наплевав, что спас одну из них... Уж лучше бы я тогда не ошибся. Уж лучше бы позволил забить до смерти похожую на Мари девушку. Тогда бы здесь сейчас не сидел.

На смену обиде пришла холодная злость. Именно она дала силы продержаться до прихода гостей. Я не размяк, не превратился в жалкое подобие дрожащего слизняка, только и знающего, что ползать на коленях, да умолять о пощаде. Пальцы сами собой сжались в кулак, готовые к драке. Пускай и последней в моей жизни.

Дверной замок щелкнул и на пороге появилась фигура широкоплечего мужчины. Выглядывающая из-под ворота татуировка не дарила ни малейших иллюзий по поводу пожаловавшего в гости.

— Этот что ли? — кивнул стригун в мою сторону.

— Этот... этот, других прикормышей не держим.

— Уж больно на затравленного хорька похож.

— А ты поживи с его на улице, — пробурчал хмурый Густав.

Стригун снял с пояса пластиковые стяжки и уже обращаясь ко мне, процедил:

— Говорят, ты шустрый малый: умудрился охраннику руку прокусить, едва не сбежал...

Мне стоит переживать по данному поводу?

— Нет.

— Чего нет?

— Я не сбегу.

Стрига сощурился, словно пытался понять, стоит ли верить данному слову. В итоге решил, что не стоит.

— Встал! Лицом к стене — руки за спину. За спину, я сказал!

Острые края пластиковых ремешков врезались в запястья. Выкрученные до предела суставы пронзила жгучая боль, но стригуну и этого показалось мало — прописанный в целях профилактики тычок, опрокинул меня на пол. Я моментально сжался в комок, ожидая череды ударов.

— Встать! — проорали сверху.

Подняться во второй раз оказалось не в пример сложнее: мешали связанные за спиной руки, да еще и голова кружилась после падения.

— Звать на помощь станешь?

— Нет.

— Чего?! Не слышу!

Это была очередная уловка. Стоило открыть рот и в него тут же запихнули кляп. Причем давили с такой силой, что из глаз брызнули слезы. От вони грязной тряпки

принялось мутить. Спасибо пустому желудку, иначе захлебнулся в собственной рвоте.

— Двигай, щенок! — толчок в спину придал ускорения.

На сей раз в коридорах оказалось пусто, ни единой живой души до самого выхода. А на улице нас уже ждала машина — Руссо-Балт с обрезанной мордой и хромированной окантовкой дверей. Модель шестой серии пользовалась особой популярностью среди местных бандитов. Вещь статусная, но абсолютно непрактичная в лабиринтах узких улиц. Другое дело мотоциклы или мопеды, тарахтящие на три района окрест.

Я давно мечтал прокатиться в автомобиле, развалившись в кожаном кресле, с опущенными стеклами и ветром на перегонки. Кто же знал, что первый раз выйдет таким... Большую часть пути я провалялся на заднем сиденье, созерцая катающуюся по коврику бутылку. Туда-сюда, туда-сюда — бултыхалась внутри прозрачная жидкость. Пришлось закрыть глаза, чтобы сдержать подступающие рвотные позывы.

Мы ехали долго — гораздо дольше ожидаемого. Салон постоянно трясло, а меня бросало из стороны в сторону, словно мешок картошки. Связанный за спиной руки отдавались острой болью, но я терпел. Знал, что сидящего рядом стригуна жалостливыми стонами не проймешь. Наоборот, ему только дай повод — мигом бока намнет.

Один раз наша машина застряла. Мотор натужно взревел, пытаюсь вытащить из грязи бешено крутящиеся колеса. Зад повело, приложив с силой о невидимую преграду. Послышался противный скрежещущий звук, перемежаемый бранью водителя. Но мы все же выбрались. Рванули с места так, что вдавило в спинку сиденья.

И снова виляние по узким улочкам поселка: бесконечные повороты, тряска по колдобинам. В голову стали закрадываться нехорошие мысли: а что, если свезут в степь? Бескрайние просторы давно превратились в подобие местного кладбища, не имеющего ни крестов, ни памятных табличек. И даже закапывать здесь было необязательно. Местная живность прекрасно справлялась с обязанностями могильщика, объедая тела и растаскивая кости. Обычное дело, наткнуться на череп за железнодорожной насыпью. Мамочки, до чего же страшно...

Мотор вскоре затих и меня вытащили наружу. Толкнули прямиком к высившемуся впереди забору.

Почувяв посторонних, за оградой оживился пес. Принялся бегать по двору позвякивая цепью, а услышав звонок и вовсе зашелся в заливиستم лае. Тут меня по-настоящему и скрутило. Липкий ужас оплел ноги своими щупальцами, и пополз вверх, к бешено колотящемуся сердцу. Я бы непременно упал навзничь, если бы чужая рука не схватила за капюшон.

— Без шуток, пацан, — донесся из-за спины голос.

Да какие уж тут шутки. Я буквально видел, как громадный Алабай тащит мое тело по саду. Как разрывает на части, словно безвольную тряпичную куклу. Только вылетают наружу не клочки ваты, а кишки... Мои кишки!

Слова всех молитв стерлись из памяти. И только одна фраза звучала в голове отчаянным набатом: *«мамочка, помоги!»*

Я настолько перепугался, что не заметил смену конвойного. Место сопровождавшего меня стригуна занял другой человек: в старом кителе нараспашку, с казачьей нашивкой на рукаве.

— Ну, чего замер — ступай.

Впереди лежал сад — исключительная редкость для поселка, втиснутого в узкое

пространство и потому испытывающего крайнюю нужду в свободной земле. Тут не то, что клумбу разбить — жить было негде, и вдруг этокое чудо. Дорожка вела мимо фруктовых деревьев напрямиком к небольшому дому с фасадом в два окна. Сбоку притулилась поленница и, о ужас, огромная собачья будка. Самого пса не было видно, но я знал, что он там. Об этом свидетельствовала цепь, тяжелыми полукружьями лежащая на земле. Это же какого зверюгу она держит?

— Трезора испугался? — хохотнул стоящий рядом казак. — Не бойсь, он свою службу знает. Это если бы без приглашения сиганул через забор, тогда да — прихватил за задницу, а на гостей в сопровождении не кидается — умный пёс... Ну-ка, повернись.

Я дернулся, заметив взметнувшуюся тень руки, но против ожидания казак бить не стал. Вместо этого помог избавиться от кляпа. Потом вытащил нож и одним движением перерезал стяжки.

Я попытался приподнять онемевшие руки, но суставы отозвались незамедлительной болью, а пальцы не шевелились, застыв скрюченными отростками.

— До свадьбы отойдет, — пошутил казак, и этак по-свойски подмигнул, — пошли, малой.

— К-куда?

— У тебя что, полно вариантов? Видишь крыльцо впереди — туда и ступай.

Крыльцо я и вправду увидел. Когда-то давно оно было выкрашено в синий цвет с резными перилами. Нынче же краска облезла, древесина иссохла и потрескалась, а на перилах подобно морскому слизию раскисла старая тряпка.

Пока я шел, всем своим нутром ощущал настороженный взгляд. Громадный пес следил за мною из черноты будки. А ну как сорвется и кинется?

Обошлось... До крыльца мы добрались без происшествий. Поднялись по скрипящим ступенькам, а стоило открыться двери и ноздри тут же защекотали запахи: кисло-сладкие — мясных щей, и свежие, бодрящие — ржаного хлеба. Последний я бы учуял за сотню километров. Не зря столько дней провел на крыше пекарни.

В пустом желудке требовательно заурчало. Голова закружилась, и я словно околдованный шагнул в сени.

— Куда?! — раздался окрик. — Куда попер в грязной обуви? Вона, оботри об коврик.

С трудом отыскав в темноте тряпку, я пошаркал подошвой.

— Как в гостях вести себя, знаешь?

— Ага.

— Ну гляди у меня, — незлобиво пообещал казак и подтолкнул вперед.

За следующей дверью находилась гостиная. Первое что бросилось в глаза — это богато накрытый стол, роскошеством своим не уступавший купеческому. Получается, не обманул меня нюх. По центру возвышалась кастрюля, исходящая ароматом густых щей. Рядом лежала разломанная краюха хлеба, усыпанная кориандром и тмином. Дольки чеснока, разбросанные повсюду, и розовое в прожилках сало, нарезанное аккуратно тонкими слоями. От увиденного забылось про страх. Он исчез, испарился вытесненный видом разложенных передо мной вкусов. Тут даже сметанка имелась, плавающая в тарелках белоснежными облаками.

— А вот и Федя мальчика привел, — провозгласил сидящий по центру мужчина в расстегнутой до пупа рубашке. Он был здесь за главного, а вот трое других... Я вздрогнул, узнав одного: с перебинтованной головой и злым цепким взглядом. И он меня узнал, потому как ощерился в довольной улыбке.

— Что скажешь, Михась — он это?

— Он, атаман.

— Уверен? Не слишком ли мал для проделок?

— Я хорошо разглядел эту чумазую рожу... Сучье отродье!

И тут до меня дошло — то, до чего не смог додуматься все последние дни. Напавший на белокурую шлюху был не из числа стригунов. Истина столь же очевидная, как серое небо над головой. Не было на его теле татуировок: ни шипов, ни колючек, а значит бояться следовало других. К примеру, малажских ватажников.

Сказано было атаман... Неужели сам Малага сидел напротив? Не первый легендарный, что сумел объединить народ против Фавел. Того давно убили, как и второго, и третьего. Они менялись, что погода в период межсезонья, только успевай загибать пальцы: Малага Лысый, Малага Буйный, Малага Справедливый... кажется, этого в народе прозвали Хитрым. По лицу так и не скажешь — простое, открытое.

— А ну-ка, малой, скинь куртёху, — произнес атаман, внимательно оглядев меня. — Да не бойсь, никому твои шмотки не понадобятся... размер не тот.

Сидящие за столом рассмеялись — все, кроме озлобленного Михася.

Я схватился онемевшими пальцами за края одёжки. Запоздало вспомнил про застегнутый до горла замок. Нащупал под горлом собачку и потянул вниз. Великая не по размеру куртка тяжело упала на пол. Под ней имелся шерстяной свитер — память от бабушки Лизаветы, а под ним футболка, а под футболкой майка. Я был одет, как тот сеньор луковица из старой итальянской сказки, во сто одёжек. По-другому не скажешь.

В комнате воцарилась тишина...

— Сколько же тебе лет, пацан? — задумчиво произнес казак, сидевший по правую руку от атамана.

— Тринадцать.

— А по виду не больше одиннадцати. Худее моего Трезорки будешь.

— Так ты чем своего пса кормишь? — влез в разговор другой казак, тот что сидел в пол-оборота. — Свежей свининой, да волчатиной, которую с охоты принес? А этот доходяга окромя картофельных очисток не ел ничего.

Хотел я сказать, что сроду отходами не питался, даже в самые суровые времена. Хотел... но вместе с курткой ушла и смелость. Я словно лишился последней защиты, оказавшийся голым перед врагом. Тело вдруг зазнобило и затрясло.

Разгладив усы, атаман протянул задумчивое «м-да».

— Может я чего не понимаю... Объясни, Михась, как так получилось, что этакий задохлик смог уложить моего лучшего бойца.

— Я же говорю, внезапно вышло. Выскочил чертом из табакерки и принялся свинчаткой махать.

— Внезапно, это как? Из-за угла подкараулил или с крыши упал?

— Темень на дворе стояла, не разглядел.

— А может дело не в ночи, а в том, что ты в стельку пьяным был? — предположил сидевший в пол-оборота казак. Михась моментально окрысился.

— Ты чего, Тимоха, в словах моих сомневаешься? Хочешь во всех смертных грехах обвинить?

— Почему же во всех... Только в провале переговоров.

Вены на шее Михася вздулись толстыми канатами, а сам он, внезапно побагровев,

заорал:

— Ах ты ж шукин сын... вздумал перед атаманом в наихудшем свете выставить?! Лавры Михася Черного покоя не дают?! На мое место метишь?

Брызги слюны фонтаном разлетелись в разные стороны, но Тимофей и бровью не повел. Захрустел взятым со стола огурчиком, после чего предположил:

— Вот ты говоришь, на твое место мечу... А где оно, твое место? За столом с честным народом или в грязи рядом со шлюхами?

— Ах ты ж..., - разгневанный Михась вскочил с места. Ладонь вместо ножа ухватилась за ложку, однако это не показалось чем-то смешным или забавным. Ровно, как и перекошенное от гнева лицо. Колюще-режущих предметов на столе имелось в достатке, поэтому случившееся недоразумение легко можно было исправить. Понимал это я, понимали и остальные.

От расслабленной позы Тимофея не осталось и следа. Секунду назад он похрустывал огурчиком и вот уже рука тянется к висевшему на поясе ножу.

— Сидеть! — рявкнул вдруг атаман. И так приложился кулаком по столу, что из ближайшей тарелки плеснули щи. Михась был вынужден вернуться на место, а Тимофей вновь взялся за огурец. Насадил маринад на вилку и как ни в чем не бывало принялся хрустеть.

— Значит так, казачки... говорить буду я, а вы сидите и слушаете, — атаман обвел взглядом присутствующих и остановился на охочем до шуток казаке. — Начнем с тебя... Давно ли заслужил право сидеть с атаманом за одним столом? Или забыл, как в урядниках бегал, звался Тимохою и к девкам беспутным лазил через забор? Так я быстро напомню... Как говорится в священном писании: одной рукой милости раздаю, другой забираю. Запомни это крепко-накрепко и не забывай... Теперь что касается тебя, — тяжелый взгляд опустил на Михася. — Потрудись-ка объяснить, зачем я тебя на встречу отправлял? С какой целью к стригунам поехал?

— Атаман, может не следует при посторонних? — Михась покосился в мою сторону.

— Говори, позволяю.

— Беспощинная торговля на центральной площади, — пробубнил казак себе под нос. Встретаться взглядом с атаманом он отчего-то не решался, хотя тот и был сейчас похож на заботливого отца.

— Продолжай.

— Да чего там продолжать. Овощные лавки на южном выходе не должны облагаться налогом, взамен этого мы обязуемся поставлять табак с накруткой не более трех процентов от первоначальной цены.

— И каков результат?

— Я начал торговаться с семи, как и было велено. Они сбили до пяти, но взамен особо обговорили выходные дни. Дескать народу в воскресенье много, торговля идет бойко, без уплаты за место никак нельзя. Я опустил до четырех, но их и это не устроило. Ты же знаешь Кичу — он свой барыш никогда не упустит.

— И каков конечный результат? — перебил атаман.

— Ну это..., - Михась замялся, пытаясь собраться с мыслями. Губы зашлепали по воздуху, словно у карася, выкинутого на берег.

— И? — продолжил давить Малага.

— Атаман, я уже базарил за их позицию.

— Базарить будешь на рынке, а перед командиром доклад держать. Где результат, Мишаня? Я тебя зачем туда посылал, а? Чтобы ты пьяный за шлюхами бегал и в грязи валялся распоследней свиньей? Что за херня творится, Миша?! Или забыл, как фуфел тебе чистил? Видать не пошла впрок наука, раз за прежнее взялся.

— Атаман, там этой водки было пару бутылок.

— А тебе, Мишенька большего и не надо, чтобы перед уважаемыми людьми лицом в грязь упасть. Причем натуральным образом.

— Все было на мази, атаман! Богом клянусь... Этот гаденыш все испортил, если бы не он..., - в горле говорившего забулькало от злости. Он зашарил по комнате выпученными глазами, пытаясь отыскать главного виновника всех бед. А я вот он — стою прямо по центру. Рад-радёшенек убежать, да только куда? Во двор, где караулит цепной пес?

— Ты на пацаненка напраслину не возводи. В том его вины нет, что ты стаканами водку глушил и по улице в одних трусах бегал. А раз так, то и ответ держать не ему. Коллектив за тебя поручился, доверил высокую должность, а ты на коллектив хер положил? Так получается?

— Атаман, я...

— Подвел ты меня, Мишаня... ох как подвел. Не справился с ролью ближника, потому возвращайся-ка откуда пришел. Будешь местную гопоту по подворотням гонять, оброк с торговых лавок собирать и за порядком следить. Уж на это занятие твоих мозгов хватит? Не всё чай пропил?

— Я порешу вопрос, атаман. Дай только сроку, всё будет... Я из кожи вылезу, но результата добьюсь — богом клянусь! — затараторил казак.

— Ты Мишенька, Всевышнего не приплетай. Он к случившемуся никаким боком не причастен.

— Да я клянусь, атаман! Чем хочешь, клянусь... Этот крысеныш — шпингалет уличный, если бы не он..., - зарычал Михась.

От представившегося зрелища стало не по себе. Уж больно страшен был казак, на манер хищника оскаливший зубы. Я попытался отступить, но уперся в стоящего позади Федора.

— Иди-ка ты прогуляйся, Миша. Охолопись на свежем воздухе, — вступил в разговор еще один из сидевших за столом — здоровенный дядька с круглой словно яйцо головой. Он до поры до времени отмалчивался, предпочитая крутить в пальцах незажжённую сигарету. Постукивал ею по краю стола, то и дело подносил к испещренному прожилками носу.

Михась оглядел присутствующих в поисках поддержки. Не забыл и про Федю, стоящего за моей спиной. Ответом было молчание.

— Ладно, — произнес он наконец. Отбросил ложку, и та с жалобным звяканьем покатила по столу.

— Ладно, — повторил он снова. Опершись о край стола, тяжело поднялся. Бросил на меня многообещающий взгляд, и зашагал к выходу. Не забыл про лежащую на полу куртку — пнул с яростью, словно мешающегося под ногами пса и только после этого вышел наружу.

Присутствующие как ни в чем не бывало, взялись за еду. Комнату наполнил перестук ложек, да звуки смачного прихлёбывания.

Первым обо мне вспомнил острый на язык казак. Тот самый Тимофей, что хрустел огурчиками и поддразнивал Михася. Обернувшись, он уставился на меня удивленным взглядом.

— А ты чего на пороге застыл? Щи сами себя не нальют.

Я сделал первый шаг и остановился. От осознания того, что передо мною сидит сам Малага с ближниками, становилось боязненно.

— Робкий он какой-то, — заметил яйцеголовый казак.

— Будет тебе, Дыня. Или беспризорников никогда не встречал? У них на всех один взгляд, будто у загнанных в угол волчат.

— Да видел я... видел, — согласно вздохнул Дыня, — только этот совсем уж затравленный.

Стоящий рядом Федя подтолкнул меня, мол иди давай, коли зовут. И я, набравшись смелости шагнул, напрямиком к исходящей паром тарелке.

За столом о делах не говорили. Если и открывались рты, то для поднесенной ложки или упоминания вещей будничных, вроде погоды на дворе.

Так я узнал, что у яйцеголового казака по прозвищу Дыня ожеребилась лошадь, и он теперь ломал голову, когда поставить любимицу под седло. По всему выходило, что на четвертую неделю.

А у острого на язык Тимофея приключилась очередная любовь, о чем он со смехом и поведал, не забыв живописать филейные прелести барышни.

Сидевший подле атамана Василий, все больше отмалчивался, лишь изредка вставляя слова. Оживился он лишь однажды, когда речь зашла о Кабульском теракте. На прошлой неделе террорист-смертник подорвался на рынке, забрав жизни двух десятков людей. Среди них был и спецпредставитель князя Шаховского, известного своими ближневосточными связями.

Дыня и Тимофей сошлись на том, что произошедшее носило случайный характер. Оказался дипломат не в то время, не в том месте, вот и поплатился. Василий же напротив узрел в случившемся руку заморских врагов, ну или какое другое причинное место... Так и сказал: «англичанка гадит».

Единственным, кто за все время не проронил ни слова, был атаман. Пару раз он поднимался из-за стола, и принимался мерить шагами комнату. Подходил к окну, бросая задумчивые взгляды на сгустившиеся во дворе сумерки. И снова возвращался.

Росту атаман был обычного, телосложения среднего без перекачивающихся бурунами мышц. Косая сажень в плечах тоже отсутствовала, а вот подишь ты — внушал... Сияла вокруг него особая аура, присущая человеку властному. Посмотришь на такого и сразу становится ясно, кто здесь главный, а кто так — погулять вышел.

Я утром чуял, что за стол меня посадили неспроста, имелась у Малаги задумка... Вот только бы понять какая. Убивать не станут — это точно, иначе какой резон кормить. Тогда что? Что может понадобиться от безродной шпаны, у которой из всех богатств — ветер в карманах.

Спустя полчаса казаки разошлись: Тимофей с шутками и прибаутками, Дыня — выпросив рюмочку на посошок, а Василий степенно — перекрестившись на образ Спасителя в углу и поблагодарив хозяйку за угощение.

Да, в доме имелась и женщина — незаметное существо, прислуживающее за столом. Я все пытался определить её возраст: двадцать лет, а может сорок. Виной всему был платок, столь плотно укутавший голову, что оставались видны лишь глаза и остро торчащий нос. Хозяйка убрала грязную посуду со стола и принесла чайник. Вслед за чашками на скатерти появилась вазочка яблочного варенья и корзинка, полная разноцветных конфет.

Дверь хлопнула, и мы остались вдвоем. Малага первым пригубил чаю, довольно причмокнув губами.

— Чувствуешь вкус — настоящий кубанский. Не та купеческая поделка, что с дорожной пылью мешают, в пакетики фасуют, да за копейку продают. Московские шаромыжники, чтоб им пусто было... Ты пей-пей, не тушуйся.

Легко сказать, не бойсь. Это он здесь главный, а я навроде пленника, ожидающего своей участи.

Чашка в руках заходила ходуном. Поначалу клацнул зубами о фарфоровый край и только потом сумел справиться, отхлебнув ароматную, пахнущую разноцветьем трав жидкость. Действительно вкусно.

Пока пытался совладать с нервами, Малага откинулся на спинку стула и с хитрым прищуром уставился на меня.

— Всё голову ломаешь, зачем тебя оставил? Почему конфеты отсыпал вместо плетей? Так?

Я поспешно кивнул.

— Это вопрос правильный. Ты на человека моего напал... Не важно плохой он или хороший — он мой! И если сегодня на случившееся закрою глаза, завтра вся шелупонь подзаборная задираться начнет, малажских казаков ни во что не ставить. Понимаешь, к чему я клоню? Территория, люди, золото — это расходный материал, который при должном умении легко возместить, а вот с авторитетом дела обстоят иначе. Стоит один раз дать повод и при каждом удобном случае тебя задирать начнут, а ну как еще слабина проявится... Нет, в нашем деле без уважения никак нельзя.

— И что со мною будет? — спросил я дрожащим от страха голосом. До того испугался, что плеснул чаем на стол. Тут же отставил чашку в сторону и принялся вытирать образовавшуюся лужицу рукавом.

— Выпороть бы тебя по-хорошему, только пользы от того не будет: ни моим казачкам, ни твоей заднице, — задумчиво произнес Малага. — Так где говоришь, живешь?

Ничего подобного я не говорил, поэтому сразу напрягся. Мысли бешеным вихрем закрутились в голове, пытаюсь отыскать правильный вариант ответа. Назвать адрес пекарни было плохим решением. Тогда что остается?

Немного помявшись, я все же нашелся:

— На крыше.

— Меня не интересуют подробности, — атаман недовольно поморщился, — что за район?

— Ну так это... недалеко от центральной площади. В десяти минутах ходьбы от квартала Желтых Фонарей.

— Сермяжка?

— Можно и так сказать.

— Так можно или сказать?

Малага начал злиться, и я поспешил объясниться:

— Среди местных принято говорить «центровая», а «сермяжкой» нас обыкновенно чужаки кличут.

— Вроде меня?

— Вроде вас или городских богатеев.

Щека атамана дрогнула, словно в нервном тике. Ну все, сейчас точно прибьет. Я вжал

голову в плечи, ожидая удара. Но щека атамана вновь дрогнула, за ней другая и Малага зашелся в каркающем смехе. Странно это было, потому как я ни разу не шутил.

— Ну ты даешь, парень. Ставить атамана малажского вровень с городскими мажорами? Всякое в жизни случалось, но такого....

Смех оборвался столь же неожиданно, как и начался.

— И часто в ваши края наведываются богатеи? — спросил он уже серьезно.

Пришлось рассказать про дорогие автомобили на улицах Сермяжки. Городские приезжали в трущобы не красотами любоваться. Подобного чуда у нас отродясь не водилось, зато была дурь, кокс, хмурый и прочие радости жизни. Наркотой барыжили в Фавелах, имеющих на то монопольное право. Бизнес хоть и процветал, однако имел ряд существенных недостатков, самым главным из которых были сами Фавелы — их не любили, их ненавидели, их боялись.

Восточная часть поселка больше напоминала цыганский табор, но не тот ухоженный и красивый из фильмов, а настоящий с грязный фасадом, завешанным цветастыми тряпками. Здесь говорили на горячительной смеси трех языков, называли первого встречного братом и тут же норовили забраться в карман. Тюфяков местные разводили по полной программе: обворовывая и норовя всучить совершенно ненужный товар. Случалось, что люди приезжали за фарами от старенького Студебекера, а уезжали с пузырьком чудодейственного лекарства. И даже в толк взять не могли, к чему им это и главное, когда успели купить? Бывало, что товар демонстрировали один, а упаковывали другой, производя подмену с ловкостью карточного шулера. А уж сколько карманных краж совершалось каждый день. Жандармерия отказывалась принимать заявления, на все жалобы отвечая одно: *«а что же вы хотели, голубчик? Знали, куда ехали»*.

Фавелы заслужили свою дурную славу, оттого и редко принимали гостей. Городские норовили выбрать место потише, да понадежнее. Вот тут и всплывала серая зона, среди прочих известная как Сермяжная или Сермяжка. Она предлагала тот же перечень товаров, что и Фавелы, но без навязчивого испано-португальского колорита. Тут тебе и запчасти с угнанных авто, и контрафактная продукция всех видов, и наркота в изобилии... Только наивные полагали, что здесь не обсчитают, и не подсунут пакетик сушеного чертополоха вместо травки. Всякое случалось, но с размахом куда меньшим и сервисом, более привычным для русского человека.

Забавляли эксперты из числа городских, на полном серьезе рассуждающие о том, где качественнее дурь в Фавелах или Сермяжке, не понимая, что всей наркотой в трущобах заправляют одни люди, попросту сменившие вывеску и нанявшие барыг из числа славян. Говоря языком дельцов — открыли филиал, самый известный из которых находился у Южных ворот.

Еще одна точка была на рынке, прямо за прилавком, торгующим овощами. Другая в Корчажном переулке, недалеко от Гринькиного дома. Была и четвертая, в облезлом киоске с надписью *«починка обуви»*. Но в начале осени что-то пошло не так и ларек спалили вместе с продавцом.

Атаман слушал меня не перебивая, а в самом конце спросил:

— Теперь понимаешь, что я от тебя хочу?

— До чего тут непонятного, — пробубнил я, — стукачом сделать хотите.

— Ты не прав... Мне нужен не стукач, а свои глаза и уши.

— Но это и есть стукачество.

Атаман повертел в руках пустую чашку, но чая наливать не стал. Вместо этого окинул меня долгим внимательным взглядом. Дед Пахом имел такое обыкновение, когда занимались грамотой. Но то дед Пахом, он малолетнего пацаненка наукам учил, а этот чего изобразить пытается?

— Знаешь, кто такой Одзаки? — спросил наконец Малага, отставив в сторону бесполезную чашку.

Я удивился подобному вопросу. Каждому мальчишке было известно, что Одзаки настоящий герой. Про него даже крутой боевик сняли — «Рассвет на Цусимой» называется с Юзефом Савицким в главной роли. Я три раза ходил на него в кинотеатр, когда были живы старики. Деду Пахому, правда, не понравилось. Он долго плевался, а на вопрос что не так, ответил коротко: «*чепуха*». Меня же наоборот захватили многочисленные сцены погони, взрывы и эпичная драка в финале на самурайских мечах.

— Одзаки известный разведчик. Он в русско-японскую войну на наших работал. Важные сведения о перемещениях противника передавал, а япошки его за это казнили.

Собеседник согласно кивнул.

— Для нас он герой, а для противника?

Я всё не мог взять в толк, к чему он ведет. Уж слишком витиевато атаман мыслил, перескакивая с одной темы на другую. Стоп, а не хочет ли он сказать...

— Одзаки не стукач! — выпалил я одним махом.

Малага улыбнулся.

— Я этого не говорил.

— Но вы же сами...

— Я лишь спросил, кем он считался для противоположной стороны. Сам посуди, Одзаки родился в префектуре Нагано, закончил Токийский университет, там же работал в качестве преподавателя. Всё ближайшее окружение состояло сплошь из японцев — коллеги, друзья, жена. Доверяющие ему, а он использовал их связи, врал и обманывал, манипулировал. Как таких людей принято называть?

Я насупился, не желая произносить обидного слова. Не мог честный и справедливый герой быть предателем. Не мог и все тут... И жену свою он любил, и в детях души не чаял. А атаман специально запутать пытается, наводит тень на плетень. Видали мы таких умников... на рыночной площади каждый второй такой, а в воскресный день и вовсе каждый первый.

— Ты пойми, терминология здесь не важна, — продолжил рассуждать атаман, — стукач Одзаки или предатель — не имеет значения. Важна лишь точка зрения — та сторона, на которой будешь стоять при вынесении окончательного приговора.

— Одзаки герой! — повторил я упорно, и тут же втянул голову, ожидая удара кулаком по столу. Однако вспышки гнева не последовало.

— Герой он... герой, — атаман устало махнул рукой, — можешь успокоиться, никто на честь Одзаки не покушается. Как бы тебе объяснить... Вот представь, ежели у ворот моего дома будет пойман чужак, что я с ним сделаю?

— Голову отрежете? — предположил я. А что, в прошлом месяце малажские ватажники так и поступили. Отчекрыжили башку одному дерзкому латинянину, отправив обратно бандеролью.

Я был уверен в правильности ответа, но атаман снова удивил.

— Экий ты резкий, — проговорил он задумчиво. — Убить человека — последнее дело. Для начала мои казачки с ним потолкуют. Выяснят, какого рода информацию удалось узнать

и сколько предложат в обмен на его шкуру. Если цена будет соизмерима с потерями, я отпущу его. Но если на шпионаже попался свой..., - атаман не договорил фразы, однако и без того было понятно — ничего хорошего бедолагу не ждет. Уж больно мрачным сделался малажский предводитель. — Понимаешь, в чем разница, парень? Со своего спрос всегда больше. А теперь ответь на вопрос, что для тебя Центровая: родина или место, в котором вынужден жить? И кто ты для неё: свой или чужой? Остались ли дорогие сердцу люди?

Я крепко задумался. Была мама, был дед Пахом и бабушка Лизавета, но они именно что были, а из живых... Вспомнилась улыбающаяся Мари с копной пушистых волос.

— Про бордель думаешь?

Я вздрогнул от неожиданности, а атаман весело рассмеялся:

— Одна пташка нашептала о твоих особых отношениях с девицами мадам Камиллы. Нашел кому доверится — шлюхам. Они же первыми тебя и сдали.

Неприятные воспоминания нахлынули с новой силой: пустой коридор, выглядывающие из щелей перепуганные лица... Образ улыбающейся Мари померк сам собою.

— Стукачом становятся среди своих, а для тебя в Центровой своих нет, — сказал атаман, как отрезал. — Разумеется, ты волен фантазировать сколь душе угодно про заботливых шлюх, но поверь — они считают иначе. Посмотришь в зеркало — кто ты для них? Грязный оборванец с улицы?

— У меня есть настоящий друг, — произнес я, вспомнив рыжего Гриньку.

— Настоящий это как? Вроде девочек мадам Камиллы, до первой беды?

— Он настоящий, — повторил я, не желая сдаваться, и атаман отступил.

— Ладно... хрен с ним, с твоим другом. Меня мало интересует, чем занимается малолетняя шпана. В районе Центровой водится рыбка покрупнее — вот за ней и нужен пригляд: кто во сколько пришел, кто ушел, машины с какими номерами паркуются по указанному адресу. Ну чего глаза вылупил. Я же не удавку на шею накидываю, а настоящую работу предлагаю.

— И платить будете?

— Экий ты шустрый, — рассмеялся атаман, — едва предложение успел сделать, а он уже о деньгах интересуется. Или забыл, как моего человека свинчаткой огрел? То-то же... Первый год поработаешь бесплатно — будем считать это вирой за нанесенный ущерб, а дальше посмотрим... Да не куксись так! Крышей над головой обеспечу и едой в достатке. Станешь нормальным ремнем подпоясываться вместо веревки. Что скажешь?

К чему лишние слова, когда и так все было понятно: закончилась уличная свобода Лешки Чижика. Свобода, не стоившая ни жалости, ни слез, чтобы о ней плакать.

Масленица в этом году отмечалась с размахом. В кои-то веки поселковая управа не поскупилась, выделив дополнительные средства на праздник. Центральную площадь облагородили, украсив гирляндами, а на фонарных столбах появились разноцветные флажки и фигурки ангелов из бумажной гофры. Получилось красиво! Последний раз подобное чудо случилось аж на тридцатилетие государя-императора. Тогда тоже нагнали уборочной техники, выскоблив плитку от грязи.

Впервые за долгие месяцы я смог увидеть рисунок, выложенной вокруг бетонной чаши. Про сам фонтан тоже не забыли: почистили камень, заодно избавившись от главной достопримечательности рынка — плавающих внутри арбузов. Говорят, купец Файзулаев возмутился принятым решением. Ходил жаловаться в поселковую управу и даже грозился

прекратить поставки бахчевых. В итоге стороны пришли к компромиссному решению, переместив злосчастные арбузы на соседнюю улицу.

Не всем так повезло, как господину Файзулаеву. Большинство купцов лишилось торговых мест, и что самое обидное на Масленицу — один из самых доходных дней в году. Зато была довольна детвора, ведь вместо привычных палаток появились привозные аттракционы: карусели со скачущими по кругу лошадками, лодки-качели, комнаты смеха и тир. По всему периметру площади курсировал паровоз с пристежными вагонами. А еще каждому ребенку до восьми лет обещали бесплатное угощение — свежее испеченные блины, политые медом и вареньем.

Единственное, против чего выступила администрация — это сожжение соломенного чучела. Уж слишком непростыми сложились отношения у Красильницкого с огнем. Сколько людей погорело, особенно в сезон дождей, когда температура опускалась ниже нуля и обитателям трущоб приходилось согреваться чем попало. Много раз я видел черные столбы дыма, поднимающиеся то в одной части поселка, то в другой. Администрация боролась с подобной беспечностью: устраивала рейды по торговым рядам, реализующим дешевые вьетнамские печки, штрафовала, грозила выселить — все бесполезно. Народ в большинстве своем был бедный, потому и изыскивал альтернативные способы добычи тепла, зачастую рискованные и опасные, вроде вышеупомянутых печей. Тонкий металл часто худился, вываливая наружу содержимое вместе с пламенем. И ладно, если бы это были обычные дрова. Древесина и уголь в наших краях стоили немногим дешевле соляры, потому и топили всяким барахлом, вроде горючих брикетов. Содержащаяся в них химия обладала уникальными свойствами: при обычных температурах сохраняла твердость, а при высоких начинала обильно сочиться и капать, словно свежее извлеченные медовые соты. Стоило подобной жиже очутиться на полу, как она заполняла собою все полости и щели, проникая глубоко внутрь. Ведром воды тут не обойдешься — приходилось вскрывать настил, чтобы добраться до источника тления.

Сколько людей погорело из-за дешевых брикетов, а сколько спаслось холодными зимними ночами. Потому и не спешили запрещать опасную химию, прекрасно осознавая, что иных вариантов у людей нет. Перекрой поставки и на замену придут газовые баллоны, имеющие обыкновение взрываться, снося целые здания и хороня под обломками десятки людей.

Пламя и трущобы... трущобы и пламя — затянувшаяся эпопея поселка Красильницкое. Споры по поводу установки соломенного чучела не затихали неделю. Управа твердила о нормах пожарной безопасности, а люди отстаивали свое право на праздник. В итоге сошлись на компромиссном решении — соломенной Маслэне быть, но за поселковой чертой. На той самой границе, где заканчивались трущобы и начиналась бескрайняя степь.

Народ по такому поводу обрадовался, отмахав рекордную за все время существования Красильницкого куклу. А что, ограничений в размерах не последовало, вот душа и развернулась. Теперь гигантскую Маслену можно было наблюдать с высоты любого здания в поселке. И с крыши пекарни, где я раньше жил и с крыши нового обиталища. Атаман сдержал обещание, обеспечив меня жильем. Пускай и не лучшим в городе, но много ли беспризорнику надо?

Дом бобыля Луки находился в конце улицы — небольшое одноэтажное здание, скрытое в тени автомастерской. Если специально не приглядываться, то можно и не заметить. Серые стены сливались с окружающим ландшафтом, заваленным ржавыми запчастями. Попадались

и кузова, и пирамиды из старых шин. Покрытая грязью земля была густо усеяна всевозможной мелочью, вроде винтиков, металлических обломков и осколков стекла. Это было первое, о чем предупредил меня Лука, чтобы не вздумалось гулять босиком по здешним местам. А на второе велел не прикасаться к имеющемуся в доме оружию.

— Знаешь, что это такое? — спросил он, сняв ружье со стены. Взялся за цевье и принялся нежно баюкать, словно завернутого в пеленки кроху-младенца.

— Ствол.

— Ствол, — передразнил он. — Ствол у дерева в лесу, а это немецкий «Зимсон» семьдесят третьего года выпуска. Внешний вид может и не такой изящный, как у дорогих английских ружей, зато работу свою знает. Я с этой бабой почитаю двадцать лет живу, и никакого износу.

Хотел я сказать, что нормальному мужику следует с женщиной жить, а не с этакой дурындой... Хотел, но промолчал. Не имел привычки спорить со старшими. Да и кто я такой, чтобы взрослого дядьку жизни учить? Ну нравится ему с ружьем тетешкаться, пускай... Не самая худшая из человеческих причуд.

Лука не только жил возле мастерской, но и работал при ней вроде охранника. Днем отсыпался, а ночью брался за ружье и уходил на обход территории. С виду дикарь дикарем — весь заросший и нелюдимый, в застиранной до бесцветья одежде. Такого в лесу встретишь — за лешего примешь, а на городских улицах за двинувшегося рассудком чудака.

Вот только Лука чудачком не был. В первый же день к нему в гости пожаловал Василий, тот самый молчаливый казак, что сидел по правую руку атамана Малажского. Меня выставили во двор, а сами принялись шептаться. Говорили долго, я успел до рынка сбегать туда и обратно, прикупив заказанного молока. Потом были еще люди, приходившие большею частью скрытно, через заднюю дверь мастерской. Вроде как приехали масло в машине заменить, а сами нырк и к Луке.

Станным тот был человеком, неопределенного социального статуса. Со стороны глянешь — обыкновенный житель трущоб, перебивающийся с хлеба на воду. А поживешь пару недель рядом и понимаешь — непростой он. Работники величали бобыля уважительно по имени отчеству — Лука Лукич, а начальник мастерской не считал зазорным при встрече руку пожать. Даже Василий, на что ранг имел высокий в Малажской ватаге, и тот общался на равных.

Жил Лука не то чтобы бедно, скорее скромно. Из домашней обстановки имелось лишь самое необходимое: кровать, стол, парочка стульев. Даже ради нового жилья он не стал делать исключения, выделив в качестве спального места раскладушку. Я не жаловался — все мягче, чем на картоне.

Еда тоже не баловала разнообразием, никаких тебе разносолов или заморских фруктов. Единственное в чем не мог отказать себе Лукич был чай. Каких только сортов не хранилось в запасниках: и дешевых краснодарских, и популярных крымских, и дорогих индийских со слоником. Был и совсем уж экзотический, привезенный с берегов Южной Африки под названием «ханибуш». Пил я его однажды — обыкновенная горечь, как и в любом другом чае, заваренном Лукичем.

Каждый вечер тот принимал отчеты. Заливал три ложки крутым кипятком, садился напротив, на поскрипывающий от времени табурет и слушал. Перебивал редко, еще реже задавал вопросы, лишь кивая головой в самом конце: мол, информацию к сведенью принял — свободен.

Докладывал я на свое усмотрение: все интересное, что мог услышать за время шнырянья по поселку. Говорили на улицах много, нужно было лишь знать места, да не выделяться посреди толпы.

Лукич однажды так и сказал:

— Талант у тебя, парень... Умеешь не мозолить глаза.

А по мне так не в таланте дело. Успел примелькаться на районе, вот и не вызывал подозрений, как не вызывает подозрения пес, каждый день дрыхнувший у забора.

Лукич редко ставил конкретные цели, обычно самому позволяя решать, куда пойти и что слушать. Меня подобная свобода действий устраивала, впрочем, как и самого Лукича. Бобыль не любил лишние хлопоты кроме вошедших в привычку. Он и меня-то замечал, только когда наталкивался в коридоре или наступала пора очередного отчета. Гораздо позже я узнал, что в науке подобное существование называлось синойкия — это когда одно живое существо обитало в норе другого, не доставляя особых хлопот. Вот и в нашем случае была эта самая синойкия.

Я вдоволь ел, имел крышу над головой и был счастлив ровно до тех пор, пока не пришла Масленица. Сколько планов имелось на праздник — громадьё! Мне наконец удалось разменять имперский полтинник, а значит получится вдоволь покататься на аттракционах, полакомится мочеными яблоками в карамели и горячими, только что со сковородки блинами. Но сначала фотография с потешной обезьянкой и пять минут верхом на пони — цветом белым, словно выпавший снег, и гривой, заплетенной во множество косичек. Это не деревянная игрушка, которой любил похвастаться Гринька: с колесиками вместо копыт и мочалкой вместо гривы. Нет, это была настоящая живая лошадь, пускай и маленькая. Я уже предвкушал поездку, как вдруг...

— Чижик, подь сюды! — махнул Лукич, подзывая к столу. Дождался, когда я обращусь в слух, после чего продолжил: — сегодня пойдешь в район «Трех медведей». Знаешь такой бар? Вот и ладушки... Примечай любую мелочь, которая покажется странной: номера люксовых авто, людей с охраной, в общем всё как обычно.

Предвкушение праздника, повисшее на тонкой ниточке струны, вдруг звонко лопнуло и ухнуло вниз.

— До скольких дежурить? — произнес я севшим от плохого предчувствия голосом. И не ошибся. Дежурить предстояло с открытия бара и до самого конца. А это значит большую часть праздничных мероприятий придется пропустить. Нет, блинчиков поесть я успею, но чтобы выстоять долгую очередь на карусель или покататься на пони?

Схватив куртку, я опрометью кинулся на улицу. Понесся по дорожной слякоти, разбрызгивая лужи и отпугивая редких прохожих.

«Как же так», — колотилась полная обиды мысль. — «Почему в такой день, когда все кругом отдыхают, я вынужден буду работать. Крутится возле этого треклятого бара?!»

До открытия «Трех медведей» оставалось три часа. За это время нужно было успеть многое: вдоволь накататься, наесться и повеселиться. Три жалких часа на всё про всё.

Как и опасался, центр поселка оказался забит людьми, словно все Красильницкое решило собраться в одном месте. Разодетая толпа шумела множеством голосов: кто-то надрывно кричал, затерявшись в живом потоке, другие смеялись и веселились, третьи яростно торговались, пытаясь сбить цену.

— А я вам говорю — не гоже девушке в открытом платье по людному месту гулять, —

гундел над головой старческий голос. — Ни одна авраамическая религия подобного бесстыдства не допускает.

— И что же прикажете, Иван Денисович, теперь дома сидеть, — пытался возразить юный девичий голос. Дребезжащий от возмущения, он готов был сорваться в любой момент, однако невидимый Иван Денисович словно не замечал этого.

— Хоть бы и дома. Нет ничего плохого в том, чтобы большую часть времени находится под присмотром родителей.

Что ответила старику взвинченная барышня, не узнал. Толпа внезапно подалась вперед и меня потащило в сторону бетонной чаши фонтана. Оставалось лишь быстро перебирать ногами, чтобы не упасть и не оказаться в луже грязи. Многочисленные спины непроходимой стеной окружили меня, не давая возможности оглядеться. До чего же тяжело быть ребенком в мире взрослых. Я даже подпрыгнуть не сумел, будучи зажатым со всех сторон.

Масленица обещала стать лучшим днем в году. Самым праздничным и самым веселым, а что по итогу? Уперли физиономией в чью-то мокрую дубленку? Слезы обиды горькой пеленой застили глаза. Захотелось завывать от накатывающей волны отчаянья. Ну почему жизнь так несправедлива? Захотелось стиснуть кулаки и затарабанить по спине впереди стоящего. Я понимал, что дядька в дубленке не виноват, что никто не виноват, но разве от этого легче?

Единственно, что оставалось — это молиться. Голова сама собой запрокинулась к серым тучам, которую неделю скрывавшим синее небо. Ссохшиеся губы разлепились, готовые пробормотать зазубренный до автоматизма «Отче наш», и вдруг случилось чудо. Уж не знаю, что послужило тому причиной: милость ангелов или открытие вторых врат, но людская стена вдруг расступилась, дав возможность спокойно вздохнуть. Я снова свободен!

До ушей донеслись голоса, зазывающие прокатиться на карусели и отведать сладких блинчиков с ванилью. О да, я этого хотел! Я хотел всего и сразу! Услышав манящую музыку аттракциона, бросился в одну сторону и тут же уперся в длинную очередь.

— Куды п-прешь, мелюзга!? Не вишь, з-здесь люди стоят, — дыхнула перегаром раскрасневшаяся морда.

Цепочка людей вытянулась аж до самого конца торгового ряда. Минут тридцать придется отстоять, не меньше.

Попрыгав на месте от волнения, я рванул в сторону лязгающих от попадания пульк мишеней, но и тут ждало разочарование. Из-за столпившихся к тире было не подступиться. И что самое обидно, большинство из них — обычные зеваки, пришедшие поглазеть, да отпустить пару острот по поводу меткости соискателей главного приза.

Я попытался протиснуться, но чужая рука сильным толчком отправила обратно. Пришлось быстро засеменить, чтобы не упасть на задницу. Ах ты ж, козлиная такая! Думаешь, здоровенным вымахал, значит все можно?! Взгляд отыскал валяющийся под ногами камешек. Я уже собирался подобрать его, когда разглядел выбритые баки обидчика. Это был стригун — наглый и уверенный в собственной силе, с торчащим огрызком зубочистки в зубах. Он отмахнулся от меня не глядя, словно от надоедливой мухи. И от того становилось только обиднее. Я ничего не мог поделать: ни со стригой, ни с толпой, веселым хохотом встречающей каждый неудачный выстрел. Даже метнуть комок грязи в спину и тот не мог. Уж слишком много народа собралось вокруг — не сбежать.

Развернувшись, я побрел в противоположную сторону, откуда доносился ароматный запах блинов. Ну хоть здесь повезло. Правда, ради этого пришлось потолкаться, оттоптав

чужие ботинки, а у самого прилавка поднырнуть подмышку упитанного дядьки. Зато в награду мне достался блин с начинкой из курицы и стаканчик вишневого компоту. Перекусив на скорую руку, я бросился на звук гудящего паровозика, тянущего вагончики с детворой. И как только он маневрирует, в этакой-то толчее?

Ноги несли вперед, вслед за громящим составом. Я бы обязательно его нагнал, но тут дорогу перегородил киоск с пирожками. Разве можно отказаться от лоснящихся беляшей? Пока капал жиром на штаны, пока вытирал перепачканные руки о деревянную стойку — паровозик укатил. И что дальше?

Я занял очередь на качели, но казавшаяся небольшой очередь за пару минут увеличилась в разы. Стоявший впереди студент занял место для целой компании, а к девушке по соседству примкнули знакомые и знакомые знакомых.

Время неумолимо бежало и в итоге единственным местом, куда успел попасть, оказалась комната смеха. Была ли в том ирония судьбы? Я бродил от одного кривого зеркала к другому, но так и не смог улыбнуться.

«Это должен был стать самый счастливый день в году», — думалось мне, когда разглядывал постную физиономию в отражении. Тоскливая мысль крутилась и крутилась в голове заезженной пластинкой. Я попытался было избавиться от нее, но увы... проще выиграть в лотерею, чем перестать думать о празднике, находясь в его эпицентре. Никакого катания на пони, никакой карусели и веселого паровозика. А что хуже всего, не увижу полыхающую пламенем Матрену. Сколько раз представлялось, как будет гореть гигантская соломенная кукла, и на тебе...

Лукич словно специально выдумал занятие на Масленицу. Две недели ничего не поручал и вдруг аккурат в разгар самого праздник. Иди-ка ты покрутись возле «Трех медведей», пока другие будут гулять и веселиться.

А может схитрить? Сказать, что до ночи дежурил у бара, а самому остаться здесь? Искушение было велико, но я не хотел рисковать новой жизнью. Не в тот момент, когда впервые за долгое время обрел дом и похлебку к обеду. А еще я дал слово... Дед Пахом учил, что договоренности нарушать нельзя, если только не хочешь, чтобы относились к тебе как к обыкновенному пустобреху. И не важно, с кем ударил по рукам: с торговцем с соседней улицы или с самим атаманом малажским. Вон Малага обещал обеспечить крышей над головой, и обещание свое сдержал, а я чем хуже? Тем более что требовалось от меня немного — всего лишь приглядеть за одним баром. А Маслена? А что Маслена? Эка невидаль — соломенное чучело, которое каждый год сжигают. Чай доведется еще увидеть.

Я тяжело вздохнул и зашагал в сторону выхода.

Покинуть площадь оказалось сложнее, чем думалось. Ручейки народа стекались к центру поселка, постепенно превращаясь в бурный поток. Да сколько же здесь людей? Мне приходилось постоянно маневрировать, прыгать из стороны в сторону, чтобы не оказаться сбитым толпой.

Я уже почти выбрался, когда чужие пальцы схватили за рукав.

— Куда собрался, кавалер?

Это была Мари... Подняв глаза, я увидел чуть насмешливую улыбку девушки и прядь светлых волос, выбившихся из-под платка.

Мы не виделись два месяца. Ровно с тех самых пор, когда вышибала мадам Камиллы скрутил меня, бросив в чулан. Чувство обиды накатывало всякий раз, стоило вспомнить

перепуганные лица работниц борделя. Какие же трусихи! Я не испугался встать на защиту одной из них, а они меня сдали — все они... и великан Густав, и мадам Камилла, и её девочки. Ни одна из них не заступилась. И что горше всего, Мари.

Рука дернулась, но девичьи пальцы крепко держали рукав.

— Пусти, — процедил я сквозь стиснутые зубы, — иначе...

— Иначе что?

— Закричу.

— И что же ты будешь кричать? — насмешливо поинтересовалась она. — Помогите, люди добрые, меня девушка обижает?

— Другое.

— Что другое?

— Что шлюха пристаёт!

Не хотел я этого говорить, полные обиды слова сами вырвались наружу. Но Мари против ожидания не обиделась, лишь протянула задумчиво:

— Даже так.

— Пусти, кому сказано.

— Отпущу, если пообещаешь заглянуть в квартал.

— Обойдешься, — я снова рванулся и тут случилось неожиданное. Вместо того, чтобы продолжать борьбу, девушка обняла меня. Присела на корточки и обхватив обеими руками, крепко-накрепко прижала к себе.

Я дернулся пару раз и затих, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце. Как запах выбившейся пряди волос лишает последних сил к сопротивлению.

— Прости, что не защитили, — прошептала она, обжигая горячим дыханием, — мы очень хотели, но не смогли...

За прошедшие месяцы накопилось много злых слов. Я заботливо собирал их в копилку, чтобы когда придет время, с яростью бросить в лицо. И вот время пришло — глиняная свинья разлетелась на сотни черепков, а внутри ни единой монетки. Лелеемая обида оказалась пустышкой, стоило появиться Мари.

На глаза навернулись слезы, но теперь не от злости — от облегчения, словно тяжелый камень свалился с души.

— Ты приходи, ладно? — проговорила она, разорвав объятия. Тонкий пальчик коснулся моей щеки, вытерев мокрую дорожку. — Придешь?

— Сёдня не могу, — пробормотал я, отвернувшись. Даже не знаю, чего больше стыдился: выступивших слез или сказанного ранее обидного слова.

— А завтра?

— Попробую...

— Ты уж попробуй, кавалер, — Мари щелкнула меня по носу. Вскочила на ноги и быстрой походкой направилась вниз по улице. Девушка не шла — она парила над землей, настолько легкими и невесомыми казались её движения. Ветер колыхнул полы юбки, демонстрируя миру на удивление чистые сапожки.

— Мы будем ждать тебя, — крикнула она на прощанье и скрылась в толпе.

«Три медведя» считался самым дорогим баром на районе. Да чего уж там скромничать — во всем поселке. Даже городские мажоры не брезговали посидеть в уютной обстановке, выпив кружечку другую настоящего неразбавленного «Вакано».

По причине малолетства в баре я не бывал: ни в этом, ни в каком-либо другом, однако всезнающий Гринька поведал, что диваны в «Медведях» выполнены из натуральной кожи, а над стойкой висит настоящая кабанья голова. Посетителей обслуживали девицы фривольные, за хорошие чаевые позволяющие недопустимо многое. И что удивительнее всего, по пятницам они работали в передничках. Ну то есть совсем в одних, без ничего.

Врал поди, с Гриньки станется. Кто же ходит в бар на голых женщин посмотреть? Для этого существуют специальные заведения, вроде стрипклуба или квартала Желтых Фонарей. А бар на то и бар, чтобы пивом заливать под подходящую закуску, ну или чем покрепче.

«Три медведя» располагался на улице адмирала Калюжного — самого респектабельного места в поселке. Здесь и дома были покрасивее, и люди жили побогаче прочих. А еще здесь были целыми фонари. Настоящее чудо для Красильницкого, не признающего такого понятия, как общественное добро. Лампочки на многих улицах давно украли, а что не украли — побили, поломали или погнули. Да чего уж говорить, если металлические насадки с фонтана и те умудрились свинтить, которые ни к чему не сгодятся.

Дед Пахом называл это дурной лихостью, и я был полностью с ним согласен. Зачем ломать то, что приносит красоту? В мир, где её почти не бывает? Сидючи на крыше приходилось наблюдать за тем, как загорается цепочка фонарей. Как выхватывает из темноты блестящие капоты припаркованных автомобилей. Как бежит светлой дорожкой от городской черты, теряясь в чреве трущоб. И сразу становилось хорошо и уютно, даже на продуваемой ветрами крыше.

Казалось бы, чего удивительного — обычные фонари. Ну горят себе и горят, а вот поди ж ты, заворачивало...

Я настолько увлекся этим зрелищем, что едва не позабыл об основных обязанностях. Ровно в шесть двери бара открылись, и первые посетители потянулись внутрь заведения. За пару часов наблюдения сумел насчитать не более дюжины клиентов. Оно и понятно, на дворе Масленица. Кому захочется сидеть в душном помещении, когда столько развлечений вокруг.

Со стороны площади доносился шум... Гул толпы и музыка аттракционов, смех и выкрики зазывал — всё это смешалось в одну сплошную какофонию, а потом вдалеке полыхнула зарница, и вечерний воздух наполнился восторженным ревом тысячи плоток. Горела Маслена, а вместе с ней сгорала куча ненужного хлама, скопившегося за долгую зиму: будь то злость или обиды, терзавшие душу последние дни. Все сгорело дотла...

Я поуютнее закутался в куртку и, накинув капюшон, продолжил наблюдение. Швейцар в красной ливрее явно скучал. Сначала он пытался держать форму — стоял оловянным болванчиком, готовым принять гостей. Потом расслабился, и сняв белоснежную перчатку, принялся ковыряться в носу.

Пару раз к нему присоединялись официантки. Вполне прилично одетые, а не в неглиже или одних передничках, как утверждал фантазер Гринька. Курили, обменивались с дежурившим швейцаром шутками и вновь возвращались к работе. Скучно...

Я записал два номера в книжку. Один из них принадлежал старенькому Бьюику, приехавшему со стороны города, другой — Руссо-Балту из числа местных. Как я это понял? Да по брызгам на капоте и окнам, настолько заляпанным грязью, что с трудом угадывался салон. В Алтополисе за подобное штрафовали, а у нас ничего — катайся на здоровье.

Другой номер принадлежал черному автомобилю неизвестной марки. Выпустил наружу двух поддатых господ и укатил дальше. Его данные я тоже записал — больше чтобы размять

замерзшие пальцы, чем из необходимости.

А потом подъехало такси. И вот здесь я напрягся, потому как вышедший из салона пассажир принадлежал к числу респектабельных — либо дворянин, либо служивый высокого ранга. Иначе с чего водителю спешить открыть дверь? Обыкновенно эту братию пинком не поднимешь, а тут пулей выскочил, только что не расшаркавшись.

Господин поднялся по ступенькам, и не глядя в сторону согнувшегося в поклоне швейцара, вошел внутрь. Так и запишем: *«неизвестный У — номер такси такой-то, время прибытия 18–49»*. Буква «У» обозначала «уважаемый». Я специально выдумал шифр, чтобы при докладе ничего не забыть. Была еще и «Б» — бандит, и «Ч» — чиновник, и «С» — служивый, и «А» — аристократ. Зашедший в бар господин тянул сразу на несколько категорий, потому и отметил расплывчатой буквой.

Что же ты забыл в этом месте, уважаемый? Я еще понимаю залетных мажоров, шныряющих по трущобам в поисках острых ощущений или простых горожан, не готовых переплачивать за дорогой сервис в верхнем городе. Но ты же явно не из таких будешь? И осанку привык держать, и гнущую спину челядь воспринимаешь за должное.

Не успел спрятать блокнот, как на улице показались три фигуры. Кепки скрывали лица, но я сумел опознать их — стригуны это, больше некому. И дело вовсе не в выбритых висках. Вернее, не только в них... Развязность движений выдавала бандитов с головой. Они даже когда спешили, умудрялись сохранять фирменную походочку на шарнирах: по-особому согнув ноги и засунув руки в карманы. А еще манера оглядывать улицу — нагло вато так, похозяйски. Мол, только попробуй засомневаться в нашем праве.

Стригуны быстрым шагом приблизились к «Трем медведям», но вместо того чтобы подняться по ступенькам, юркнули в темный проулок, заваленный коробками и прочим хламом. Если пройти по нему до самого конца, то можно оказаться с обратной стороны здания: в небольшом тупичке, где располагался черный вход. А это значит...

Догадка острой иглой кольнула сознание. Еще ничего не произошло, но я уже связал эту троицу с респектабельным господином, поднявшимся по крыльцу двумя минутами ранее. Не было никаких фактов, одна лишь интуиция.

Я продолжил наблюдать, рассчитывая найти подтверждение своим догадкам. То и дело к крыльцу подъезжали машины, клиенты заходили и выходили. А вскоре на улицах стало шумно — люди сплошной гомонящей толпой хлынули с праздничных гуляний. Накатывали волна за волной, оседая в баре, и занимая располагавшиеся по соседству лавочки — то еще удовольствие с учетом холодной погоды. Они допивали то, что не успели допить, закусывали на ходу, бросая бутылки и прочий мусор прямо под ноги. Один накушался до такой степени, что улетел под скамейку, откуда принялся горланить похабные песни. Орал до тех самых пор, пока пьяное тело не обнаружили приятели, не подняли и не потащили вниз по улице.

Один раз в людской поток въехало такси. Водитель мигал фарами, яростно сигналил, пытаясь развернуться на узкой улочке. А потом решил взять толпу на слабо, пару раз дернув в её сторону. Зря он это сделал... Живое море колыхнулось навстречу и в автомобиль полетели бутылки, свернутые пакеты, камни. Это таксисту еще повезло, что удалось вырваться невредимым: царапины и пара вмятин на капоте не в счет. Могли и перевернуть, поселковые — они такие.

Я отвлекся на пару минут, а когда повернул голову — увидел выскочившую из проулка троицу стригунов. Те были взвинчены до предела, и уже даже не шли — бежали. Рванули через улицу, отталкивая попавшихся навстречу людей. И вскоре скрылись за углом соседнего

здания. Но где же респектабельный господин «У»?

Время шло, минуты тикали. Поток людей схлынул и с парковки один за другим стали разъезжаться автомобили. Последние посетители выходили из бара, но среди них не было того самого в дорогом пальто. Неужели просмотрел?

Я наблюдал до тех самых пор, пока усталый швейцар не повесил табличку «закрито». Свет окон на первом этаже погас, погрузив крыльцо в густую тень. Дело сделано, теперь можно уходить. Спрятав блокнот с пометками в карман, я поднялся. Пробрался к противоположному краю крыши, и цепляясь за выступы принялся спускаться. Из-за ночного холода пальцы плохо слушались, то и дело норовя соскользнуть. Хвала небесам, земля оказалась близко.

Спрыгнув на твердую поверхность, я по привычке осмотрелся. В дальнем проулке мелькнула тень — слишком маленькая для кошки и вполне подходящая для евражки. Степные грызуны давно облюбовали городские помойки, копошась в мусоре наравне с крысами. Они даже в спячку не впадали, нарушая заложенный природой цикл. Дед Пахом утверждал, что мясо в городских сусликах порченное, потому и ловить их нельзя, если только не хочешь промаяться с животом или того хуже, подцепить какую-нибудь заразу. Другое дело их дикий собрат, живущий в степи и питающийся чистым зерном.

Хлюпая грязью, я выбрался на улицу адмирала. Света кругом хватало, как и причудливых теней. Они двигались — плясали, словно отыгрывая роли в неведомом спектакле. Вон та напоминала безголового великана, другая — дракона или птицу с уродливо раздувшейся головой, а вон те три — стриг, спешащих вниз по улице.

Я стоял и разглядывал трепещущие тени, не в силах заставить себя пошевелиться. Казалось, что может быть проще — вернуться в тепло, набить пузо и улечься спать на поскрипывающую раскладушку. Но я не мог... я чувствовал, что здесь что-то не так.

В памяти всплыл образ поднимающегося по ступенькам крыльца респектабельного господина. Неужели он незаметно покинул заведение и отправился гулять по округе? С какой целью? Наслаждаться красотами трущоб будучи одетым в дорогое пальто? Сильно сомневаюсь... Про таких обычно говорят: на такси приехал — на такси и уехал. Но в том-то и дело, что никакого такси не было. Номера подъезжавших к бару машин я фиксировал, и не в одну из них господин «У» не сажился. Тогда что остается?

Темный закоулок подсказывал один из вариантов ответа. Что-то нехорошее там случилось... Чуйка буквально вопила об этом, но я всё же решился: пересек улицу и нырнул в пахнущую сыростью темноту.

Проход между домами оказался слишком узким даже для ребенка. Куртка шуршала, то и дело касаясь стен, но я шел и шел, до тех самых пор, пока не уперся в забор. Проволочная сетка лязгнула под весом тела — прогнулась, но дальше не пустила. Неужели тупик? Тогда что все это время здесь делали стриги? Стояли рядком, прижавшись друг к дружке? Сильно сомневаюсь...

Присев на корточки, я принялся шарить в темноте. Сослепу напоролся на конец торчащей проволоки. Ойкнул больше от неожиданности, чем от боли. Поднес саднящую ладонь ко рту, почувствовав тяжелый привкус крови. Пустяки — всего лишь царапина. Куда больше меня заинтересовала дыра, проделанная в заборе. Острые края сетки торчали в разные стороны, открывая приличных размеров лаз. Здесь и взрослый легко проберется, чего уж говорить про пацана. Недолго думая, я пригнулся и оказался по ту сторону забора — на небольшом пятнышке, окруженном сплошными стенами.

Над дверью с надписью «вход для персонала», мигала тусклая лампочка. Она была здесь единственным источником света, вполне достаточным, чтобы разглядеть усыпанную бычками землю, груду деревянных ящиков, и остроносые ботинки. Я не сразу сообразил, что торчавшая из мусора обувь валялась не сама по себе. Она... она была...

В дрожащем полусумраке удалось разглядеть силуэт человека. Полы дорогого пальто были распахнуты, демонстрируя пиджак с золотистыми пуговицами и выбившийся наружу красный галстук. Мне пришлось сделать шаг в сторону, чтобы разглядеть бледное лицо человека. Это был он — бесследно испарившийся господин «У», столь важно вышедший из такси, а нынче валяющийся в грязи наравне с мусором. Он был один, такой беспомощный и безмолвный.

— Эй, как вы там? — прошептал я в полной уверенности, что не услышу ответа. Потому сильно удивился, разобрав едва слышный стон. — В-вы живы?

Вместо ответа господин дернул прижатой к боку ладонью. На некогда белоснежной рубашке проступило чернильное пятно. Незнакомец словно стеснялся этого беспорядка, пытался прикрыть рукой, цепляясь скрюченными пальцами за ткань.

— Вы ранены?

Я сделал шаг и вздрогнул от неожиданности. Чужой взгляд был направлен в мою сторону. На удивление ясный для лежащего на заднем дворе человека, да еще и с дыркой в боку.

— Помоги.

Он мог бы выбрать тысячу других слов, включающих мольбу, посулы или даже проклятия. Но именно это единственное подействовало на меня сильнее всего. Простая просьба попавшего в беду человека. От былых сомнений не осталось и следа.

— Я сейчас, я мигом... Бар рядом — я сбегаю.

— Не нужно в бар, — остановил он меня. — Позвони по номеру: восемьдесят семь — восемьсот — двести двенадцать... Назови адрес и скажи... Ортега в беде.

Лицо незнакомца исказила гримаса боли. Говорил он тихо — почти шепотом, но я смог разобрать каждое слово. Может дело в ночи, а может в четырех стенах, окруживших узкое пространство на манер колодца.

Губы мои зашевелились, повторяя услышанную комбинацию.

— Ты сделаешь это?

— Не извольте беспокоиться, я мигом.

— Позвони по телефону... скажи...

Мужчина продолжал бормотать, но я уже не слушал его. Развернулся и нырнул обратно в пропахший сыростью проулок.

Этому Ортеге сказочно повезло. Улица адмирала Калюжного была центром сосредоточения государственных учреждений, включая отделение почты, банка и единственного на весь поселок телеграфа. Всего-то и требовалось, что пробежать четыре дома, оказавшись перед зданием, похожим на дворец. Величественного блеска зданию придавала мраморная лестница вместе с высоченными колоннами и башенками шпилями, расставленными по периметру.

Исходящий из больших окон свет заливал улицу. Он был настолько ярким, что я сослепу споткнулся об бордюр. Упал на землю, но тут же вскочил. Вихрем взлетел на крыльцо и толкнув тяжеленую дверь, оказался внутри.

Мрамора и гранита здесь было не меньше. Помнится в прошлый раз на полу лежала

дорожка: жалкая и грязная от тысячи ног, что ежедневно топтались по ней. Может потому и убрали... А вот охранник остался, такой же круглолицый с толстым пузом, свисающим на манер бурдюка. Он оказался куда проворнее, чем показалось на первый взгляд. Вытянул руку и таки схватил меня за капюшон.

— Куда!

Ворот сдавил горло, поэтому вместо слов наружу вырвался сип.

— Снова по зданию шастать, тля беспризорная? А ну пшла отседова.

Я забился пойманной рыбой, но охранник был неумолим: покрепче перехватив, потащил прямо к выходу. Эх было бы за что зацепиться, но увы — подошвы ботинок беспомощно заскользили по гладкому полу.

— Николай Семенович, что случилось?

Дорогу нам перегородила барышня в фирменной блузке телеграфисток: голубого цвета с воздушным жабо, клубящемся на шее на манер пушистых облаков.

— Да вот, Алевтина Андреевна, очередного бродяжку поймал. Только отвернешься, а они шасть и внутрь — приличную публику своим видом распугивать.

— И вы даже не поинтересовались, что ему нужно?

— Так знамо чего — погреться. На улице морозец прихватил, вот они и лезут со всех щелей в тепло. Хуже крыс, честное слово.

— И не стыдно вам, Николай Семенович, детей с грызунами сравнивать? — возмутилась барышня. — У вас самого сын подрастает.

— Так-то сын, а это не пойми чего — отребье рода человеческого. Одни пакости на уме. Может он бомбист треклятый. А что, социалисты любят уличную шпану для грязных дел нанимать.

Давление на шею ослабло, и мне наконец удалось выдавить:

— Позвонить...

— Вот видите, Николай Семенович, — обрадовалась барышня, — мальчику просто нужно позвонить, а вы в террористы его записали.

Но Николай Семенович с занятых позиций отступать не намеревался. Стиснув мой ворот покрепче, чтобы не вздумалось чего еще ляпнуть, он заявил:

— Вы на физиономию его посмотрите. Откуда у чумастика деньги? Знавал я подобных ловкачей по прошлой работе. Им не то что на звонки, на еду монет не хватает. А тут ну-ты гнуты — аж цельные телефонные переговоры. Пропустите и распишетесь... Ты кому звонить собрался, доходной?

Вместо ответа я высунул из кармана горсть монет. Несколько копеек упало и со звоном покатилося по плитке пола.

Озадаченный охранник умолк, а барышня напротив, сделалась суровой. Свела брови к переносице и решительным тоном заявила:

— Отпустите мальчика.

— Но...

— Под мою ответственность. И если вы запомнили, то хочу напомнить — в Российской Империи не существует сегрегации ни по одному из имеющихся признаков, а это значит любой желающий может воспользоваться услугами телеграфа. Или вам что-то не нравится, Николай Семенович?

Я почувствовал, как чужие пальцы отпустили край воротника.

— Благодарю вас, — произнесла телеграфистка столь ледяным тоном, что находись

рядом окна, непременно бы покрылись инеем. — Прошу за мной.

Последняя фраза предназначалась мне, но прежде, чем принять приглашение, я быстренько подобрал монеты. Как известно, деньги на полу не валяются, им там последнее место.

Приемная стойка располагалась в дальнем конце зала. Обыкновенно за ней сидела дюжина телеграфисток, пытающихся справиться с наплывом желающих позвонить или отправить срочную телеграмму. Ночью клиентов было в разы меньше, потому и дежурило всего два человека: вышеназванная Алевтина Андреевна и сидящая по соседству молодая девушка.

— Снова за прежнее? — прошептала она, косясь в сторону охранника. — А я говорила, нельзя бывшим жандармским в общественных местах работать. Только и знают, что людей палками колотить.

Алевтина Андреевна сделала вид, что не услышала сказанного. Улыбнувшись мне, спросила:

— Какого рода звонок изволите совершить: междугородний или местный?

Заезженная до оскомины фраза прозвучала неожиданно тепло.

Я понятия не имел, где находится абонент, а потому назвал первые цифры.

— Звонок местный, — констатировала женщина. — Сколько будете брать минут?

Мне больше одной и не требовалось, но вот беда — расценки на телеграфе начинались от пяти. И стоило это счастье три копейки — целое богатство по меркам улицы.

Делать нечего — обменяв деньги на жетон, я поспешил в ближайшую кабинку. Привстав на цыпочки, дотянулся до трубки и принялся нажимать положенные кнопки.

После третьего гудка в динамике щелкнуло.

— Кафе Вилсон, чем могу быть полезен? — послышался мужской голос.

— Здравствуйте! Я хочу сказать... точнее, меня просили передать — Ортега в беде. Он находится в закоулке за баром «Три Медведя».

— Три медведя? — переспросили удивленно.

— Да-да, это бар такой на Калюжке, — затараторил я, опасаясь, как бы абонент на том конце провода не счел звонок за дурацкий розыгрыш и не повесил трубку.

— Что за Калюжка?

— Ну Калюжный! Улица адмирала Калюжного: находится в трущобах, на самой границе с городом. Если свернуть с основного шоссе на юг...

— Я знаю, где располагается данная улица, — перебил меня голос, — что-то еще?

— Нет... точнее да... Поторопитесь, Ортеге совсем плохо, он..., - я умолк, вдруг встретившись взглядом с бывшим жандармом. Все это время пузан наблюдал за мною, прислонившись к стене. Взгляд его, тяжелый и цепкий, как у любого представителя силовых ведомств, словно говорил *«только попробуй что-нибудь сотворить, гаденыш»*.

Я поневоле вжался в угол, пытаюсь спрятаться. Вот только трудно отыскать укромный уголок за прозрачной дверцей кабинке. Охранник ухмыльнулся, довольный произведенным эффектом.

Из прислоненного к груди динамика послышался сухой треск. Запоздало вспомнив о собеседнике, я поднял трубку, но услышал лишь короткие гудки — соединение прервано. Оно и не удивительно, сначала беспокоят посреди ночи странными сообщениями, потом молчат.

Стараясь сохранять спокойствие, я вышел из кабинки. Засунул руки в карманы и с

самым независимым видом прошествовал мимо охранника. На пухлом лице последнего играла довольная ухмылка. Щерся-щерся, жандармская морда. Барышня-телефонистка один раз на место поставила, а будет нужно и другой раз укажет. Она здесь главная — не ты.

Толкнув плечом дверь, я вышел в промозглую ночь. Тут же накинул капюшон, и спрятал пальцы в безразмерных карманах куртки. Можно было возвращаться в дом Лукича, но что-то внутри не отпускало, держало на привязи, словно ошейник дворового пса.

Почему незнакомец попросил позвонить в кафе? Чем они ему помогут — привезут пирожные с горячим кофе? Не проще ли было набрать номер больницы или жандармерии? И что за странное имя — Ортега? Больше походило на позывной, как у социалистов — те вечно играли в конспирацию, используя иностранные фамилии, или того хуже бомбистов, готовых подорвать любого ради воплощения в жизнь собственных идеалов.

Нужно было бежать прочь — сверкая пятками, но вместо этого я вернулся. Занял позицию в проулке напротив бара и принялся ждать.

Где-то там на заднем дворе умирал человек, а может статья, уже умер. Доводилось слышать о том, что колотые раны в живот самые мучительные. От них долго умирают, испытывая невыносимые страдания. Куда более сильные, чем обычные колики в животе. Поди страшно ему, лежать одному в холодной ночи и надеяться на скорую помощь. Раз за разом перебирать в голове мысли, гадая: поможет неизвестный пацан — позвонит по указанному номеру или сбежит.

А я вот он, никуда не сбежал. Отплясывал чечетку из-за подступившего холода. Прятал онемевшие пальцы в карман и думал всяком разном: о спасении души, о грехах человеческих. Бабушка Лизавета учила, что помочь угодившему в беду первое дело. И если я хочу попасть на небеса, то должен поступать сообразно христианским заповедям. На словах то красиво звучало — заслушаешься, в особенности, на полный желудок. А что делать, если других вариантов не осталось и воровство — единственный шанс не помереть с голоду? Неужели нельзя было придумать сноску к восьмой заповеди: не укради, но ежели остался сиротой, то немного можно. Совсем чуть-чуть, маленечко, не больше двух раз в день. Но нет же, сказано — не кради и всё тут. Из-за подобной категоричности чаша грехов моих переполнилась, и потребуются приложить немало усилий, чтобы уравновесить весы. Хотелось надеяться, что ангелы сейчас наблюдают за мной, строго фиксируя все произошедшее в отдельную папочку добрых дел. Иначе вариться Лешке Чижову в адском котле до скончания века.

Сколько раз доводилось видеть картинки судного дня: яркие языки пламени, облизывающие тела скрючившихся грешников. Тогда это казалось страшным, а сейчас только и думалось о том, как бы согреться.

Я подпрыгивал на месте, ходил туда-сюда, поджимая замерзшие пальцы в ботинках. И до того увлекся, что едва не пропустил важного момента, ради которого, собственно, и остался. Сначала послышался шум рокочущих моторов. Он нарастал с каждой секундой, до тех самых пор, пока полосы яркого света не выхватили из темноты заваленный мусором закоулочек. У входа в бар остановилось три Студебекера. Захлопали дверцы, выпуская наружу людей. Двое бросились к крыльцу и принялись тарабанить в дверь. Двое других нырнули в щель меж домами, ведущую во внутренний дворик. Еще один побежал вверх по улице — в сторону, где располагался телеграф. И вот это мне не понравилось. Еще не хватало, чтобы они до Лешки-Чижика добрались. Объясняй потом, кто кого и за что прирезал.

Я осторожно отступил назад. Завернул за угол ближайшего дома и понесся во всю

прыть. До того лихо, что встречный ветер скинул с головы капюшон. Пересек небольшой дворик, заросший бельевыми веревками, что паутиной. Выскочил на соседнюю улицу и снова во двор. Натолкнулся на пьяного мужика, пытающегося сообразить, куда же он прудит: на стенку, на ботинки или же в собственные штаны. Нырнул под арку и уже оттуда напрямки до дома бобыля.

Всё бежал, а в голове колотилась мысль. Если важного господина спасут, сколько грехов спишется небесной канцелярией? Достаточно будет этого количества, чтобы попасть в рай? В то самое место, где ждали дед Пахом и бабушка Лизавета... В место, где была мама.

Глава 3. На память от персидской принцессы

Лука Лукич выслушал мой доклад в привычной манере, ни разу не перебив. Единожды вставал подлить кипятку в кружку и развести чаю — обычного, без сахара или варенья вприкуску. Первые дни я думал, что бобыль без пищи обходится. А что, живут же старцы в Оптиной пустыни? Бабушка Лизавета рассказывала, что тамошние монахи только на молитве да святой воде держатся. Тела иссохшиеся, а в глазах благодатный огонь горит — вона какая сила в людских сердцах сокрыта. Неужели и Лукич был из числа подвижников, что подвизаются аскезе, терзая оболочку телесную, дабы избежать греховных страстей?

Я мусорное ведро специально проверял — не было в ней остатков еды окромя той, что сам приготовил. Уважение к молчаливому бобылю возросло да заоблачных небес. И только спустя неделю я узнал истинное положение дел — Лукич не любил готовить. Все эти плоски и поварешки были не для него. Имелась при автомастерской столовая, там его и подкармливали. То же мне, выискался — подвижник... С высеченными из камня лицом и повадками матерого уголовника.

Спрашивал Лукич редко, но всегда по делу, обладая звериным чутьем на вранье. Вот и после доклада, он угодил прямоком в цель, поинтересовавшись:

— Говоришь, не видел больше того респектабельного?

— Не-а, — выпалил я. Для достоверности замотал головой, а у самого внутри так всё и обмерло. Врать было страшно, особенно под присмотром цепких глаз Лукича.

— Х-м... Может он через черный вход ушел?

— Нет, не может. Черный ход в глухой колодец ведет с высокими стенами по периметру. Единственный вариант выбраться обратно на улицу — через закоулок. Да и тот сетчатым забором перегорожен.

— Откуда знаешь?

— Ась? — испуганным писком вырвалось у меня.

— Откуда знаешь, что проход забором перегорожен?

— Так это... лазил в свое время. Туда продукты с истекшим сроком годности выносят и остатки еды.

Я нагло врал. Никто не подпустит чужака к столь хлебному месту, когда своих проглотов хватает... На улице знаменитого адмирала всем заправляла калюжская шпана. Старшаки её ходили под стригунами: следили за порядком, собирали дань, а салажата вроде меня тырили по мелочам. Работали чинно и благородно, как и надлежит в престижном районе трущоб. Людей по беспределу не били, но стоило покушаться на их территорию: забытую сумочку подобрать или булочку стащить — жди беды: выследят не хуже жандармских, да поколотят за милую душу. Потому и не крутились босяки вроде меня на улице знаменитого адмирала. По делам не крутились, а полюбоваться фасадами красивых зданий — пожалуйста, приходи.

Знал об этом Лукич? Может и знал, только виду не подал. Сделав глоток из кружки, снова спросил:

— Тех расписных опознать сможешь?

— Да.

— Почему решил, что они связаны с исчезнувшим господином?

— Чуйка.

Лицо бобыля дрогнуло — это он так улыбался. Не уголками рта, а собранными морщинами.

— Знаешь, чем мужская чуйка от женской отличается? У баб она на эмоциях основана, а у нас на жизненном опыте и наблюдательности. Опыта у тебя нет никакого, значит что-то такое увидел.

Я задумался лишь на мгновенье, после чего выпалил:

— Двигались они странно.

— Поясни.

— Всякому известно, что стригуны держат Калюжку, потому и ведут себя по-хозяйски: ходят на расслабоне, смотрят по-особенному. Эти же, — я замялся, пытаюсь подобрать правильные слова, — напуганы были... Нет, не так — встревожены, как будто случился большой шухер.

— И всё?

От сурового взгляда бобыля мигом вспотели ладони. Я и звука выдавить не смог, ожидая неминуемого разоблачения. Хвала небесам, всё обошлось. Лукич легким кивком указал на дверь — мол, свободен. Сам же остался на кухне, пить чай. Спустя полчаса снял ружье со стены и вышел во двор, совершать привычный обход.

Дом погрузился в тишину. Было слышно, как тикают настенные часы в гостиной. Я вертелся на раскладушке, пытаюсь заснуть, а из головы все не шел последний разговор. Почему решил соврать? Почему не сказал Лукичу всей правды о попытках спасти господина «У»? О телефонном звонке в кафе и о подъехавших к бару автомобилях? Чего испугался?

Ведь если разобраться по существу, наказывать меня не за что. Работу свою выполнил честно, а то что самодеятельность проявил... Ну так не было иных распоряжений. Вот если бы сказано было следить и не дергаться, тогда совсем другое дело. И все же соврал... Может потому, что понимал логику атамана и его подручных, понимал ход их мыслей. Про некоторые вещи проще умолчать, чем попробовать объяснить. Не про грехи же на чаше рассказывать? Сейчас мне и самому казалось это глупым — спасти неведомо кого, неведомо зачем. И чем больше ворочался, тем глупее ситуация становилась.

Ставшая вдруг неудобной раскладушка, жалобно скрипела. Я вертелся юлой до самого утра, и только когда за окном стало светать, удалось забыться.

Дурным вышел сон, нехорошим. Словно вместо Ортеги спасал самого антихриста. И тот, разразившись бурным смехом, залил небеса алым цветом. Из нависших туч хлынул кровавый дождь. Пенящиеся волны сходили с гор сплошным потоком, затапливая города и села. Смывали все, что было построено человеком, любую память о нем.

Проснулся я с криком, весь вспотевший и мокрый от ужаса. Пришлось попрыгать на левой ноге и обернувшись, трижды выкрикнуть: «куда ночь — туда плохой и сон». Авось не случится.

Лукича по-прежнему не было дома. Пустовало и место на стене, где имело обыкновение висеть ружье.

Приготовил на скорую руку яичницу — позавтракал. Убрал в чулан раскладушку, чтобы не мозолила глаза — уж больно бобыль не любил беспорядок. Накинул капюшон и выбежал на улицу. Легкий морозец тут же принялся щипать и холодить щеки. Под ногами захрустела покрытая корочкой льда лужица. Видать, неудачно вчера проводили зиму, коли она никуда не ушла. Сколько стараний было приложено: вычистили площадь, устроили гуляния, сожгли за городом десятиметровую Маслёну — и все напрасно. Ледяная барыня продолжала

разгуливать по поселку, пощипывая носы редких прохожих.

Планов на сегодня было громадье. Дед Пахом частенько брался за ручку, чтобы чего не упустить. Терял бумажку, искал, не находил, записывал снова и так по кругу каждый день. Я же забывчивостью не страдал, потому по памяти сверился со списком. Первым в перечне важных дел шел Гринька. Приятель вот уже два месяца не показывался на улице. С того самого злополучного вечера, когда я бросился в драку с пьяным Михасём. Неужели обиделся за то, что оставил одного на крыше? Гринька такой, с него станется. И плевать ему на обстоятельства, что я сам едва ноги унес. Видите ли, обиделся он... Чай не маленький, сумел обратную дорогу найти.

Несколько раз я приходил к его дому, кидался камешками в окно, но приятель не показывался. Вместо него это делали сестрицы: корчили рожицы, высовывали языки. Один раз самая мелкая открыла окно и прокричала, чтобы катился колбаской по Малой Спасской, а другой раз обозвала обоссанцем, и чуть подумав добавила, что ейный брат с уличными оборвышами дел не имеет. Вот ведь коза драная... Сроду не имел привычки в штаны дудить, что сейчас, что по малолетству.

Однажды я подкараулил Гриньку на улице, тащившего сумки вслед за маман. Свистнул, а тот даже не обернулся — прошел, будто мимо пустого места.

В таком поведении не было ничего удивительного, ибо Гринька по природе своей был обидчивым. Обижался, когда проигрывал в пятнашки и чику. Обижался, когда оказывался не прав в споре. Обижался, когда у меня у первого появился ножик и обрадовался, когда я его потерял. Обижался на размазню и слабака, хотя таковым и являлся.

Обыкновенно Гринькиных обид хватало на два-три дня домашнего затворничества, а потом он выходил на улицу. Первым протягивал руку и улыбался, как ни в чем не бывало. Только не в этот раз... Может папаня запретил водить со мной дружбу? Ну так он и раньше против был. Сколько раз гонял со двора на пару с отмороженным дядей. А может маманя запрягла домашними делами? Тоже сомнительно... Для уборки по дому имелся целый выводок неугомонных сестриц. Гринька хвастался, что даже посуду за собой не моет. Дескать не мужское это дело, сковородку от жира очищать. Тогда что остается?

Я рассчитывал получить ответы, но увы — все закончилось, как в прошлый раз. Сначала за окном промелькнула тень похожая на Гриньку. Постояла напротив и исчезла. Потом возникло две новых. Та, что была поменьше, прислонилась к стеклу, продемонстрировав наглуую конопатую рожицу. И без того вздернутый носик превратился в свинячий пяточок. Вышло забавно и в другой раз я бы обязательно посмеялся, но только не сейчас. Уж очень хотелось видеть приятеля.

Очередной камешек со звоном угодил в подоконник. За спинами дразнящихся сестер возникла высокая тень. Это был кто-то из взрослых: отец или того хуже, больной на голову дядька. Тот однажды гнался за мною целую улицу, выкрикивая проклятия и грозя зашибить до смерти. С ним я точно не хотел иметь дел, потому счел за лучшее уйти. Свидимся рано или поздно, никуда Гринька не денется.

Следующим пунктом по плану шла пекарня. Я не забыл о месте, когда-то подарившим приют, потому и навещался регулярно, покупая то краюху хлеба, то булочку с маком, то кекс. Забавно, что хозяин не понимал причину моих частых визитов. А однажды прямо спросил:

— Парень, по тебе сразу видно, что лишняя денюга в карманах не водится. Может лучше магазинчик через дорогу? Там подешевле будет.

— И вкус похуже, — возразил я.

Хозяин пекарни улыбнулся и вопросов больше не задавал.

Он никогда не брался за хлеб голыми руками, предпочитая работать в специальных перчатках. Лично упаковывал товар, то и дело норовя подсунуть лишнее. Особенно часто он обсчитывался с чесночными булочками. Закажешь семь штук — придешь домой, откроешь, а там с десятков лежит. От подобного отношения на душе становилось теплее. Сразу видно, хозяин пекарни человек хороший. Жаль только, с женой ему не повезло, уж больно властная женщина в супруги досталась, сварливая до жути. И сын непутевым родился.

Не сладилась у отпрыска помолвка с первой красавицей Центральной. Севастьян все реже появлялся на рабочем месте и все чаще мелькал в питейных заведениях. Дурак-человек, разве можно из-за девчонки так убиваться, когда их по улицам вона сколько ходит. Глаза открой пошире и выбирай. Иное дело родители — они у тебя одни, и других больше не будет — никогда... Так зачем родным сердце рвать?

Жалко было его отца — этого доброго и непривычно мягкого для трущоб человека. Вот бы мой папка был таким. Я бы его точно расстраивать не стал. Вставал бы с первыми петухами и работал плечом к плечу до самого заката. Дурак-человек, ежели не ценит того, что имеет.

Пекарь встретил меня привычной улыбкой. Стоило звякнуть дверному колокольчику, как он тут же обернулся и поприветствовал:

— Чего желаете, молодой человек? Может чесночных булочек с пылу с жару или особого Бородинского?

Я вдохнул аромат свежей выпечки и огляделся. Прилавок буквально ломился от разного вида изделий. Скольких усилий стоило все это приготовить, и сколько из нереализованного уходило за бесценок в одну из местных забегаловок. Увы, век хлеба недолог.

— Хочу пирожных, — ткнул я пальцем в дальний конец. Обыкновенно сладостями здесь не торговали. Максимум — посыпанной сахаром ватрушкой, или пирожками с джемом. Но иногда на хозяина пекарни находило вдохновение. И тогда на прилавках появлялись ОНИ — эклеры. Покрытые темной помадкой, с наивкуснейшим заварным кремом внутри. Я рассчитывал на них сегодня и вот свезло.

— Так-с, эклеры молодому человеку... И сколько завернуть?

— Все!

— Все? — хозяин пекарни застыл в недоумении. Его можно было понять: на прикрепленном к подносу ценнике значилось шесть копеек за штуку. Дорогое удовольствие по меркам трущоб.

— Эклеры? — переспросил он снова, чтобы удостовериться.

— Они самые.

— Целый поднос?

— Да. Сколько там штук наберется?

Оказалось, ровно четырнадцать. Хозяину пекарни даже не потребовалось посмотреть, чтобы назвать точную цифру.

— С вас семьдесят шесть копеек, — после недолгих расчетов озвучил он итоговую сумму.

— Восемьдесят четыре, — поправил я, тут же получив в ответ знакомую улыбку.

— Скидка за опт, молодой человек.

Хозяин пекарни принялся шелестеть бумагой, упаковывая купленные сладости, а я

вытащил монеты. Вывалил все скопом, и пока продавец пытался собрать разбросанную по прилавку мелочь, вихрем вылетел наружу, не забыв прихватить пакеты.

Скидка... то же мне выдумал. В розничных магазинах отродясь оптовых цен не водилось. А уж тем более в таких специализированных, как булочная или кондитерская. Жалко ему стало оборванца с улицы, вот и сбил цену. А мне такая забота поперек горла. То же мне, жалельщик выискался... Ежели всех жалеть никакого сердца не хватит.

В руках шуршали груженные сладостями пакеты. В карманах ощущалась непривычная легкость, но я несколько не переживал о потраченном. Все равно планировал спустить деньги на аттракционы, так какая разница?

Главное, чтобы старшаки по дороге не пристали с требованием показать, чего в пакетах лежит. По уличным понятиям всего не отнимут, но даже одного эклера для этих уродов было жалко.

Я специально выбрал обходной маршрут, избегая наиболее опасных улиц. И только спустя полчаса, проплутав по узким закоулкам, добрался до Желтых Фонарей.

Два месяца я здесь не появлялся. Два долгих месяца мечтал разбить все окна и сжечь бордель дотла. И вот пришел с руками полными гостинцев. Обошел заведение с черного хода. Изловчившись, отбил положенный ритм.

Дверь долго не открывали. Наконец в коридоре раздались тяжелые шаги. Следом послышалось недовольное ворчание, словно разбудили старого пса. Замок щелкнул и на пороге появилась высоченная фигура Густава. Я очень надеялся, что будет другой вышибала. Тот, у которого будет меньше поводов спустить меня с крыльца. На всякий случай взглянул на волосатую руку. От давнего укуса не осталось и следа, даже малейшего шрама, хотя цапнул я его тогда знатно.

— Ну, — пробурчал вышибала в своей привычной манере.

Я высунул голову из-за пакетов, давая возможность себя разглядеть.

— Ты в курсе, что пароль сменился? — спросил Густав после недолгой паузы.

Я промолчал.

— Три коротких, один длинный, один короткий, — произнес он и снова воцарилась тишина.

Нельзя было и надеяться переиграть Густава в молчанку. Он был таким же невозмутимым, как кирпичная стена и таким же сообразительным, потому я сдался первым.

— Мне снова постучать или пропустишь?

Густав уперся взглядом в пакеты. Пришлось открыть один из них, продемонстрировав сладкое содержимое.

— Эй куда? — крикнул я, но было уже поздно. Одно из пирожных скрылось в пасти вышибалы.

— Вкусные, — пробормотал Густав и наконец соизволил освободить проход. На нижней губе громилы повисла капелька заварного крема. Этому все будет вкусно, что выглядит аппетитней жеваного сапога. Да и тот бы проглотил, намажь сверху вареньем.

Прикрыв телом гостинцы, я проскользнул внутрь. Привычным маршрутом проследовал по спящему борделю. Поднялся по винтовой лестнице на второй этаж. До комнаты Мари оставалось пройти пару метров когда из соседней комнаты выпорхнула Ясмин — стройная девушка цыганской наружности. Завидев меня, она взвизгнула от радости и кинулась обнимать. Бежать было поздно... Все что оставалось — это спасти эклеры от неминуемой участи быть превращенными в сладкую кашицу.

Захлопали двери одна за другой. Из проемов стали появляться заспанные лица ночных бабочек. И вот я уже стою в окружении щебечущих девиц. Одни тискают, другие щиплют за щеки и бока, третьи треплют волосы. Подпирают, и давят — давят со всех сторон. Отчаянным движением сую пакеты в чужие руки, кричу на прощанье:

— Оставьте один для Мари!

Теперь все что остается — отдаться на волю смеющейся толпе.

Каждый извиняется по-своему. К примеру, парни пожимают плечами — мол случилось, с кем не бывает. Вид при этом имеют серьезный, чуть виноватый. Девчонки, напротив, любят переводить все в шутку. И чем больше они смеются, чем больше тискают, тем больший груз вины лежит на их плечах.

Я долго не мог выбраться из кружащегося хоровода. Меня мяли и обнимали, в меня тыкали пальцами: под ребра, в живот, шею — куда достанут и куда попадут. Казалось, живого места не останется на теле. Особенно усердствовала мама Роза — самая опытная из работниц Желтых Фонарей. Женщина имела на удивление объемные груди, ими же меня и придавила. Сомкнувшийся над головой полукружья лишили доступа к кислороду.

Захотелось позвать на помощь Мари, но я знал, что её здесь нет. Иначе давно бы отбила от разыгравшихся, а потому напоминавших стаю диких кошек девчонок. Отманикюренные ногти царапали кожу не хуже крючковатых когтей.

Хвала небесам, творящуюся вакханалию прекратила мадам Камилла. Появившаяся в коридоре хозяйка застыла в позе каменной горгульи: приоткрыв рот и выдвинув вперед длинный, похожий на клюв нос. Некоторое время она молча наблюдала за кучей-малой, а потом гаркнула во всю глотку:

— Девочки, разошлись! *Vite, vite!!!*

И работницы разбрелись послушным стадом овец: зашаркали тапочками, захлопали многочисленными дверьми. Я остался стоять один — порядком помятый, в тошнотворной ауре духов и паров шампанского. От последнего кружилась голова или виной всему полукружья мамы Розы, едва не подарившей сладкую смерть?

— Чего застыл или тебе особое приглашение нужно? — провизжала недовольная старушенция.

Я собирался сказать, что никуда меня не звали, но мадам Камиллу подобные мелочи не интересовали. Обернувшись к застывшему у стены охраннику, она приказала:

— Яго, сопроводи *gamin de rue* в мой кабинет. И смотри, чтобы эти шаловливые ручки ничего не прихватили по пути.

— Будет исполнено, мадам.

Офис находился на чердаке, переделанном под служебное помещение. Сама мадам Камилла называла его на французский манер *mansarde*. Вот только чердаком от этого он быть не перестал. Под потолком тянулись покрытые влагой трубы, с некоторых капало в заранее подставленные ведерки. Следов плесени не наблюдалось, но я чувствовал её затхлый аромат наравне с запахом прелой древесины. Пожалуй, это было единственным местом во всем здании, не вопящим — я бордель! Никакой тебе красочной мишуры, вызывающих картин и скульптур, демонстрирующих подробности человеческого тела. Сама комната скорее походила на скучный банковский офис со всеми втекающими. Разве что хозяйка выбивалась из общего фона. Даже жарким летом мадам Камилла имела привычку носить меховую накидку, скрывающую костлявые плечи. В отвислых мочках поблескивали

массивные сережки, а на морщинистой шее камнями горело дорогое кольцо.

Отослав жестом вышибалу, хозяйка подобрала платье и уселась в кресло. Водянистые глаза уставились на меня.

— Pourquoi?

— Чего? — не понял я.

— Спрашиваю, за каким чертом тебя сюда принесло?

— Я это... вроде как подрабатывал у вас.

— Именно! — непонятно чему обрадовалась старушка. — Именно, что подрабатывал, а теперь тебе здесь не место. Ты уволен!

— С каких это пор?

Мне вдруг стало очень обидно. Лешку Чижова много откуда выгоняли, но чтобы уволить — такое впервые. И главное, за что? Работу свою выполнял честно, ни разу не своровал и даже денег не кланчил.

— С тех самых пор, как стал на побегушках у атамана малажского. Или думал, не прознаю о новом постояльце в доме Лукича: нестриженном, немытом, твоего роста и физиономией один в один — такой же наглой и чумазой, — меховая шаль колыхнулась, словно мадам вдруг стало зябко. Она на несколько секунд задумалась, но все же спросила: — ты знаешь, кто такой Лукич?

— Бобыль один, — пожал я плечами, — работает сторожем при автомастерской.

— *Mon ami*, ты или хитер без меры или слишком глуп. Впрочем, последнее ничего не меняет. В квартале Желтых Фонарей твоей ноги больше не будет.

— Но почему?

— Потому что я так сказала!

— Но как же так? Я... Я могу поклясться, что против вас ничего не замышляю, и даже в мыслях такого нет.

Повелительный жест морщинистой руки заставил умолкнуть. Хозяйка кабинета выглядела недовольной. Выпятив нижнюю челюсть, ну прямо один в один горгулья с картинки, она вдруг гаркнула:

— Тебе мало того, что уже случилось? Этот чертов громила, этот *fils de pute* заявился в кабинет и пригрозил спалить МОЁ заведение, если не выдам мальчишку, осмелившегося напасть на их гостя. Один из случайных свидетелей опознал тебя.

— Случайных? — не выдержал я, усмехнувшись. — Эта была ваша шлюха, мадам... Блондиночка из числа новеньких.

— *Ferme-la!* — взвизгнула мадам. — *Ne parle pas comme ça!* Это МОИ девочки и только я имею право их так называть.

— Да как угодно, — пожал я плечами. Хотел продемонстрировать показное безразличие, но вместо этого дернулся, будто от нервного тика. Уж слишком много обиды и злости скопилось внутри — Я защитил вашу девочку, а она поступила как последняя... Валялась в грязи, пока её били ногами. Никто на выручку не спешил — ни единой живой души. Даже ваш Яго не дернулся, а я помог! Слышите меня — ЭТО Я РИСКНУЛ ЖИЗНЬЮ а вы вместо слов благодарности гоните за порог, словно шелудивого пса. Ты уволен... Да пожалуйста! Только в следующий раз, когда из вашей барышни сделают отбивную, не плачьтесь. Вы и эта тупая блондиночка. Я до последнего верил, что она меня не сдаст, что существуют хоть какие-то понятия о правильности и..., - и обида захлестнула меня с головой. Заполнившие глотку сопли душили, поэтому пришлось приложить немало усилий,

чтобы не пустить слезу. Еще не хватало разрыдаться на глазах у зловерной старушки.

— Успокоился? — поинтересовалась она, стоило подойти к концу моей обличительной речи. — Платочек не предлагаю, у тебя для этих дел рукав имеется.

— Очень смешно, — процедил я сквозь зубы.

— А похоже, что я смеюсь? — мадам Камилла озадаченно уставилась на меня. — Не вижу ничего забавного в сложившейся ситуации. Особенно когда бросаются лживыми обвинениями... Да, моих девочек трудно назвать образцом добродетели, но и у них существуют понятие чести. Жульетта не сдавала тебя ... Это сделал какой-то мальчишка — очередной *clochard*, пойманный на крыше соседнего здания. Он и наговорил со страху, как тебя зовут, где чаще всего бываешь. Ну и про мой *salon* не забыл упомянуть. А уж когда стригуны в гости нагрянули... Теперь понимаешь, что выбора у меня не оставалось.

В старину существовало выражение: «обухом по голове». Вот этим самым обухом меня сейчас и огрели. *Поймали мальчишку на крыше...* неужели Гринька! Он получается, больше некому. Избитый Михась своими криками переполошил стригунов, а те в свою очередь принялись прочесывать местность. Переловили всех подозрительных, схватили в том числе и моего приятеля. Он же тюфяк, не сообразил сразу, что нужно драпать. Поди лежал с открытым ртом, наблюдая за увлекательными событиями.

Гринька-Гринька, ах ты ж сукин сын! Вот почему на улицу нос не кажешь. Боишься, что прознаю про твое предательство? Ну ничего, изыщутся способы тебя из дома выманить. Если потребуется, силой вытащу. И родители не помогут, и отмороженный дядя с рыжими сестрицами. Отлуплю за милую душу, чтобы знал как друзей сдавать. Какой же гад, а!

Даже не знаю, о чем больше беспокоиться стоило: об этом козле или о том, что мадам Камилла в курсе про Лукича. Если она сумела разнюхать...

— И много народу знает, где я теперь обитаю?

— Умоляю, — поморщилась старушка, — кому интересна жизнь какого-то там бродяжки. Просто я имею обыкновение знать ВСЁ про работающих на меня сотрудников во избежание неприятных сюрпризов.

— Выходит, я никому не интересен?

— *Pas intéressant*, — подтвердила мадам.

— И конфликт со стригунами исчерпан? Тогда зачем уволили?

— Я же сказала — во избежание.

— Все равно не понимаю, — признался я.

Старушка скорчила недовольную гримасу. Лицо её — маленькое и сморщенное, напоминало мордочку ручной обезьянки, а мех на плечах лишь увеличивал сходство.

— *Débile*, — произнесла она одно единственное слово. И что самое обидное, понятное без перевода.

— Вот только обзывать не надо. Я не одна из этих ваших девочек... точнее, не один. Работал на совесть, ни разу не своровал, а вы взяли и выпихнули за порог... *карга старая*.

Последние слова произнес очень тихо, но меня услышали. В давно выцветших глазах полыхнуло яростное пламя.

— *Tire-toi, vite!*

— Что?

— Я сказала, проваливай! — сухонькая ручка старушеницы на дверь. Я попытался было возразить, но мадам вдруг взвизгнула: — Яго, олух царя небесного, где ты!

Дверь распахнулась и на пороге показалась массивная фигура вышибалы с пустым

выражением лица. Такому прикажи прибить и прибьет не задумываясь, просто потому что нечем.

— Вышвырни этого *esculé* прочь из моего заведения! И предупреди остальных, чтобы не вздумали пускать на порог. Если узнаю — выпорю!

Озадаченный Яго уставился на меня.

— Чего ждешь! Ногой под зад его!!! — завизжала похожая на мартышку хозяйка кабинета.

Пока Яго пытался сообразить, где у этой мелочи заднее место, я изловчился и проскользнул в щель. В узкое пространство, образовавшееся между тушей охранника и косяком.

— *Bordelde merde!* — неслось в спину, а я уже летел вниз по лестничному пролету. Сбил попавшуюся на встречу девушку и та, охнув, осела на пол. Выпущенный из пальцев бокал разбился на мелкие кусочки, а я бежал дальше — по коридору первого этажа, мимо растерянных девиц, мимо дремавшего в кресле Густава. Подлетел к выходу и щелкнув замком, навалился всем весом — тяжелая дверь подалась неохотно.

Я не стал ждать, когда та откроется полностью. Продрался сквозь узкую щель, оставив изрядный клочок и без того драной куртки на косяке. Вывалился в заставленный ящиками дворик и, не став дожидаться погони, захлюпал к видневшемуся впереди проулку. Внутренности душила невыносимая обида на гада Гриньку, заложившего стригунам, на мадам Камиллу, на её девочек. Купил свежих эклеров — дурак, лучше бы сам всё сожрал...

— Кавалер!

Я дернулся от окрика, словно от удара хлыстом. Обернулся и увидел спешащую следом фигурку Мари. Одета девушка была неприлично, и это еще мягко сказано. На улицу в подобном лучше не выходить. Корсет платья был утянут столь сильно что, казалось, шарики груди вот-вот выпрыгнут наружу. Голые руки — тонкие и худые, как у подростка, держались за ткань, пытаясь приподнять края платья. Это выглядело странным с учетом его длины. Короткое спереди, оно обнажало белые ноги, бесстыдно демонстрируя всем желающим нижнее белье, зато сзади волочилось шлейфом.

— Подожди, — прошептала она, пытаясь восстановить дыхание. Оперлась о меня рукой и несколько секунд приходила в себя. Я же, отвернувшись, старательно не смотрел на вздымающуюся грудь. Та находилась слишком близко, обжигая щеки живым теплом.

— Тополиная семнадцать, квартира восемь... Приходи сегодня вечером, буду ждать.

И оттолкнув меня, словно надоедливую кавалера, поспешила обратно — в сторону серой громады борделя.

Раньше не доводилось бывать в гостях у Мари. Я даже не знал толком, где она живет. Среди девочек мадам Камиллы существовал негласный запрет на разглашение личной информации. Оно и понятно, окружающие были крайне нетерпимы к выставленным на всеобщее обозрение грехам. Свои прятали за семью замками, а в чужие норовили ткнуть пальцем — вона она какая.

В прошлом году одну из работниц мадам выселили на улицу в самый разгар зимы. Кто-то опознал в скромной девушке ночную бабочку, вот соседки и взбеленились: «*да она моего мужа уведет, да она сына окрутит, еще и заразу по подъезду разнесет*». Повезло, что обошлось без побоев.

Именно поэтому работницы борделя пользовались вымышленными именами, носили

маски и скрывали лица за таким обилием шпукатурки, что без оной не распознаешь. Миры ночных бабочек и серых мышек никогда не пересекались. В одном звенели наполненные шампанским бокалы, играла музыка и курился дым благовоний, в другом унылые наряды до пят и укутанные платками головы. Две реальности, которым нельзя пересекаться, если только не планируешь сорваться с места и бежать в неизвестном направлении, попутно собирая плевки.

Наученные горьким опытом девочки мадам не доверяли никому: ни проверенным клиентам, ни друг дружке. И вдруг Тополиная семнадцать... Кто я для неё — обыкновенный уличный мальчишка? Тогда откуда такое доверие?

До вечера я занимался обычными делами. Прошелся по рынку, прислушиваясь к местным сплетням. Все было как обычно: погода, налоги и очередная пассия ударившегося в загул наследника престола. То ли актриса, то ли балерина... Посмотрел, как продавец овощного магазинчика приторговывает пакетиками с дурью. Это было забавное зрелище — наблюдать, как богато одетая молодежь толпится возле прилавка с кочанами капусты. Столько отвращения было написано на их лицах, столько презрения. Одна из девушек не переставая жаловалась на невыносимую вонь. А ты как думала — в райские кущи попала? Извлеченные из погреба овощи обладали неповторимым ароматом прелости, а еще они имели обыкновение подгнивать. Эх, жаль не разместили точку в мясной лавке. Там не только запах поганый, но и виды соответствующие: с потрошками, копытцами и пороссячьими пяточками.

Побродив меж торговых рядов, спустился проулками до Южных ворот. Машин на парковке было мало — видать отдыхал народ после вчерашнего праздника. Отдыхали и работники заправки. Курносый Тоша смолил папироской, спрятавшись за кирпичное здание склада. Дурак-человек, одного предупреждения ему мало? Скоро второе выпишут за курение в неположенных местах, а за третье выпрут на улицу.

Я подошел к парню и пожал протянутую руку.

— Как оно?

— А-а, — протянул невнятное Тоша. Дернул плечами, подмерзая на свежем февральском воздухе. Одна из лямок рабочего комбинезона болталась на поясе, а из-под штанов наружу торчал край футболки. Корпорация «А. И. Манташев и Ко» заранее позаботилась о подчинённых, выдав комплект теплой одежды. Однако не все подчиненные это ценили. К примеру, Тоша постоянно забывал куртку в каптёрке, а после шмыгал простуженным носом.

Держащие сигарету пальцы заметно дрожали от холода.

— Не боишься? — кивнул я на висящий за спиной парня плакат. На нем были изображены последствия нарушения техники безопасности в виде грибовидного облака взрыва и обгоревших до неузнаваемости тел. Внизу краснела предупреждающая надпись «**на заправке не курить**».

— Не дрейфь, Чижик, — ухмыльнулся парень, — до сюда пары бензина не доходят, а значит и гореть нечему.

— А ты почему знаешь?

— Наука, брат, — загадочным тоном произнес Тоша.

Я не стал уточнять, что он имел в виду. И без того знал, что вся Тошина наука заключалась в трех классах церковно-приходской школы и двух — общественной. Из последней парня выперли с формулировкой «за неспособность к образованию и

систематическое нарушение дисциплины». И слоняться бы Тоше по улице, если бы не батя, сумевший вовремя подсуетиться и пристроить отпрыска на работу.

Мы стояли и молчали каждый о своем. Я думал о том, до чего же хреново иметь сына-разгильдяя, а Тоша просто смолил сигареткой. Выкурил её на пацанский манер, до самого фильтра, бросил на землю и закопал носком ботинка в грязь — вроде как спрятал до весны.

— Чижик, говорят, ты в квартале Желтых Фонарей ошиваешься?

— Кто говорит?

— Люди.

— Люди разное говорят.

— Малой, ты цену-то себе не набивай. На районе каждому известно, кто у мадам Камиллы на побегушках.

Я не стал разубеждать собеседника в обратном. Да и какой в этом смысл? Пускай для начала выкажет свой интерес, а мы подумаем, что из этого можно выжать.

Приняв молчание за знак согласия, парень продолжил:

— Работает в борделе одна девчонка — Розалиндой зовут, смугленькая такая.

— Мама Роза? — удивился я, вспомнив объемистую женщину с пышной грудью.

— Да какая мама?! Это же старуха тридцатилетняя. Я тебе про гибкую цыганочку толкую, похожую на арабскую принцессу. Она по заведению в синих шароварах разгуливает, на лице полупрозрачная вуаль, а у самой пупок открытый. И животик такой плоский, красивый.

— Это Ясмин.

— Да? — Тоша засомневался, — а парни говорят, Розалинда.

Я фыркнул, демонстрируя презрительное отношение к источнику информации. На заправке работали прыщавые пацаны лет пятнадцати-шестнадцати, им-то откуда знать? Пользоваться услугами борделя разрешалось лишь при достижении совершеннолетнего возраста. Все строго придерживались этого правила: и жандармы, и девочки мадам Камиллы и вышибалы на входе. Без паспорта в заведение лучше не соваться, особенно если выглядишь, как малолетний сопляк.

— Короче, Чижик, передай цыганочке весточку. Что так мол и так, есть парень Антон — весь из себя видный, при деньгах. Желает встретиться в неформальной обстановке — сводить в ресторан, обсыпать лепестками роз. Ты только намекни покрасивее, чтобы согласилась, а я целковый заплачу.

— Прямо целковый? — не поверил я.

— Зуб даю, — Тоша обнажил шербатый рот, демонстрируя предмет залога.

— А если не согласится?

— Тогда и деньгу не увидишь.

— Ха! Ищи лохов в другом месте, — я презрительно сплюнул под ноги.

— А чё ты не устраивает? — возмутился Тоша

— А ничё... Я значит буду лезть на глаза, красиво расписывая мальчика Антошу, а мальчик Антоша за это хрен с маслом?

— Значит лучше старайся.

— Не-е, не прокатит, — покачал я головой, — Чижик бесплатно не работает. Да и сам посуди, что со мной сделают, если прознают о попытке соблазнить девочек подработкой на стороне. У мадам Камиллы с этим строго — встречаться с клиентами исключительно в стенах заведения, чтобы ни одна копейка не утекала мимо кассы.

— Блин, — расстроенный парень почесал затылок, — и чё теперь делать?

Забавно, как порою складывается ситуация. Три недели я обхаживал Тошу, угощая заранее припасенными сигаретками. Три недели травил байки и мерз за компанию, прячась за кирпичной стеной склада. Всё думал, с какого бока подойти.

Дело в том, что заправка располагалась у Южных ворот — аккурат напротив рыболовного магазинчика, приторговывавшего наркотой. Если на рынке барьжыли по мелкому, все больше в розницу, то здесь и клиент шел побогаче, и представленный ассортимент баловал разнообразием.

Лукича это место интересовало особенно, потому и отправил сюда первым делом. Я покрутился пару дней, разнюхивая что к чему, и нарвался на охрану. Кто же знал, что наблюдение в магазинчике поставлено с размахом, даже видеочамера имелась над входом. Вычислили меня на третий день, сопроводив в комнату для беседы. Пришлось врать на ходу, сочиняя нелепую историю про друга Антона, работающего на соседней заправке. Прокатило, но я что называется «засветился по полной». Теперь любое мое появление возле магазинчика вызывало повышенное внимание со стороны местной охраны. По улице просто так не пройдешься и укромных уголков вокруг нет: с одной стороны шел высоченный забор, с другой — открытая всем ветрам парковка. Имелась еще заправка напротив, но с неё наблюдательный пункт не устроить — сразу спалят, либо работающие пацаны, либо бдительная тетка за кассой. И объясняй потом, чего за колонкой тёрся.

Долго я ломал голову, соображая, как лучше обстряпать дела. А тут еще Лукич насел: раздобудь ему информацию, да раздобудь. Что за красный внедорожник у магазинчика паркуется, под какими номерами и кто за рулем сидит. Бобыля не заботили возникшие сложности с местной охраной, его волновал результат, а меня целостность собственной шкуры, потому и думал. Обхаживал Тошу в расчете на удачу, и вот привалило.

— Есть одна тема, — начал я издали, боясь спугнуть клиента, — магазинчик напротив знаешь?

— «Охотник и рыболов»? Да кто же его не знает, известное место в поселке. Любители хорошего клёва сюда со всей округи собираются, чтобы клёво провести время. Ну ты понимаешь, да? — хохотнул Тоша, довольный придуманным каламбуром.

— Парковку напротив видишь?

— Каждый день.

— И часто на ней красный внедорожник красуется?

Тоша перестал смеяться и уже с серьезным видом уставился на меня.

— Чижик, ты вокруг да около не ходи, чай не девка красная. Говори сразу, к чему клонишь?

Сразу так сразу... Я вздохнул и выпалил одним махом:

— Я передам любовное послание Ясмин, если достанешь информацию про красный Студебекер. И будь уверен, распишу тебя цыганочке во всей красе.

— Чижик, чё за подстава? — не понял Тоша — Ты чё, из меня доносчика хочешь сделать? Повадился у фараонов на коротком поводке бегать?

Эх, слишком рано подсек рыбешку, не сдержался. Нужно было подольше поводить, подождать, пока наживку поглубже заглотит. Расписать прелести Ясмин, рассказать сколь горяча она бывает в постели. Не то чтобы видел её в деле... Главное было наврать с три короба, чтобы возбуждение затмило и без того невеликий от рождения разум. А теперь парень напрягся, начал что-то подозревать.

— Не хочешь, как хочешь... Дрочи и дальше на стенку.

— Да пошел ты, — Тоша зло сплюнул на землю.

И я пошел с самым независимым видом, засунув руки в карманы. Убеждать сейчас было бесполезно. Тоше нужно время, чтобы прийти в себя и успокоиться, и чтобы фантазии о горячей Ясмине захватили с новой силой. Вот когда созреет, тогда и поговорим.

Улица Тополиная по меркам трущоб считалась спокойной. Она располагалась вдалеке от питейных заведений и прочих притонов. И люди здесь жили мастеровые, все больше занятые работой, чем желанием выклянчить лишнюю копейку на опохмел. Многие содержали лавки на первых этажах, а неиспользуемые помещения сдавали в аренду: с газовой плитой и нормальной канализацией, не нуждающейся в еженедельной чистке от засоров. В одном из таких домов и жила Мари.

Стоило постучать, как за дверью послышался знакомый голос:

— Иду-иду.

Несколько раз щелкнул замок и на пороге показалась Мари. Раскрасневшаяся девушка выглядела мило в белом передничке, куда милее того наряда, что довелось увидеть утром. Кухонная варежка с изображением кошки была заткнута за пояс, а специальная шапочка удерживала копну светлых волос.

— Ой мамочки, опять чумазый, — всплеснула она руками, — и щеки, и лоб... Ты где так извозюкаться сумел?

Я хотел было объяснить, но слушать меня не стали: тут же отправили умываться, а сами вернулись к плите. С кухни долетел шкворчащей аромат жарящихся оладушек.

В крохотном санузле царил уют — умеют девушки, что и говорить... Не то что в доме бобыля с потрескавшейся плиткой, да живущими под ванной мокрицами.

Полочка над раковиной оказалась уставлена разноцветными тюбиками. Душистое мыло вкусно пахло клубникой, и я не удержался — лизнул, а после долго полоскал рот, пытаясь избавиться от едкой горечи.

— Не крутись под ногами, — прикрикнула Мари, стоило мне зайти на кухню, — лучше помощи накрыть стол.

А чего там накрывать? Белая скатерть есть, ложки и блюда имеются, укутанный в полотенце чайник — в наличии. По центру обнаружили две вазочки с абрикосовым вареньем. Янтарная жидкость звала, манила окунуть в неё палец. И я почти решился, но тут снова раздался голос Мари:

— Кавалер, достань кружки! Верхняя полка в шкафу!

Старинная мебель занимала противоположную сторону комнаты. Я подошел и принялся разглядывать прозрачные дверцы. Обыкновенно девушки любили вставлять за стекло фотографии избранников, родителей или известных актеров. Но у Мари ничего такого не было, лишь тряпичная кукла выглядывала из-за стопки тарелок.

Взяв кружки, поспешил обратно к столу. Не успел толком усесться, как появилась полная оладий тарелка. Она плыла величественной каравеллой по воздушным волнам, оставляя следы клубящегося пара. Разумеется, плыла не сама по себе. Но я настолько был поглощен видом покрытых хрустящей корочкой оладий, что ничего другого не замечал.

Мари о чем-то спрашивала, болтала о пустяк, а я все ел и ел. Ел до тех самых пор, пока в переполненном желудке не заболело, но даже тогда умудрился закинуть парочку сверху. Откинулся на спинку стула и застыл, боясь пошевелиться.

— Может еще чаю? — поинтересовалась Мари.

Я лишь сдавленно хрюкнул, пытаюсь удержать рвущийся наружу комок.

— Или еще оладушек?

В моих глаза было столько мольбы, что девушка смилостивилась:

— Ну хорошо-хорошо... Могу предложить таблетку от тяжести в животе. Почему сразу нет? Что за странное суеверие перед лекарствами? Это абсолютно безвредная химия, ускоряющая процесс пищеварения. Не веришь? А хочешь прямо перед тобой одну выпью?

Я издал полустон, больше похожий на протяжное «не-а».

— Тогда извини, ничем помочь не могу, — Мари развела руками. — Остается только ходьба. Говорят, движение способствует перевариванию пищи.

Я слышал про такое, поэтому спустил переполненное тело со стула, и осторожно, чтобы ничего не расплескать, двинулся в сторону выхода.

— Ты куда это собрался? — раздался возмущенный голос хозяйки. — Я значит старалась, готовила, порядок в кои-то веки навела, а он даже поговорить не удосужился. Все вы мужики одинаковые — отвели душу и бегом за порог.

От подобного сравнения внутри аж закипело. Никогда не стану таким как батя! Не брошу жену с ребенком, не оставлю их выживать одних в целом мире, чтобы они питались хлебом с полусгнившей картошкой. Никогда!

— Эй, кавалер, с тобой все в порядке? — всполошилась хозяйка, заметив резкие перепады в моем настроении.

— Я не кавалер, у меня вообще-то имя есть.

— Да? И какое?

— Лёшка я... Алексей Чижов.

— Алексей, — задумчиво повторила девушка, — что же, приятно познакомится, Алексей Чижов.

— А твое имя какое? Я знаю про Мари, но оно же не настоящее?

На щеках девушки проступил легкий румянец, словно речь зашла о чем-то очень личном. Я сто раз успел пожалеть о том, что спросил, когда услышал в ответ очень тихое:

— Меня Ариной зовут.

Мы два часа просидели, болтая о всяком. В основном говорил я, а Мари... точнее Арина спрашивала: про детство, про мать, про деда Пахома с бабушкой Лизаветой и про то, как меня угораздило очутиться на улице.

Желудок к тому времени успел освободиться. Девушка долила в вазочку абрикосового варения, и я прикончил вторую порцию оладий. А когда вскипел чайник, зашел разговор про настоящее.

— Мадам Камилла сегодня сама не своя. Собрала всех девочек и во всеуслышание объявила, что тебе запрещено появляться в заведении. Нельзя пускать, нельзя подкармливать, нельзя разговаривать, а любого, кто посмеет нарушить запрет, будут нещадно наказывать. Ты бы видел её — голос срывается, руки трясутся. Пришлось маме Розе налить рюмочку успокоительной настойки... Может объяснишь, в чем дело?

Передо мною сидела одна из немногих, кому еще мог доверять, потому и выложил все без остатка. Весь наш разговор с мадам Камиллой.

— Назвал старой каргой? — не поверила девушка. — Теперь понятно, почему хозяйка взбеленилась. Она терпеть не может, когда указывают на её возраст.

— Но она же старая?

— И это повод оскорблять? А если я через слово стану называть тебя мелким, понравится?

— Я не мелкий! Мне четырнадцать в этом году исполнится.

— А мне девятнадцать, поэтому для меня ты мелочь пузатая.

Я попытался сыскать ответ — такой, чтобы одновременно достойным и остроумным вышел. Но увы, с фактами не поспоришь.

— Надо же додуматься — оскорбить хозяйку в личном кабинете. В месте, где она царь и бог, — девушка покачала головой, и светлая прядь непослушных волос упала на глаза.

— А нечего было меня увольнять! — выпалил я зло. Даже не знаю отчего было обиднее: от того, что Арина отказывалась становиться на мою сторону или от того, что заканчивались контраргументы.

— Её можно понять.

— С чего это?! — возмутился я.

— А с того, что Желтые Фонари — рассадник сплетен и слухов. У пьяных мужиков и без того языки развязаны, а если под боком находится женщина готовая слушать и восхищенно кивать... Иногда такое болтают, что уши в трубочку заворачиваются. И про то какие они важные и крутые, и как дела обстряпывают. Прямо не люди — боги Олимпа... Конечно, большая часть из сказанного мусор, но иногда попадаетея и действительно ценная информация. Вот она и не должна покинуть пределы заведения, иначе быть беде. Стригуны заинтересованы в этом особенно. Ведь бордель располагается на их территории, и именно их ребята чаще всего появляются в стенах заведения — треплют языком направо и налево. Если случится утечка информации, знаешь куда они первым делом придут? Правильно, к мадам Камилле. Начнут проверять данные о сотрудниках, кто кем работает, какие имеет связи. Вот тут и всплывет фамилия некоего мальчишки, живущего у Лукича. Это я впервые о нем услышала, а стригуны — будь уверен, прекрасно осведомлены, кто он и чем занимается. Как думаешь, что они сделают?

— Поймают меня и избыют?

Девушка покачала головой

— Убьют?

— Глупостей не говори. С тобой ничего не случится, как и с Лукичем. Вы люди атамана Малажского и находитесь под его защитой, а мы..., - Арина грустно улыбнулась, — мы виноваты во всем. В том что они не умеют пить, а выпив, хвастаются без меры. Что в постели только и способны пердеть. Что в кутеже своем неудержимы, а на утро тычут кошельками в лицо, требуя вернуть деньги. Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...

— ... сказал и в темный лес Ягненка поволок, — продолжил я.

— Да, поволок, — девушка грустно улыбнулась. Вытянула руку и потрепала меня за вихры, успевшие отрасти за зиму. — Басня старая, но до чего же верная: у сильного всегда бессильный виноват. Сколько девчонок бесследно исчезло... Может слышал легенду о степных лисицах? Вот то-то и оно. Обижаешься на мадам Камиллу, а она нас защищает.

— Себя она защищает, — не выдержал я, — боится, как бы в заведение не пустили красного петуха.

— И это тоже, — неожиданно легко согласилась девушка, — но мадам остается единственным человеком в поселке, которого хоть как-то заботит наша судьба, поэтому давай не будем... если только не хочешь поругаться.

Ругаться я не хотел и спор затих сам собой. Мы еще маленько посидели, попили остывшего чаю, а потом пришла пора уходить. Но прежде я помог убрать грязную посуду со стола. Попытался помыть тарелки, но легким подзатыльником был изгнан с кухни. Арина долго шуршала пакетами и в качестве гостинца вручила увесистый сверток.

— Держи вкусняшки! И бобыля своего можешь угостить, — произнесла она, смеясь.

Вот уж кто обойдется. Его окромя чефира не интересует ничего.

Распрощавшись с хозяйкой и пообещав почаще заглядывать в гости, я выбежал на улицу. Ночной воздух моментально проник под куртку: попытался ущипнуть — заохладить кожу, но ничего у него не вышло. Прижатый к груди сверток отдавал теплом, и на душе моей было тепло и уютно, впервые за долгое время.

Через неделю пришла весна. Она резко распахнула свои объятия и по улицам поселка заструился теплый воздух, нагоняемый ветром с южных равнин. Природа оживала на глазах: сквозь дорожную грязь проступили побеги сочно-зеленой травы, а на редких деревьях принялись набухать почки.

Созревал и Тоша... Я специально не торопил парня, делая вид, что не было никакого предложения. Плох тот купец, что товар свой нахваливает без меры, да лезет на глаза, не давая проходу. Это и цену сбивает и навивает нехорошие подозрения: а так ли он хорош? Не таится ли здесь какого подвоха?

Я не торопил развитие событий, понимая, что Тоша не утерпит. Запала в пацанскую душу знойная цыганочка. Народ на заправке жаловался, что он все уши прожужжал своей Ясмин. Ясмин то — Ясмин это, будто речь шла о заморской принцессе, а не об элитной проститутке из борделя.

Клиент медленно томился, клиент вызревал... Надо отдать должное, держался он достойно, и даже бровью не повел, когда я вновь показался на заправке. Пожал протянутую руку и принялся смолить, пуская сизые облачка в синее над головой небо. Что же, я никуда не спешил, поэтому встал рядом и принялся созерцать близлежащие окрестности.

Южный выезд отличался на редкость унылым пейзажем: сплошные постройки хозяйственно назначения. Они тянулись серой лентой вдоль дороги до самых ворот с облезлой аркой. Когда-то давно на ней красовалось приветствие «*boas-vindas*», сделанное полвека назад в честь прибытия дорогих заокеанских друзей. Время прошло, друзья стали врагами, а от надписи остались лишь контуры букв, едва различимые в солнечном свете.

Дальше за воротами шли коробки давно разграбленных гаражей, кладовых и даже имелась высокая в два этажа голубятня. Взять внутри при всем желании было нечего, разве что строительный мусор, да пищевые отходы.

Последнего добра здесь было навалом... Предприимчивые дельцы с рынка сбрасывали за воротами испортившийся товар, плодя и без того немалые стаи крыс. Поселковая управа пыталась бороться с нарушителями санитарных норм, да только толку? На то дельцы и предприимчивые, коли узнавали о засадах заранее. Кучи мусора продолжали расти и шириться, достигнув подножия железнодорожной насыпи, а сразу за ней начиналась бесконечная степь.

— Хрен с тобой, уломал, — не выдержал Тоша. — Я с пациками пошептался... короче, будет тебе информация про внедорожник, но при одном условии.

— Какое это? — тут же напрягся я. Подумалось, что сейчас денег начнет просить, но Тоша сумел удивить:

— Нужна фотка... Да не пялься ты так, не пялься — не твоя же. Девчонки в борделе лучшим клиентам дарят профессионально сделанные карточки. Лиц там не видно, зато какие тела — сисечки, писечки. Видел парочку — просто отвал башки. И материал высшего качества: картон, глянец... такого в местном фотоателье не найдёшь. Короче, с тебя фотка.

— И как я её достану?

— Ка́ком и в раскорячку, — ухмыльнулся Тоша, довольный тем, что удалось застигнуть меня врасплох — Ты же будешь общаться с Ясмин? Вот и попроси.

— Я-то спрошу, только с какого перепуга она станет фотками разбрасываться? Сам же сказал — щедрым клиентам.

Тоша с подозрением уставился на меня:

— Чижик, ты случаем пургу не гонишь? Типа с девчонками на короткой ноге, а сам в борделе хуже пса бездомного? Придешь и скажешь: извини, Тоша, обломалась твоя свиданка — давай информацию про внедорожник бесплатно. Так думал сделку проверить?

Именно так я и хотел, поэтому с гневом отмел выдвинутые обвинения.

— Чё за наезд?! Когда это Чижик пургу гнал?

Тоша зашевелил надбровными дугами, пытаясь припомнить мои прегрешения. Но так ничего и не найдя, зло процедил:

— Короче, мелкий, за фотку получишь информацию про красный внедорожник, а за организованное с Ясмин свидание два целковых сверху накину. Или так, или иди ищи лоха в другом месте.

Прав был Тоша, тут не поспоришь. От хорошей сделки должны выиграть обе стороны, иначе это не сделка получается, а сплошное надувательство.

Фотку достать не проблема. Раньше была не проблема, пока не разругался в пух и прах с хозяйкой борделя. Теперь в квартал Желтых Фонарей лучше не соваться. Мадам Камилла шутить не станет — мигом натравит своих вышибал, а тем плевать кого бить: проштрафившегося клиента или сопляка с улицы. И что же теперь делать... что делать.

— Какие люди?! — удивилась Арина моему визиту. В безразмерных штанах, в широченной футболке на вырост, она ни капельки не напоминала ту роковую красотку из борделя. Да и хлопчущую хозяйку, если честно, тоже. Скорее походила на заспанного сурка, извлеченного из норки ловким охотником.

— Какими судьбами?

— Есть разговор.

— Ну проходи, раз есть... Только оладий сегодня не жди. Могу предложить бутерброд с сыром или кашу на молоке.

От угощения я сразу отказался. Еще не хватало, чтобы приняли за наглеца, любящего на халяву поесть. Я и за стол-то садиться не собирался, но хозяйка настояла, попутно поставив чайник на плиту.

— Ни о каком свидании не может быть и речи, — произнесла она, едва я озвучил свою просьбу. — Мадам Камилла запрещает встречаться на стороне.

— Но были же случаи?

— Были, — не стала отрицать девушка, — весь вопрос в цене. Ради кого рисковать? Ради малолетнего сопляка, у которого толком хотелка не выросла? Что он может предложить такого, чего у Ясмин нет сейчас? Усыпанную лепестками роз кровать в дешевой гостинице? Бутылку вина и пару звонких монет?

На вариант со свиданием я особо не рассчитывал, поэтому сразу перешел ко второй части вопроса.

Услыхав про снимок, Арина задумалась — постучала ложечкой, размешивая пустой без сахара чай.

— Твой друг прав. У каждой девушки есть своего рода портфолио — набор пикантных фотографий. Только нужны они не для устройства на работу, а для поощрения особо важных клиентов. Мадам Камилла не поскупилась на услуги профессиональной фотостудии.

— И как их можно достать?

— Никак.

— И даже купить?

— Карточки не продаются, в этом и заключается их особая ценность, — заметила Арина и взгляд её сделался грустным. — Сама Ясмин продается и даже ценник имеется, а фотография нет... Забавно, не правда ли?

Я не видел в этом ничего забавного, потому схватился за кружку и принялся пить чай. Остывшая жидкость с трудом лезла в глотку, но я продолжал пить и пить, лишь бы не видеть этот взгляд. Взгляд побитой и брошенной собаки у вечно жизнерадостной девушки.

— Хорошо, — после короткой паузы произнесла она, — приходи через два дня. Будет тебе глянец.

Арина не обманула, передав в означенный срок конверт с хранящимся внутри снимком. Я-то думал, это будет небольшой кусок картонки, который обычно вручают в фотоателье, а по итогу вышел целый портрет, по размерам так точно. Такой в карман не спрячешь и за пазуху не засунешь.

— Сколько? — спросил я и тут же ойкнул, получив болезненный щелчок. Умела Арина бить острыми ноготками. — Эй, хорош драться! У меня есть деньги.

Пальцы мелькнули в воздухе, вынуждая ойкнуть в очередной раз.

— Добавки? — поинтересовалась Арина.

— Хватит, — пробурчал я, потирая ушибленный кончик, — просто хотелось как лучше.

— О деньгах больше ни слова.

— Совсем-совсем?

Вместо ответа девушка одарила меня строгим взглядом.

— Ладно, будь по-твоему, — вздохнул я. — Только неправильно это — доброе дело без оплаты оставлять.

Приоткрыл широченный конверт и заглянул внутрь. На глянцевої поверхности снимка обозначился силуэт обнаженного женского тела — изгибы бедра, торчащие груди. Они не выглядели большими плавунками, как у мамы Розы — наоборот, были по девичьи острыми, с аккуратным ареолами вокруг сосков.

— А у тебя есть профессиональные снимки? — спросил и тут же дернулся, уворачиваясь от очередного щелчка по носу. Впрочем, радовался я недолго. Арина ловким движением скинула капюшон с моей головы и отвесила столь смачный подзатыльник, что зашумело в ушах. И ладно бы только это... Хуже всего был разгневанный взгляд девушки.

— Прости, — пробормотал я.

— Иди уже... кавалер.

Фотография произвела неизгладимое впечатление на Тошу. Его можно было понять —

красивый глянec демонстрировал все прелести девичьей фигуры. Модель сидела на стуле, поджав одну ногу под себя, другую вытянув на манер танцовщицы, кончиками пальцев едва касаясь пола. Полутени окутывали лицо, но я все же узнал девушку: её острые по-восточному скулы, тонкий с горбинкой нос. Запрокинутая голова была подставлена навстречу дождю — мелким бисеринкам, застывшим в воздухе. Капли сверкали столь ярко, что казалось это не вода, а настоящие алмазы падали с небес. Целая россыпь драгоценных камней, усеявших смуглую кожу чаровницы. Волнистые от влаги волосы струились вниз, к брошенной на полу одежде: нижнему белью и полупрозрачным шароварам, делающим свою обладательницу столь похожей на персидскую принцессу. К красным туфелькам на тонкой шпильке, которые Ямин отродясь не носила, но которые попали в кадр.

Я тысячу раз видел эту девушку в живую, но ни разу не испытал подобного волнения. Настолько сильного, что всю ночь ворочался, пытаюсь заснуть, а на утро вновь взялся за снимок. Игра света и тени, капли дождя на обнаженном девичьем теле — фотография обладала волшебным магнетизмом, раз за разом притягивая взгляд. Пришлось приложить немало усилий, чтобы суметь с ней расстаться.

— Ох ты ж..., - выдал восхищенное Тоша, стоило продемонстрировать товар лицом, точнее торчащими сосками. Они на фотографии были особенно заметны. Видать замерзла Ямин голой под дождем сидеть.

— Эй, куда грабли свои тянешь, — прикрикнул я на зачарованного парня, — давай выкладывай, что удалось узнать по машине.

Конечно, Тоша мог и набрехать, дело не хитрое... Но он, как и любой другой пацан, выросший на районе, понимал ту тонкую грань, переходить за которую не стоило. Мелкий Чижик не спроста принялся выспрашивать за автомобили. Скрывались за этим интересом куда более серьезные люди, и если им впарить чепуху, то можно и огрести.

Информации оказалось немного. Действительно, повадился ездить один красный Студебекер через Южные ворота. Автомобиль сам по себе примечательный, а тут еще и модель редкая. Внедорожник класса «Аризона» специально разработанный для армейских частей САСШ. Жрал топливо как не в себя, выдерживал пулеметную очередь с десяти метров и был способен перевезти без малого тонну веса. Настоящий железный монстр, предназначенный для боевых действий. Обыкновенно выпускался двух расцветок: пустынного или черного, а вот про красно-бардовый до сей поры слышать не приходилось. Хозяином машины оказался человек экзотической наружности — этакий молодящийся дедок, которому пора было о душе задуматься, а он все на девок заглядывался. Про таких в народе говорили: «седина в бороду — бес в ребро». Вот только седины в выкрашенной бородке отродясь не водилось — аккуратно подстриженной, на козлиный манер. Такую обыкновенно носила богема: поэты или художники — представители бесполезных профессий. Из себя весь ухоженный, с кожей шоколадного цвета — редкий загар для здешних краев. А вот номера оказались местными, как и кружок страховой компании на заднем стекле.

Спрашивается, и чего этакий хлыщ в трущобах забыл? Приехал полюбоваться местными красотами или по делам? Скорее второе, учитывая конечную точку визита. Магазин «Охотник и рыболлов» предлагал специфический набор товаров, выходящих далеко за пределы интересов охотников. Если только охочих до кайфа.

— Дед непростой, — подытожил в самом конце Тоша, — оптовик — сразу видать. Для ночных клубов закупаются или для богемных салонов.

Я развивать тему не стал. Передал конверт со вложенным снимком и уже хотел бежать, когда Тоша остановил меня.

— Чижик, погодь... есть одна тема, — парень быстро оглянулся и не заметив ничего подозрительного, зашептал: — могу подкинуть пару интересных вариантов: есть «альфа» пижонистый, который под спорткар переделан и кадиллак ограниченной серии. Фэтон — слышал про такой?

— Ну?

— Чего ну? — не понял Тоша.

— Ну и к чему мне это рассказываешь?

— Тут такое дело, — парень на мгновение замялся. — Короче, пацаны видели, как ты возле одной автомастерской крутишься, которая на Блинчикова.

Ага, теперь стали понятны Тошины ужимки, и сказанные шепотом слова. Поселковый рынок автозапчастей был известен на весь мегаполис. Здесь угнанные машины разбирались по винтику, стачивались заводские номера и продавались многочисленным клиентам, не желающим переплачивать двойную, а то и тройную цену в жадных дилерских центрах. Бизнес ширился и рос, как ширился и рос родной автопром, ежегодно отчитывающийся о рекордных продажах.

Обыкновенно трансплантологи от гаечного ключа не заморачивались с выбором авто, принимая в работу любое транспортное средство. Но иногда поступали заказы на редкие машины. И вот тут могли пригодиться глазастые мальчишки, способные навести на нужный объект.

Так вот за кого меня принял Тоша. Поди сейчас жалеет, что продешевил, не потребовав доли в вознаграждении. Солидной, если учитывать стоимость самого внедорожника. Я глянул на парня — но нет... Тоша ни о чем не жалел, обеими руками ухватившись за вожделенный конверт.

— Чижик, ты главное передай, что пацаны надежные и проверенные. Другие на заправке не задерживаются. Ежели что, за парковкой круглосуточный пригляд устроим, и за воротами, — Тоша кивнул в сторону выезда.

Я не стал разубеждать парня в обратном. Пускай считает за наводчика — все лучше клейма информатора, работающего на малажских. Шнырей на районе не любили. Их не где не любили, как не любят вынуживающих повсюду крыс.

Пообещав, что передам обязательно, я направился дальше. Не побежал, как раньше бывало, разбрызгивая в стороны трущобную грязь, а зашагал, как подобает серьезному человеку. Чижик теперь при делах — паршивых, если честно, только пацанам об этом знать не обязательно. В их глазах я поднялся на ступеньку повыше. Пускай так и остается.

Хотелось как можно быстрее вернуться к бобылю. Отчитаться о проделанной работе, скинув повисшее на шее ярмо. Я прекрасно понимал, что это ненадолго, и что одно ярмо скоро сменится другим. Ну и пускай... Главное, Лукич на время успокоится, перестанет требовать результата по треклятому внедорожнику.

Ноги свернули на соседнюю улицу и сами собой зашагали по известному маршруту. Я настолько сильно углубился в размышления, что не сразу сообразил куда иду. И только когда впереди замаячил знакомый дом, остановился. Внутри аж все закипело от злости. И тут же забылось про красную машину, про бобыля... Гринька — сволочь! Третий месяц дома сидит, боится высунуться наружу. Интересно, на что он рассчитывает? На мою короткую память? Так Лешка Чижов сроду забывчивостью не отличался. Особенно когда дело касалось

предательства.

Полный нехороших намерений, я обежал дом приятеля по кругу. В окнах первого этажа горел яркий свет. На шторах мелькали тени, а через приоткрытые форточки доносился гул голосов. Судя по всему, большое семейство только что поужинало, и теперь занималась привычными делами. Женская половина — уборкой и мытьем посуды, а мужская — чтением газет или просмотром телевизора. Обыкновенно Гринька в это время выбегал во двор. Он сам признавался, что не мог долго находиться в обществе младших сестер — спокойных днем, и оборачивающихся в бесенят вечером. Девчонки прыгали, скакали, дергали за рукав, требуя повышенного внимания. И чем ближе становилось время ко сну — тем больше активности они проявляли. Может и теперь вынудят сбежать во двор?

Намотав несколько кругов вокруг дома, я спрятался в тени фонаря, не работающего по причине выдранных с корнем проводов. Затаился и принялся наблюдать. Минуты бежали быстро, подогреваемые изнутри глухой злобой. И даже желудок перестал урчать, стоило только представить наглую рыжую морду, как я по ней буду бить. Не пожалею гада, оторвусь по полной программе. Будет знать, как друзей подставлять.

Показалось или на втором этаже мелькнула знакомая фигура? Ах ты ж Гринька, ах ты ж сукин сын! Наклонившись, я схватил крупный камешек. Таким и окно разбить можно, если размахнуться посильнее.

— Его нет, — раздался за спиной спокойный голос.

От неожиданности я выронил снаряд. Обернулся и увидел стоящую в паре метров девушку, с накинутой на голову шалью. Это была старшая из Гринькиных сестер, столь же огненно-рыжая с конопушками, усеявшими лицо вплоть до мочек. Я не помнил её имени, знал только, что учится она в старшей школе, и благодаря способностям считалась одной из главных надежд многочисленного семейства. Оно и не удивительно, с таким-то неумехой братцем.

— Его нет, — повторила девушка. Напрасно, я и в первый раз прекрасно расслышал, просто не счел за нужное отвечать. — Больше не приходи сюда.

— Н-да? — вырвался изо рта то ли звук, то ли вопрос. Тут главное выглядеть понаглее. — И чё, ты мне запрещаешь?

Девушка прореагировала на удивление спокойно: ни страха в глазах, ни дрожания в голосе. Не смутил её и плевок под ноги — известное оружие шпаны, используемое в качестве весомого аргумента

— У меня нет полномочий что-либо запрещать тебе, — произнесла она монотонным голосом, — стой под окнами, сколько душе угодно, но знай — Григорий здесь больше не живет.

— Как не живет... А куда он делся?

— Уехал.

— Куда?

Девушка измерила меня взглядом, словно решая, стоит ли говорить.

— Ты ведь не отступишь?

— Нет.

— Тогда может расскажешь, что приключилось между тобой и братом? Вы же были друзьями.

Друзьями, ага... Таких друзей и врагу не пожелаешь. Может в семействе рыжих и принято было языком трепать, но я-то не из таких. Не имел привычки посторонних в свои

проблемы впутывать, потому и процедил:

— Не твое дело.

Думал, рыжая сестрица обидится, начнет спорить или пуще того — развернется и уйдет с гордо поднятой головой, как любил делать ейный братец. Но нет — ничего подобного не случилось. Она лишь попыталась поправить волосы, позабыв об укутавшей голову шали. Рука дернулась по привычки и опустилась ни с чем.

— Родители узнали о вашем визите в лабораторию, — произнесла она после недолгих раздумий. — Отец сильно разгневался — хотел сначала выпороть, но после придумал наказание похлеще. Григорий сам виноват — принялся доказывать, что ничего плохого не делал, а был лишь в качестве сопровождающего. Стоял в уголке и наблюдал.

— Он до жути боится уколов, — вспомнил я трясущегося от страха Гриньку.

Губы рыжей сестрицы дрогнули в улыбке.

— Мне можешь не рассказывать. Он от обыкновенной шпильки шарахается, а уж от кончика иглы и вовсе впадает в панику. Вот отец и решил его проучить, направив на повторное тестирование. Кто же мог подумать, что результат окажется положительным.

— Па... палажи..., - язык мой заплелся от неожиданности.

— Да, представь себе, — помогла рыжая сестрица. — Анализ показал наличие в крови маркеров группы АДЗ. Ну а дальше все по накатанной: контракт, обучение в престижной академии. За последний месяц и не виделись толком. Вход только по спецпропускам, так что если планируешь навестить друга, имей ввиду: заявление нужно подавать заранее.

Глаза сами собой принялись блуждать вдоль грязной улицы, по фасадам домов... Что за несправедливость?! Мне были нужны эти треклятые маркеры — МНЕ!!! а не Гриньке, у которого и так все хорошо.

Рыжая сестрица давно ушла, я же продолжал пялиться на светящиеся окна, будучи не в силах отвести взгляд. Нет больше Гриньки, всё... Пропитанный злобой корень выдернули из груди, но облегчения не наступило. Лишь невыносимая, тянущая душу пустота.

Какой же ты гад, Гринька...

Глава 4. В осаде

Лука Лукич редко демонстрировал эмоции. Казалось, в высушенном жизнью бобыле не осталось ничего человеческого, способного радоваться, горевать или удивляться. Единственной вещью, вызывающей в нем хоть какие-то чувства, было старое немецкое ружье. То самое, что каждый вечер брал с собой на обход.

Мне строго-настрого запрещалось дышать рядом с ним, не то, что трогать руками, но я все же не вытерпел — нарушил запрет. Дождался, когда бобыль отлучится по делам и прокрался к висящему на стене оружию. Разглядел на массивном ложе клеймо в виде гор с латинской буквой S. Колодка оказалась покрыта вязью рисунка с изображением птиц, выпорхнувших из кустов и охотничьих псов, вставших в стойку. Вышло красиво, прям как в книжке... Механизм ружья выглядел громоздким и устаревшим, но в нем по-прежнему чувствовалась сила — та самая огневая мощь. В каждом болтике, в каждом винтике... Не то что в современных поделках, слепленных из пластика и прессованных металлических опилок. А еще от него веяло покрытой мхом древностью, тем прежним временем, когда благородство было в чести и дворянский род славился не только страстью к кутежам, но и поступками.

Немецкий «Зимсон» семьдесят третьего года выпуска... Что и говорить, дорогое ружье, обласканное вниманием и заботой.

Когда я вернулся с улицы, Лукич как раз заканчивал очередную чистку. В воздухе стоял тяжелый аромат оружейного масла, от которого моментально запершило в горле. На газетном листе была разложена мелочевка вроде щеточек и пуховки. И конечно же на углу стоял стакан остывшего чая.

— Есть что по делу? — спросил Лукич, не отрывая взгляд от ствола.

Как он догадался? Неужели звериное чутье? Говорят, у некоторых людей оно вырабатывается с годами, особенно у тех, кто живет в постоянной опасности. Жизнь Лукича казалась размеренной и спокойной, но это сейчас — кто знает, чем он занимался пару лет назад. Опять же ружье... Не станет нормальный человек столько времени с железякой возиться. Пускай и очень красивой.

— Давай, выкладывай, — приказал бобыль.

Я сел и рассказал имеющуюся информацию про красный внедорожник — всё что удалось узнать от Тоши. Описал чудаковатого хозяина, упомянул про местные номера и время приезда — хаотичное, не имеющее никакого порядка.

Лукич внимательно слушал, отложив дела в сторону. Изредка тарабанил пальцами, черными и блестящими от оружейной смазки.

— У меня всё, — закончил я свой доклад. Ожидал хоть какой-нибудь реакции, но Лукич своим привычкам не изменил. Кивнул — мол, информация принята к сведению и вновь взялся за чистку. Обидно... Столько времени было затрачено, столько сил, а он даже спасибо не соизволил сказать. Что взять с человека, живущего с ружьем. Бобыль, он и есть бобыль.

Я вернулся в коридор и принялся готовиться ко сну: разложил поскрипывающее от времени раскладушку, вытащил из шкафа теплое одеяло. После новостей о Гриньке настроение окончательно испортилось. Даже не знаю, что было хуже: неосуществимость планов мести, что вынашивал и лелеял последние дни или удачливость гаденыша.

Получается, ты у нас теперь особенный, Гриня? Скоро станешь бегать быстрее ветра и по две страницы текста запоминать? Ну ничего-ничего, когда в следующий раз увидимся, тебе это не поможет, Трусом родился, трусом и умрешь. И ни одна молекула, ни один маркер в мире не способны этого изменить.

На следующее утро подоспела новость — латиняне порезали двух казачков. Казалось бы, привычное дело для поселка, живущего в условиях постоянных разборок. В ответ казачки должны были посадить на ножи двух бразил, исходя из принципа: око за око, зуб за зуб. Но все пошло наперекосяк...

Громом среди ясного неба прозвучало известие о разбойном налете на лавку благовоний, принадлежащую Диего Косте — известному генералу из Фавел. К армии тот не имел ни малейшего отношения, а назывался так из-за иерархии, выстроенной в бразильских трущобах на армейский манер.

Всего генералов было двенадцать — ровно столько же, сколько и учеников у Христа, но в отличие от апостолов эти персонажи ничем хорошим не прославились. Торговля наркотой, грабежи, убийства — вот лишь малый перечень преступлений, совершенных по их прямому приказу. Фавельские генералы не брезговали ничем, даже работоторговлей. Ходили слухи, что они переправляли живой товар через Среднюю Азию в Эмираты. Взрослых не трогали, а вот дети ценились, в особенности белокурые девочки, не достигшие половой зрелости — ходовой товар среди арабских шейхов.

Генералов ненавидели и одновременно боялись, пуще стригунов и малажских ватажников, потому последние хоть и зло, но зло известное, возвращенное на местной почве. А чего ждать от заокеанских головорезов? Вроде Христа почитают, но как-то не так, не по-человечески. И праздники с нашенскими не совпадают, и крестятся шиворот-навыворот — латиняне, одним словом.

Поэтому, когда малажские грабанули лавку благовоний, народ поначалу обрадовался, а после призадумался. Не слишком ли крутым получился ответ? Нельзя за вырванный клочок волос лишать пальцев, а за пару избитых шестерок выносить магазин, еще и принадлежавший столь одиозному генералу.

Плохо, очень плохо... Но что хуже всего, нападение было совершено в серой зоне, служащей своеобразным буфером для противоборствующих сторон. В Сермяжке, где умудрялись договариваться на разных языках, где дети от межрасовых браков считались за норму, и на прилавках рядом с пестреющей тканью латинян соседствовали поделки малажских мастеров. Все вокруг говорили о нейтралитете, забывая, что в случае войны усидеть на двух стульях не получится. Ты или с нами, или против нас — другого не дано. Трудный выбор, в особенности, когда торговля налажена, сын на знойной бразильянке женат, а сосед Луише каждый праздник с *bolo de fubá* (*примечание от автора: кукурузный пирог-кекс*) в гости приходит.

Забурлил разнородный котел Сермяжки. Пovyлазило всякое дерьмо наружу, требуя пустить пришлых на колбасу. Пришлые таковыми себя не считали, поэтому принялись сбиваться в кучи и готовить дома к осаде: обзаводиться оружием и съестными припасами.

— Только бы обошлось без погромов, — вздыхал хозяин пекарни, укладывая в пакет чесночные булочки — все что осталось от утренней выпечки. Нынче хлеб на прилавках не залеживался. Народ в ожидании войны сметал все. Дошло до того, что спичек в магазинах не осталось, а у ворот церкви появилась надпись «свечки не продаем».

Кипел котел, постукивал крышкой... На улицах поселка появились самозванные пророки, пугающие охочий до всяких страстей народ. Дескать и иконы в храме замироточили и безголовую черную курицу на окраине видели — верный знак приближающейся беды, а люди стояли и слушали пооткрывав рты. Когда еще доведётся этакое представление услышать.

Кликуш на рыночной площади хватало с достатком, но хуже всего были агенты-provокаторы от социалистов. Те пользовались любой возможностью, чтобы расшатать и укрепить недоверие к власти среди народных масс. Их изгоняли, их били, но они лезли и лезли, как тараканы на белый свет, требуя революции и свержения царя.

Ой что будет, что будет... Лука Лукич только на первый взгляд казался отшельником, далеким от настоящей жизни. Когда дошло до дела, он первым сообразил, к чему все идет: велел собирать манатки, да переселяться в автомастерскую. Я долго пытался понять, о каких вещах идет речь. Окромя одежды, которую носил, и не было ничего. Как говорится, нищему собраться — только подпоясаться.

— А спать на полу будешь? — поинтересовался боббыль, увидав недоуменное выражение на моем лице. — Или думаешь, отдельный диван выделяют?

Я ничего такого не думал, поэтому схватил тяжеленую раскладушку и потащил верхом на спине. Благо тащить было недалеко — дом боббыля вплотную примыкал к зданию автомастерской. Оставалось лишь пересечь двор и зайти с черного хода.

Внутри царило непривычное оживление. Большинство мастеровых решило переждать беспокойные времена на работе. Кто привел семью, кто друзей и знакомых. Спальни оборудовались в машинах, а кому не хватило места — прямо на полу. У ворот организовали постоянное дежурство, а меня, как самого глазастого, отправили на крышу — дозорным.

Работа оказалась легкой, знай себе — сиди и смотри. Мне даже настоящий армейский бинокль выделили. С ним и развлекался, осматривая ближайшие окрестности. Жаль только, с высоты третьего этажа многого не увидишь: лишь окрестные улицы, да крыши соседних домов. Ну еще зеркальные столпы вавилонских многоэтажек, ставших особенно заметными на фоне закатного неба. Интересно, находящиеся внутри небожители знают о том, что творится внизу или опомнятся только, когда поселок полыхнет, затянув верхний город невыносимой гарью?

Среди ночи ко мне заглянул сменщик — вихрастый парень по имени Еремей.

— Чего там? — без особого интереса спросил он. Долго зевал, кутаясь в теплую куртку. Ворчал на плохую погоду, от которой вечно в носу свербит. Я уже думал он обратно уйдет, досыпать остаток ночи. Но тут на крышу заглянул Лука, и парень был вынужден заступить на службу. Взяв протянутый бинокль, нехотя произнес:

— Вали уже.

Я сбежал вниз по лестнице и нырнул в тепло ждущей меня раскладушки — хорошо! А на утро спящее здание автомастерской разбудили истошные вопли. Тут же заплакал младенец на первом этаже, заволновались встревоженные женщины. Вскочив на ноги, я принялся метаться в поисках укромного уголка, думая, что вот оно — началось. Но по итогу это оказались не погромщики, а мой горе-сменщик, которого в ходе проверки обнаружили спящим на посту. За что и наградили тумачами.

Еремей заметно прихрамывал, когда спускался вниз, а под глазом ярким цветом наливался фингал.

— Где бинокль? — спросил я о насущном.

Еремей лишь зло зыркнул в ответ — мол, а не пойти ли тебе... Я бы пошел, но без оптики путешествие не выглядело таким уж заманчивым. Скучно целый день на крыше торчать.

Бинокль нашелся рядом со спальным местом Еремея. Парень оборудовал его прямо у карниза, натащив толстую стопку картона и одеяло. Дурак-человек, зачем столь явно нарушать дисциплину? Он бы еще подушку приволок вместе с матрасом.

До полудня ничего интересного не происходило. Поселок привычно дремал, а до ушей долетал лишь гул далеких улиц города. Над степью белым маревом стелилась загадочная дымка, напоминая о былых временах, когда жив был дед Пахом. На востоке туман ложился плотнее — сплошным покрывалом, а на западе шел рваными клочками, оставляя большие просветы, сквозь которые проступали комья бурой, не успевшей зацвести земли. Ну ничего, недолго до весны осталось. Пройдет неделя и наполнится воздух ароматами степного разнотравья. Потянутся к солнцу стебли, пойдет гулять ковыль беспокойными волнами под порывами ветра. Застрекочут потревоженные кузнечики, запоют цикады свою песню, столь же вечную, как и сам мир. Уж нет деда Пахома, так любившего слушать их хор по утрам, и бабушки Лизаветы, а они все поют и поют...

Несколько раз на крышу поднимался дядька Степан — старик с густыми усищами, закрученными на гусарский манер. Он считался главным среди мастеровых, поэтому всеми командовал, если не брать в расчет Лукича, и тетку Сафиру — на редкость вредную, и злую повариху. Той сам черт был не указ: вечно со всеми цапалась и ругалась. Мне чуть по шеям не надавала, дармоедом обозвала, стоило попросить лишний кусок ржаного к похлебке. Обидно, честное слово... Какой же я дармоед, ежели занят общественно полезным делом? Службу свою несую исправно, за подходами наблюдаю и в отличии от некоторых на посту не сплю.

После обеда мне дали время на отдых, а к вечеру вновь отправили на крышу.

— Не нравится мне это затишье, — пробормотал дядька Степан, оглядывая окрестности. Чем ближе становилась ночь, тем чаще он появлялся. И то ему не нравилось и это... Начальник все чаще говорил про плохое предчувствие, ну и накликать беду.

Не успело солнце закатиться за горизонт, как над поселком поднялся столб дыма. Смолянисто-черный у самой земли, он постепенно развеивался, превращаясь в клубящийся хвост неведомого чудовища. Сквозь серую завесу проступали огни небоскребов. Что им очередной пожар в Красильницком? Пусть бы и весь сгорел, горевать точно не станут. В газетах трущобы называли рассадником наркотиков, проституции и контрафакта, а еще раковой опухолью, охватившей здоровый организм Алтополиса. Может кто-то даже обрадуется, наблюдая с высоты птичьего полета за разгорающимся внизу пламенем.

В воздухе отчетливо завоняло гарью — той самой, с примесью пластика, от которой в горле начинало першить и хотелось кашлять. Вдалеке завывали пожарные сирены.

Я схватился за рацию, а спустя полминуты на крышу примчался дядька Степан в сопровождении смурного Лукича. Они тут же отобрали у меня бинокль и принялись попеременно вглядываться в клубящийся дым.

— Овощную запалили? — предположил мастеровой, имея ввиду склады в северной части города. Раньше там располагалась овощная база, но после того как поставщик разорился, пустующие площади захватили малажские.

— Не-а, овощная западнее находится, — возразил я, — а ежели смотреть на флюгер вон той зеленой крыши, то будет Никитинский спуск — самое его начало, а чуть севернее

находится сквер царя-императора и хоральная синагога.

Лукич и дядька Степан молча переглянулись. Я же вдохновленный вниманием старших, продолжил:

— Чуть выше стоит общажка... ну, бывшее общежитие текстильного техникума, которое пару лет назад расселили, открыв лавку стройматериалов. Может оно горит? Там почитай, одних лакокрасочных изделий на тонну будет, потому и жирный дым валит.

— Не-е, парень... не общежитие это, — покачал головой мастеровой.

— Да как не общежитие? В той стороне и нет ничего, кроме сквера и синагоги.

— Вот она самая и горит.

— Синагога? — не поверил я. — А евреи-то здесь причем?

— Они всегда причем.

Мастеровой как в воду глядел. Воспользовавшись сумятицей, неизвестные подожгли здание единственной на весь поселок синагоги. Огонь перекинулся на соседнее здание, но дальше не пошел. Подоспевшие на выручку соседи успели сбить языки разгорающегося пламени.

До утра на улицах хлопали выстрелы. Вернувшийся подмастерье сообщил, что в районе рынка случилась потасовка. Кто с кем дрался — не разберешь, но народу с обеих сторон собралось много.

Пока подмастерье живописал ночные приключения, я места себе не находил. Арина... к своему стыду только сейчас вспомнил о девушке, у которой в поселке и нет никого: ни родни, ни молодого человека, способного защитить. Я должен был первым делом все бросить и бежать на выручку, а вместо этого любовался окрестностями через бинокль. Дурак! Ведь всякому известно, что вовремя волнений нужно прятать золото и баб, в особенности молодых девчонок, потому как охочих до женских прелестей хватает и в мирное время, а уж в лихое. У некоторых позыв плоти затмевает все остальное, в том числе инстинкты самосохранения. Я единожды видел такого... Поймали насильника в районе промзоны, прямо за этим самым делом. Принялись охаживать палками, а тот рычит — оторваться от паскудного занятия не может. Так верхом на бабе и забили. Ей-ей, одержимый.

Я бросился к Лукичу с просьбой отпустить в поселок, но бобыль страха моего не разделил.

— Нет, — сказал он, как отрезал.

— А ежели убьют?

— Не убьют... Мадам Камилла сумеет позаботиться о своих работницах. А ты вместе того, чтобы голову всякими глупостями забивать, бери бинокль и дуй наверх, — и чуть подумав, добавил, — на сменщика твоего никакой надежды.

Вместо провинившегося Еремея дали в напарники неказистого мужичка: рассеянного до жути, вечно щурившего глаза. Ровно дед Пахом, читающий газету. Как можно подслеповатого человека определять в дозорные? Понятно, что народа нехватка и выбирать особо не приходится, но есть же глазастые девчонки. Все лучше, чем этакое чудо на посту. Мало того, что ни хрена не видит, так еще и собственные порядки принялся наводить. Взял и разобрал мою лежку, которую с таким трудом сооружал. Частью переволок вещи на другую сторону, частью растерял.

Ух, до чего я разозлился — аж крошка на зубах закрипела, а мужичок вместо того, чтобы прислушаться к справедливо сделанным замечаниям, принялся учить жизни.

Оказывается, я и место выбрал неудачно, и смотрю в другую сторону и вообще, сопля зеленая по сравнению с ним — умудренным жизненным опытом человеком. Что же ты, такой умудренный, занял восточную сторону? Чтобы солнышко в глаза меньше светило и телу твоему лежать было удобнее? Да со двора разве что псы бродячие ползут в атаку или крысы. Зато улица Блинчикова осталась в слепой зоне — та самая основная дорога, что вела к мастерской. Её потому и прозвали «*Автомастерской на Блинчикова*», что иными путями не подобрёшься.

Спорить с «познавшим мудрости жизни» мужичком было бессмысленно. Я лишь махнул рукой и принялся заново оборудовать лежанку. За этим занятием меня и застал Еремей.

Парень чувствовал за собой вину и теперь всячески пытался её загладить. Таскал кастрюли на кухне, помогал забаррикадировать ворота, а под вечер поднялся на крышу, хотя об этом его никто не просил. Уселся рядом и, отсвечивая свежим фингалом, принялся травить байки: про то, как отличить заводскую форсунку от поддельной, и как правильно закручивать колеса, чтобы не срывало болты. А мне что — мне так даже интереснее, словно радио на фоне работает.

Пока Еремей говорил про автомобили, я его внимательно слушал, но стоило зайти речи о делах известных, и я не выдержал. Терпеть не могу, когда люди всякую чепуху мелют, создавая видимость понимания. Если уж Всевышний не наградил великим умом — помалкивай в тряпочку, и не разглагольствуй о вещах, в которых ничего не смыслишь. Вона, лучше гайки крути.

Началось все со стригунов. Еремей пересказал последние слухи, что дескать расписные испарились с поселковых улиц. Заперлись у себя на хазе и теперь сидят, боясь казать нос наружу.

— То же мне, хозяйева, — расхрабрился парень. Он разглагольствовал на манер рыночных горлодеров, собиравших толпы народу в воскресный день. Те тоже любили доносить правду с помощью луженой глотки, а для пущей убедительности рвали ворот рубахи и стучали кулаками в грудь. Еремею рубахи было жалко, чай не казенная — своя, поэтому всю имеющуюся ярость он спустил в слова. — Псы они трусливые — вот кто! Спрятались, поджав хвосты, пока чужаки по их территории шастают... Ну ничего, не долго осталось. После сегодняшних событий погонят стригунов взащей, а Центровую малажские держать станут или местные сами порешат.

— И как же они порешат? — полубопытствовал я.

— Слышал про вече в древнем Новгороде? Вот и наши организуют сходку, выберут старшин от каждого района. Назначат ответственных за безопасность, а те в свою очередь создадут народные дружины — по человеку с каждого дома, а ежели дом многоквартирный, тогда с подъезда.

— Красиво придумано.

— А то, — Еремей расплылся в самодовольной улыбке. Он так и не сумел распознать иронии в моих словах, потому с жаром продолжил расписывать прелести придуманной им системы. Фантазировал на тему, как заживет Центровая, когда люди сами себя научатся защищать и сами себе станут хозяевами.

Первые минут десять было забавно, но Еремей все говорил и говорил, не останавливаясь. И тогда я не выдержал:

— Вот ты твердишь, что хватит стригунам налоги платить... Мол, Центровая организуются в единую общину и станет сама себя защищать, так?

— Так.

— А что же им раньше мешало?

Еремей хохотнул:

— Вот же ж ты дурень, малой... Стриги и мешали.

— Серьезно? Ты же говорил, что они псы трусливые. Говорил?

— Ну..., - замялся Еремей. Одно дело в запале хвастаться, и другое, когда тебя за твои же слова тянут, словно глупого евражку, угодившего в ловчую петлю.

— Если стригуны такие никчемные, тогда почему до сих пор район держат? — продолжил давить я. — Почему не пришли другие и не отбили?

— Просто повезло, — пробубнил парень.

— Сколько лет они хозяйничают в Центральной — двадцать, тридцать? Не слишком ли крутое везение для трусливых собак?

— Чё ты начинаешь? — насупился Еремей и даже в сторону отвернулся. Тоже мне, пацан... Не пацан, а девка красная. Думает, если обиду свою покажет, я его жалеть стану и добрые слова говорить? А вот и нет! Красильницкое — это тебе не институт благородных девиц, а выгребная яма, переполненная кусачими крысами. Таковой была, таковой и останется, пока не спалят дотла.

— Зря ты, Ерёма, разоткровенничался. Я бы на твоём месте поосторожней был.

— И чё ты сделаешь?

— Я-то ничего, а стриги в ближайшее время никуда не денутся, могут и за базар предъявить.

— А чего это? — продолжил храбриться парень, даже плечи расправил, вот только дрожащий голос испортил общее впечатление. — Чего, а? Побежишь стучать на меня?

— Я-то нет, а вот на счет других не уверен. Ты же многим успел растрепать про трусливых собак?

Еремей аж с лица сбледнул: принялся суетиться, ходить туда-сюда. В конечном итоге не выдержал и сбежал с крыши. Сразу видать, что дурачок. Кому он сдался со своим гнилым базаром — стригунам? Так у тех своих забот навалом. Не зря всем кудлом на хазе спрятались... ох, не зря. Действуют согласно китайской поговорке: пока в долине тигры дерутся, мудрая обезьяна на дереве сидит.

Ведь кто есть по сути малажские — отставные военные, не сумевшие найти себя в мирной жизни. Они и ватагу выстроили на армейский манер, привив порядки уральских казаков. И кулачному бою молодняк выучили, и драке на ножах, и ведению боевых действий в условиях городской застройки. Не удивлюсь, если сыщется в казацких схронах огнестрел, припрятанный до особых времен.

Уральскому тигру противостоял южноамериканский ягуар, не менее свирепый и опасный. Когда светлейший князь Даниил Романович, занялся переселением нуждающихся из Латинской Америки, то и представить не мог, чем обернется сия благородная инициатива. А ежели бы озаботился, проникся местными реалиями, то узнал, что в Пауль-Бразил и в Гранадской Конфедерации на пару с официальными властями правили картели. И еще не известно у кого власти было больше, у президента или наркобаронов, опирающихся на своих *lugartenientes*. Это здесь их переименовали на местный манер, повысив аж до генералов, а промеж себя они звались лейтенантами. Каждый из них отвечал за конкретную территорию, за отдельную цепочку бизнеса. Управлял отрядом боевиков — *sicarios* и следил за ситуацией с помощью соколов — *halcones*. В роли последних обычно выступали уличные

мальчишки. Они были глазами и ушами картеля, докладывающими обо всем, что творится на улицах. Были кем-то вроде меня...

Отработанный столетиями механизм прижился и на русской земле. Чужеземцы легко вписались в местную структуру наркоторговли, переключившись с перемолотых листьев коки на героин. Ходили слухи, что под их зону ответственности выделили целый участок «Шелкового пути» (*примечание автора: маршрут наркотрафика, пролегающий через Среднюю Азию и Поволжье вплоть до северных портов, следующий морским путем до Европы*). Когда требовалось решить вопрос силой, обученные боевики картеля зачастую привлекались в качестве наемников. За полвека сикарио много где успели побывать: в Центральной Азии, в горах Афганистана, и даже в Иране о них было известно.

Вот такие хищники затаились по обе стороны поселка, а между ними пролегла ничейная земля. Захват её означал бы нарушение имеющегося баланса с последующим кровопролитием и привлечением особого внимания ставленника Императора. Кому это надо? Кому хочется лишаться гарантированных доходов? Прошлый раз в запале борьбы тигр с ягуаром едва весь поселок не спалили, вот и получается, что никому. Нейтральный статус Сермяжки всех устраивал, как и стригуны в качестве смотрящих за территорией. Хитрая обезьяна резвилась в долине, пока дозволялось хищниками, а стоило тем показаться и...

Большой войны не случилось. Ближе к вечеру в Красильницкое были введены силы отдельного жандармского корпуса. Массивные туши броневиков застыли на улицах, перекрыв все въезды и выезды. Несколько машин попытались добраться до центральной площади, но застряв в узких проходах и покروшив стены и без того хлипких домов, были вынуждены вернуться.

Из динамиков громкоговорителя звучал строгий голос, требующий от жителей поселка немедленно разойтись по домам. С десяти вечера до восьми утра вводился комендантский час. Каждый, кто посмеет нарушить его, будет подлежать немедленному аресту. Я бы еще добавил — лупцеванию.

С крыши мастерской было видно, как перемещались по городу отряды спецкорпуса, вооруженные щитами и дубинками. Сверху они казались похожими на рыцарей: в шлемах со стеклянным забралом, одетые в бронепластины вместо лат. Вот только действия их были далеки от рыцарских. Они выволакивали сопротивляющихся людей на улицы, били до бессознательного состояния и складывали рядком. Не жалели никого: ни мужчин, ни кричащих в ужасе женщин.

Иногда до ушей долетали хлопки светошумовых гранат, сухо трещали выстрелы. То тут, то там срабатывала автомобильная сигнализация, протяжным воем пугая притихшие улицы. Операцию начали с центральных улиц — всю ночь зачищали рынок и прилегающие к нему районы, а под утро пришли к нам.

Ввалившийся внутрь жандармы первым делом спросили, кто здесь главный. Повязали дядьку Степана и уволокли за порог. Остальных принялись шмонать самым бесцеремонным образом и не важно парень ты или молодая девка. Лапали даже замужних женщин, наплевав на гневные взоры супругов. Мне свезло больше остальных. Усатого дядьку аж перекосило от запахов, едва подошел. Вишь неженка... Велел для начала скинуть куртку, потом вывернуть карманы. Похлопал для проформы по бокам и отправил к остальным.

Лукича отвели в отдельную комнатку и долго о чем-то беседовали. Я уже думал всё — повяжут бобыля, но тот умудрился отбрехаться. Вышел обратно смурной, что грозовая туча

над степью. Уселся рядом со мной, и на вопрос плачущей женщины: «когда же это закончится», ответил:

— Скоро.

Так оно и случилось. Жандармский корпус свернулся и ушел, оставив после себя разгром. Все шкафы были перерыты, полки вместе с содержимым валялись на полу. Листы бумаги и выпотрошенные папки, инструменты и запчасти — все это превратилось в сплошной кавардак. Весеннюю грязь жандармские ботинки растащили по этажам, а один особенно ловкий умудрился оставить отпечаток на стене — аккурат возле двери в начальственный кабинет. А потом удивляются, почему их в народе не любят. Да потому что ведут себя как свиньи. Зачем нужно было заламывать дядьку Степана, так что тот застонал от боли? У него же руки золотые — почитай, первый автомеханик на Центральной. А Валерку зачем били? Парень плачущую жену пытался успокоить. Вскочил с отведенного места и получил дубинкой по хребту. Теперь скрюченным на полу лежит, а над ним бабы хлопочут.

Пока народ приходили в себя, я попытался выскользнуть наружу. Вдоль стеночки добрался до двери, но на самом пороге оказался остановлен бдительным Лукичем.

— Ты куда это собрался, пацан?

— Проведать нужно одного человечка.

— Ты же в курсе, что на улицах бардак?

— Я по-быстрому, туда и обратно.

Бобыль грозно промолчал.

— Лука Лукич, вы же меня знаете, я шустрый. Если кипишь случится, переулками от погони уйду или по крышам. Отпустите пожалуйста... очень надо.

Брови Бобыля дрогнули, но не от злости, скорее от удивления.

— А кто тебя держит? Ты мне не сын, а я не родитель, чтобы мозги вправлять. Вали давай.

— Спасибо!

Не успел я выскочить наружу, как раздался окрик:

— Погоди-ка, мелкий! А ну поди сюда... Да поди-поди, не бойся... На-ка возьми, — в мозолистой ладони Лукича лежал перочинный ножик с ручкой, сделанной из разноцветной пластмассы. Мастерские пользовались такими, когда требовалось срезать тонкую стружку с шины или проковырять дырку. Дешевыми они были, потому и ломались через раз. У дядьки Степана, имевшего дурную привычку ничего не выбрасывать, подобным хламом был целый ящик забит.

Хотел я отказаться от подарка, уж больно стрёмным тот выглядел, но бобыль глянул и пришлось взять. Не тот человек Лукич, чтобы долго с протянутой рукой стоять.

Схватив нож, я вылетел наружу. Спрыгнул со ступенек и побежал по улицам очнувшегося после ночного кошмара поселка.

До Тополиной добирался битый час, а виной всему многочисленные блокпосты жандармского спецкорпуса. Эти ребята шутить не намеревались — хватали любого, кто покажется хоть сколько-нибудь подозрительным. Возле Южных ворот выстроилась длинная цепочка груженных автозаков. В зарешеченных окошках маячили бледные лица задержанных — не повезло бедолагам. Старшаки любили травить байки про жандармский беспредел и про то, как на безвинных людей дела вешают, чтобы повысить раскрываемость. Не понравится следователю твоя рожа и всё — пиши пропало. Будут мутузить до тех пор, пока

«сознанку» не подпишешь или не окочуришься от очередного удара в печень.

Мне подобная участь не грозила по причине малолетства, но имелись заведения и похуже околотка. К примеру, сиротские дома матушки-императрицы. Это на бумаге они выглядели чинно и благородно, а по факту являлись теми же тюрьмами с высоким забором по периметру и решетками на окнах. Дисциплину внутри поддерживали с помощью палок и карцера, наказывая за малейшую провинность. Живи по распорядку как все, а не нравится — получай тумаков от надзирателей, да местных сидельцев. От последних было хуже всего. Ведь каждому известно, что порядок в коллективе поддерживается изнутри, а не извне. Если нет авторитетного старшака, то малолетки сбиваются в стаи и начинают творить беспредел. Такой, что взрослым тюрьмам и не снился. Плохо там было, ой как плохо, в особенности для новичков.

Жандармские несколько раз ловили меня, но всегда отпускали. От определения в сиротские дома Лешку Чижика спасала бюрократия — уж слишком много возни предстояло при оформлении малолетки. Этим и пользовался, а еще давил на жалость, делая круглыми от страха глаза. Но то, что прокатывало сто раз, могло не прокатить в сто первый, поэтому на всякий случай обходил блокпосты стороной.

Петлял по узким улочкам, укрытый в тених. Где нужно — поднимался на крышу, полз на пузе, спускался и снова петлял. Нырлял в подъезды, стоило заслышать тяжелые шаги патруля или таился за кучей мусора, благо последнего в поселке хватало.

Ощущал себя героем шпионского боевика, как в фильме «Рассвет над Цусимой», когда главный герой, накинув на голову капюшон, бежал по ночным улицам Токио, в надежде избавиться от слежки. Вот только трущобы ни разу ни столица Японии. Та хоть и считалась одним из беднейших городов Азии, но выглядела не в пример богаче нашего поселка. И темных проходов в ней было куда меньше. Может потому и выследили Одзаки?

Добравшись до дома Арины, я огляделся и, не обнаружив ничего подозрительного, прошмыгнул внутрь. Вихрем поднялся на второй этаж, принялся колотить в дверь.

Стучал долго, до тех пор, пока за спиной не послышался скрипучий голос:

— Нетути её — нету... чего шумишь? Третий день, как ушла.

Я обернулся и увидел сморщенное лицо соседки, высунувшееся из двери напротив. Экая страхолюдина. На такую ночью наткнешься — в портки напружишь, да и днем видок не лучше. Левый глаз горел злобой, другой же оказался подернут мутной пленкой, так что зрачка толком не разглядеть. Нечёсанные космы волос свисали с головы грязной паклей. Нижняя челюсть по причине нехватки зубов ушла далеко назад, придавая старушке уродливый вид сказочного персонажа — этакой Бабы Яги. Не хватало лишь крючковатого носа с бородавкой.

— К-куда ушла? — заикаясь, спросил я.

— А мне чего, больше всех надо? Мне не докладывают, когда приходят — когда уходят. На работу они, видите-ли... Токма что это за работа такая по ночам, а? Днем спят, а как стемнеет — шлындают?

Я не стал выслушивать бред выжившей из ума старухи. Спустился с лестницы и хлопнув дверью, выбежал во двор.

Три дня... три дня — это слишком много для одинокой девушки в трущобах. Сразу вспомнились наполненные горечью слова:

«... у сильного всегда бессильный виноват. Знаешь, сколько девчонок исчезло в неизвестном направлении?»

Нехорошее предчувствие зашевелилось внутри — липкое, мерзкое, словно напитавшийся влагой слизень. Я попытался избавиться от него, но куда там — сотни маленьких ножек-присосок вцепились в душу и принялись выворачивать её наизнанку. В сознании рисовалась одна картина хуже другой. Арина только на первый взгляд казалась взрослой и независимой, а сколько ей на самом деле годков — девятнадцать? Немногим старше меня, а навыков выживания куда меньше. Девчонка, что с неё возьмешь. Вернее, взять-то есть что. Охочих до юного девичьего тела всегда было в достатке, как и желающих получить оное силой. Особенно в непростые времена, когда на улице чёрт-те что творится, и до криков одинокой жертвы никому нет дела. Тут самому бы спастись.

Оставалась надежда на бордель. Лукич утверждал, что мадам Камилла сумеет позаботиться о своих, да и сама Арина о чем-то подобном упоминала. Только я этой старушенции не верил ни на грош. Сквальжница она великая, когда будет выгодно любого продаст: и своего человека, и случайного. Такие как мадам заботятся исключительно о нуждах собственного кармана.

Может сбежать проверить? Я помнил наш последний разговор, как помнил и обещание спустить шкуру, ежели осмелюсь переступить порог. А ежели не переступать? Глянуть одним глазком — удостовериться, что с девушкой полный порядок и назад. Чай не поколотят.

Раздумывал я недолго. И сам заметить не успел, как зашагал в нужном направлении.

Патрулей на улицах поселка становилось все меньше, а простых жителей все больше и больше. Основная работа по наведению порядка закончилась и силы жандармского корпуса покидали Красильницкое. Это заметно облегчило дорогу. Я уже не чувствовал себя героем шпионского боевика, вынужденным прятаться по углам и даже скинул капюшон. Ветер моментально взъерошил мокрые волосы. Заставил поежиться, охладив вспотевшую под курткой шею. Наступило самое паршивое время года, когда зима закончилась, а весна толком не началась. Вот и думай в чем ходить, особенно если выбор невелик: то ли теплый дутыш, то ли футболка с коротким рукавом. Имелся еще свитер до того драный, что стрёмно было показаться на улице даже бродяге вроде меня.

Громада борделя встретила тишиной. До полной веселья ночи было еще далеко, да и будет ли она после всего случившегося? Остановившись в паре десятков метров, я начал вглядываться в окна, пытаясь увидеть знакомые лица. Ага, а вот и мама Розы! Силуэт обладательницы монументального бюста темнел на втором этаже. Такую не перепугаешь ни с кем.

Я принялся прыгать на месте, махать руками, пытаюсь привлечь внимание. Тень за окном колыхнулась. Розы навалилась на стекло необъятной грудью — заулыбалась, признав. Прокричала в коридор и следом в окнах начали показываться девчонки, одна за другой: вон жизнерадостная Хейла с вытянутым словно у кобылы лицом, а это чернявая цыганочка — Ясмин, несбывшаяся фантазия Тоши.

Арина появилась одной из последних. В отличии от остальных она не обрадовалась моему приходу — напротив, выглядела встревоженной, даже злой. Встретившись со мною взглядом, погрозила пальчиком, мол кому было велено — не появляться.

Я лишь махнул рукой, плавали — знаем. Лешку Чижова пустыми угрозами не проймешь. И не такие пугали, что мне какая-то мадам.

Арина продолжала отчаянно жестикулировать, когда входная дверь открылась и на пороге появился заспанный Густав. Недовольный тем, что пришлось выбраться из тепла

наружу, он раздраженно пробубнил:

— Сказано же было — не приходите. Чего хулиганишь?

— Я не хулиганю. Я девчонок проведать пришел.

— Девчонок он проведать, — вышибала сладко зевнул, демонстрируя на удивление полный набор зубов. — Вишь, проверяльщик выискался... Нормально всё с девчонками, третий день на осадном положении сидят — с ума сходят от безделья. Жрут как не в себя, последние запасы подъедают. Мадам Камилла шибко ругается, и на тебя будет ругаться, ежели увидит. Вали давай!

— А когда...

— Вали, кому сказано! — рыкнул вышибала

И я рванул прочь по успевшему подсохнуть асфальту. Полы расстёгнутой куртки принялись развиваться крыльями. Встречный ветер обдувал лицо, проникая под драный свитер — охлаждал кожу. На душе было легко и приятно. И пускай Арина ругалась, пыталась изобразить злой взгляд, но я-то знал, что она тоже рада. Сложись обстоятельства иначе, она бы непременно меня обняла, а потом в любимой манере взъерошила волосы.

Эх, мечтать вредно... Нет, сидя в тепле или лежа на раскладушке можно придаваться фантазиям сколько душе угодно, а вот на улицах поселка не моги. Не то это место — трущобы, чтобы хлопать ушами. Стоило на мгновение утратить концентрацию, и я тут же влетел в спину шедшего впереди здоровяка. Тот сделал несколько неловких движений, пытаясь удержаться на ногах. Обернулся, в попытке увидеть врезавшегося в него наглеца. Не сразу сообразил, кто это и только когда опустил взгляд, смог разглядеть виновника происшествия.

Потерпевший был не один, а в окружении хмурых мужиков. Один из них и признал меня:

— Ба! Знакомые все лица!

Я расплылся в ответной улыбке и улыбался как дурачок, пока не понял с кем имею дело. Это был Михась... Тот самый Михась, получивший свинчаткой по голове. Тот самый Михась, разжалованный атаманом малажским. Тот самый Михась, у которого имелось с десяток причин для ненависти, а вот для радости...

Да и не улыбка это была — звериный оскал. Торжество хищника, сумевшего загнать свою жертву. Запертую в темном переулке в окружении стаи. Пространство для маневра не оставалось, если не считать небольшой зазор между двумя стоявшими сбоку мужиками — туда и рванул. Был бы взрослым — хрен бы проскочил, а мелким просочился, словно вода сквозь сито. Чужие пальцы попытались ухватиться за развивающийся капюшон, но какой там. Я уже летел вперед, не жалея сил.

— Лови крысеныша! — заорал Михась.

Перед глазами замелькали узкие переходы, удивленные лица встречных прохожих. Я рассчитывал оторваться на следующей улице, но то ли отъелся на дармовых харчах, то ли подрастерял навыки за зиму — погоня всё не отставала.

Очередной закуток, впереди мелькнула тень испуганной собаки. Я споткнулся, едва не грохнувшись наземь. Что за странная привычка у животных убежать поперек дороги? Вот и эта псина шарахнулась прямо под ноги. Не знаю, каким чудом удалось увернуться. Все же краем ботинка заехал по впалому боку. Взвизгнувшая от боли собака осталась позади, а я продолжил забег.

На узких улочках было не разбежаться. Постоянно мешали люди, попадался мусор,

выброшенный ленивыми жильцами прямо на улицу. Приходилось то и дело маневрировать, сбрасывая и без того невеликую скорость.

Поворот налево, снова поворот — напрямки через дворик, украшенный деревянным заборчиком. Детвора ковырялась в слежавшемся за зиму песке, древние старушки грелись на лавочке. Привычная картина мира, словно и не было трех дней осады.

Я сбавил обороты и тут же услышал сопение за спиной. Как же они меня достали. И что дальше, куда бежать? Арка слева вела в тупик — это я точно помнил, там еще наливайка находилась с вечно обоссанными стенами. Прямо по курсу шел очередной зигзагообразный закоулок, а вот направо... Я нырнул в пространство меж домами и оказался на Первозванной — широченной улице, отделявшей западную часть поселка от восточной. Ну здесь-то мне никто не помешает: ни собаки, ни валяющийся под ногами мусор.

Рванул вперед что было мочи, чувствуя, как легкие обжигает огнем, как наливаются усталостью ноги и тяжелый молот сердца бухает в груди. Несколько раз оглянулся, чтобы убедиться — преследователи отстают. И если в самом начале их было трое, то под конец остался один Михась. Этот будет бежать до последнего, словно одержимый бешенством пес, пока не падёт от усталости и злобы.

Я рассчитывал попасть на другой конец улицы, где стояли дома со сквозными подъездами, но тут впереди замаячил блокпост. Жандармский корпус успел частью сняться и уйти из поселка, однако самые важные артерии по-прежнему оставались под его контролем. Так случилось и с Первозванной.

Плохо, ой как плохо. Этим ребяткам было плевать: кто и зачем бежит. Промурыжат в камере до выяснения обстоятельств, а потом и в сиротский приют сошлют.

Не готов я был расстаться со свободой, потому свернул в ближайший закуток, пропахший сыростью и гнилыми овощами. Под ногами мерзко захлюпала грязь, не видевшая свет долгие годы. Пятна влаги покрывали нависшие над головой стены. Штукатурка местами потрескалась, местами осыпалась, обнажив кирпичную кладку. Крупные куски болтались в воздухе, повиснув на длинных волокнах утеплителя. Об них и шоркал курткой, оставляя на ткани белые следы.

«*Пожалуйста отстань! Ну пожалуйста!*» — колотилась в голове беззвучная мысль. Я твердил её словно мантру и о чудо, она сработала — шум погони стал отдаляться. Неужели Михась выдохся? Не успел я обрадоваться, как ворота впереди распахнулись и из проема показалась тяжело груженная тележка. Скрипя колесами, она съехала с пандуса и встала ровнёхонько поперек прохода, перегородив единственный путь. Я смог бы перепрыгнуть препятствие, не будь гора мешков выше моего роста. Снизу тоже не поднырнешь, уж слишком узким оказался просвет между землей и днищем тележке. И что делать — что делать-то?!

Решение пришло само собой, стоило бросить взгляд на распахнутые створки. Многочисленные запоры создавали подобие лесенки, по ним я и принялся карабкаться. Холодный металл обжигал ладони, налипшая на ботинки грязь скользила, норовя скинуть вниз. А потом ступеньки закончились... Подпрыгнув, я зацепился за край и принялся подтягиваться, закинув сначала одно плечо, потом другое. Створка под моим весом даже не шелохнулась, а вот от удара подлетевшего Михася вздрогнула, будто напуганное животное. Казак подпрыгнул, но вместо моей лодыжки ухватился за воздух. Снова подпрыгнул и снова с прежним результатом. От досады ударил по металлу и тот отозвался жалобным гулом.

— Не балуй, — послышался голос грузчика. Сам он находился внутри склада и поэтому

не мог видеть всей картины происходящего.

— Я те покажу, не балуй! — взревел казак раненым воплем. — А ну убирай свою колымагу!

Мужичок опешил от такого напора. Он то наблюдал сидящего на воротах мальчишку и не ожидал, что откликнется кто-то еще — разгневанный и потому опасный.

А в Михася словно бесы вселились. Казак принялся пинать и лупцевать дверь кулаками, рыча на разные лады. Ворота гудели, качались под моими ногами, грозя сбросить обратно в грязь. Пришлось прыгнуть на мешки, наваленные горой на тележку, а уже оттуда на стену соседнего дома.

Идея забраться на крышу показалась заманчивой: никаких тебе препятствий в виде патрулей, да и Михась наверняка отстанет. Не станет же он карабкаться следом.

Как же я ошибался, недооценил силу злобы, охватившую казака. Пока я отлеживался, перевалившись через бортик, — тот лез. Хватался за выступающие кирпичи и медленно поднимался.

В другой раз я бы непременно его услышал, но не в то время, когда в ушах шумело от долгого бега. Опершись на локти, попытался сплюнуть нитку слюны. Мамочка дорогая, до чего же хреново...

Звук громкого шлепка заставил встревожиться. Словно уронили в грязь что-то тяжелое, вроде кирпича. Я подполз к краю и перегнувшись через бортик, вздрогнул от неожиданности. Лицо Михася оказалось близко — на расстоянии вытянутой руки. Увидев меня, казак злобно ощерился. Попытался схватить за ворот куртки, но я вовремя дернулся. Шлепнулся на пятую точку, и словно в замедленной съемке принялся наблюдать, как чужая пятерня легла на бортик, как пальцы вцепились в зернистое покрытие крыши.

— Сука, — прошипели снизу.

Бежать не было ни сил, ни желания. Вместо этого я засунул руку в карман и нащупал перочинный ножик. Вот и пригодилась дешевая поделка азиатских мастеров, выданная Лукичем. Я с щелчком извлек лезвие и, не раздумывая, засадил его прямым концом в чужую конечность. Нож насквозь пробил ладонь и лист рубероида, упершись острием в бетон.

Михась отреагировал с большим запозданием. Видать, сказалась лихорадка погони. Заорал он, только когда кровь обильными ручейками потекла из раны. Выдернул руку вместе с ножом и, не удержавшись, полетел вниз. Плюхнулся мешком, подняв брызги густой грязи. Другой бы на его месте принялся стонать от боли, а этот...

— Убью, щенок!

Тело в жиге зашевелилось, пытаюсь подняться. И это после падения с трехметровой высоты? Бессмертный он что ли? Я не стал дожидаться, пока Михась оклемается. С казака станется и без одной руки забраться — вона сколько злости внутри сидит. А может он и не человек вовсе? Дед Пахом рассказывал про берсерков на поле боя, готовых на амбразуры ДЗОТа лезть без оружия. Одержимые они... допускают в душу бесов, а те ими командуют. Захватывают погрузившиеся в тьму отчаянья души.

— С-сука! — пролетел истошный вопль над крышами. Но я уже настолько далеко отошел от места происшествия, что могло и померещится. Ноги заплетались, будучи не в силах бежать. Внутри все колело и болело, а еще хотелось выхаркать горящие огнем легкие. Насколько же было паршиво...

До автомастерской добрался затемно. Зашел внутрь и удивился царящей кругом тишине: ни стариков, ни женщин, ни детей. Убрали лежащие вдоль стены матрасы, смотали

натянутые веревки с сохнувшим бельем. Остался разве что запах сырости, перемешанный с едкими ароматами чистящего порошка.

— Чижик, какими судьбами? — заметил меня один из мастеровых.

— Так это... дежурить.

Мастеровой обернулся к остальным и едва сдерживая смех, сообщил:

— Слышь, мужики, а малой-то на пост собрался... Всё, паря, закончилось твое дежурство — отсмотрел своё. Теперича острый взгляд нам ни к чему. Ну ежели ключом поработать надумал, тогда милости просим. Крепкие руки всегда нужны.

Я молча кивнул и побрел дальше.

Толком и не помню, как добрался до дома Лукича. Осушил забытый на столе стакан чаю — невыносимо горького. Взялся за чайник — приложился пересохшими губами к горлышку и пил до тех пор, пока пузо не раздуло от жидкости. После добрался до дивана и завалился спать.

Проснулся от звука тяжелых шагов. Лукич вернулся с обхода, и теперь громыхал посудой на кухне, как имел обыкновение делать по утрам. Ружья на стене не висело, а значит в гостиную он еще не заходил.

Мысли с трудом ворочались в голове. Может вчерашний забег по улицам всего лишь сон? Дурацкий кошмар, приснившимся под самое утро? Как и перекошенная от злобы физиономия Михася и полные злобы крики.

Было бы хорошо... Но отчего тогда ломит каждый сустав? Я перевернулся на бок и уперся взглядом в выцветшее покрывало. Это чего, это я где? Помнится вчера вечером не хватило сил достать раскладушку. Решил прикорнуть пять минут, да видать отрубился на ЕГО ДИВАНЕ!!! Вот же ж нечистая... Лукич был крайне щепетилен в вопросах использования личных вещей. Кружку его трогать не могли, тарелку с ложкой тоже. Имелись у бобыля в этом плане заскоки. Он даже сидеть на диване запрещал. Грозился шкуру спустить если грязь или крошки обнаружит на покрывале. И тут такое.

Я незаметно прошмыгнул в ванную. Растер щеки ледяной водой, сгоняя остатки сна, и только после этого осмелился зайти на кухню.

Лукич сидел в привычной позе, закинув ногу на ногу. В одной руке держал дымящуюся кружку чаю, в другой — газету. Любил бобыль после обхода почитать свежую прессу. В особенности пухлые Ведомости со сканвордом на последних страницах.

— Рано ты сегодня, — отметил он мое появление. Сделал это за между прочим, не отрываясь от своего основного занятия.

— Не спится чего-то.

— Плохо, если не спится... Я в твоём возрасте голову до подушки не успевал донести.

Обычно из Лукича слова клещами не вытянешь, а тут болтает и болтает. Хорошо, что про диван не спросил. Может не заметил?

Я подошел к стоящему на плите чайнику. На всякий случай проверил пальцем, не остыл ли. Наполнил граненый стакан кипятком и принялся сыпать заварку — половину чайной ложки. Подкрасить водицу сойдет, а вкус мне был глубоко безразличен. Не понимал я прелести подобных напитков, в особенности, когда пьют на пустую: без сахара или конфет. Что может понравиться в горечи? Вот ежели бы со сгущенкой вприкуску.

— Как вчерашняя прогулка прошла? — раздался за спиной голос Лукича.

Держащая стакан рука дрогнула, но я быстро справился с волнением и произнес:

— Нормально всё.

— Это хорошо, что нормально... Ну-ка, подай ложку.

Странный Лукич сегодня. Говорит без меры, еще и чистую ложку к пустому чаю попросил. Что он с ней делать собрался — облизать? Ну ежели очень хочется.

Достав требуемое с полки, я шагнул к столу и... резкий удар отбросил в сторону. Не знаю, сколько пролетел — может один шаг, а может все пять.

Огненная боль разрывала грудь. Я словно окунь, выброшенный на берег, принялся пучить глаза. Очень хотелось вдохнуть, но вместо этого получалось лишь хлопать губами. Мамочки мои, до чего же больно... Я ни о чем другом подумать не мог, только как наполнить легкие кислородом. Хотя бы чуть-чуть, хотя бы капелюшечку — не получалось. Паника начала захватывать разум. Я засипел, перевернувшись на бок. Принялся хвататься руками за доски грязного пола, словно это могло чем-то помочь. Куда-то пополз...

Неведомая сила схватила меня за шиворот и приподняла. Кажется, стало чутка легче. Первая порция драгоценного воздуха поступила в легкие и я с шумом выдохнул. А потом еще раз и еще, преодолевая огненную преграду в груди.

— Понял, за что? — поинтересовался Лукич. Он приобнял меня за плечи, словно заботливый папаша непутевого сынка. Вот только в глазах его не было ничего, кроме холодного равнодушия.

— Диван... я больше не буду.

— Какой диван? — искренне удивился бобыль. — Речь о твоих вчерашних похождениях. Ты почему про Михася ничего не сказал? Про беготню, что устроил на улицах поселка?

— Жаловаться не привык.

— Вона оно как, — хмыкнул Лукич, — значит, чижик у нас птица важная, раз самостоятельно решает, о чем нужно докладывать, а о чем стоит умолчать. Гонором обзавелся, так получается?

— Нет.

— Как же нет, когда да. Не привык он... засунь свои привычки знаешь куда, а лучше сразу забудь, потому как в следующий раз получится разговор коротким. Ты теперь не уличная шавка, гуляющая сама по себе, ты — глаза и уши атамана Малажского и докладывать должен по факту: обо всем, что видишь и слышишь. Уразумел?

Я согласно просипел.

— Это хорошо, что такой понятливый. Понятливые люди дольше живут, — Лукич на секунду задумался, — теперь вот что... без нужды в поселок не выходи. Пока вопрос с Михасем не решится, на улице тебе делать нечего. Можешь дома сидеть, можешь во дворе гулять, но чтобы дальше мастерской не совался. Это понятно?

Бобыль не стал дожидаться ответа, поднял упавшую газету и вернулся за стол. Я же остался сидеть на полу, потирая ноющую от удара грудь. На коже фиолетовым пятном расплывался синяк. Это еще хорошо, что про диван не узнал, иначе бы точно зашиб.

Два дня прошло без происшествий. Я, как и велено было, никуда не ходил. Разве что в мастерскую заглядывал по соседству. В четырех стенах от безделья с ума сойти можно, а тут какая-никакая работа. Вернувшийся из околотка дядька Степан взял надо мною шефство. Сначала пристроил помощником к мужикам в шиномонтажку, а после к черным трансплантологам — так в шутку назывались мастера, разбирающие на запчасти

ворованные авто.

Работать у последних было интересно. Каждый день случалось что-то новенькое: то немецкий седан с натуральным кожаным салоном, то иранский пикап с персидской вязью на стойках. А однажды довелось увидеть внутренности старенькой Alfa Romeo. Итальянская красавица без одежды смотрелась грудой железа, покрытая нагаром, жиром и копотью. И чем здесь восхищаться?

— Не туда смотришь, — один из мастеровых постучал черной от масла ладонью по коробке. — Знаешь, что это такое?

— Двигатель.

— Не просто двигатель, а оборотистая шестицилиндровая лошадка, способная разогнать агрегат до двухсот километров в час. Внушает? Вот и я о том же. Про Студебекер Галактис слышал? Тот новомодный, что в кино любят показывать? У него во внутренностях ровно такой же монстр стоит. А уж как сладко поет — заслушаешься.

Шум работающего двигателя меньше всего напоминал песню, скорее уж рык дикого зверя, изготовившегося к атаке. Провозились с ним долго: несколько дней прошло, а мастеровые всё винтики скручивали, да резинки отсоединяли.

Моя задача была простой — оттереть указанные детали от ржавчины или налета, промаслить в специальных ванночках, ну и подать-принести, куда без этого. За труды мне позволялось кормиться в столовой.

Сама столовая, или на местном жаргоне — едальня, находилась на втором этаже. На открытой площадке с решетчатым полом, огороженная с одной стороны перилами, с другой — кирпичными стенами кухни. Вид отсюда открывался обширный: на рабочую зону, и на тех, кто вздумал филонить. Стоило начальству подняться наверх, как прятавшиеся за полуразобранном кузовом мужички бросали играть в карты, а читавший газету Мартьян, старший среди трансплантологов, принимался с деловым видом работать напильником.

Не то чтобы народ в мастерской был ленивым. Просто тяжело выстоять десятичасовую смену без перерывов, вот мужики и изыскивали способы. Начальство об этом факте знало и мирилось, и подчиненные догадывались, что начальство знает, поэтому старались особо не наглеть. Хотя попадались отдельные персонажи, вроде того же Еремея. Стоило появиться в гараже симпатичной клиентке, и он тут как тут — весь из себя чистенький в выглаженной униформе, только что туалетной водой не благоухает. Вроде как по работе болтает, а глядишь — уже в столовой с клиенткой за одним столом сидит, пирожками угощает. Да еще и уголок такой выберет, что снизу не видно.

Что и говорить, умел Еремей подобрать ключи к женскому сердцу. Вот и к сердцу местной поварихи — на редкость злой и своенравной женщине, отыскал один. Она ему всегда двойную порцию макарон выдавала и котлету лишнюю норовила всучить. Зато остальных чихвостила и в хвост и в гриву. Особенно же невзлюбила меня. Однажды с такой злобой работала половником, что разбила тарелку. И тут же вызверилась, лишив положенного куска хлеба. А кто виноват? Я виноват? Я лишь сказал, что мясо через раз подгоревшим выходит и гречневая каша раскисшая, и макароны слипшееся комом. Если уж взялась кормить людей, так будь добра — соответствуй статусу, а не пользуйся тем, что дальний родственник в начальстве сидит. Кого другого давно бы поганой метлой прогнали, а эта продолжает «кошеварить».

В мастерской поговаривали, что причиной всему личная жизнь. Нет у Сафиры нормального мужика, способного приголубить и одинокими вечерами тоску женского

сердца унять, потому и срывается. Особенно на детях, которых Бог не дал.

Обидно, честное слово... Нет, не из-за того, что повариха каждый раз, когда видит, готова половником убить, а из-за того, что окружающие до сих пор дитем кличут. Я-то старался трудиться с остальными наравне. Не чурался самой грязной работы и даже испытывал гордость, когда уставший и взмокший заканчивал смену. Засовывал за пояс перчатки и шел вместе с остальными в душевую смывать накопившуюся грязь.

Впервые в жизни я чувствовал себя частью команды. Здорвался с мужиками на равных и мог запросто завести разговор. Меня не шугали, не дразнили псом подзаборным или бродяжкой. Все чаще интересовались делами, делились новостями из дома, а однажды позвали играть в карты.

Старший Мартьян так и вовсе величал по имени отчеству. Отца своего я не знал, поэтому механик его просто выдумал.

— Батька у тебя был?

— Был.

— Вот и будешь Батьковичем.

И остальные мужики повадились:

— Алексей Батькович, как жизнь молодая?

— Жениться не надумали, Алексей Батькович? А то у меня дома вона какая невеста подрастает: и умница, и красавица, и к хозяйству способная.

— Алексей Батькович, не соизволите ли глянуть отвертку? Опять треклятая под пресс закатилась.

Приходилось лезть в узкое пыльное пространство, зажав в зубах цилиндр фонарика. Назад было не развернуться, поэтому после радостного крика «нашел», обратно меня вытаскивали за ноги. Хвалили, хлопали по плечу. Столько всего терялось в мастерской, начиная от мелких винтиков и заканчивая компрессором. И как раньше без Алексея Батьковича обходились?

Еремей оказался единственным, кто был недоволен новичком. Затаил обиду после того разговора на крыше, когда припугнули возможными последствиями за длинный язык. Показал Ерёма свой страх, и ладно бы перед взрослым мужиком. Так нет же, перед сопливым малолеткой, младше лет на пять. Теперь злился, не зная как отомстить. Пакостил по мелочам: в спину тряпкой кидал или мусор в карманы запихивал, пока я в душевой мылся. Кличку придумал — «чумазык», только не прижилась она в коллективе.

— Ты бы отстал от парня, Ерёмушка, — с пугающей лаской в голосе сказал один из мастеровых. Тот самый, что сватал к своей дочери. — Он чумазый, и я чумазый, и остальные чумазые — один ты у нас красивым да чистеньким ходишь, потому что ни хрена не делаешь. Целыми днями штаны в столовой просиживаешь и клиенткам глазки строишь.

— Ничё я не строю.

— А если ничё, где двухсот пятнадцатые? Прошлые выходные кто обещался сделать? Или у нас без пиздюлей как без пряников?

— Сделаю, раз обещал.

— Ты уж сделай, Ерёмушка — расстарайся... Если к завтрашнему утру колес не будет, сам с Никанорычем будешь разговор держать и объясняться, почему товар к сроку не готов.

До чего же приятно было наблюдать, как чистенький Еремей возился со станком и тягал тяжеленные шины — в одиночку, потому как остальные не спешили на выручку, а самому позвать гордость не позволяла.

Близилось лето и работы в мастерской заметно прибавилось. Машины не помещались в боксах, поэтому их были вынуждены оставлять во внутреннем дворе под присмотром Лукича. Про игру в карты сразу забылось — народ спал на рабочих местах, получая двойную зарплату, а меня наконец-то допустили до серьезной работы, позволив компоновать мелкие детали.

— Когда аврал схлынет, займись твоим обучением, — пообещал Мартьян. — Парень ты вроде рукастый, начнешь фары собирать и проводку по схеме тянуть, а дальше посмотрим.

Увы, планам механика не суждено было сбыться. На следующий день про меня вспомнил Лукич. Сказал, чтобы больше фигней не страдал, и возвращался к основной работе.

Получается, следить и собирать сплетни — это нормально, а возиться с гаечным ключом — фигня? От подобной несправедливости стало обидно. Да и не хотел я возвращаться к прежнему занятию, особенно когда появилась хорошая работа.

За помощью решил обратиться к дядьке Степану, которого теперь величал по-взрослому Степан Никанорычем. Тот сидел в своем кабинете, привычно обложившись бумажками. В углу стола стоял забытый чай, а по тарелке с печеньем ползала муха.

— А-а... Алексей Батькович, — протянул он, оторвав голову от бумаг. Смахнул надоедливое насекомое и уставился на меня красными от недосыпа глазами. — С чем пожаловали?

— Проситься хочу к вам на постоянку.

Степан Никанорович просьбе не удивился. Он словно ожидал подобного развития событий, поэтому закивал головой. Дескать, понимаю вас, понимаю, но увы, ничем помочь не могу.

— Возьмете? — повторил я дрогнувшим голосом.

— Эх, будь моя воля, давно бы в зарплатной ведомости прописал.

— Так в чем дело? Вы же здесь главный?

— И поглавнее найдутся, — дядька Степан невесело усмехнулся. — Или думаешь, я сам себя в кресло усадил? Или наш директор, который только и знает, что бумажки подписывает? Не-е, парень... и ты, и я, и даже Лукич — все мы люди подневольные. Куда пошлют, там и работаем. Я вот всю жизнь сельским хозяйством занимался. Тонны урожая по осени собирал, половину губернии зерном обеспечивал, и что теперь?

Степану Никаноровичу стоило больших усилий, чтобы сдержаться и не выпустить на волю пару крепких ругательств. Он это мог — и в хвост, и в гриву, и поперек, но вместо этого вытянул руки.

— Видишь мозоли? Я сызмальства к труду привычный — заснуть не могу, ежели не поработаю. Нормально так, по-мужицки, а не эти чертовы бумажки перебирать, — ладони тяжело опустились, из-за чего оставленная в стакане ложка жалобно звякнула. — Иди уже парень — занимайся, чем поручено.

Не ожидал я от Степана Никаноровича подобной исповеди. Видать и вправду допекло, раз взялся откровенничать. А может в жаре дело? С приходом июня духота в автомастерской стала невыносимой. Кондиционеры не справлялись, гоняя теплый воздух по трубам. Покрытый липким потом народ злился, собачился по пустыкам. И клиент нервный пошел — каждому требовалось посмотреть, да починить срочно. А как чинить, когда на улице жара, в помещении жара, а от раскаленного капота автомобиля и вовсе веет адским пеклом.

Я спустился вниз и привычным маршрутом направился в сторону раздевалки. Мастерская жила несмотря на кажущееся безлюдье. Постукивала и жужжала на разные голоса. За четыре месяца я настолько проникся местным бытом, что теперь с уверенностью мог сказать, кто и где находится, и чьи это ноги из-под кузова торчат.

Прошел мимо подъемника, который поручили отдраить в первый же день работы. Грязь настолько плотно въелась в поверхность, что пришлось оттирать с помощью едкой химии. Этот запах потом еще долго мерещился.

Ага, а вот и любимец всей мастерской — красный Родстер, пригнанный аж с берегов Туманного Альбиона. Одноглазый, правда... На прошлой неделе я поставил ему левую фару, а сладить правую не успел. Теперь черный провал таращился в осуждении. Ну прости приятель, не моя вина.

Возле красных ящиков, прозванных «Бермудами», свернул направо. Почему Бермуды? Да потому что вечно возле них все терялось. Сколько болтов, сколько винтиков и гаек удалось извлечь из-под днища вместе с кучей мусора и остатками паутины. Даже кусок заплесневелого бутерброда нашелся.

С каждым уголком мастерской была связана своя история, и теперь я прощался... Постоял пару минут, взглядываясь в знакомый до боли ландшафт. Вздохнул и толкнул дверь раздевалки, пропахшей крепким мужским потом. Вдоль стены выстроились узкие шкафчики. Я подошел к своему и в последний раз открыл дверцу. Аккуратной стопкой сложил одежду. Помнится, долго Алексею Батьковичу подбирали рабочий комбинезон. В итоге нашли пошитый на какого-то коротышку: низенького, но чрезмерно широкого. Одежда болталась на мне, что автомобильный чехол. Пришлось местной мастерице заниматься ушивкой.

Ладонь помимо воли прошла по складкам грубой ткани. Хороший материал — крепкий, не порвался ни разу. Мне обещали сделать нашивку с фамилией на правую сторону груди, чтобы было как у остальных. Да чего уж теперь...

Мартьяна я нашел на выходе. Тот разложил на столе недавно поступивший товар и теперь сверялся с накладной, всё-ли по списку. Заметив меня, отложил в сторону бумажки и молча принял протянутые ключи. Он не стал интересоваться, чем закончился разговор с начальником: может знал заранее, а может прочитал ответ на моем лице.

— Комбинезон постирал, в шкафчике оставил и это... я там отражатель почистил. Осталось только прокладку ободка заменить и можно собирать корпус.

— Принято, — Мартьян протянул руку и крепко пожал мою ладонь. — Будь здоров, Алексей Батькович, и не печалься понапрасну. Ты к нам еще вернешься.

— Степан Никонорыч так сказал? — спросил я с внезапно вспыхнувшей надеждой.

— Нет, моя чуйка — надежная, как немецкий подшипник.

Увы, подшипники фирмы Отто, хоть и отличались повышенной надежностью, но все же иногда ломались. В мастерскую я больше не вернулся: ни в этом году, ни в следующем, ни в каком-либо другом.

Глава 5. О вреде художественной литературы

Когда Константин Алексеевич выбирал место под строительство будущего города, он меньше всего интересовался окружающими красотами. Кого волнуют пейзажи, когда на кону экономическая целесообразность. Новая узловая точка должна была связать европейскую часть России с Персией и уже оттуда через Пакистан протянуться до самой Индии. Планов у царя-батюшки, прозванного в народе за острый ум — Осмомыслом, имелось вагон и маленькая тележка. За их реализацию он и взялся, в наикратчайшие сроки возведя красавец-мегаполис посреди степи. Если Петербург был окном в Европу, то Алтополис должен был стать воротами в Азию. Увы, пустыющими, потому как со строительством железной дороги не заладилось с самого начала.

Первой в замыслы царя-императора вмешалась природа, устроив разрушительное землетрясение в Средней Азии. Земля буквально разошлась по швам, образовав гигантские провалы. В пострадавших регионах вспыхнули болезни и голод, начались многочисленные волнения. Пришлось в срочном порядке заниматься решением новых проблем, а когда все успокоилось, подоспела «англичанка». Владычица морей не желала мириться со всевозрастающим влиянием Российской Империи в особенности в землях, некогда принадлежавших ей по праву. Официально Британский Радж перестал существовать в середине двадцатого века — англичане покинули колонию, но влияние свое сохранили: через капитал, через нечистых на руку чиновников. И местные компании в большинстве своем принадлежали европейцам, тем же англичанам или голландцам, поэтому колониальный термин Ост-Индия до сих пор оставался в ходу.

Сложно сказать, на что рассчитывал Константин Алексеевич, когда направил свои стопы в сторону полуострова Индостан. Поверил заверениям раджи Виктрану Басади известного на всю Азию красноречивый и баламут? Желание наладить отношения с далеким северным соседом у того действительно имелось, а вот возможностей...

Стоило рельсам пересечь границу с Пакистаном и южно-азиатский котел забурлил, запенился. В прилегающих провинциях принялись вспыхивать восстания одно за другим. Вдруг вспомнились старые обиды, появились причины для новых. Афганские моджахеды, до того занимающиеся выращиванием маковых полей, вдруг заинтересовались черным ломом. Принялись разбирать целые участки будущей железной дороги. И на чем только тяжелые рельсы утаскивали, лисы пустынные...

Окончательно идею южного торгового пути похоронила вспыхнувшая война. Граница между Индией и Пакистаном оказалась под замком, а любое экономическое сотрудничество под запретом. Это еще хорошо, что обошлось локальным конфликтом. Китай имел особые виды на провинцию Джамму и Кашмир. Иран вдруг озаботился притеснением мусульман-шиитов. Зашевелился под боком дремавший доселе Ирак, и следом Афганистан, готовый подкинуть в котел десятки тысяч муджахидинов. Кипящее варево забрызгало в разные стороны, грозя подпалить подбрюшье русского медведя. Пришлось в срочном порядке сбивать разгорающееся пламя войны.

Все усилия императора Константина «Осмомысла», к тому времени уже немолодого мужчины, были направлены на дипломатическом поприще. О новом торговом пути, должном протянуться от Пиренейского полуострова до берегов Индийского океана, пришлось забыть.

И все бы ничего, если бы не затраченные государством деньги — вышла колоссальная сумма даже по меркам Империи. Тысячи километров железной дороги, теряющейся в песках Средней Азии, вместе с сопутствующими им коммуникациями. И что хуже всего, торчащий посреди степи город — величественные ворота ведущие в никуда.

Константину Алексеевичу не давали покоя лавры Петра Великого. Он мечтал создать архитектурный шедевр — очередную жемчужину в короне Российской Империи. Для этих целей привлек лучших мастеров со всего мира, полностью им доверившись и потому предложив не считаться с затратами. Последние хоть и запустили руки в казну по самый локоть, с результатом не обманули.

Алтополис стал первым городом Империи, полностью перешедшим на централизованные инженерные системы. Вода и электричество подавались в каждый дом, и жителям больше не было нужды ломать голову в ожидании подступающих холодов. Извечная проблема России дороги получились гладкими и ровными. Под землей протянулись линии метро со сверхскоростными поездами, а на поверхности появились живописные улицы и парки. Здесь здания величием своим не уступали Нью-Йоркским небоскрегам, а по красоте превосходили в несколько раз: прямые и закрученные, островерхие и пирамидальные, выполненные в форме ступенек или буквы «П». Мегополис поражал своим размахом, особенно на фоне царящего вокруг запустения. Как поется в одной песне: *степь, да степь кругом*. Она едва и не погубила город, оказавшийся в полном одиночестве.

Городу срочно нужны были доходы. Имперская казна не могла вечно кормить прожорливого зверя, оказавшегося к тому же бесполезным. И что делать? Забросить? Скрипя сердцем, вынуть жемчужину из короны?

Решать сию непростую задачу выпало на долю Петра IV, старшего сына почившего Константина Алексеевича. Наследник оказался далеким от государственных забот, а потому ничтоже сумняшеся перепоручил судьбу города специальной комиссии. Сам же укатил на открытие оперного сезона в Вену. Да так там и остался, балуя местных чаровниц и опустошая винные погреба без меры.

Благо, в комиссии оказались умные головы. Собрались, подумали и решили, что оставить столь крупный город казне выйдет дороже. И затраченных средств жалко, и переселение жителей, к тому времени перемахнувших отметку в три миллиона, было той еще задачей. Это не крестьян с насиженных мест сгонять — людей образованных: дворян, дельцов, чиновников всех мастей, и что хуже всего — творческую богему, способную поднять вой на весь белый свет. Тогда уже речь пойдет не о деньгах, что царю-императору лишний миллион, чай не бедствует — боялся самодержец за свою репутацию. Не хотел прослыть среди королевской родни диким варваром, не удержавшим папенькино наследство. Как после этого в европейских дворах кузинам ручки целовать?

План по спасению был разработан в наикратчайшие сроки. Уже через три месяца на стол Его Величества лег законопроект об особой экономической зоне, осталось дело за малым — заманить обладателей крупного капитала в Алтополис. Промышленник оказался калачом тертым, на новую бумажку смотрел с опаской, потому пришлось задействовать силовые рычаги. Часть производств перенесли в приказном порядке, запугав кого налогами, кого ссылкой в Сибирь, а там и остальные потянулись.

Промышленную зону строили без участия новомодных архитекторов или говоря простым языком тяп-ляп. Может потому и смотрелась она чужеродно, это такое уродливое образование на фоне возведенной красоты — серые стены корпусов, коптящие небо трубы.

Заводам и фабрикам требовались рабочие руки. Последних в империи имелось в достатке, но тут встал вопрос с жильем — не заселять же простых людей в шикарные апартаменты, они мордой не выжили, и воспитанием. Так на юге появились первые трущобы. Это уже потом они получили статус поселка, и разрослись за счет беженцев из-за океана. А тогда, не имея даже названия, считались просто бараками на окраине — прыщом на прекрасном челе города.

Алтополис по праву называли городом крайностей. В нем было всё: красивое и безобразное, модное и отсталое, роскошное и дешманское, не стоящее ломаного гроша. Одного только в нем не было — водоемов, да и откуда им взяться посреди степи. До ближайшей речки полдня в седле скакать, а на автомобиле и того дольше, с учетом отсутствующих в указанном направлении дорог.

Впрочем, для горожан верхнего города это не составляло особых проблем. В их дома вода подавалась круглосуточно, стоило лишь повернуть вентиль крана. Не хочешь принимать ванну, милости просим в бассейн или новомодный аквапарк. Надоели бассейны, добро пожаловать на курорт. Они и летали, имея к тому средства и свободное время, а как быть жителям трущоб?

Не зря... ох, не зря Красильницкое сравнивали с выскочившим на лице прыщом. Выдавить опасно, уж больно много гноя скопилось внутри, и замазать не получается. Сколько раз жители просились подключиться к централизованному отоплению. А вода? У Южных ворот народ до сих пор с ведрами ходил до колонки.

И письма писали, и жалобы, а ответ на всё один: *«за ветхостью жилого фонда подключение к действующим инженерным сетям считается нецелесообразным».*

Живите, как можете, граждане дорогие, ежели желаете согреться — закупайтесь тулупами, а ежели искупаться — милости просим в бани. Только царю-батюшке жаловаться не могли, потому как на любую вашу писульку у нас три своих имеется, составленные грамотными юристами по всей форме и положенному циркуляру.

Толку от мэрии не было никакого, но все же одно хорошее дело вопреки собственной политики они сделали, то бишь случайно. Еще на этапе планирования города геодезисты составили подробную карту грунтовых вод. В нескольких точках пробурили скважины, построили насосные станции, снабжавшие водой целый город. Про другие забыли, посчитав наименее рентабельными.

Шло время — город рос, росла и потребность в воде. Власти задействовали все больше ресурсов, и наконец добрались до самых отдаленных мест. Пригнали бур, пробрили крепкую породу, а оттуда как хлынет! Кто же знал, что геодезисты просчитались и верхний слой удерживал куда большие объемы. Почва частью обвалилась, а частью заболотилась, превратившись в вечно чавкающую жижу с квакающими лягушками.

Власти нагнали спецтехники, подрыли ковшами, укрепили берега и получился водоем, разливающийся по весне озером, а к концу лета сужающийся до размеров пруда.

Новое место стало пользоваться большой популярностью у жителей трущоб, не имевших выбора в развлечениях. Приходили купаться целыми семьями, а в выходные так и вовсе было не протолкнуться от народа. Пока одни лежали на солнышке, другие во всю плескались.

Прознавший про то купец Орлов, решил подзаработать. Облагородил близлежащую территорию кустами и низкорослыми деревьями, организовав подобие парка. Понаставил ларьков, торгующих едой и сувенирной продукцией. Завез песка, оборудовал кабинки и

поставил лежаки.

Тут уж не выдержали жители верхнего города. Они и без того с завистью поглядывали на резвящихся в воде людей, а когда появились удобства... Единственное, что смущало — это соседство со всякой гольтьбой. Но и здесь предприимчивый купец Орлов не оплошал. Одним ловким движением оформил половину пляжа на себя. Не на весь и то ладно.

Теперь по одну сторону плавали граждане привилегированные, готовые выложить двадцать пять копеек за вход, а по другую остальные. У гольтьбы и песка было меньше, и дно илистое, и водная поверхность от мусора не очищалась. Подумаешь...

Зато на нашей стороне рукастые мастеровые возвели плавучий пантон, с которого сигать в воду было одно удовольствие. Вечером на нем сидела пацанва: свесив ноги, бултыхая и без того мутную поверхность озера, а днем приходилось бегать. Металл под полуденным солнцем разогревался до такой степени, что только пятки сверкали.

Май был лучшим месяцем для купания. Поверхность водоема еще не успевала зацвести, и ты радовался обжигающей прохладе, уходя бомбочкой на самое дно, а после всплывая и отфыркиваясь под веселый гогот пацанов. Уже в июле это будет не вода, а моча сплошная — теплая и противная от скопившегося в ней мусора. Водоросли, трава, насекомые и поднятый со дна густой ил — все это плавало, издавая неприятные запахи, а уж сколько сусликов сдохло, и не сосчитать. В особенности много их было к концу лета, словно специально шли топиться, ощущая близость подступающих холодов. Но то будет потом, а сейчас...

Листы пантона отдаются гулким эхом. Я мчусь на всех парах, чувствуя, как железо печет пятки. Ай-яй-яй, до чего же горячо. Ещё чуть-чуть и я, зажмурившись, прыгаю в подернутую рябью черноту. Бултых! Привычный шум улицы гаснет, и до ушей доносятся булькающие звуки поднимающихся на поверхность пузырьков.

Я выныриваю следом, отфыркиваясь от попавшей в нос воды. Вижу пацанов, спрятавшихся в тени. Они второй час режутся в «шута», позабыв зачем пришли. Меня тоже зазывали, но что я дурной? В карты в любое время года сыграть можно, а вот искупнуться...

— Чижик, как вода? — интересуется со своего места Тоша. Он уже раздал всё имеющееся на руках, и теперь с ленцой наблюдал за окончанием партии.

— Парная, — кричу я в ответ. И развернувшись, плыву прочь от берега — в сторону, где на волнах покачивались желтые буйки. Никто толком не знал, зачем их вытащили на середину водоема. Это не море, и не океан, здесь далеко заплывать при всем желании не получится. Тогда какой в этом смысл? Отделить платную зону от бесплатной? Напрасно. Уличную шпану не всякий забор остановит с колючей проволокой, а тут пластиковые шары. Мы любили притапливать их, забираясь сверху. Особо отчаянные еще и умудрялись демонстрировать противоположному берегу ягодицы. А чё, пускай полюбуются дворянчики... Они нас постными рожами встречают, а мы их голыми задницами.

В этот раз я не стал ничего придумывать, а опершись локтями о буёк, принялся наблюдать за отдыхающими. Увидел дядьку в полосатом купальнике. Он был настолько толстым, что казался похожим на тюленя, выбравшимся на берег и притомившимся на лежаке. Две девчонки в соломенных шляпках лепили замок из песка. Вдоль берега прогуливалась маман в длинном до пят платье, а впереди бежал мальчишка — сын или родственник. А может ни какая это не маман, а гувернантка с подопечным на выгуле? Она как холодно себя ведет. Хотя с благородных станется: чем выше официальный статус, тем отстраненнее они в общении, в особенности с близкими людьми.

Ветер донес завлекательную мелодию. На идущей вдоль пляжа дорожке показался фургончик с мороженым. Его легко было распознать по яркой расцветке и картонной физиономии клоуна на крыше. Следом тянулась связка воздушных шаров с разноцветными ленточками. Девчонки тут же позабыли про замок, побросали совки с ведерками и побежали занимать очередь. Мальчишка принялся дергать за руку благородную даму. Дядька-тюлень и тот зашевелился. Эх, я бы тоже от фруктового льда не отказался, или от сливочного пломбира в стаканчике, или от ванильного, посыпанного шоколадной стружкой, а лучше политого клубничным сироп. Да чего там говорить, съел бы любое.

Я обернулся посмотреть на заросший бурьяном пляж. Увы, по нашему берегу фургончик проехать не сможет. Оставалось лишь молча завидовать и наблюдать за выстроившейся к холодному десерту очередью.

Когда вернулся, пацаны закончили партию. В шутах вновь оставили бедолагу Гамахена. Длинному как жердь парню катастрофически не везло в азартные игры, и не важно карты это были, биточек или домино. Некоторым и вовсе лучше не начинать, если только не захочется проверить на прочность голову. Тот же Малюта бил с размаха, не жалея ни собственных пальцев, ни чужого лба. Один лишь звон стоял от ударов.

Почему Малюта? Большинство считало, что прозвище верзиле досталось в насмешку, дескать такой огромный и Малюта. И только знакомые с историей полагали иначе. Проигравшихся в карты гигант казнил столь же безжалостно, как и живший в далекие времена палач Ивана Грозного. Вона как Гамахен красный лоб потирает.

Последнему с прозвищем не повезло. Будучи мелким пацаном, он однажды похвастался: *«пацаны, мамка мне новые гамашки купила ... гляньте, какие»*. Ну народ и глянул. Ладно бы кепкой козырной обзавелся или кроссовками пантовыми, в коих в город выбраться незасорно, а тут гамашки — срамота.

Уж сколько лет прошло, гамашки те давно в тряпку превратились, а прозвище осталось, да еще и такое обидное... Уж лучше Жердям прослыть или Косым, чем этим самым Гамахеном.

Все трое работали в одной смене на заправке. По отдельности они не пользовались большим авторитетом, но вот вместе представляли серьезную силу. Тоша горазд был болтать и при желании мог присесть на уши любому. Правда умом не блистал, отчего и огребал периодически. Здесь ему на помощь приходил Малюта — грубая сила компании. В свои неполные семнадцать годков он мог поколотить любого, даже взрослого, а то и троих сразу. Завязывал узлом гвозди и гнул балки на спор. Правда недоброжелатели поговаривали, что балки в трущобах делали не из стали, а из железных опилок, и при желании любой так сможет. Поговаривали, да действиями свои слова не подкрепляли. А Малюта все гнул и гнул на радость толпе. Гнул забесплатно до тех пор, пока в компании не появился Гамахен, нескладного вида парень — худой, вечно бубнящий себе под нос. Таких обыкновенно за лохов держат, вот только Гамахен лохом не был. Да, он не отличался физической силой, как тот же Малюта, и не знал кучу народа на районе, как общительный Тоша, зато соображалка работала что надо. Это он подсказал здоровяку брать деньги за представления, и разработал систему оповещения, чтобы Тоша и дальше продолжал безнаказанно курить за складом. Уверен, история с фотокарточкой Ясмин тоже его рук дело. Сам бы Тоша в жизни до такого не додумался.

Силач, живчик и мозги — эта троица при должном старании могла горы свернуть. Всё было при ней, только размаха не хватало, не к чему было приложить своих способностей.

Все хлебные места давно были заняты и чужаков к кормушке не подпускали. Конечно, можно было подрядиться в уличные банды, побегать шестерками в надежде выбиться в валеты, годика так через три, если выжить получится. Заманчивая идея для сопляков и дураков. Пацаны ни теми ни другими не были, потому и ломали голову в поисках возможных вариантов.

Когда старшаки первый раз позвали с собой купаться, я сразу сообразил, что дело неладно. Уж точно не дружескими чувствами они ко мне воспылали. Последовали аккуратные расспросы на тему: чем занимаешься и какие подвязки имеешь в мастерской на Блинчикова. Парни всерьез полагали, что я работаю в качестве наводчика, кручусь на улице отслеживая нужные автомобили.

Первой мыслью было рассказать правду. Все равно долго водить за нос не получится, да и какой в этом смысл? Потешить собственное самолюбие, мол смотрите какой я крутой, якшаюсь с деловыми людьми. А дальше что будет, когда правда всплывет наружу? Получу по башке? За Малютой не заржавеет, ему что гвозди кулаком колотить, что человеческие черепа.

Вторая мысль показалась куда более здравой — переговорить с начальником мастерской. Тем более, что расстались мы на хорошей ноте. Степан Никанорыч принял меня с радушием — выслушал, проявив неожиданный интерес к желающим подзаработать пацанам.

— Ловкие, говоришь, — произнес он задумчиво, приглаживая остатки волос на голове. — Ну ежели такие ловкие, пускай подкинут информации про одну машинку — Плимут Вояджер. Интересует не новодел какой из Южной Азии с зависающими клапанами — этого говна у нас самих в достатке, а настоящая американка, сошедшая с конвейера в Детройте. Ежели все грамотно сделают, тогда и поговорим.

— А оплата?

Старый мастер улыбнулся.

— Вишь, какой шустрый — сразу про деньги. Не бойсь, не обидим хлопцев. Только пускай все точно узнают: кто хозяин и когда ездит, по каким адресам паркуются, какую сигналку использует.

Довольный результатами разговора, я уже собирался бежать, но тут морщинистая ладонь легла на мое плечо.

— Стоять! А с Лукичем переговорил?

— Я...я..., - слова застряли в моем горле.

— Головка от поршня? Ты чем думал, когда с просьбой приперся? Кто у тебя начальство?

— Лука Лукич.

— Тогда почему через его голову действуешь? Или хочешь старика под монастырь подвести?

— Нет.

— Ну раз нет, тогда с Лукичем эту тему и обсуждай. Ежели даст добро, тогда милости просим.

Бобыль возражать не стал, но при одном условии, чтобы новое увлечение не мешало основной работе. Заодно предупредил, чтобы сам не светился: не крался ночами по парковке и не бил по колесам, проверяя сигнализацию.

Во всей операции мне отводилась роль передаточного устройства. Установка связи

между мастерской и пацанами с заправки. Увы, процент посредника невысок, но я не переживал по данному поводу. Работал больше за авторитет, чем за деньги, авторитет и получил.

Теперь каждый на районе знал, что Лешка Чижиков тусуется в одной компании с Малютой, а Малюта за своих горой. Это не Лука Лукич, который только и знает, что требовать, не заботясь об остальных проблемах. Место для ночлега дал, жратвой обеспечил, а дальше крутись сам. Вот я и крутился, обрастая новыми знакомствами и связями.

Пацаны, услышав новость про Плимут, аж заулыбались. Сказали знают, где посмотреть и от щедрот великих увеличили посреднический процент. Правда, с последним вышли непонятки. Вдруг выяснилось, что Малюта не обучен арифметике. Простые числа с горем пополам складывал, а когда дело доходило до процентов, начинался затык.

— Пять, это сколько? — мучал он расспросами Гамахена. — Ты руками не маши, а объясни толком, сколько мы отстегнем Чижикку со ста рублей?

— Пять.

— А с двухсот?

— А с двухсот десять.

— Да как же десять, когда процентов всего пять, — принимался шуметь Малюта. — А с трехсот мы скока Чижикку отдадим — тридцать? Не-е, я на такое счастье не подписывался. Понавыдумывали процентов всяких... Ежели пять положено, значит пять и плати, и ни копейкой больше.

Когда доводы разума были бессильны, Гамахен отступал. Не всякий сдюжит устоять перед стихией, коей Малюта и являлся. По жизни человек тихий и спокойный, он превращался в ураган, стоило зайти речи об обмане или несправедливости. В особенности ежели дело касалось его кармана. И тогда наступало время языкастого Тоши.

— Горазд же ты, братец, шкуру неубитого медведя делить. Десять рублей пожалел? А они у тебя есть?

— Найду Плимут и будут, — заворчал здоровяк.

— Ну хорошо, допустим, отыщешь ты нужную машину, а дальше что? Заявишься в мастерскую весь из себя красивый и скажешь, где ваш главный — велите подать сюда? Пускай денгу отстегивает, я ему ща всё расскажу. Так получается?

Малюта недовольно засопел.

— Ничего у тебя не выйдет, братец. Не станут с тобой разговаривать и даже на порог не пустят. С Чижиком станут, потому что для них он свой, а ты чужак — голь перекатная.

— Меня знают, — пробубнил здоровяк, не собираясь просто сдаваться.

— Ну-ка, ну-ка — с этого места поподробнее... Кто тебя знает? Цынга с Товарной и Васюта с Ярморочной? А может бабка Глаша, торгующая яблочными пирогами у южного спуска? Ничего не скажешь — народец авторитетный, в особенности для мастеровых... Ох и рано же ты стал жаться, братец... ох и рано. Для начала полезность свою докажи.

— Я-то докажу, а ежели шкет кинет.

Мне вдруг захотелось сжаться в комок, настолько тяжелым оказался взгляд Малюты. Тоша тоже глянул в мою сторону, но шутливо, без всякого намёка на угрозу.

— Я Чижика давно знаю, — заявил он, — и потому ручаюсь. Пацан надежный, слов свое держит... Хитрожопый, конечно, но кто в наше время другой?

Контраргументов у здоровяка не нашлось, и уже на следующий день меня позвали купаться.

Орловское озеро пользовалось большой популярностью среди местных. И если в западной его части царила истинная благодать, с песочком и лежаками через каждые два метра, то на восточном берегу, поросшем колючками и кустами, случались драки. Хочешь сидеть в тенишке поближе к понтону, будь готов сцепиться с бразилами из Фавел или с малажскими пацанами. Прошлым летом, когда мы на пару с Гринькой решили пойти окунуться, нас свои же и поколотили — обыкновенная босота с Центральной. Уж больно им красивый ремешок приглянулся. Гриня — дундук, нашелся куда вырядиться. Девчонок на пляже захотел удивить... Удивил, ничего не скажешь. Меня толкнули пару раз, а вопящему приятелю губу разбили. Он потом через неё со мной и разговаривал, всё дулся, что не заступился, да в драку не полез. Один против трех старшаков? Что я, дурной здоровьем рисковать ради дешманского ремня, который не кожаный ни разу. Да и про последствия помнил. Это приятель горазд из дома неделями не выходить, а мне как быть? Я с этими пацанами каждый день по одной улице хожу.

Дурак был Гриня, предатель и трус. Хорошо, что все так закончилось и наши дорожки разошлись. Плохо только, что морду набить не успел напоследок.

Солнце клонилось к закату, когда мы начали собираться — полезли в воду смывать налипшую к трусам грязь. Дальше всех провозился Тоша.

— Ща графьям подарок оставлю, — заявил он и притих. Я сильно сомневался, что моча достигнет того берега, сколько её не гони. Богатеньким наплевать, а вот нам завтра здесь купаться.

Пацаны не стали тратить время на обсыхание, и в одних труселях направились в сторону поселка. Я только накинул на плечи майку, моментально прилипшую и ставшую мокрой. Топать до Красильницкого далековато — почитай, пять километров: сначала по тропинке вдоль озера, потом до купеческого парка, раскинувшегося сразу за платным пляжем, а уже оттуда на трассу и по обочине напрямки до самого поселка. Ежели повезет, то подберет какой-нибудь грузовичок, а ежели нет, будем топать на своих двоих, покрываясь загаром и дорожной пылью.

В будний день народа на озере было меньше обычного. В основном купалась пацанва — похожая друг на друга, как однояйцевые близнецы. Короткостриженная, загорелая, в черных труселях, пошитых на фабрике господина Волобуевского. Большая часть партии направлялась в тюрьмы, но и поселковым кое-что доставалось. А что, белье крепкое, надежное и стоит сущие копейки. Почитай, всё мужское население поселка в нем ходило.

Мы обогнули озеро и вышли к длинному забору, огораживающему парковую зону. Вход внутрь входил в стоимость билета. Хочешь, загорай на песочном пляже, хочешь — гуляй в тени тисов и карликовых деревьев. Пробовал купец Орлов сажать привычные русскому человеку березы и лиственницы, но те крайне плохо приживались в условиях степи. Гибли или имели столь жалкий вид, что сердце кровью обливалось. Зато кустарник чувствовал себя прекрасно — рос буйным цветом, заполонив большую часть парка. Откуда я это знал? Да доводилось лазить через забор... Это на пляже нашего брата легко вычислить по характерному виду, а парковая зона большая. И зарослей столько, что хрен выследишь. Одна беда — делать там нечего. Слушать духовой оркестр — оно мне и даром не надо, или в беседке сидеть. Что я, барышня какая? Это они любили в тенишке притомиться с книжицей в руках. Создадут загадочности для вида, все из себя романтичные, позу покрасивее примут и охают над дамскими романами. А кавалеры рядом кружатся, любовные знакомства заводят

на высокий манер. Вьют кружева словесные, ручку целуют, стихи читают нараспев, чтобы значит великосветскую барышню в койку затащить. А по-другому те не согласные. Чай не девки дворовые, простым мужицким напором не возьмешь.

Красивый был парк — ухоженный, но скучный. Мы и на сей раз собирались пройти мимо, но тут оживился Тоша. Подозвал нас к себе, и дождавшись, когда встанем кружочком, зашептал:

— Короче, я тут такую тему узнал — закачаются. Есть в парке тайное местечко, укрытое от любопытствующих глаз. Там барышни в неглиже лечебной гимнастикой занимаются.

— Прямо голые? — не поверил Гамахен.

— Ну не совсем, — вынужден был признать Тоша, — но одежды на них мало, а та что имеется, обтягивает подробности до неприличия. Потому считай, что голые. И позы непотребные принимают, изгибаясь по-всякому: то сисяндры выкатят, то зад отклячат.

Заветные слова были произнесены. В Тошиных глазах заплясали огоньки жаркого пламени, а Малюта аж дышать перестал, настолько проникся. Единственным, кто сохранил остатки здравого разума, оказался Гамахен. Он и задал вполне логичный вопрос:

— Как же они в таком виде занимаются? Парк — общественное место, а вдруг увидят?

— Не увидят, — заверил Тоша, — чай не дуры какие, специально тайное место выбрали. Помните заросли на восточной стороне — ну громадные такие, выше человеческого роста? Есть внутри одна полянка...

Тоша продолжал шептать, а я вдруг понял, что многого не понимаю в этой жизни. К примеру, почему люди сходят с ума от влюбленности. Взять того же Севастьяна — сына пекаря. Ну не заладилось у него с первой красавицей района, ну выбрала она другого, бухать-то зачем? И ладно если бы сам копеечку зарабатывал, так нет же — сидит на шее у отца. А папенька уже немолодой в одиночку пекарню не тянет. Или взять известную клиентку мастерской, почтенную мадам лет сорока — хозяйку столь же почтенного Студебекера. Повелась она на смазливое личико, принялась на Блинчикова ходить как к себе на работу. Напомаженная, да разукрашенная с подарками для ненаглядного Ерёмушки. А у этого Ерёмушки на лице крупными буквами написано, что прохвост. С собакой из подворотни станет кокетничать, ежели только свою выгоду учует. Так зачем голову терять? Зачем позориться? Мужики когда эту парочку за одним столом видели, плевать начинали. Ну чисто маман с сыном.

Вот и эти остолопы, забыв про всяческую осторожность, полезли через дыру в заборе. Ишь, на телеса бабские им поглядеть захотелось. То, конечно, не любовь в чистом виде. Бабушка Лизавета называла сей позыв плотской страстью, и призывала всячески с ним бороться, если не желаю гибели собственной души. Только как это сделать, когда пацаны уже там, а я один — стою по другую сторону забора.

— Чижик, ты с нами? — прошипел Тошин голос.

Я в отчаянии оглянулся. Возвращаться одному в поселок не хотелось. Целый час топать по обочине в надежде, что кто-нибудь подберет. А вдруг навстречу малажская пацанва попадется или того хуже, малолетки с Фавел? С латинянами договорится не получится, те мигом повалят и отпинают за милую душу.

— Чижик, чего затих?

Я вздохнул и полез следом. Кто же знал, что самое сильное оружие в мире — это не свинчатка, не дубинка, и даже не казацкая шашка, а обнаженная женская грудь.

Парк встретил привычной для буднего дня тишиной. Покрытые тенью беседки пустовали, по красным дорожкам прогуливались редкие парочки. Один раз на горизонте показались жандармские морды — с отвислыми щеками и круглыми животами. Сразу видать, мышей не ловят. Пригородный парк — это тебе не Красильницкое с его вечными разборками. Здесь можно и позевать, и на лавочке подремать, пока никто не видит.

Мы миновали указатель с надписью «*летняя площадка*» — популярное место, оборудованное сценой и зрительскими местами. Днем здесь играл оркестр, а вечером устраивались театральные представления и танцы. Даже сейчас, если прислушаться, можно услышать знакомую мелодию — знаменитые «Волжские мотивы» Ричкина, звучавшие с каждого утюга и потому успевшие набить оскомину.

Впереди вдруг захрустело. Я присел от испуга, думая, что это ломится дикий зверь, но это оказался Малюта.

— И где девки? — спросил он с озабоченным лицом.

Тоша на это лишь развел руками:

— Ничего не понимаю. Пацаны говорили, что полянка будет сразу за вторым перекрестком. А тут ни за вторым нет, ни за третьим. Может набрехали?

— Бошки шутникам этим пооткручивать надо, — пробурчал недовольный Малюта, — а ежели не поймут...

Договорить здоровяк не успел. Из-за скрывающих асфальтовую дорожку зарослей послышались шаги. Судя по перестуку металлическому набоек — это мог быть отставной военный или хуже того, патрулирующий территорию жандармский.

Тоша шкнул и пацаны затихарились. Я на всякий случай лег на землю, прижавшись всем телом. В траве стрекотали вездесущие кузнечики. Где-то неподалеку раздувались сопла Малютиных ноздрей. Видеть я этого не мог, зато слышал прекрасно. Ему бы дудочку в ноздри вставить и можно играть.

— Айда, — вновь прошипел голос, и мы продолжили свой путь.

Шли растянувшейся цепочкой: Тоша впереди, как самый знающий, пацаны следом, а я замыкал процессию — просто так, без всякого смысла. Будь моя воля, в жизни бы не сунулся в этот парк. На голых баб им посмотреть захотелось... словно мало было фотокарточки Ясмин, что подогнал прошедшей зимою.

Мы долго лазали по кустам в надежде увидеть заветное. По итогу расцарапали морды, а Гамахен умудрился вляпаться в говно и теперь источал зловонные ароматы.

— То же мне графья, — ругался он, не переставая, — никакой культуры в людях не осталось, срут как обыкновенные простолюдины.

— А ты думал, они золотом ходят или крендельком? — едва сдерживая смех, выдавил из себя Тоша.

— Да причем здесь это? Есть же специально оборудованные кабинки, а они по кустам бегают.

— Когда прижмет, тут не до культуры, — со знанием дела отметил Малюта.

Я в спорах участия не принимал, надоели они хуже горькой редьки. И споры эти и сами старшаки, ведущие себя, словно сорвавшиеся с цепи малолетки. Я несколько раз предлагал вернуться, но нет — мы лучше побродим кругами, в пустой надежде наткнуться на заветную полянку. Нашли занятие...

От густой зелени парка начинало мутить. Я уже видеть не мог окружающие пейзажи:

все эти беседки, кусты, покрытые известью стволы деревьев. Проглоченные на берегу яблоки давно растворились в желудке и теперь тот бурчал, требуя внимания.

«Как же достало», — с этой мыслью я развернулся и увидел парочку, неспешно прогуливающуюся по ближайшей дорожке. Не было в ней ничего примечательного, обыкновенные посетители: девушка в белом летнем платье и зонтиком в руках, кавалер в черной гимназической форме с позолоченными пуговицами и горящей под солнцем кокардой. Из-под козырька фуражки торчали знакомые вихры рыжих волос.

Гринька, ах ты ж сукин сын! Я до хруста стиснул кулаки, чувствуя, как внутри закипает злорада. Столько дней минуло с тех пор — думал, прошла обида, а стоило увидеть и словно бесы вселились. Ноги сами собой вынесли на дорожку, и я побежал, набирая скорость.

— Куда? — раздался из-за спины встревоженный голос Тоши.

Ему вторил Гамахен, тревожной трубой зазвучал Малюта но я никого не слушал, полностью сосредоточившись на цели.

О да, до чего же приятно было наблюдать за вытянувшейся физиономией Гриньки, за промелькнувшим в его глазах страхом. Другой бы давно изготавился к драке, а этот... сделал шаг назад, и теперь между нами стояла растерявшаяся девушка. Она не понимала, что происходит, и лишь бросала удивленные взгляды: то на меня, то на спрятавшегося за спиной кавалера.

— А ну подь сюда, — прохрипел я стиснутым от злобы голосом. Попытался подобраться поближе, но стоило качнуться в одну сторону, как подлец Гринька качнулся в другую, и между нами вновь оказалась барышня.

— Григорий, кто этот молодой человек?

Надо отдать должное девушке, та быстро сумела совладать с эмоциями и теперь с холодной решимостью смотрела на меня — высокая, еще и на каблучках. Кто я по сравнению с ней — вошь мелкая, незнамо откуда выпрыгнувшая на белый свет. И как они только умеют, аристократишки эти — глянуть так, что в ту же секунду почувствуешь себя ничтожеством. Воспитание, а может в генах чего? Очередной маркер, передающийся из поколения в поколение.

Я в отличии от Гриньки со страхами бороться умел, а потому наплевав на взгляды, дернулся вперед. И тут же наткнулся на что-то острое — кончик дамского зонтика, направленный прямоком в живот. До чего же ловкая барышня! И когда только сложить успела, превратив невинный дамский аксессуар в грозное оружие.

— Даже не думайте, — произнесла она уверенным тоном.

— Или чего? — нагло поинтересовался я и почувствовал, как холодной наконечник надавил на живот.

Зря она это... Мы, конечно, вошь мелкая, уступающая как в росте, так и по возрасту. И внешнего виду несуразного: в черных трусах фабрики Волобуевского, да в выцветшей под степным солнцем футболке. Это все про нас — это правда. Как правда и то, что даже у самой мелкой твари имеются зубы.

Ухватив зонтик обеими руками, я резко дернул его в сторону. Как и ожидалось, барышня крепко держалась за ручку, а потому побежала следом. Куда, смотреть не стал. Услыхал лишь краем уха шорох юбки и цокот быстро перебираемых каблучков. Лети голубка сизокрылая — лети, а мы сейчас твоим кавалером займемся.

Гринька стоял на месте и хлопал ресницами. Такое порой случается с человеком, когда сильно струсит, а с Гринею так и вовсе через раз. Ну ничего, сейчас ты за все мои

неприятности ответишь — гад!

Пальцы сами сцепились в кулак, и я ударил. Целил в скулу, но видать сильно поторопился, пройдясь костяшками по касательной. Гринька даже не вздрогнул, лишь сильнее зажмурил глаза. Со вторым ударом и вовсе вышла оказия. Кулак летел напрямик в челюсть, я это видел собственными глазами и вдруг руку отбросило в сторону. Она словно «отпружинила» налетев на невидимую преграду. Удар ушел в пустоту, а следом нырнул и я. Не удержался на ногах и полетел на асфальт. От удара обожгло коленки, но все это было мелочью по сравнению с той яростью, что кипела внутри.

Я поднял голову и увидел спину улепетывающего Гриньки. Тот бежал, позабыв обо всем: о пацанской чести, о спутнице, каковую обязан был защищать. Барышня сидела неподалеку, подобрал под себя ноги. Взгляд темно-синих глаз с холодной яростью уставился на меня. Нижняя губа была закушенна: то ли от боли, то ли от решимости, а из носа тонкими ручейками сочилась кровь. Она сбегала извилистыми линиями по подбородку, орашая частыми каплями некогда белоснежный подол платья.

От незнакомки веяло аурой силы, настолько загадочной и потусторонней, что поневоле притягивало взгляд. Я все же смог отвернуть, но было поздно — Гринька уже успел скрыться за поворотом. Что и говорить, быстро бегал подлец. Мне оставалось лишь зло сплюнуть на асфальт.

— Довольны?

В ответ барышня дернула ножкой и острый кончик туфельки скрылся под подолом платья. Удивительное спокойствие для женского полу. Она даже не предприняла попытку подняться или закричать, призывая на помощь, лишь продолжала молча таращиться на меня.

Я мог многое рассказать о том, какой Гринька подлец и какая она дура, раз взялась защищать его. Запаса слов хватило бы с лихвой, не хватило времени. Трель жандармского свистка известила о том, что пора уносить ноги. В ближайшие кусты, а уже оттуда, петляя меж стволов невысоких деревьев к дыре в заборе.

На полпути догнал Малюту. Парень ломился через заросли, словно огромный медведь. По габаритам не уступал лесному зверю, зато уступал в ловкости. Ноги в коленях не гнул и работал руками, будто граблями. Оно и понятно, от кого бегать, при такой-то силище. Привык, что всю жизнь от него убегают и вот самому довелось.

У забора я налетел на тощий зад Тоши, вставшего на корточках, и пытавшегося пролезть через узкую щель. Ох и до чего же медленно он это делал, словно специально тянул резину. Одну коленку подобрал — другую. Я с трудом удержался, чтобы с размаху не засадить пендаля. Вытерпел, а потом и сам нырнул в освободившееся отверстие.

Малюту вытаскивали всем скопом. Мы с Тошей тянули за руки, а отставший Гамахан вынужден был толкать в спину. Он и рад был бы выбраться, да только как это сделать, когда в единственном проходе застряла туша приятеля.

— Говорил же, другим путем возвращаться. Говорил? — истерил парень по ту сторону забора.

— Не ссы, Гамаш, прорвемся.

— Прорываться не мне надо, а вона ему... Пузо втяни, боров!

Малюта честно старался: пыхтел и сопел, как стоящий под парами старенький локомотив. По шее крупными каплями стекал пот. Бедолага даже зубами скрипел от натуги — увы, все тщетно. Стальные прутья забора продолжали удерживать тело здоровяка в своих крепких объятиях.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в дело не вступили жандармские. Трели свистков прозвучали совсем близко и Малюта запаниковал. Попытался протиснуть бритую голову в щель, но не угадал с размерами. Кожа на лице натянулась, а глаза сделались узкими, что у китайца.

— Ухи, ухи! — вдруг заорал он. Видать подвернул лопухи, когда дернулся обратно.

Огромные ручища схватились за толстые прутья забора. Мышцы заходили буграми, а выпученные от напряжения глаза налились красным. Что-то где-то скрипнуло, и Малюта вывалился наружу. Едва не затоптав нас, кинулся бежать. Полетел вниз по склону, не разбирая, где кусты, где дорога, только и успевая, что неуклюже перебирать ногами.

Следом показался Гамахен. Тощий парень вылетел из дыры, что пробка из-под игристого шампанского. И столь же быстро и стремительно унесся вдаль.

Мы рванули следом. Спустились с поросшего жухлой травой пригорка, вприпрыжку и с ветром на перегонки. Завернули за озерную насыпь, тянущуюся вдоль всей линии парка и только тогда прекратили свой бег. Упав на покрытую пылью траву, принялись тяжело дышать.

— Ну знаешь, — выдавил Тоша.

Ну все, сейчас станут бить. Получается, это я втравил пацанов в неприятности: затеял драку, привлек внимание жандармских. А что случилось бы, поймай они нас? Да ничего хорошего.

Каждому в трущобах было известно о невероятной скупости господина Орлова. Он буквально впадал в ярость, когда узнавал о безбилетниках. О какой-то голытьбе, посмевшей пробраться в парк, принадлежавший ему — купцу первой гильдии по праву собственности. В былые времена нарушителей привлекали к ответственности согласно букве закона, но вскоре осознали всю тщетность сих попыток. Тюремный срок виновникам не грозил, а выписанные штрафы были столь незначительны, что накладнее было возиться. Да и что взять с голытьбы — пошитое на фабрике Волобуевского исподнее? И тогда купец Орлов сделал негласное распоряжение: нарушителей в околоток не сдавать — ловить и наказывать прямо на месте. Лупить дубинками так, чтобы в следующий раз неповадно было. А жандармским что, им только дай волю. Били столь жестко, что некоторые разучивались ходить, другие же наоборот — учились, но только под себя. Ох и страшно было попасться в лапы парковой охраны. Страшно до жути... И вот под это дело я пацанов едва не подвел. Другие на их месте давно бы кинули предьяву, а эти лишь сидят и смотрят.

— Ну знаешь, — повторил Тоша.

— Такой херни никогда в жизни не видел, — согласился Гамахен.

— Может она колдунья? — выразил всеобщее недоумение Малюта.

— Кто?

— Как кто? Ну девка та — чистая ведьма.

— Она не ведьма.

— Как не ведьма, когда ведьма. Ты же сам видел, как она Чижика за руку дернула, словно марионетку за невидимую ниточку. Р-раз и тот мимо.

— Она не ведьма, — продолжил настаивать Тоша. — Про их способности давно известно. Чтобы порчу навести или яд изготовить — пожалуйста, но воздействовать на человека напрямки? На это ни одна колдунья не способна. В особенности держать за руку, находясь на расстоянии трех метров.

— И много ведьм ты успел повидать? — набычился Малюта.

— Я может и не видал, — вынужден был признать Тоша, — знающие люди рассказывали.

— И кто твои знатоки — бабки на лавочке? Тоже мне, нашел авторитетное мнение. Ты еще Митрофана с Котельной помяни, любителя почесать языком по любому поводу. В особенности, когда стакан первача нальешь. Хлопнет целиком за раз и такую пургу начнет гнать, что хоть сиди, хоть падай.

Тут в разговор вмешался Гамахен:

— Толку пустой базар разводить... Это Чижик с ведьмой лицом к лицу столкнулся, пускай и рассказывает.

Три пары глаз внимательно уставились на меня.

А что я мог сказать? По всему выходило, что упавшая девушка производила какие-то пассы руками. Только видеть я этого не мог по причине отсутствия глаз на затылке. Да и не до того было... Уж больно хотелось набить морду подлецу Гриньке.

Пацаны продолжали ждать, и я сказал правду:

— Никто меня не дергал.

Такой ответ никого не устроил, в особенности Тошу.

— Чижик, ты не гони, — возмутился он, — мы сами видели, как у тебя руку в сторону отбросило.

— Не отбросило, просто кулак будто..., - я умолк, пытаюсь подобрать правильные слова, — будто в невидимое препятствие угодил.

— В стену? — предположил Малюта.

— Не-а, стена твердая, а эта не знаю даже... пружинистая, больше похожая на резину. Точно, на автомобильную крышку.

— Чертовщина какая-то, — пробубнил недовольный Тоша. Он то ожидал подтверждения версии про ведьм, а тут всех разговоров, что про шину. Про шину было не интересно... Малюта не сказал ничего, лишь потрогал набухшее и ставшее похожим на пельмень ухо. Гамахен оставался единственным, в чьей голове крутились шестеренки. Он и продолжил расспрос:

— Чем тебе пацан не угодил?

— Это Гринька с Корчажного переулка. Подставил зимой крепко, вот я и слетел с катушек.

— И ты не смог придумать ничего лучше, чем устроить драку в парке? — удивился Гамаш.

— А как подлеца по-другому изловить, когда он из поселка уехал? Родители силком на тесты отправили и...

И тут до меня дошло — медленно, как до пресловутого жирафа из далекой Африки.

— Меченый? — догадался одновременно со мною Гамаш.

— Ага, обнаружили в его крови маркеры. Родители заключили договор на обучение, отправив отпрыска в Академию. Почитай, полгода в поселке не появлялся и тут нарисовался с барышней под ручку.

— Сдается мне, что барышня непростая, — задумчиво произнес Гамахен. — Если друг твой меченый, то и подруга с талантом. Причем не первый год, раз успела способности до такой степени развить.

— А может это Гринька был?

Губы Гамахена искривились в презрительной улыбке.

— Ты рожу своего приятеля видел? Его великих способностей хватило разве что сдержаться и не напрудить в портки.

Сделанное замечание развеселило пацанов: Тоша громко заржал, Малюта заухал филином и тут же поморщился, вспомнив про алый пельмень. Даже мне не удалось сдержаться от смеха. И зря, потому как Гамахен моментально все испортил.

— Я бы на твоём месте не радовался.

— Чего это?

— А того! Или надеешься на забывчивость бывшего дружбана? Будь уверен, прямо сейчас Гринька сидит в отделении и строчит заявку по факту нападения. И подружка его тоже.

— Подумаешь.

— Подумаешь, — передразнил Гамаш. — Думать прежде нужно было, до того как на человека князя с кулаками кинулся. Чего смотришь? Да, человека князя или первогильдейского купца, или того хуже — корпорации... Это полгода назад он был никем — очередным прыщиком из трущоб, а теперь студент одной из самых престижных Академий. В него столько бабок вбухано, что только за одно это из-под земли достанут и голову оторвут.

— Красильницкое своих не отдаст, — неожиданно вступился за меня Малюта. И даже набычился, готовый ринуться в драку. Только красный пельмень вместо уха портил картину.

Гамахен фыркнул в ответ, дескать о чем с вами дураками разговаривать, ежели в простых вещах не понимаете. И тогда не выдержал Тоша:

— Гамаш, ты вроде пацан башковитый, но иногда такое ляпнешь. Это же Чижик, где его искать станут, по какому-такому адресу?

— Найдут, кого спросить.

— Кого? — не унимался Тоша. — Искать беспризорника в трущобах все равно, что искать конкретную блоху у бездомного пса. Глянь на него — мелкий... чумазый... И такими мелкими и чумазыми почитай вся Центровая забита. Бегают друг на дружку похожие, как две капли воды.

— Но мы-то знаем.

— Кто мы? — удивился Тоша. — Лично я про Чижика не в курсе, и Малюта слыхом не слыхивал, и тебя если спросят, ответить не сможешь.

На счет последнего я был не уверен. Имелась в Гамахене гнильца, которую безошибочно научился определять в людях. Червоточина, делающая человека слабым, что трухлявый ствол дерева. На такого чутка надавишь и поплывет. Не было в нем пацанского стержня, как не было и в Гриньке. Только у последнего все напоказ выставлено, а у этого хватало ума маскироваться под «своего в доску» парня. Вот и сейчас Гамаш задорно улыбнулся и произнес:

— Пускай только сунутся.

Хотя в глазах читалось совсем иное.

Тем же вечером состоялась неприятная беседа с Лукичом. Тогда же впервые услышал, как бобыль матерится.

— Ты бл. ть, не можешь без приключений?

Ну и что на это ответить? Что по-другому в трущобах не бывает? В месте, где жизнь

бьет ключом, и где ни дня без происшествий? Лукич это и сам понимал, а потому вздохнув, вынес свой вердикт:

— То, что не стал случившееся утаивать — молодец, видать пошла моя наука впрок. А вот то, что на ровном месте проблему создал... посидишь неделю дома — подождёшь, пока пыль уляжется.

— Лука Лукич, — взвыл я от тоски. Оказаться запертым в четырех стенах, когда на улице солнце светит, а пацаны чуть ли не каждый день ходят на озеро купаться? Уже через неделю вода в Орловском станет теплой и грязной, как лужа в подворотне, да и ко всему прочему цвести начнет.

Принялся просить, но Лукич был неумолим: сказано в доме и точка.

Так началось мучительное семидневное заключение. Сначала я соорудил из обмылка и обломков веника кораблик. Запустил в наполненную до краев раковину и долго смотрел, как тот качается на волнах. Затем взялся за пухлые Ведомости и принялся листать в поисках интересных фотографий. Может хоть крейсер на стапелях закрасуется или того лучше — новая модель Руссо-Балт. Увы, на первом же снимке оказался солидный дядька с бакенбардами. Физиономия простоватая, а гонору-то гонору... Словно не сенатор, а великий князь.

На следующей фотографии была запечатлена масса народу, высыпавшего на улицу, словно горох. Выпускники Царского лица... И кому про них интересно читать? Как и про прения в Думе, длившиеся вот уже второй месяц. Инициативная группа предложила сократить рабочий день с одиннадцати часов до десяти с неизменным сохранением заработной платы. Ага, держите карман шире. Кто же на такую глупость подпишется: господин Манташев — известный нефтяной магнат или может Волобуйский — владелец множества швейных фабрик, печально известных на всю Империю своими переработками. Ну вот примут они этот закон и что — мир изменится? Да любого мастерового, вздумавшего потребовать соблюдения трудовых прав, завтра же выкинут на улицу. А ежели вздумает протестовать или того хуже — стачку устраивать, мигом в социалисты запишут и сопроводят под белы ручки в третье жандармское отделение. И ладно, если штамп о неблагонадежности в личные документы поставят. С такой отметкой простому народу худо-бедно живется. Куда хуже будут обстоять дела, ежели в революционеры запишут. Тогда две дороги останутся: в тюрьму и в Сибирь на каторгу, валить деревья под новую ветку железных дорог.

Я пролистал газету до конца, но так и не отыскав ничего интересного, принялся ловить насекомых. За этим занятием меня и застал Лукич. Наметанным глазом пробежался по обстановке на кухне, задержался на спичечном коробке с жужжащей внутри мухой и наконец остановился на лежащей в углу газете.

— Читал?

— Читал, — неохотно признался я.

— О чем пишут?

— О ерунде всякой.

— А если подробнее?

— О пожаре в Тифлисе, об уменьшении рабочего дня.

Кажется, мне впервые удалось удивить хозяина дома. Он подошел к столу и принялся листать газету.

— Действительно, пожар... И сколько народу сгорело?

— Да кто же их считать станет — бедняков? Это же не графские владения полыхнули, а деревянные постройки под мостом.

Я думал, на этом с расспросами будет покончено, но ошибся.

— Ну-ка подойди сюда.

В груди заныло от нехорошего предчувствия. Тело еще помнило прошлую науку, когда после сильного удара не было возможности вздохнуть. И синяк сходил целый месяц. Не хочу!

Ноги шагнули назад, и я сам не понял, как оказался зажатым в углу. Ровнехонько под потемневшей от времени образком.

Лукич на это ухмыльнулся.

— Не бойсь, малой... никто тебя бить не собирается.

И я как-то сразу поверил. Не тот Лукич человек, чтобы понапрасну словами разбрасываться. Сказал — не ударит, значит так оно и будет.

Бобыль дождался, когда подойду к столу и раскрыл передо мною газету. Ткнул пальцем в первую попавшуюся строку и велел:

— Читай вслух!

— Значица... государственной службой изготовлены новые марки. Как почтовые, так и гербовые образцы имеют красивый худос... худосжественный рисунок женской головы, олицетворяющей Россию. Первая партия поступила в продажу в мае сего года в почтовые отделения Санкт-Петербурга.

— Достаточно, — остановил меня Лукич, — вижу, что грамоте обучен... Кто натаскал?

— Так это, бабушка Лизавета. Ей вечерами все равно делать было нечего, вот и учила складывать по слогам.

Бобыль неожиданно заинтересовался моим прошлым. Принялся расспрашивать о родителях и с кем жил до того, как на улице оказался. Слушал внимательно, хотя не было в моем рассказе ничего интересного, подобных историй сотни, если не тысячи на каждый район трущоб. Иначе откуда взяться такому количеству беспризорников? У одних родители умерли, а ближайших родственников не оказалось или оказались такие, что лучше бы и вовсе не было. У других батя запил, да принялся лупцевать. У третьих дом вроде как был, и вроде как не было. Предкам настолько было плевать на родное чадо, что росло то подобно сорной траве.

— Значит и писать умеешь? — удивился Лукич, когда речь зашла об уроках.

Пришлось признаться, что вывожу закорючки в блокноте. Чистописью сие творение назвать было сложно, уж больно кривым и убогим выходил результат. Да и буквы забывались без практики. Однажды долго не мог вспомнить, как заглавная «Д» пишется. Куда хвостик загинать, в какую сторону.

Лукич аж крикнул, когда увидел результат. Я думал — заругает, как это делала бабушка Лизавета, вечно недовольная моей мазней, но вышло с точностью наоборот.

— Еще и прописными, — удивился он, кажется, второй раз на моей памяти. — По каким учебникам обучался?

— Так не было их.

— Даже азбуки?

— Вместо неё имелись церковные писания: «Житие святого великомученика и целителя Пантелеймона» в третьем синодальном издании, «Духовные наставления отца Серафима», и «Молитвы православных старцев на всяку потребу души». Бабушка Лизавета

была человеком набожным, у неё одних только Библий имелось семь штук.

Лукич на это ничего не сказал. Допил остывшего чаю, взял картуз и вышел на улицу. Вернулся под вечер с тяжелой связкой книг. Водрузил их на стол и прихлопнув сверху ладонью, произнес:

— Это тебе. Будет чем заняться в свободное время.

Я подобному подарку не обрадовался. Не то чтобы, не любил читать. Просто кому захочется маяться в четырех стенах, когда на улице лето. Пацаны гоняют по улице в казаков, а ты как дурак сидишь с книжкой. Бабушка Лизавета чуть ли не силой заставляла зубрить молитвы и тексты святых старцев. Читать об их многочисленных подвигах... И ладно были бы они ратными, как богатырей русских, кои одним ударом могли десятерых половцев положить. Так нет же, один постился в пещере, другой дикого медведя сумел приручить, третьему птицы еду в клюве приносили. Само по себе чудно, но дух не захватывало.

Каково же было мое удивление, когда открыв первую из принесенных книг, прочитал название «Пятнадцатилетний капитан». Разве в таком возрасте дают воинские звания? Это же почти как мне, всего лишь на пару годков старше.

Забравшись с ногами в кресло, я просидел до позднего вечера. Раньше делал специальные закладки, обращая внимание на то, сколько страниц прочитал и сколько еще осталось. А тут листал и даже не задумывался, полностью погрузившись в новый мир, где был подлец Негоро, подложивший под компас брусок и где был храбрый моряк по имени Дик Сэнд. Мне очень хотелось узнать, чем же закончатся приключения юного капитана: сумеет он вывести на чистую воду предателя и спасти остальных, но тут вернулся Лукич и все испортил.

— Будешь писать по странице в день, — произнес он голосом, не требующим возражений. Положил на стол ученические тетрадки, похожие на те, которыми пользовались в церковно-приходской школе.

— С чего писать-то?

Недолго думая, Лукич достал из стопки первую попавшуюся книгу.

— Вот с неё и пиши!

Это оказались «Приключения Тома Сойера», описывающие жизнь на редкость пронырливого паренька из имперской столицы. Я аж обмер, когда прочитал строчку о жителях убогого городишки Санкт-Петербурга. Да что этот писателишка себе позволяет? Назвать одно из самых величественных мест мира жалким? Совсем они обнаглели в этих Северо-Американских штатах.

И только потом узнал, что жители САСШ любят давать своим городам известные названия. У них одних только Парижей имелось два десятка. А были еще Лондоны и Амстердамы, Берлины и Вены. И какой в этом смысл? Да ежели наше Красильницкое Венецией обозвать, станет оно от этого богаче? А красивее? Окружающие только пальцем у виска покрутят, дескать чего взять с больных.

История про Тома Сойера понравилась куда больше, чем про юного капитана. В особенности, когда он красил забор, обдуривая местных мальчишек. Вот только с нашей пацанвой подобные фокусы не прокатят. У нас таких Сойеров на каждой улице с десятков наберется, и каждый норовит свою выгоду получить: то пуговицу подсунут с якобы настоящего армейского кителя, то игрушечную монету за чешскую крону выдадут.

Неделя заточения пролетела незаметно. Я как раз дочитывал книгу про дружка Сойера с

труднопроизносимым именем, когда входная дверь хлопнула и на пороге появился смурной Лукич. Себе налил чаю, а мне велел выметаться.

— Неужели на улицу? — не поверил я. — А как же люди князя?

Бобыль покряхтел, посопел, но все же снизошел до объяснения. Со слов Лукича выходило, что никто меня не искал: ориентировки на столбах не расклеивал, к продавцам с расспросами не пристаивал. И если на рыночной площади кличка Чижик не прозвучала, значит не прозвучит нигде.

Выбежав на улицу, я принялся радоваться долгожданной свободе. Сначала просто носился по переулкам, пугая голубей и редких прохожих. Затем забрался на крышу и подобрав под себя ноги, принялся смотреть в сторону бескрайней степи. До чего же похоже на море. Ни разу на нем не был, но мог представить, как хлопают паруса над головой, как палящее солнце обжигает кожу, а пенящиеся волны бьются о борт. Раньше об этом не думал: видел лишь насыпь железной дороги и волнующийся под ветром ковыль. А теперь подишь ты — цельный океан, стоит лишь прикрыть глаза и немного пофантазировать.

Долго высидеть на одном месте не смог. Трудно было утерпеть, когда душа требует приключений. Я представлял себя одновременно героем множества книг, которого ожидали новые открытия. Не привычный мрак, коим был наполнен каждый день трущобной жизни, а целый чудный мир. Ведь был же он у Тома Сойера и Дика Сэнда? Может с сегодняшнего утра все и начнется — невероятная цепочка событий, вследствие которой стану капитаном корабля или отыщу клад?

Увы, плана с местоположением зарытых сокровищ не нашлось, зато имелось большое желание навестить пацанов. Спрошу их, как продвигаются поиски Плимута, заодно послушаю свежие сплетни. Без этого в Красильницком никак.

Сил накопилось много, поэтому до Южных ворот домчался за считанные минуты. Дела на заправке шли своим чередом: дежурная смена за отсутствием машин отдыхала в тенишке, а Тоша привычно смолил, укрывшись за стеной сарая. При этом выражение физиономии имел кислое.

— А-а, припёрся, — протянул он, едва завидев меня.

Признаться, я опешил от такой встречи, и только когда Тоша повернулся, понял причину плохого настроения.

— Красиво расписали, прямо под хохлому.

— Да пошел ты, — отреагировал на подначку Тоша. Потрогал пальцем фингал и болезненно поморщился.

— Где это тебя угораздило?

— Где надо... Могу адресок подкинуть, ежели интересуешься.

Мне меньше всего хотелось вникать в чужие проблемы, но Тоша сам не выдержал. Посопел для порядка, да изложил историю собственных злоключений, причина коих таилась в Тоньке — девчонке с соседнего подъезда. Не было в её наружности ничего примечательного: круглое веснушчатое лицо, нос картошкой — типичная поселковая барышня из рабочих низов. Такие во множестве своем гуляли по улицам Красильницкого, но именно Тонька-Морковка вызывала нездоровый ажиотаж среди пацанов. Ходили слухи, что прозвище свое она получила отнюдь не за любовь к овощам. С мужским инструментом обращалась умеючи, одаривая счастливиц такой лаской и заботой, что и в борделе не сыскать. Тут главное суметь найти подход.

Наслушавшись советов бывалых, Тоша принарядился, купил кулек парниковой клубники

и появился к барышне в гости. По началу всешло согласно плану, он даже сиськи помять успел. Те у Тоньки были большими, не такими огромными как у мамы Розы, но для пацанского счастья сойдет. А потом появился другой кавалер — некто Граф с малажской стороны. От графа в нем было только гонору, дескать моя барышня, и лишь я имею право её трогать. Ну Тоша и не стерпел... Кто же знал, что шнырь с дворянским титулом драться горазд. Мало того что при барышне унизил, пинком с лестницы спустив, так еще и глаз подбил на прощанье.

— Малажские совсем охренели, — заключил Тоша, зло сплюнув под ноги, — по Центральной гуляют, как у себя дома, еще и наших баб... Ну ничего, в следующий раз я эту гниду подкараулю и тогда покажу кто здесь граф, а кто обыкновенный лошара.

Продолжать беседу было бессмысленно, а уж тем более спрашивать о делах. Уж слишком уязвлено было пацанское самолюбие.

Оставив Тошу наедине с грандиозными планами отмщения, я завернул за угол, оказавшись на территории заправки. Вот где царили покой да благодать! Смена в полном составе дремала в тенечке. Ради этого они перетащили тяжелую чугунную лавочку от самых Южных Ворот, спрятали под навес и теперь наслаждались отдыхом. Кто раскинувшись во всю ширь, а кто едва втиснувшись в узкое пространство. Последним оказался Гамахен, недовольно выглядывающий из подмышки Малюты. Мучался, страдал, но места своего не покидал, здраво рассудив, что лучше сидеть в тенечке, чем стоять на солнцепеке.

— Здорово, работяги, — поприветствовал я пацанов, — не устали спину гнуть? Может за пивком сбегать?

Малюта заулыбался, услышав приятное слово. Заулыбались и остальные — все кроме длинного парня с изъеденной оспинами лицом. Кондрат считался своим, хотя и числился начальником смены. Лишка не гнул, не филонил, пользуясь особым статусом. При встрече всегда здоровался, нормально общался и вдруг...

— Посторонним вход воспрещен, — заявил он протокольным голосом.

Да что же за день такой сегодня: то Тоша через губу разговаривает, теперь Кондрат с заправки гонит. Может и у этого с барышней обломилось?

— Да ладно тебе — это же Чижик, — решил заступиться за меня Гамахен. Забубнили и остальные, но Кондрат был неумолим.

— Повторяю, посторонним здесь делать неча.

— Ну неча, так неча, тогда мы в сторонке постоим, — Гамаш кивнул мне и первым направился в сторону выхода. Выхода условного, потому как располагалась АЗС на открытой площадке, с одной стороны огороженной стеной кирпичного склада — она же курильня для особо отчаянных, с другой — киоском, помимо талонов на заправку торгующим всякой ерундой. За киоск и пошли.

— Какая собака Кондрата укусила? — поинтересовался я, едва мы завернули за угол.

— То собака известная — Алексей Семеньчем кличут.

— Новое начальство?

Гамаш согласно кивнул.

— Пока тебя не было, у нас тут кардинальные перестановки произошли. Лыков пошел на повышение, а вместо него новенького прислали из города. Дядька вроде взрослый и солидно выглядит, а по факту дурак дураком. Не разобравшись в местных порядках, принялся руководить. Тошу в первый же день штрафанул за неправильное ношение униформы. Оказывается на заправочной станции нельзя со спущенными лямками ходить.

Просветил убогих, открыл глаза. Малюту наказал за опоздание, до меня докопался, целую лекцию прочел на тему неподобающего вида. А там всего-то и было — маленькое пятнышко на штанах. Кондрат, конечно, заступился — попытался объяснить, что мы не офисные работники, чтобы чистенькими ходить. Ну и получил по полной программе с лишением премии. Теперь понимаешь, почему он злой?

Да чего уж тут непонятного, попал Кондрат под раздачу. В какую сторону не погляди, кругом засада: или зарплаты лишат, или пацанского уважения. Ходи теперь от одного к другому, как эквилибрист по натянутому канату.

— И что дальше делать будете? — спросил я после небольшой паузы.

— А ничего не будем. Новое начальство надолго не задержится, — заметив непонимание в моих глазах, Гамаш вздохнул и принялся объяснять: — существует определенная категория людей, которым нахождение в трущобах категорически противопоказано. Они здесь как рыбы, выброшенные на берег — только и умеют, что глаза пучить, да рот открывать.

— Это как? — я попытался представить картину. Увы, не получилось при всем богатстве воображения. И тогда на выручку снова пришел Гамахен.

— Вот прикинь, сидим мы с пацанами в тенечке, никого не трогаем. И тут останавливается напротив Даймлер. Не дешманская поделка из Индии, а настоящий германец, с люксовым салоном из натуральной кожи. И вылезает из него мужичок весь из себя прилизанный: ботинки итальянские, очки в позолоченной оправе, пальцы перстнями унизаны. Как увидал нас, аж в лице переменялся. Глаза натурально из орбит вылезли, а уж как орал, как орал. Руками машет, а сам близко не подходит — боится значит. И зрачки бегают от страха. Знает, что в Красильницком ежели чего смогут и по башке настучать, — Гамахен задумался, но все же тихо добавил, — или шины спустить.

— Неужели прокололи? — не поверил я.

— Да хулиганы какие-то, повадились у заправки крутиться. Мы Алексей Семеныча заранее предупредили, чтобы он машину без присмотра не оставлял, а тот не послушался. Кто же теперь виноват?

— Красавцы, — я аж языком прицокнул от восхищения. — Не бойтесь, что он теперь на вас всех собак спустит?

— Пускай рискнет. Ему тогда не только колеса проколют, но и острием гвоздя по лакированным бокам пройдутся, и стекла побьют.

— Сурово вы с ним.

— То не мы, то неизвестные хулиганы, — поправил меня Гамахен.

Неизвестные, как же... Знал я одного умника, гораздого других подбить на всякие противозаконные акции. Он прямо сейчас передо мной стоял и хитро так ухмылялся: мол, мы еще не на такое способны.

— Думаете запугать?

— Зачем? — искренне удивился Гамахен, — сам уйдет... Такие мажористые типы как Алексей Семеныч, по собственной воли никогда в трущобы не сунутся. Проштрафился он, вот и сослали из головного подразделения.

— А может сам решился? Все же начальственная должность.

— Командовать гольтьбой в жопе мира, — Гамахен не выдержав, хмыкнул. — Прямо не работа, а мечта всей жизни.

— Я бы согласился.

— Ты бы и на простого заправщика пошел, если бы взяли.

Гамаш был прав. Работа на станции считалась блатной. Особо утруждаться на не приходилось: знай себе откручивай крышечки, да заливай баки. И платили по меркам Красильницкого неплохо. Тому же Гамахену хватало, чтобы раз в полгода обновлять свой гардероб. Покупать не какие-нибудь там обноски, а вполне нормальный прикид, в котором и в городе показаться не стремно. Не то что мне...

Мы долго трепались о пустяках, коих за неделю скопилось немало: кто с кем подрался, кого порезали, кого побили. Гамахен подтвердил ранее сказанное Лукичем, что никто меня не искал: ни на рынке, ни в каком другом месте.

— Вот ежели ты был Орлов или Соколов, тогда да, тогда другое дело. А с чижика чего взять, чижик птичка мелкая, — зубоскалил Гамахен. Пришлось испортить шутнику настроение, напомнив про Плимут.

— Ищем, — пробубнил мигом помрачневший Гамаш.

— Плохо ищите, — не удержался я от шпильки, — за неделю ни одного варианта. Неужели в поселке нет Вояджеров?

— Есть, но тебе же особенного подавай, настоящего американца. А где мы такой найдем? Он поди и в империю не поставлялся, если только ограниченной серией.

Прав был Гамахен, не заладились отношения у России с Северо-Американскими Штатами. Вечно друг другу палки в колеса вставляли: то пошлины повысят, то эмбарго введут. Но купцы на то и купцы — умеют законодательные препоны обходить, когда речь заходит о выгодной сделке. Запрещаете автомобили из САСШ поставлять, тогда мы заводы в Латинской Америке построим. Оформим по бумагам на местный бизнес и будем гнать товар напрямую. А то, что качество страдает — дело десятое. Как поговаривали мужики: пока в Пау-Бразил клепают машины, ремонтные мастерские без работы не останутся, ибо такого хлама на четырех колесах еще поискать. Не умеют бразильцы хорошие машины делать. Парады устраивать и самбу танцевать — пожалуйста, а на сборочном цехе работать... Не их это национальная черта.

— Значит без вариантов, — с грустью констатировал я.

— Ты погоди суетится. И мужикам из мастерской раньше срока ничего не говори. Мы тут знакомцам с верхнего города весточку закинули. Ежели чего интересного увидят, обязательно сообщат. И это..., - Гамахен замялся, но все же спросил, — что там на счет красного внедорожника?

— А что с ним? — не понял я.

Тема была старой и давно отработанной, потому и застал вопрос врасплох. Каждая из сторон получила желаемое: Тоша — фотографию обнаженной Ясмин, Лукич — информацию. Тогда откуда возник интерес?

— Пацаны вчера внедорожник на Калюжке видели, — пояснил Гамахен, — и в выходные он возле «Трех Медведей» крутился.

Бар «Три Медведя»... неприятные воспоминания кольнули острой иглой

— Уверен? Может какой другой?

— Чижик, а ты много боевых машин видел, переделанных под гражданские? — вопросом на вопрос ответил Гамахен. Пришлось признать, что немного, а точнее ни одного. Уж очень затратное это дело, менять конструкцию бронемашины с оформлением положенных документов. Последнее даже посложнее будет, потому как любили в нашей стране бюрократию разводить.

— Да и хозяин за рулем приметный, вроде молодящегося дедка, — продолжил тем временем Гамахен. — Ты когда просил про «Аризону» разузнать — прошедшей зимою?

— Ты к чему клонишь? — начал я раздражаться. Зло зыркнул из-под бровей и кажись, Гамахена проняло. Он хоть и числился старшаком, но был слабоват по характеру. Не было в нем нормального пацанского стержня, потому и гнулся под любым напором, ровно как Еремей из мастерской. Вот и сейчас, вместо вразумительного ответа, принялся мямлить:

— Я просто спросил.

Можно было продолжать давить, но какой в этом смысл? Я уже нажил врага на ровном месте: трусливого, а потому вдвойне опасного. Еремей пакостил на протяжении всех четырех месяцев, что успел проработать в мастерской. А Гамаш поумнее Ерёмушки будет. Да и если разобраться по существу, не сделал он ничего плохого. Вопрос щекотливый задал не от желания напакостить, а скорее от большого ума — накопил царские палаты, а житейской мудрости не набрался. Вот и тыкается носом, куда не попадя. Уверен, у Тоши тоже вопросы возникли. Например, почему подлежащая угону машина продолжает кататься по улицам города? Почему её не перекрасили и не переправили куда-нибудь в Сибирь или в Поволжье? Почему не разобрали на запчасти? Может не все так просто с красным внедорожником и интересовались им совсем по другой причине? А раз так, то на кого тогда Чижик работает: на мастерскую или...

— Бывай, — протянул я руку растерянному Гамахену. Крепко пожал и улыбнулся на прощанье.

Бабушка Лизавета любила говорить о книгах, о том какую опасность они в себе таят. Утверждала, что только церковные письмена придают стройности человеческой мысли, все же остальное от лукавого, поэтому вносит сумятицу в неокрепшие души. Я раньше этого не понимал, думал, мало ли что покажется пожилому человеку. Она и тетку Глафиру считала за ведьму, хотя та ни малейшего понятия не имела о колдовстве. А то, что всякое по квартире развешивала, так не амулеты же колдовские — обыкновенные цацки. Имелись у соседки цыганские корни, вот и тянуло ко всему блестящему, ровно сороку.

«Художественные выдумки от нечистого», — постоянно повторяла Лизавета. Я в это не верил, пока сам на собственной шкуре не прочувствовал действия сего зла. Да — зла, иначе каким чертом понесло на улицу знаменитого адмирала? Захотелось захватывающих приключений, как у Тома Сойера?

Найти их на собственную задницу оказалось несложно, стоило лишь объединить в одну цепочку красный внедорожник и бар на Калюжке. Те самые «Три медведя», за которыми Лукич поручил следить и за которымт едва не убили человека. А может и убили, кто знает. В живых-то после того случая не видел. Как бишь respectableного господина звали — Ортега?

И бар, и редкий автомобиль по отдельности были заданиями от Лукича, но я и подумать не мог, что они будут связаны. Или могут быть связаны... А что, погода на дворе стоит жаркая — летний зной, вот и решил хозяин внедорожника пропустить кружечку другую пенного. Или все же нет? Мне не хотелось верить в случайное совпадение. Близость тайны будоражила кровь. Я мечтал обнаружить что-нибудь этакое, что навсегда изменит мою жизнь. Любую подсказку, любой намек.

Каково же было разочарование, когда вместо ожидаемого чуда я увидел пустую парковку: ни машин, ни людей. Даже положенный на крыльце швейцар отсутствовал. На

входной двери висела табличка с надписью «закр^ыто на спецобслуживание». Обычное дело, бар сняли для проведения мероприятия. Но тогда почему из открытых окон не доносится веселый гогот, почему никто не курит на улице, пуская в небо густые облака табачного дыма? Поминки и те с большим размахом отмечают. Может слишком рано пришел?

Я бездельничал до самого вечера. Любовался дорогими авто и богато одетыми прохожими. Купил мороженого на мелочь, оставшуюся от имперского полтинника. От того самого, что заботливая медсестра тайком засунула в мой карман.

Калюжка с закатом солнца хорошела. Она и днем выглядела красиво, а вечером, когда зажигались огни и вовсе становилась чудесной. Особенно радовала иллюминация на фасадах государственных учреждений, вроде Банка и Телеграфа. Контраст с трущобами был столь разителен, что порою казалось — я угодил в другой мир. Мир без нищеты и грязи, разбитых плафонов и облезлых домов.

Краем сознания понимал, что происходящее вокруг — всего лишь иллюзия, порожденная обилием света и прочитанными книжками. Но так хотелось верить... Верить в настоящее чудо, способное раз и навсегда изменить мою жизнь. Не через пять лет, не через десять, а здесь и прямо сейчас. Трущобы были буквально забиты людьми, питающимися пустыми надеждами: а вдруг прилетит птица удачи, вдруг постучит в дверь. Не прилетит и не постучит. Можно было до седых волос прожить ожидаючи. В книгах как было — рискнул, проследил за индейцем Джо и стал счастливым обладателем клада. А мне чего бояться, чего терять? У Тома Сойера заботливая тетушка была и крыша родного дома, а у меня? Голь перекатная...

Когда солнце скрылось за горизонтом, я вернулся к бару. Обстановка возле «Трех медведей» оставалась без изменений: ни подвыпивших посетителей на крыльце, ни шума положенной музыки, лишь тусклый свет с трудом пробивался сквозь шторы. Что же это за спецобслуживание такое?

Остатки разума нашептывали держаться подальше от места, на задворках которого порезали человека. Я бы так и поступил, случись это неделю назад, а не в сию минуту и секунду, когда душа жаждала приключений. А вдруг свезёт?

Я дождался момента, когда мимо пройдет загулявшая парочка. Огляделся и не обнаружив ничего подозрительного, юркнул на крыльцо. Прислонил ухо к замочной скважине, прислушался. Кажется или из глубины зала доносятся голоса, едва различимые на фоне шума городских улиц.

Ломиться через парадный вход не стал — прыгнул на землю и серой тенью скользнул в сторону закоулка. С последнего визита здесь мало что изменилось: тот же узкий проход и громада стен, нависшая над головой. Дорогу преграждало прежнее препятствие в виде забора, а вот лаз оказался заделан. Кто-то успел озаботиться, примотав болтающийся кусок сетки на скорую руку. Пропустил тонкую проволоку промеж соседних ячеек и затянул с помощью пассатижей. Верх заделал, а про низ забыл. Приложив усилия, я отогнул болтающиеся края и плюхнувшись на живот, прополз на территорию. На тот самый задний дворик, где прошлый раз обнаружил раненного человека.

Ну надо же, а они прибрались. Избавились от большей части мусора, вроде груды ящиков у дальней стены, а вот бычки остались. Вся площадка была ими усыпана — скрученными, смятыми, втоптанн^ыми в грунт. Их было столь много, что местами не было видно просвета, в особенности на небольшом пяточке у черного входа. На двери по-прежнему красовалась табличка с надписью «только для персонала».

Интересно, для кого это повесили? Сетчатое ограждение само собой подразумевало незаконное проникновение на частную территорию. И если уж нарушитель оказался внутри, то подобным предупреждением его не остановишь. Как было не остановить меня.

Ладонь легла на ручку, и та неожиданно легко подалась — щелкнула, открыв заднюю дверь. Из полутемного коридора пахнуло массой запахов. Были здесь и вкусные, навивающие аппетиту вроде ароматов жареной картошки, и прогорклые от подгоревшего масла, и едкие — химические из-за чистящего порошка. Плитка пола оказалась влажной после недавней уборки. Поскрипывала под ногами, но что хуже всего оставляла отчетливые следы. Вернуться обратно? В тот самый момент, когда большая часть пути пройдена? Да ни за какие коврижки!

Осторожно, шаг за шагом я принялся продвигаться вперед. Плитка под ногами предательски скользила, и пару раз пришлось схватиться за стенку. В одном месте и вовсе лужа осталась. Тоже мне уборщики — развели мокроту. Бабушка Лизавета говорила, что в мытье полов главное — не количество вылитой воды, а приложенные усилия.

Первой попавшейся на глаза комнатой оказалась подсобка. Тусклого света было достаточно, чтобы различить стеллажи со множеством полок. Наверняка здесь и сгущенка хранилась, и конфеты с печеньями, и шоколад разных видов. Пришлось приложить немало усилий, чтобы пройти мимо.

Следующей на очереди была кухня, увешанная кастрюлями да сковородками, словно стены рыцарского замка щитами. По центру возвышался гигантский стол с варочной поверхностью. Сейчас здесь ничего не готовилось, не бурлило, но местная атмосфера настолько пропиталась ароматами, что поневоле сглотнул слюну. А вон там дальше, в глубине комнаты располагались двери в морозильную камеру, где помимо говяжьих и свиных туш хранилось мороженое, а еще палки колбасы: докторской, со специями и пряностями, с красным перцем и без того и...

Я вздрогнул всем телом, услышав звуки голоса из-за стены — неразборчивый бубнеж, словно прихожанин церкви читал молитву. Усердно крестился и бил челом в пол после каждой строчки. От представившейся картины стало не по себе. Одно дело храм с соответствующей обстановкой, и совсем другое бар — место скорее бесовское, чем божье, пробуждающее скрытые пороки.

Довелось однажды услышать про сектантов, пойманных в Алтополисе. Поклонялись те богу, но делали все шиворот-навыворот: нательные крестики носили перевернутыми, а молитвы читали задом наперед. Службы устраивали в неподходящих для того местах: кладбищах, ночных клубах и притонах. Под утробные завывания приносили жертву вроде курицы или ягненка, а на алтарь ставили позолоченное блюдо наполненной свиной кровью со свинячей же головой. Отпив её, прихожане принимались петь и плясать. Вдоволь же наплясавшись, скидывали одежды и пускались в свальный грех, где были все со всеми: и не важно какого ты возрасту, какого полу. Дети Ветра — так они себя называли. Говорили, что рождены были свободными и бог их многое попускает, потому как создал по образу и подобию своему. Вседозволенность — вот что делает человека венцом творения, что возвышает и приближает к престолу небесному, а не рабское смирение и монашеская схима. Зачем усмирять плотские желание, коли даны они свыше при рождении?

Голос продолжал бубнить и по телу моему пробежали мурашки. Не этого я ожидал... Чего конкретно и сам не знаю, но уж точно не сектантов. Да и откуда им взяться в трущобах? Этов верхнем городе люди с ума сходят от безделья, а в Красильницком не до

жиру — в Красильницком быть бы живу.

Набравшись смелости, я вышел в коридор и сделал пару шагов вперед. Бормотание заметно усилилось. Оно доносилось из-за закрытой двери в конце длинного коридора. Сквозь оконца-иллюминаторы пробивались отблески света — слабого, словно сидящие внутри пользовались свечами. Точно — сектанты!

Тут до ушей донеслось:

— ... толпа изумленно взирает на накопленные массы, особенно, если они сконцентрированы в руках немногих. Но ежегодно производимые массы, как вечные, неисчислимы волны могучего потока, катятся мимо и теряются безвозвратно в океане потребления. И, однако, это вечное потребление обуславливает не только все наслаждения, но и существование всего рода человеческого.

Незнакомый мужской голос читал нарочито медленно — делая паузы, чтобы каждое произнесенное слово достигало ушей слушателей. Только я все равно не понимал. Какая-то мудристика — набор фраз, трудно укладываемых в голове. Не похоже это было на молитву, хотя и звучит знакомо. А что если...

Додумать мысль я не успел — за спиной шаркнуло и тело среагировал автоматически. Голова пригнулась, а ноги бросились вперед — в сторону выхода. Подошва ботинок заскользила по плитке и я, словно на коньках, пролетел под чужой рукой. Той только и оставалось, что схватить пустой воздух. Хрен вам с горькой редькой, а не Лешка Чижов.

Увы, радовался рано. Не успевшее разогнуться тело, вдруг потеряло равновесие и полетело вниз. Упал я неудачно, с размаху приложившись затылком о твердую поверхность, а тут еще навалилось сверху чужое тело, придавив массой. В лицо дыхнул аромат дешевого табака. Я замолотил руками и ногами, пытаюсь вырваться наружу. Несколько раз попал, но сидящий сверху человек даже не дернулся, лишь крепче ухватив за запястья. И тогда я использовал единственное оружие из имеющегося. Приподнял голову и вцепился в волосатое предплечье, рванув зубами со всей мочи... Это было последнее, что запомнило мое сознание, погрузившись в темный миг забытья.

Глава 6. Исполнитель желаний

Из темноты меня вытащила пульсирующая боль. Настолько сильная, что казалось, расколется черепушка. А потом пришла запоздавшая мысль — собрать все книги, что принес Лукич, развести костер на заднем дворе и бросить их в жаркое пламя, одну за другой. Я даже знал, какая последует первой — о приключениях заокеанского мальчишки и дружка его беспризорника. Сокровища они нашли, как же... Права была бабушка Лизавета, когда говорила об опасности чтения художественной литературы. Нет в ней ничего полезного, сплошное надувательство. Талантливое, спору нет, но вранье. Этак начитавшись и самому захочется испытать нечто подобное. Ты только нос свой начни совать куда не следует. Я вот попробовал — сунул и получил по башке. Хорошо хоть живой остался... пока живой.

— Что с пацаном? — долетел до ушей незнакомый голос: резкий и неприятный, словно гвоздем по стеклу царапнули.

Вместо ответа чужие пальцы приподняли мои веки: сначала одно, потом другое. Яркий свет заставил поморщиться.

— Не дергайтесь, молодой человек, — произнес второй голос, — я врач и не собираюсь причинять вам вреда.

— А он вам? — все никак не мог успокоится первый. — Я бы на вашем месте проявил осторожность. Подлец хоть и мелкий, но до чего зубастый.

— Будет вам, Николай Ильич, панику разводить. Это обыкновенный мальчишка с вполне естественными реакциями. Вспомните себя в его возрасте.

— Обыкновенный — ха! — названный Николаем Ильичом, рассмеялся. До того скрипуче и резко, что мне вновь почудилось острие гвоздя на стекле. — Где вы такого увидели? Обыкновенным детям положено проявлять уважение к старшим. Не перечить, не огрызаться, и уж тем более не кусать. А этот... кидается на людей диким зверем, да еще и шпындает в неположенных местах. Может он слухач третьего отделения, а? Те любят шваль подзаборную в качестве осведомителей нанимать.

— Угомонись уже, — произнес доктор столь тихо, что даже я расслышал с трудом.

— Простите?

— Я говорю, пациент пришел в себя. Помогите поднять.

— Ну уж нет, я к этому зверёнышу больше не приближусь.

Доктор вздохнул, аккуратно взял меня за плечо, и я почувствовал, как мир вокруг закружился: до тошноты, до бурой массы, исторгнувшейся изо рта прямо на чистую плитку пола.

«Эх, зря мороженку покупал», — подумалось с сожалением. А потом меня снова скрутило и рвало до тех пор, пока не пошла горькая желчь.

Когда все закончилось, рука доктора протянула платок. Крепкая, жилистая — сразу видно, что силы есть не только скальпель держать, но и чего потяжелее.

На заднем плане хмыкнул Николай Ильич, что и говорить, неприятный тип. Я успел хорошенько его разглядеть, пока вытирал губы. С надменным выражением лица и до болезненности бледной кожей. На впалых щеках темнела редкая щетина, как у молодого студента. Хотя на юношу Николай Ильич не тянул, скорее уж на молодящегося франта, обильно пользующегося косметикой.

В отличии от напарника, доктор возраста своего не скрывал. Выглядел на все сорок с

положенной проседью в аккуратной бородке. Столь же аккуратно были подстрижены и брови, а вот прическа оказалась в беспорядке, словно доктор в глубокой задумчивости трепал шевелюру, да так и оставил: частью всклокоченной, частью налипшей на вспотевший лоб.

Я еще раз оглядел присутствующих. Не тянули те на сектантов, скорее уж на городских обывателей, надумавших пропустить рюмочку другую и по такому случаю заглянувших в бар. Неужели померещилось то бормотание? А свет горящих свечей?

До чего же башка раскалывается, мочи нет... Я попытался коснуться саднящего затылка и наткнулся на что-то мокрое и холодное.

— Не переживайте, молодой человек, — улыбнулся доктор, — у вас легкое сотрясение. Рекомендуются постельный режим и много питья. Холодные компрессы строго обязательны. Никаких просмотров телевизора, чтения книг или громкой музыки. Соблюдайте оные условия и до свадьбы заживет.

— Свадьбы, вы серьезно? — снова хмыкнул Николай Ильич. — Таким лучше не размножаться.

Лицо доктора мигом посуровело.

— Ваше замечание неуместно. Впредь попрошу избавить меня...

— Будет вам, Аполлинарий Андреевич. Будет раздражаться по пустякам, — попытался успокоить собеседника молодящийся франт. — Вам не хуже моего известно, что из гнилого семени не прорастет прекрасный побег. Из детей чернорабочих и батраков, зачатых в пьяном угаре, возвращенных в среде отбросов, ими же и воспитанных. Зачастую не обученных простейшим нормам поведения, я уже не говорю про грамотность. Маугли в джунглях и тот большей социализацией отличался чем этот, прости господи, человек.

У Аполлинария Андреевича было что возразить. Это читалось по его лицу: по залегшей меж бровей складке, по дрогнувшим губам. Он бы непременно это сделал, но тут открылась ведущая в зал дверь и на пороге возникла фигура высокого мужчины.

— Товарищи, я же просил без имен, — укорил он присутствующих, — конспирация в нашем деле поставлена не для галочки или забыли ради каких вещей собрались?

— Молчу-молчу, — Николай Ильич для пущей убедительности приложил палец к губам, но хватило его ненадолго. — Я так понимаю, присутствующие разошлись?

— После инцидента я счел за лучшее распустить собрание.

— А как же выборы в подкомитет? Неужели опять перенесены? Жаль, очень жаль... Столько работы проделано, и все в пустую из-за какого-то уличного мальчишки... Позвольте спросить, что мы будем с ним делать?

— Для начала поговорим.

— Князь, вы это серьезно? — высокий господин нахмурился, и франт тут же вынужден был поправиться: — ах, прошу прощение, товарищ Ортега. Я не ослышался, вы собираетесь вести беседы вот с этим? Может и чаем изволите угостить вместо допроса?

Николай Ильич продолжил говорить, а я как замороженный всматривался в застывшую в дверном проеме фигуру. Неужели это тот самый Ортега, которого обнаружил раненым на заднем дворе? Он это! Такого сложно не признать: с благородными чертами лица и соответствующей осанкой. Холеная кисть опиралась на наверхие трости. Это стало особенно заметно, когда он приблизился к нам, прихрамывая на левую ногу.

— Нет, я решительно отказываюсь понимать, — продолжил кипятиться Николай Ильич. — Это ваше решение... неужели не понимаете, что перед нами осведомитель? И

даже если сейчас на них не работает, то после случившегося обязательно победит и донесет. За копейку, за грошик заложит.

— Под мою ответственность, — холодно заметил Ортега. Прозвучавшее заявление не убедило заносчивого франта, наоборот, распалило еще больше.

— Под нашу, уважаемый князь — под нашу! Или забыли, что я тоже замешан в делах? Этот щенок всё видел и в случае чего сможет описать... меня, вас, доктора.

— И что же вы предлагаете — убить? Тогда будьте любезны — вот оружие.

Николай Ильич часто задышал. Бросил взгляд сначала на Ортегу, потом на протянутый им пистолет.

— Ну знаете, — наконец произнес он и, развернувшись, зашагал к выходу. Эффектного отступления не получилось: мокрая плитка издала противный скрежет под туфлями. Молодящийся франт заскользил, но все же умудрился устоять, схватившись рукой за стенку. Грязно выругался и только после этого покинул коридор.

— Зря вы так с ним, — заметил доктор, — товарищ Гарсиа человек обидчивый, не забудет.

Князь на это ничего не ответил. Привычным движением спрятал пистолет в кобуру и посмотрел на меня. Неужели признал? Вон как дрогнула левая бровь на до того спокойном лице.

— Как тебя зовут?

— Лёшкой кличут, — возьми да и ляпни я правду. Видать от растерянности.

— Алексей стало быть... Меня можешь называть товарищем Ортегой, ну или просто Ортегой, если слово товарищ вызывает неудобства.

А он ведь и вправду, князь. И дело тут не только в породистой внешности или умении держаться на людях. Последнему можно обучиться в институтах, а вот поясной ремень с кобурой... Открытое ношение огнестрельного оружия дозволялось только по специальному разрешению: аристократам, отставным военным высокого рангу и жандармским чинам. Последним тоже не всем, иначе лиха не оберешься. Уж больно скоры те были на расправу. Могли подозреваемого дубинками до смерти забить, что уж говорить, если в их распоряжении пистолет окажется.

— Нам есть о чем поговорить, Алексей... Предлагаю сделать это в более подходящей обстановке.

Доктор помог подняться, и я проследовал за князем, где по стеночке, а где опираясь на руку все того же доктора. Сбежать мыслей не возникало, уж слишком кружилась голова, да и ноги были словно ватными.

— Прошу, — товарищ Ортега кивнул на небольшой столик по центру. Сервирован тот был скромно: две чашки с чайником, одинокая вазочка с пирожными и набор разноцветных салфеток.

Приглушенный свет скрывал большую часть зала. Я попытался отыскать барную стойку с висящей над ней кабаньей головой. Но сколько не крутил шеей, сколько не шурился, так и не смог разглядеть легендарный трофей. Может наврал Гринька, с него станется.

Канделябров здесь не было, как не было и свечей. Весь свет исходил от расположенных по периметру электрических ламп, горящих не слишком сильно, от того и царил вокруг полумрак.

— Ты ешь, не стесняйся, — предложил князь.

Я глянул на пропитанные жирным кремом пирожные, и комок тошноты вновь подкатил

к горлу. Кажись впервые в жизни замутило от сладкого. И ведь завтра буду жалеть, когда еще доведется попробовать десерту из «Трех медведей».

Если с пирожными не заладилось, то чай напротив, пришелся по душе — ароматный, со вкусом мяты. Я схватился за чашку двумя руками и мигом осушил. А чего там пить, чашка-то маленькая. Князь и вовсе взялся двумя пальцами, сделал аккуратный глоточек и вернул обратно на блюде.

— Догадываешься, кто мы? — спросил он, когда пауза затянулась и я от нетерпения принялся елозить на стуле. Страх как такового не было. Фигура князя внушала некоторое успокоение, чай не перед атаманом Малажским ответ держу, а перед человеком культурным и вежливым. С таким проще договариваться, потому решил не юлить, ответив прямо:

— Социалисты.

— Какие социалисты?

— А разве они разные бывают?

— Разумеется, — князь изобразил легкую улыбку. — Есть эсдеки, придерживающиеся марксистских учений, есть эсеры, опирающиеся на идеологию народничества, известную в мире как социализм с русской душой. А еще существуют разного рода революционные течения, причисляющие себя к социалистическим, хотя выбранные ими методы борьбы... как бы помягче сказать, вызывают вопросы.

— Народовольцы, — повторил я неоднократно слышанное слово. В народе их еще называли бесноватыми. Именно они убили царя Александра «Освободителя», и едва не отправили на тот свет Константина Первого «Остомысла». Самая страшная террористическая организация в стране. Ею детей малых с пеленок пугали наравне с бабайками и прочей нечестью, потому как к цели своей шли напрямки, не считаясь жертвами среди простых граждан.

— Верно, народовольцы, — князь согласно кивнул. — Существует большое количество революционных организаций и «Народная воля» самая известная из них. Есть еще «Боевое Звено» крайне левых эсеров, их еще по старинке «Максималистами» называют, и «Черное братство». Последних не путай с черносотенцами, они к ним никакого отношения не имеют.

Это я и без подсказки князя знал. Если черные братья боролись против монархии, то черносотенцы наоборот — были сплошь монархистами. Корень всех бед видели в евреях в общем и в банкирах в частности.

— А кто же тогда вы будете? — набрался я наглости спросить.

Князь не растерялся от столь прямого вопроса. Напротив, он словно ждал его, а потому с большой охотой ответил:

— Мы — часть гражданского общества, которым не всё равно. Мы — те, кто не желает мириться с царящей в стране социальной несправедливостью и те, кто всеми силами старается это исправить. Не призывая к революции, не убивая, но медленно и неотвратимо меняя механизмы государственной системы изнутри..., — князь вдруг остановился. — Вижу, ты мне не веришь?

— Не-а, — признался я. А чего стесняться, коли уж начал наглеть. К тому же князю импонировала открытая манера разговора. Это стало заметно по легкой улыбке, по искоркам интереса, вспыхнувшим в его глазах.

— Поясни.

— Да чего тут объяснять? Я охотно поверю купцу, мечтающему продать товар подороже, а вам какая забота о других радеть? Вы аристократ, это всякому видно. Вот и

живите своей жизнью — радуйтесь, коли возможность такая выпала: шампанское пейте, по европам катайтесь. Но нет, вам же скучно. В благодетеля поиграть захотелось, в справедливость для каждого. Понавидумывали тайных обществ — понаразводили, что мальков в пруду, а толку-то? Простому народу от этого легче стало? Чем больше вы с властью боретесь, тем туже закручиваются гайки. Скоро вздохнуть свободно не дадут, всюду жандармские. В верхний город без специального разрешения не пускают. А вдруг ты террорист, — заявляют, — давай свой паспорт... Как будто он у меня был. Уже до того дошло, что на некоторые работы требуется высокий статус благонадежности. Дескать, среди вашего окружения не должно быть людей, состоящих в сомнительных организациях. А ежели я родился в одном сплошном сомнительном месте? Его еще Красильницким называют. Так что мне теперь, удавиться?

Не хотел я всего этого вываливать. Рот открыл, и оно как-то само полилось. Князь слушал внимательно, и это подзадоривало еще больше. Пришлось приложить немало усилий, чтобы не наговорить лишнего. Подлить в чашку чая и сделать большой глоток. Только это и помогло заткнуться. Социалисты, чтоб их... Зараза похлеще чертей, как любил говаривать дед Пахом.

— Проблемы с работой? — заинтересовался князь. — А куда именно пытался устроиться?

— Не то чтобы пытался... пацаны рассказывали, — пробурчал я, понимая к чему клонит князь. За трепло принимает, которое только и способно, что с чужих слов вещать. Сам малолетка, от горшка три вершка, зато сидит с умным видом — рассуждает. Именно это я ожидал услышать, но князь удивил. Откинувшись на спинку стула, он вдруг произнес:

— А я тебя помню. Поначалу сомневался, а теперь точно вижу — ты это.

Меня редко узнавали взрослые. Бегает мелочь — ну и пускай себе, мало ли мальчишек носится по улице. Главное, чтобы не крутился под ногами и не пытался стащить, что плохо лежит. Но зато если признавали, добра не жди.

До того мягкая спинка стула сделалась вдруг необычайно жесткой, упершись промеж лопаток.

— Ну-ну, не смотри так испуганно, — улыбнулся князь. — Я же не ругать собрался — наоборот, благодарить. Это же ты прошлой зимою отыскал меня на заднем дворе. Шустро сбегал за подмогой, молодец. Врачи сказали, еще пять минут и встреча с Создателем была бы неминуемой.

— Делов-то, — пробормотал я, чувствуя, как приливает к щекам жар.

— Не скажи, — возразил князь. — После случившегося мои люди сходили на телеграф и пообщались с персоналом. Посмотрели видеозаписи с камер наблюдения, как ты через местного охранника прорывался. Другой бы развернулся и ушел, а ты молодец — настоял на своем.

— Барышня помогла, — вспомнил я про телеграфистку в голубой блузке с воздушным жабо.

— Алевтина Андреевна, — подсказал князь, — дама приятная во всех отношениях. Таких бы сотрудниц в каждое государственное учреждение... Впрочем, мою благодарность она уже получила. Осталось дело за малым — наградить главного виновника. Уж прости Алексей, не знаю как обращаться по батюшке. Проси и будет дано в границах возможного и в рамках имеющихся сил.

Сколько раз доводилось слышать сказки про рыбака и золотую рыбку, про Емелю и

волшебную шуку, про Алладина и джина из старой лампы. Сколько раз мечталось очутиться на их месте и попросить тележку мороженого, денег до кучи и настоящий дом с живой мамой внутри. А вот подишь ты, в реальности все оказалось иначе.

— Ну, чего молчишь?

Липких страх сковал тело — настолько, что и пальцем не пошевелить, а язык словно прирос к глотке.

— Князь, неужели не видите, что он вас боится, — подал голос Аполлинарий Андреевич, все это время сидевший за соседним столом.

— Меня? — в голосе его сиятельства прозвучало неподдельное удивление. — Но я же не угрожаю, наоборот хочу наградить.

— Получается, не так безгрешен наш гость.

— Ах, ты об этом, — ладонь князя тяжело опустилась на стол. Пальцы дернулись, словно собираясь отстучать ритм по лакированной поверхности. Дернулись и застыли... — Алексей, мы встречаемся при весьма подозрительных обстоятельствах. И нужно быть настоящим глупцом, чтобы этого не заметить. Ты следил за мной... я понял это еще тогда на заднем дворе, когда готовился к встрече с Создателем, а вместо этого увидел вынырнувшего из темноты мальчишку. Как понял и то, что следил ты не по собственной инициативе — тебя наняли. Осталось лишь догадаться, кто именно. Несложная задачка для посвященных в текущие расклады. В этом поселке существует три полюса силы... Стригунов я отметаю по понятным причинам. Понятным мне, тебе же о них знать не обязательно. Следующими на очереди идут банды из Фавел. Интересы этих ребят весьма ограничены, и за пределы торговли наркотиками не выходят. И кто остается в сухом остатке — малажские? А вот здесь становится интересно, потому как бывшие казачки только на первый взгляд отгородились от царя и отечества, а копни поглубже и окажется, что политики там будет поболее, чем в иной городской думе. Товарищ Ромеро, кто у нас из малажских ответственен за операции в Центральном районе?

— Некто Лукич, он же Тихомир Лукьянов, в прошлом хорунжий полковой разведки. Участник русской-турецкой войны пятьдесят шестого года. Был дважды удостоен георгиевского креста второй и третьей степени, — отчеканил молодой голос. Его обладателя я так и не смог разглядеть. В отличии от Аполлинария Андреевича товарищ Ромеро сидел в дальнем углу, лишенном электрического света.

— Лукич, — задумчиво произнес князь. — Смею предположить, что на него ты и работаешь, ну или на одного из его подручных. Если в первый раз были некоторые сомнения, то после сегодняшнего случая их не осталось. Я прав, товарищ Ромеро?

— Так точно, — рапортовал молодой голос из темноты.

— Сути дела это не меняет, — вздохнул князь. — Ты спас мою жизнь, а значит должен получить награду.

Было в этом «должен» что-то нехорошее. Мне сразу вспомнились сказки про исполнителей желаний, и в каждой из них имелся подвох. Взять хотя бы последнюю из услышанных про недотепу вора, проникшего в чужой дом и спасшего из ловушки беса. В качестве благодарности тот пообещал выполнить любую просьбу. Обрадованный парень попросил котелок, наполненный золотом. Расслабился, забыл с кем имеет дело, а нечистый и рад стараться: вылил на бедовую голову раскаленного металла. Как и обещалось, золотого. Почему не поднес в виде монет или полновесных слитков? Так не уточнялись же подробности... Вот и расстаралась нечистая сила по своему бесовскому разумению.

Не существует халявы в жизни, нету её... А если и бывает, то такой ценой, что лучше бы и не случилось. Об этом предупреждала народная молва. Не верьте никому: ни выловленной из пруда щуке, ни джину из старой лампы, ни уж тем более бесу. Обведут вокруг пальца и ладно, если при своих оставят, не лишат последних портков или того хуже — жизни.

Сидящий передо мной аристократ джином не был, но легче от этого не становилось. Умеют графья простой народ дурить похлеще зловредных существ из сказок. Кто я для сидящего напротив князя — босота? Бросит на стол пухлый от банкнот кошель в качестве награды — держи мол, радуйся. А когда в руки возьму, то тут же прострелят башку или удавку накиннут на шею. И не будет в том никакого урона для княжеской чести. Ведь все же логично с его точки зрения. Долг за спасение жизни уплачен, а дальше князь волен поступать с наглецом, то бишь со мной как заблагорассудится.

Нет, нельзя сразу ответ давать. К этому делу нужно подойти с хитростью. Попросить о чем-то трудно выполнимом, а то и вовсе невозможным для исполнения. Пускай князь в вечных должниках ходит, так оно понадежнее будет.

Осталось только придумать, что именно. Такой предмет, что сразу не достанешь. Корень баобаба? Зачем оно мне... Бивень мамонта — еще глупее. Звезду с неба? Я вроде как не барышня... Нет, нужно просить о чем-то не лишённом смысла, чтобы князь при всем желании придраться не смог.

Время шло — часы тикали, а в голову, как назло, ничего разумного не приходило. Первым не выдержал его сиятельство:

— Неужели у тебя совсем нет желаний?

— Есть заветное, но вы вряд ли сможете его исполнить.

— А ты скажи, тогда и посмотрим, — произнес с улыбкой князь.

— Хочу, чтобы мама оказалась живой.

Улыбка медленно сползла с губ собеседника.

— А что-нибудь более реалистичное?

Я поерзал на стуле, оттягивая неизбежность момента, почесал затылок и вдруг осенило! Ответ лежал прямо на поверхности, даже придумывать ничего не пришлось.

— Хочу учиться в академии для одаренных, — сказал, а у самого аж дух захватило, словно сиганул с пантона в холодную воду.

Брови князя дрогнули от удивления, но на этом всё и закончилось. Чай не простолюдин какой, чтобы по малейшему поводу рот разевать, да глаза с пятирублевую монету делать.

— Какой чудесный молодой человек, — рассмеялся доктор за соседним столом. — Право слово, чудесный. Может у вас и необходимый маркер имеется?

— Если бы имелся, здесь бы не сидел, — произнес я и тут же скукожился. Казавшаяся секунду назад удачной идея перестала таковой быть. Оставалось лишь надеяться, что князь не разозлится и не велит придушить много возомнившего о себе наглеца.

— Позволь спросить, а что значит это твое: «здесь бы не сидел»? Делались тесты?

— Да, прошлой зимой, — вынужден был признать я, — результат отрицательный.

— Тогда чего от меня хочешь? — удивился князь. — Если память не изменяет, в академию принимают абитуриентов с определенным набором генов.

— С последовательностью нуклеотидов формы «АДЗ-12», — помог бесстрастный голос Ромеро.

— Да... с последовательностью нуклеотидов. Отбор в академию строгий, поэтому извини, ничем помочь не могу.

Пришлось притворно вздохнуть, изображая расстроенные чувства.

— Раз так... пойду я.

Кабы меня еще отпустили. Его сиятельство изволили бросить суровый взгляд и мышцы мои мигом одеревенели: не от колдовских чар — понятно, от обыкновенного страха.

— Значит хочешь учиться, — произнес задумчиво князь, — что же, похвальное устремление для молодого человека. Но почему выбор пал сразу на Академию? Почему бы для начала не отучиться в обыкновенной школе?

— Это вы про местную приходскую? — хмыкнул я. — Сидеть за одной партой с малолетками? В моем возрасте её многие заканчивают, а вы только поступить предлагаете.

— Но ты же понимаешь, что без начального образования в училище не поступить, не говоря уже об высших учебных заведениях.

— А в Академию можно, — поспешил возразить я. — Там главное, иметь положенный маркер, а уж насколько их обладатель грамотный, не важно... Чтению я, кстати, обучен, как и письму.

— Молодец, — с ехидцей отметил его сиятельство. — И как же я тебя такого бесталанного в Академию пропихну?

— Вы князь, вам многое дозволено: с кем нужно переговорите, с кем нужно заключите фиктивный договор.

— Договор на спонсорство будет настоящим, — возразил князь, — а вот результаты тестов придется подделать. И ладно бы один раз... Что скажете на это, доктор?

— Задача из сложных, если не сказать больше, — после недолгой паузы сообщил Аполлинарий Андреевич. — Учащиеся Академии находятся под неусыпным оком медицинских служб. Забор биоматериалов производится каждые два-три дня. Пробирки безымянные, поэтому определить принадлежность образца тому или иному человеку невозможно. Если только вы не имеете доступа к специальной шифровальной машине, способной считать штрихкод.

— Невозможно, — повторил следом князь и внимательно посмотрел на меня. Дескать, давай уже не мудри — проси денег. А как их просить, если вообще не понятно, смогу я выбраться из «Трех медведей» живым? Надоест князю играть в благородство и тогда всё — пиши пропало.

— Если юноша позволит, я бы хотел дать совет, — вновь подал голос Аполлинарий Андреевич. — Вы же сирота, ничего не путаю? И у вас нет ближайших родственников, на попечении коих могли состоять? Что же, тогда будет вполне логично предложить место в приюте... О, не смотрите волком. Мне прекрасно известно о царящих внутри подобных заведений порядках: о чрезмерно строгих наказаниях, об издевательствах со стороны учащихся, о плохом рационе. Однако смею вас заверить, не все заведения похожи на печально известный Серый Замок.

В глазах князя возник вопрос, и Аполлинарий Андреевич счел за нужное пояснить:

— Это воспитательный дом в Симбирске, содержащийся на деньги Поволжской Купеческой Гильдии. Между прочим, одно из крупнейших заведений подобного типа в Империи.

— И что же в нем печального?

— Статистика по самоубийствам, — констатировал доктор. — Точных цифр не назову, но поверьте — они весьма и весьма внушительны. Настолько, что в прошлом году один из моих коллег был вынужден посетить сие заведение в составе специальной комиссии.

Увиденная картина произвела удручающее впечатление.

Каждый в трущобах слышал про Серый Замок, в том числе и я. Никакой это не приют, а самое настоящее исправительное учреждение с решетками на окнах и камерами, закрывающимися каждый вечер на ключ. Днем порядок держался за счет дубинок надзирателей, а ночью малолетки наводили свои порядки. Жизнь новичка, и без того не сладкая, превращалась в самый настоящий кошмар. Уж лучше в колонию попасть в Сибири, чем в Серый Замок. Жизнь там тоже не сахар, зато арестанты — мужики взрослые, не дают творить беспредел.

— Есть одно любопытнейшее заведение, расположенное в столице, — тем временем продолжил доктор. — Нахимовское училище, доводилось слышать о таком?

— Но это же не приют, — удивился я.

— Нет, но сирот туда принимают со всей страны. Полагаю, князю не составит труда поспособствовать со вступительными экзаменами. Однако заранее предупреждаю, учиться придется крепко, иначе...

— Иначе вернут в обычный приют, в тот же Серый Замок — договорил я за доктора. — Спасибо за совет, но я лучше здесь останусь.

— Бойтесь не справиться с учебным материалом?

— Боюсь, — ответил я, изрядно покривив душой.

На самом деле новые знания меня не пугали. Чистопись, арифметика, заученные наизусть псалмы — давались легко, это еще бабушка Лизавета заметила. Поступать же в Нахимовку я не хотел по другой причине. Нет, может кого другого военная романтика и прельщала, всякое бывает. Мне же меньше всего мечталось ходить строем и жить по строго заведенному распорядку.

— Может денег дать? — не выдержал князь.

Я ждал этого предложения, поэтому замотал головой.

— Какой разборчивый юноша, — засмеялся доктор, а князь напротив — нахмурился. Вышло это по-настоящему грозно, так что от свинцового взгляда серых глаз сделалось не по себе.

— Существует причина, по которой ты отказываешься принимать награду, — глухо произнес он.

— Нет.

— Тогда почему не берешь денег?

— А толку от них?

— Как это? — растерялся князь.

— Сами посудите, в небольшой сумме смысла нет: что они есть, что их нету — прогулял за раз и толком не почувствовал.

— А если сумма значительная?

— Тогда еще хуже. У нас как на районе заведено — все про всех знают: кто с кем гуляет, где подворовывает и где калымит. Стоит один раз принарядиться и тут же вопросы посыпятся, откуда столько бабок взялось. И ладно если вопросы — сразу найдутся любопытствующие, что поймают и выпотрошат всё — вплоть до мелкой копейки. А под конец пером в бок ткнут, чтобы жаловаться не побежал.

— Первый раз сталкиваюсь с подобным, — князь руками развел, — я ему денег предлагаю, а он нос воротит... Парень, может ты чего большего от меня ждешь? Ты только скажи, не бойся? Особняк под Ярославлем или дворец в Крыму?

Я заелозил под тяжелым взглядом князя.

— Жду ответа!

Пришлось пробубнить:

— Ежели с Академией не выгорит... ничего не надо.

Невидимая струна напряжения натянулась — зазвенела, грозя лопнуть в любой момент. Я рад был бы сползти со стула и спрятаться под стол, под половицы, да куда угодно, лишь бы не находиться под прессом княжьего взгляда. Спасибо Аполлинарию Андреевичу, нарушившему тягостную атмосферу молчания звонким смехом.

Застывшая маска гнева сползла с лица его сиятельства. Князь недовольно поморщился, словно чужое веселье вызывало приступ мигрени, а после уставился мне за спину. В темноту, где скрывался обладатель молодого голоса. — Товарищ Ромеро, может хоть ты объяснишь, что нужно этому молодому человеку.

— Юноша опасается за свою жизнь, — вкрадчиво произнес тот.

— Глупости, я же предложил награду.

— Одной рукой одариваете, другой наказываете. Спасение вашей жизни не отменяет факта шпионажа на третью сторону. Юноша был пойман с поличным прямо у дверей залы. И если он работает на малажских, как мы ранее предполагали, то...

— Достаточно, — князь перевел взгляд на меня. — Даю слово, что за слезку спрашивать не стану и что твоей жизни ничего не угрожает. Но если еще раз попадешься...

— Я больше не буду, клянусь!

— Хорошо, — в голосе его светлости послышались нотки удовлетворения. — Тогда повторю свой вопрос: что хочешь за спасение в награду?

Я набрал в грудь воздуха и принялся тараторить:

— Место в Академии одаренных, но ежели не получится, я не в обиде, я все понимаю.

— М-да...

— Нет, этот юноша определенно мне нравится, — заметил с веселостью в голосе доктор. Кажется, он был единственным, кто получал удовольствие от беседы.

— И чем же, позвольте спросить, — хмуро поинтересовался князь, — своей упертостью?

— Своим умом.

— Ум ли это, просить заведомо невозможное?

— Вы не имели дел с беспризорниками, это сразу заметно. А вот мне по роду службы доводилось. Доверчивых среди них мало и этот взгляд... Перед таким конфету положишь, он будет сидеть — тарашиться, но сам не возьмёт. Понимаете? Это как пытаться приманить дикого зверя. Ты его хоть говяжьей, хоть куриной ножкой соблазни — не подойдет. И только спустя время, когда рядом никого не будет, он осторожно подкрадется — понюхает, и может тогда отважится взять. Улица — она не мать и не отец, она ошибок не прощает.

— Значит не веришь, — задумчиво произнес князь. Попытался поднять унизанные перстнями пальцы — те дернулись и бессильно опустились на стол. — Еще и боишься... Не спорь, по глазам вижу. Кто мы для тебя — социалисты? Бесовские силы, злоумышляющие противу царя и отечества? Так в народе говорят? Точно знаю, что так... И самое обидное, что в подобную чепуху верят простые люди: работяги на заводах, крестьяне, батраки — те, ради кого и стараемся. Они даже не утруждаются прислушаться к тому, что говорим. Сразу начинают креститься, словно мы злая сила, — князь тяжело вздохнул. — Вот ты знаешь наши основные цели? Чего добиваемся?

— Равенство для всех, — вдруг вспомнилось мне. А что, об этом еще дед Пахом рассказывал, дескать какие социалисты дураки, ежели хотят приравнять землепашца к барину.

Товарищ Ортега лишь покачал головой.

— Не равенство, а равные возможности. Да и о каком равенстве может идти речь, если люди с рождения отличаются друг от друга: у одного способности кошеварить, у другого стругать, у третьего командовать. Так уж заложено матушкой-природой и государству этого не изменить. Но возможности отыскать талант, развить и принести пользу не только себе, но и окружающим — вот что власть имущим сделать под силу. Население Российской Империи составляет без малого девятьсот миллионов и половина из них безграмотна. Не умеет не только писать, но и читать толком. В двадцать первом веке, когда ракеты запускаем в космос! В Петербурге горожане давно спутниковой связью пользуются, а в симбирской деревне на расстоянии тысячу верст не то что телефона нет — самого обыкновенного проводного, в ней дороги отсутствуют. В Подмосковье автоматизированные комбайны урожай собирают, а за Уральским хребтом до сих пор плугом землю возделывают. Ты только задумайся — плугом! А если неурожай — детский гробы у околицы? — губы князя искривились в неприятной усмешке. — Довелось однажды поехать по стране и эта разница в уровне жизни... я словно в прошлое попал. Дикие, необразованные люди, готовые существовать в рабских условиях только потому, что другой жизни не знают. Что другого не дано и быть не может. Как не может быть начального образования для всех и бесплатной медицины. Я не говорю про сложные операции, ну аппендицит-то вырезать можно? Провести свет, проложить дороги, построить новые библиотеки и кинотеатры. Почему государственная казна не может обеспечить элементарных условий существования?

— Поди дорого, — тихонько ответил я, чтобы не разозлить его сиятельство и без того раздухарившегося без меры. Сразу видать, что тема ему близкая — животрепещущая.

— Дорого?! — воскликнул князь. — А строить в Заозерном дворец для любимого племянничка не дорого? А спонсировать бал в Монако для особ царской крови? А покупать самые длинные в мире яхты, для того чтобы раз в год сплавать в Испанию? Три года назад неподалеку от Челябинска мор случился. Люди на тот свет целыми семьями отправлялись, а все потому, что медицинское заведение соответствующего типа в деревнях не выстроено. А те, что имелись, находились за сотни верст по разбитой дороге. Я был тогда в Петербурге... Имел удовольствие сидеть за одним столом с его Императорским Величеством по случаю дня рождения любимой балерины. Пока он ей ручку целовал, да в танце кружил, подданные тысячами умирали. Его подданные, за которых он перед Богом в ответе, и которым обязан помощью и защитой. А что вместо этого?! Гордость за самый роскошный фейерверк в Европе? Ну еще бы, господа из самой Вены пожаловали, чтобы на торжественное мероприятие посмотреть. Вот оно, истинное величие русских царей: любовниц баловать, да иностранной публике пыль в глаза пускать. На золотые люстры в Мариинке денег в казне хватило, а на строительство больницы в далеком уральском городке — нет. Когда он стоял на палубе и, покачиваясь от ударившего в голову шампанского, разглагольствовал о новых полях для гольфа в Краснодарье... так захотелось схватить за шкуру и окунуть — окунуть прямиком в холодные воды залива. Подержать подольше, чтобы прочувствовал его императорское величие, кем на земле управлять поставлен. Не вечным быдлом, прилагающимся к власти и богатству, а целыми народами... Сложившуюся в государстве элиту полностью устраивает прогнившая насквозь система, и пока вы — простые люди этого

не поймете, так и будете батрачить за копейки, и дети ваши, и внуки... А вы этого никогда не поймете, потому что даже читать не обучены. Бедная... несчастная страна, — князь выдохся и умолк. Вытащил из кармана платок и вытер выступившую на лбу испарину.

— Что-то я устал, — проговорил он тихо.

Сказанные слова послужили сигналом. Окружающий сумрак вдруг ожил: заскрипел стульями, задвигался множеством теней. Из-за спины князя вынырнула фигура, и подхватив меня под локоть, потащила к выходу. Я не сопротивлялся, понимая, что на сей раз пронесло и убивать никто не собирается. Послушно засеменя следом, вышел в распахнутые двери и очутился на высоком крыльце. Задрал голову, с удивлением обнаружив стоящего рядом Аполлинария Андреевича.

Доктор с шумом втянул ночной воздух, не без удовольствия заметив:

— Чувствуешь, как пахнет степью? Хорошо...

Я принялся, но кроме крепкого запаха мужского одеколona, исходившего от того же Аполлинария Андреевича, ничего не заметил. Да и какие ароматы здесь могут быть? Ежели возжелалось свежим воздухом подышать, то лучше в район Южных Ворот идти или сразу за железку. Вот там настоящая степь без всяких примесей и ароматов труппного смрада.

Где-то вдалеке прогрехотал товарняк. Отличить порожний состав от груженого было делом плёвым для любого жителя Красильницкого. Ежели шумит, как пустая консервная банка, значит с Оренбуржья пошел за углем или рудой железной, а ежели отдает неторопливым перестуком колес, то по обратной ветке катит. Бывает, что кучу дел переделать успеешь, а цепочка вагонов все тянется и тянется мимо поселка. Долго стучит, отдавая эхом в степи.

Мы еще постояли на крыльце. Шум поезда стих вдали, вместе с ним ушел и страх, осталось лишь любопытство и немножечко удивления от всего увиденного.

— Чудной ваш князь, всё о других печётся.

— Во-первых, не князь, а товарищ Ортега, — поправил меня доктор, — а во-вторых, никакое это ни чудо. Люди от рождения обладают разной способностью к эмпатии: кто-то в большей степени, кто-то в меньшей. Есть и такие, у которых она вовсе отсутствует, поэтому в детстве мучают животных, не чувствуя чужой боли, а когда вырастают, добиваются и до людей. Слышал про таких?

Я молча кивнул, а у самого внутри неприятно зануло. Сразу вспомнился недавний случай с мухой, которой оторвал крылья, заставив бегать по столу. Просто так, от нечего делать... А уж сколько кузнечиков переловил.

— А есть такие, как товарищ Ортега, — продолжил вещать доктор. — И нет, он не добренький — это скорее свойство экзальтированных особ, да прыщавых юношей, воспитанных в духе художественного романтизма. Он другой... он успел в таких местах побывать, что другим даже не снилось. Полстраны объехал за рулем внедорожника и в седле, исходил пешком, ночуя в палатках. Посмотрел, как народу на просторах России живет.

— Всё равно странный, — возразил я, — какое ему дело до остальных? Неужели своей жизнью наслаждаться не хочется? Вот он давеча про царя говорил, что тот с балериной флиртует, пока на Урале мор. Так у нас куда не плюнь, каждый день чего-нибудь случается. Страна-то большая: там пожар, там наводнение. Никакого сердца не хватит обо всех переживать.

— Ты не понимаешь, — доктор грустно усмехнулся, — дело не в сердце, а в справедливости. Точнее в выстроенной веками государственной системе. Разве правильно,

что всеми благами страны пользуется пять процентов населения? Процент тридцать с небольшой натяжкой можно отнести к среднему классу — служивым, специалистам разного уровня, а остальных куда девать? Тех, у кого нет доступа ни к образованию, ни к квалифицированной работе? Какие возможности имеют они? Какое будущее смогут построить для себя, для своих детей? Что их ждет помимо вечной борьбы за выживание? Да ничего... И не потому, что глупы или от природы своей ленивы, а просто не имеют к тому возможностей. Да чего далеко за примером ходить — ты кем хочешь стать?

Я глубоко задумался. Сказать про капитана судна? В книжке про то интересно написано было с захватывающими приключениями, а в настоящей жизни поди иначе. Сидючи на диване морская качка не чувствуется, как и разъедающая кожу морская соль. Да и не ходят сейчас под парусами — времена нынче другие. Ежели только сомалийские пираты, про которых постоянно в газетах пишут.

Было бы здорово стать путешественником. Еще мелким я хотел уйти по шпалам на юг до самой Персии, а оттуда и до загадочной Индии рукой подать. Все мечтал мир посмотреть, как другим людям на планете живется. Но разве путешествие — это профессия? Скорее уж блажь для особ высокорожденных, нам же — людям простым о простых вещах следует думать.

— В заправщики пойду, ежели получится. Лет до семнадцати поработаю, а потом на завод устроюсь.

— Который Манташева? — со знанием дела спросил доктор.

— Не-а, на нефтеперегонный только после учебки берут. Я лучше на Никитинский подамся, там и платят нормально и угол в общежитии дают.

— Никитинский-Никитинский, — забормотал Аполлинарий Андреевич. — Подожди это случаем не металлургический комбинат Анастаса Никитина? Ты в курсе, что через десять лет планируется перейти на полностью автоматизированные линии, из-за чего половину работников сократят.

— Так то еще когда будет, — с философским видом заметил я. — Попрут с Никитинского — пойду к фабриканту Волобуйскому, оттуда погонят — устроюсь грузчиком на железку. Свободные руки всегда нужны.

— То так, — согласился доктор, — но неужели хочешь всю жизнь мыкаться?

— А существуют другие варианты? — ответил я вопросом на вопрос.

Вариантов и вправду было немного. Имелись еще стригуны, готовые пополнить свои ряды новыми шестерками. И малажцы, крепко прихватившие меня за уздцы. Но с этой темы я обязательно соскочу. Как только отработаю положенный долг, заявлюсь к Лукичу и скажу, так мол и так, трудился честно, а потому отпустите на вольные хлеба.

— Варианты существуют всегда, — наставительным тоном заметил доктор. — Можно всю жизнь горбатиться и умереть, не дожив и до сорока, а можно попытаться изменить мир.

— Через кровь?

— Революции по-другому не делаются. Жирный клещ монархизма настолько глубоко вгрызся в тело страны, что его можно удалить только хирургическим методом — с помощью ножа. Это я тебе как врач говорю.

— А людей вы тоже убивать станете, как врач?

Сказанные слова вызвали немалую досаду на лице Аполлинария Андреевича.

— Вы слишком молоды юноша, и не понимаете сколько крови скопилось под царским престолом, сколько дворцов выстроено на людских муках и страданиях, а потому капель

больше — каплей меньше...

— А деток малых вы тоже во благо страны резать станете? Сколько их у императорской семьи народилось: трое, четверо?

Казалось бы, Аполлинарий Андреевич должен был взбеситься от последнего замечания, но вышло все с точностью наоборот.

— Бегите уже, юноша, — улыбнулся он в аккуратную с проседью бородку. — А Лукичу своему передайте, что про устроенную слезку знаем уже полгода как, и про заказчика тоже в курсе. Против внешнего наблюдения возражений не имеем — смотрите, сколько пожелаете. Но если снова напрямки сунетесь, тут уж не взыщите. Накажем по всей цепочке от самого младшего звена к старшему. У его высочества связей хватит.

«Причем здесь его высочество»? — думалось мне, пока бежал до дому. — «Князья, они же всю жизнь сиятельствами были». И только когда пересек заваленный железьяками двор мастерской, меня осенило. Да так, что замер прямо перед входной дверью.

Высочество — это же про товарища Ортегу сказано! Получается, он самый что ни на есть царский родственник — великий князь. Это же охренеть можно... Теперь понятно, откуда ему известны подробности про балерину и «поцеловать ручку». Я-то думал, он для красного словца ввернул про желание окунуть царя в Финский залив. А получается — мог! Мог лично! И не только утопить, но и задушить, заколоть, застрелить. Возможностей у кровного родственника имелась масса. Но каков наглец, а? Устраивать бесовские сборища, прекрасно осознавая, что за ним следят. И ведь ничего не боится: ни черта, ни жандармов, ни царского гнева.

Сразу вспомнились рассказы деда Пахома про великосветскую блажь. Дескать, все они с придурью. Всего в жизни перепробовали и теперь не знают, чем себя занять. Кто поумнее, тот с актрисульками романы крутит или напьется, да гонки на свиньях устраивает. А кто поглупее, тот в политику лезет. И ладно бы в оппозиционную партию подался, принялся в Думе воду мутить в составе кадетов или октябристов как сделал двоюродный дядя ныне царствующей особы. Так нет же, связался с наихудшими из всех имеющихся. С теми, с кем за один стол не сядут и переговоров не ведут.

От накотивших мыслей мигом подурнело. Я-то рассчитывал на тайну, связанную с кладом, а натолкнулся на... Дверь неожиданно распахнулась и на пороге возник смурной Лукич.

— Чего стоишь в дом не заходишь? — процедил он, и тут же приказал: — а ну бегом за стол, работа сама себя не сделает.

Как оказалось, не зря бобыль книжки с тетрадками таскал, имелись у него далеко идущие планы.

— Видишь накладные, — указал он на стопку лежащих на столе документов. — Берешь по одной и занносишь в общую тетрадь. Не просто построчно переписываешь, а каждую позицию в отдельный столбик. Сюда наименование детали, сюда количество, а вот сюда — сумму. Ежели есть размеры, указываешь отдельно в примечании. И не забудь самое главное, — Лукич перевернул документ и показал приписку, сделанную карандашом «Р/Б ЦЗ». — Сможешь расшифровать?

Пришлось наморщить лоб. Ежели накладная на автозапчасти, то приписка на обороте имела прямое отношение к машинам. Да и обозначение знакомое — точно! Механики никогда полное название автомобиля не произносили, коверкая на свой манер. К примеру, Руссо-Балт называли «Рубой» или еще короче «Эрбэ». С первыми буквами понятно, а

дальше...

Потерев пальцами лоб для пущей сообразительности, я выдал:

— Руссо-Балт Царицынский — пикап, значит.

— А тройка к чему приписана?

— Полноразмерный, вроде малотоннажного грузовичка.

— Верно.

Лукич на этом не успокоился. Принялся показывать следующие бумажки и требовать ответа. А в самом конце неожиданно похвалил:

— Вижу, что не зря в мастерской штаны просиживал — молодец.

Вроде как слова хорошие сказал, а на душе все равно было пакостно. Что значит просиживал? Это Еремей клиенткам глаза строил из столовой не вылазил, а я с мужиками на равных впахивал. К концу смены от масел и прочей грязи черный был — чернее негра.

— Перепишешь всё в большую тетрадь и потом покажешь, — продолжил наставление Лукич. — Только смотри, чтобы красивым почерком получилось, а не как курица лапой, лишь бы накарябать.

— Да как же это? — пискнул я, взглянув на лежащую в углу бумажную кучу. — Тут работы полно, до самого утра не управлюсь.

— А кто говорил про утро? Сроку тебе — две недели. Сделаешь без ошибок, получишь премию в рублях!

Лукич не обманул, через неделю принял тетрадь и, проверив проделанную работу, вручил целый червонец. Я когда хрустящую банкноту в руках сжал, такое воодушевление почувал. Сразу к ближайшему мороженщику побежал, облопался пломбиру до ломоты в зубах, а потом лежал на крыше и думал, до чего же хорошо жить, особенно ежели никуда не лезть. Пускай в книгах главные герои рискуют, выведывают секреты и тайны, а мне этого счастья и даром не надо. Устроюсь на работу — буду каждый день ходить, денежку зарабатывать. Для кого-то может и муторно, а мне спокойнее.

Про устроенную мною самодеятельность в «Трех медведях» бобыль не прознал. Я и сам постарался забыть про тот случай, как про страшный сон. Кем приходился товарищ Ортега императорской семье, что они обсуждали за закрытыми дверьми бара — не знал и знать не хотел. И даже улицу знаменитого адмирала обходил стороной. На всякий случай, чтобы не угораздило.

Жизнь вернулась в прежнее русло. Днем я шатался по улицам в поисках новых сплетен, а вечерами корпел за тетрадкой. Лукич продолжал приносить накладные — не так много, как прошлый раз, но пальцам от этого легче не становилось.

На заправке всё шло своим чередом: Малюта с Гамахеном дремали в теньке, а Тоша курил за сараем.

— Какие люди! — восторженно прокричал он, стоило мне показаться из-за угла. — Ты где пропал, Чижик?

— Писал, — признался я.

— В писатели что ли заделался? — не поверил Тоша. — Будешь как Лев Толстой в холщовой рубахе ходить, да деревенских баб портить?

Кто о чем, а вшивый о бане. Не давали парню покоя женские прелести, ох не давали. Об том свидетельствовал свежий кровоподтек на скуле. Опять поди к Тоньке-Морковке наведалься в гости, томимый любовной страстью. Встретил малажского Графа, или еще какого конкурента. Их у Тоньки целая куча имелась, ежели всех в очередь выстроить, то

людская цепочка до самого рынка протянется.

— Симпати-ично, — протянул я, рассматривая украшение на лице приятеля. — Вот ежели с другой стороны подрихтовать — для симметрии, то совсем красиво получится.

Тоша не стал вестись на подначку. Вместо этого нагнулся и заговорщицки прошептал:

— Мы нашли её.

— Кого — не понял я.

— Ну ты даешь, писатель — забыл уже? Настоящую американку нашли, сошедшую прямиком с Детройтского конвейера. Симпатичная девчуля получилась — на загляденье: бока лощеные, обвес хромовый, блестит под солнцем. От кормы глаз не оторвать, настолько ход плавный.

— Мы сейчас точно о машине говорим? — на всякий случай уточнил я. На что Тоша тоскливо вздохнул.

— А еще писатель называется... Отсутствует в тебе образность мышления, Чижик.

— Зато в тебе этого самого добра выше крыши. Девчонку нормальную завести не можешь.

Тошина рука взметнулась в воздух и отвесила увесистый подзатыльник. Пока я чесал ушибленную голову, парень наставительным тоном произнес:

— Ты, Чижик, не забывайся. Помни кто здесь старший, а кто мелочь пархатая. Вот когда доживешь до наших лет, тогда поймешь, до чего мужику несладко без женской ласки приходится. Теперь касаемо Плимута... Внутрь не заглядывали, капот не поднимали, но по всему видно, что наш клиент. Бразилы на всем экономят, поэтому у ихних машин имеется характерный запах дешевого пластика и днище через пару лет начинает подгнивать. А у этой ни одного ржавого пятнышка — чистенькая, ухоженная.

— Может за ней просто следят? — заметил я. — У хорошего хозяина и старый мерин ходит как арабский скакун. Опять же кузова меняют. Я когда в мастерской работал, столько всего насмотрелся. Глянешь снаружи — натуральный «Пежо», а ключи в зажигании провернешь, к звукам мотора прислушаешься и понимаешь, наш это — «Руссо-Балтовский». Поэтому внешний вид ни о чем не говорит. Пока крышку капота не поднимешь, не определишь.

— Ой, да много ты чего понимаешь, — не выдержал Тоша. — Я те говорю — настоящая американка, значит так оно и есть. Машины кто обыкновенно «переодевает» — фраера из малажских и сикариос из Фавел. Для последних дешевый понт — не понт, а образ жизни. Лишь бы пыль в глаза пустить, а то что на таких машинах только по степи гонять, подальше от жандармских глаз, ихнего брата не волнует. Короче, проследили мы за хозяином американки. Человек солидный, клерком в отделении местного банка работает и живет там же — на Калюжке. Такому связываться с фальшивкой не с руки.

И снова улица знаменитого адмирала, и снова Калюжка. Преследует она меня что ли?

— Чижик, ты чего морду скривил? — заметил Тоша мою недовольную физиономию. — Если мне не веришь, то можешь у пацанов спросить.

— Да верю я, верю... Давай информацию по клиенту, сегодня же главному доложусь.

— Ты погоди докладываться, — замялся Тоша. Почесал ухо в поисках заныканной сигаретки — не нашел. Похлопал по оттопыренному карману — он у рабочего комбинезона имелся всего один, зато большой. Не карман — целая сумка, расположенная по центру груди. Увы для Тоши, и там пачки не обнаружилось.

Долгая это была заминка. Парень заметно нервничал. За неимением курева засунул

промеж зубов спичку и принялся отчаянно жевать. Значит не простой предстоял разговор. Так оно по итогу и вышло....

За следующие пять минут Тоша изложил хитрый план о том, как срубить быстрых денег. Началось все со злополучного Плимута. Парни быстро установили маршрут, коим клерк добирался до дома. Установили слежку и в один из прекрасных дней обнаружили, как тот выгружает из салона автомобиля коробку знаменитых сигар.

— Это же Артуро дон Фуэнтто, — Тоша едва не захлебывался от восторга, — одна из самых дорогих марок в мире. Я специально у дядьки Гурама интересовался, того самого что табачную лавку на рынке держит. Ну ты знаешь его, с усами всяческими... Дядька Гурам гнать не станет. Он готов взять по тридцать рублей за штуку при условии, что мы оболочку не повредим. Прикинь, тридцать рублей за одну сигару, а их двенадцать в одной коробке. Вот и прикинь арифметику.

— По поводу сигар я понял, а Плимут-то здесь причем?

— Как причем? — возмутился Тоша моей непонятливостью. — Хозяин сигары в гараже хранит. Когда машину свиснут, он стопудняк беспокоится сохранностью остального. Все ценное из гаража вынесет, в том числе и сигары, и плакали тогда наши денежки.

— Допустим, но я-то вам зачем сдался?

— Тут такое дело, — замылся Тоша. Покатал в зубах кончик измочаленной спички, и наконец выдал: — без тебя внутрь гаража не попасть.

— Без меня? — искренне удивился я. — Ты адресом случаем не ошибся? Это вам к Лобастому нужно, он у нас спец по проникновению в чужие гаражи.

— Ты бы еще Федю с Тополиной вспомнил, — ухмыльнулся собеседник, — тоже взломщик от бога. Только и знает, что ломом навесные замки ломать. Здесь другой подход нужен, более тонкий. Защита в гараже на высшем уровне: электроника, сигнализация все дела. Мы бы может и не сунулись, но имеется в ней один изъян, — Тоша наклонился к самому уху и прошептал, — под самой крышей расположено духовое окно. Очень узкое, но ты по размерам тощий, должен пролезть.

— Не-а.

— Тебе деньги нужны?

— Нужны, но в гараж не полезу.

— Чижик, слово даю — поделим поровну на четверых.

— Не-а.

— Ну вот что ты за человек... В кои-то веки пацанам подфартило, — Тоша с досады сплюнул на землю. Вслед за смачным харчком под ноги полетела порядком пережеванная спичка. — Чижик, ежели тебя доля не устраивает, ты только скажи. Соберемся с пацанами, обсудим.

— Не в бабках дело.

— А в чем? — искренне удивился Тоша. В общем-то он был прав, идеалисты в трущобах не выживали. Деньги были нужны всем и всегда, и я не был счастливым исключением из правил. Вот только Калюжка... Не хотелось снова соваться на улицу знаменитого адмирала. Столько всего нехорошего было с ней связано. словно сама жизнь подавала отчаянные сигналы: не лезь туда Чижик, иначе убьет. А не убьет так обязательно покалечит или в такую историю втравит, что заокеанскому Тому Сойеру и не снилось.

— Не пойду, — отрезал я, — не пойду и точка.

Тоша тяжело вздохнул. снова потянулся за ухо в поисках сигареты. Увы, чуда не

случилось. Не возникает курево из воздуха, тут как не хоти. От отчаяния парень дернул себя за мочку.

— Блин, Чижик... без тебя никак.

— А если стенку разобрать? — вспомнил я народно-пацанский метод проникновения в гаражи. Зачем возится с замками и воротами, когда есть кирпичная кладка? За два-три часа работы посменно, вполне реально пробить отверстие, через которое не только пролезть можно, но и вынести ценности. Эх, сколько кладовых таким образом было вскрыто и не сосчитать. Другой вопрос, что дыра получалась небольшая. Про аккумуляторы или колеса можно сразу забыть, а вот сигары вполне стащить получится.

Обо всем этом Тоше и напомнил, а тот только руками всплеснул.

— Чижик, я же говорю — Калюжка! Там без разрешения бзднуть не дадут, а ты предлагаешь кувалдой стучать? Это тебе не гаражный массив в дебрях трущобных. Тут прямиком возле дома стоит, боковой стенкой в притирку. Как начнешь долбить, так хозяин и услышит — прибежит, еще и соседей с собой прихватит.

— А камеры?

— А камер там нет, — охотно поделился информацией Тоша, — мы все осмотрели. Глазки только на паре домов висят, и еще одна панорамная у шлагбаума при въезде. Ни к чему им видеонаблюдение. Улочка тихая, посторонних нет, все друг друга в лицо знают.

Я молчал и тогда Тоша посмотрел на меня взглядом до того грустным, что стало не по себе. — Чижик, выручай, без тебя не справимся... Как друга прошу.

Слова в Красильницком имели особую ценность. И если ты не трепло какое, не бросаешься важными для каждого пацана понятиями направо и налево, то и отношение к сказанному тобой особое. Тоша трепачем не был. Знал о чем говорит, за базаром следил крепко, и вдруг такое:

Чижик — выручай, как друга прошу».

Если рассуждать по факту, друзьями мы не были, так — приятельствовали по мере необходимости. Тоше и компании нужен был выход на мастерскую с целью дополнительного заработка, мне же возможность повисить свой авторитет. Взаимовыгодное сотрудничество — вот как это называлось у больших людей. Ну не могут старшаки с малолетками дружить. У нас по определению интересы разные: кому мороженное купить, а кому журнал с бабскими прелестями. Да и странной компания получается, где один от горшка три вершка — из-за прилавка не видно, а другой пригибается, когда в дом входит, чтобы головой притолоку не снести.

Как друга прошу...

Не смог я отказаться, а потому следующей ночью отправился на дело. Раньше ничего серьезного красть не приходилось. Не считать же за ценности яблоки или пирожки с прилавка. Дорогие доминиканские сигары, совсем другой коленкор. За такое если поймают, могут тюремный срок впаять и на малолетку отправят. Тем более что среди пострадавших будет числиться банковский служащий. У этой братии особые отношения с законом, и подвязки в суде имеются. Ежели чего натворят — хрен сядут, потому как в когорту особо важных персон входят — негласную, разумеется. Так-то по закону в нашей стране все равны, но когда до сути дела доходит — выясняется, что некоторые граждане ровнее прочих.

Может потому и умудрялись жить везде припеваючи. Выстроили целую улицу в трущобах, дав название в честь великого адмирала и даже позволили по ней гулять: по той её

части, что была отдана на откуп общественным организациям, вроде банка и телеграфа. А вот в жилой зоне начинались проблемы. На въезде стояли полосатые шлагбаумы и будки с вечно заспанными охранниками, пускающими внутрь по спецпропускам. И камеры были, целых три штуки — невиданная роскошь для Красильницкого.

— Они раньше на каждом фонарном столбе висели, — пояснил Тоша тем же вечером. — А потом местные возмутились: не желаем жить под чужим контролем, чтобы информация о нас уходила по проводам незнамо куда. Нам сигнализации и охранников за милую душу хватит. Ну и убрали оборудование от греха подальше, потому как сами местные принялись его повреждать: то глазок залепят, то провода обрежут, а то и вовсе битой собьют.

— Откуда знаешь? — удивился я подобной информированности.

— Так он до заправки почтальоном работал, — пояснил за Тошу Гамахен. — Целых два месяца газеты развозил, а потом поперли.

— Ничего не поперли, — возмутился тот, — я сам ушел.

— Еще скажи, что не от твоего бычка стопка газет загорелась.

— Прямо уж стопка, всего-то парочка «Ведомостей» задымила.

Лениво переругиваясь, мы шли по ночным улицам трущоб. Впереди вышагивал Тоша, как самый знающий. Он когда почтальоном подрабатывал, хорошо успел изучить защиту жилой зоны. Та оказалась полна дыр: камер нет, охрана ленивая, а соседи хоть и бдительные, но живут не везде. К примеру, напротив нужного нам гаража стоял пустующий дом с заросшим густым кустарником забором.

Жителям поселка недвижимость на Калюжке была не по карману, а городские еще не сошли с ума, чтобы селиться в непосредственной близости от трущоб. Вот и получается, что жили здесь в основном работники местного банка и телеграфа. У кого имелись деньги, и кто не хотел добираться до работы по утренним пробкам.

Эх, знать бы об этом раньше, может и не пришлось бы ночевать на крыше пекарни, кутаясь в сто одежек, словно старый дед. Целый жилой дом с толстенными кирпичными стенами и мебелировкой внутри.

«А если...», — не успел я развить фантазию, как меня тут же обломал Тоша.

— Чижик, даже не думай. Местные в этом райончике похлеще жандармских будут: бдят круглые сутки, а если что неладное почуют сразу звонят на пост. Меня в первый же день работы повязали, а на следующее утро мужик во дворе с ружьем встретил.

Пацаны эту историю уже слышали, поэтому не удивились, а я переспросил:

— С пневматическим?

— С нарезным не хочешь? У них у каждого разрешение имеется на огнестрел какого-то там класса...

— Класса Д, — помог Тоше всезнающий Гамаш. — Красильницкое считается зоной с неблагополучной криминогенной обстановкой, поэтому у каждого домохозяйства есть право на оружие. На улицу с ним выходить запрещено, а вот применять для защиты личной территории — пожалуйста.

Я аж остановился, услышав подобное:

— Это что же получается, у хозяина гаража есть ствол?

— Да ты не ссы малой, мы дельце в тихую провернем, — попытался успокоить меня Малюта.

— Вы-то провернете, не сомневаюсь. Только в гараж мне лезть и рисковать

целостностью шкуры тоже мне, пока вы за забором отсиживаться будете.

— Чижик, не дыми.

Но меня уже было не остановить. Скинув с плеча широкую ладонь Малюты, я отбежал в сторону и с подозрением уставился на пацанов.

— Чё, за лоха держите? Думаете, нашли мелкого, значит можно лапшу на уши вешать? Так получается — да?!

Я был готов к любому развитию событий, даже самому плохому, включающему пинки и тумаки. Но пацаны лишь переглянулись.

— Ну и нахрена ты про класс Д ляпнул? — первым не выдержал Тоша. — Неужели не видишь — Чижик на нервах?

— Здрасьте, приехали, — возмутился Гамахен, — я же и виноват, получается... А кто первым про мужика с ружьем сказанул?

— Я сказанул, потому что к слову пришлось, а ты любишь поумничать на пустом месте. Мол, смотрите чего знаю: класс Д, криминогенная обстановка... Кто ты за язык тянул? — тут же набросился на соперника Тоша.

Но Гамахен не расстерялся. Выпятив обыкновенно впалую грудь, он принялся тараторить:

— Да потому! Да потому что бесит, когда всякие неучи берутся рассуждать о вещах, в которых нихрена не смыслят.

— Конечно, куда нам до вас. Вы же у нас великий Гамахен, и дня прожить не можете, чтобы свои «циклопедические» знания не выказать.

Пацаны встали друг напротив дружки и принялись орать, позабыв обо мне и деле, на которое собрались. Дня не проходило, что бы эти двое не собачились. Бывало, что и до мордобоя доходило. И тогда в ситуацию вмешивался Малюта. Переговорить, а уж тем более переспорить языкастую парочку, он не мог, а потому действовал доступными ему способами. Прощлый раз затащил драчунов в воду, благо дело происходило на берегу озера. Обхватил могучими руками за шеи, и принялся макать до тех самых пор, пока бедолага Гамаш не стал пускать пузыри. В этот раз воды рядом не оказалось, поэтому пришлось отвешивать подзатыльники. Рука у Малюты была тяжелой. Шлепок и голова бедного Тоши мотнулась, как у тряпичного болванчика. Еще шлепок и сбитый с ног Гамахен летит на землю.

— Я вот ща плюну на всё и уйду, — заявил грозно Малюта и, чутка поразмыслив, добавил: — не серьезные вы... как девки в банный день, из-за листика на жопе передеретесь. С таким настроем на дело лучше не идти... И Чижика зря в неведенье держите. Он же теперь свой.

СВОЙ без всяких приставок. Я это точно слышал... как и ранее сказанные Тошей слова про друга. Ну и как после такого уйти? В особенности, когда три пары глаз ожидающе уставились на меня.

До улицы адмирала Калюжного добрались быстро. Не стали сворачивать в сторону ярко подсвеченных фасадов административных зданий, а пошли напрямки. Добрались до ограды и пролезли под заранее подкопанной сеткой. Тревожным роем загудела находящаяся по соседству трансформаторная будка. Я не выдержал, сделал пару шагов назад. Уж слишком странный это был зверь — электричество: непонятный, невидимый, а потому опасный. Долбанет так, что вылетишь из собственных ботинок. И рисунок черепа на дверце пугал до

жути. Он словно пялился на меня пустыми глазницами, пытаясь проникнуть глубоко в душу или того хуже — хотел вцепится зубами и утащить в гиену огненную. В место, где обитают грешники вроде Алексея Чижова. А кто я теперь — грешник и есть, коли на воровское дело собрался.

Губы помимо воли зашептали слова молитвы.

— Чижик, ты чего замер? — из темноты чертиком вынырнул Тоша. — Потряхивает?

— Есть такое, — не стал скрывать я.

— Это нормально... Меня тоже малясь того — пробирает... Ты главное — не отставай, иди за мною след в след, как на охоте. Понял?

— Понял, — прошептал я, хотя никакого понятия про охоту не имел. Если только на сусликов.

— Ну раз понял, тогда вперед, — Тоша первым юркнул в кусты, зашелестел ветками и тут же высунулся наружу: — только тихо. Здесь по соседству контора коммунальщиков расположена. Они обычно на ночь закрываются и бухают, но бывает такое, что и поссать наружу выходят.

— Разве у них своего толчка нет? — удивился я.

— Есть, но на улице завсегда приятнее.

Я тут же вспомнил зассанные стены Желтых Фонарей. Клиенты часто выходили наружу — покурить, заодно и отлить, придерживая одной рукой штаны, другой сигаретку. Как говорят в народе, для лишнего форсу.

Саму контору ЖКУ я так и не увидел. Кругом шуршали кусты, над головой мерцал звездное небо, а за спиной паровозом пыхтел Малюта. Здоровяк не отставлял в стороны ветки — аккуратно и осторожно, как это делали остальные. Он их с хрустом ломал, словно заплутавший в густых зарослях секач. Вот коммунальщики удивятся, когда выйдя по утру на крыльцо обнаружат широкую просеку. Будут гадать, что за степное животное здесь пробежало — гигантский волк или раскормленная лисица.

Кусты вскоре закончились, и мы оказались за деревянным забором. Достаточно высоким, чтобы нельзя было рассмотреть творящееся снаружи. Пришлось подпрыгнуть и зацепиться за верх пальцами.

— Куда лезешь? — прошипел Тоша, заметив акробатические упражнения.

— Мне бы глянуть.

— Так спросил бы...

— Прошлой ночью специально штакетник расшатали, чтобы ночью не шуметь — пояснил Малюта. Подошел к деревяшке — дернул и та с громким хрустом оторвалась. Тоша от подобной картины аж за голову схватился.

— Кажись не та, — пробубнил озадаченный здоровяк. Попытался приладить штакетину обратно, и та встала. Правда криво, но кто в темноте заметит.

Улица знаменитого адмирала оказалась залита электрическим светом, в отличие от небольшого участка, где мы прятались. Этот квадрат выделялся черным пятном, словно бельмо на глазу, а виной всему была табличка с надписью «*выставлено на продажу*». Некогда жилой дом замер в мертвом безмолвии.

На заднем дворе располагалась беседка и детские качели. Заросшую траву давно не стригли, поэтому не удивительно, что местами пробился чертополох. Этому только дай шанс — всюду прорастет, повсюду повылазит. В дальнем углу лежал позабытый всеми резиновый мячик с полоской посередине. На рынке такие продавались по пятнадцать копеек за штуку. И

лавочка у стены стояла — самая обыкновенная, грубо сколоченная из досок. На уголке примостился Гамахен, сделавшийся вдруг необычайно тихим. Пока шли, у парня рот не закрывался: то с Тошей языками зацепится, то меня поучать возьмется. А сейчас сидит — молчит, пальцами в коленки вцепился. Оно и понятно, один закон мы уже нарушили — незаконное проникновение на чужую территорию, а впереди еще одна статья светит за воровство.

— Чижик, хорош возится... иди сюда, — зашипел на меня Тоша. Он успел отодвинуть одну из досок, и теперь изучал близлежащие окрестности. — Видишь тот дом?

Я перегнулся через Тошино плечо. Заметить вышеупомянутое здание было немудрено, тем более что оно единственное располагалось напротив. Двухэтажное с модной нынче у богачей черепичной крышей. Из-под козырька торчала серебристая плоская спутниковой тарелки — очередное свидетельство благосостояния клерка. Как и безликая коробка гараж, приткнувшаяся сбоку. На обочине прямо напротив дома стоял припаркованный Плимут. Без сомнения тот самый автомобиль американского производства, из-за которого и затевался весь сыр-бор. Если бы не увиденная пацанами коробка с сигарами...

— А почему он машину на улице держит? — задал я вполне логичный вопрос. — Есть же гараж?

— Без понятия, — признался Тоша, — может лень загонять. Он иногда срывается посреди ночи.

— Сегодня тоже уедет?

— Не факт... Прошлый раз, когда следили, машина до самого утра простояла нетронутой.

Странный хозяин... Ежели у тебя гараж имеется, то надо им пользоваться, а не оставлять пускай и потрепанную временем красавицу на улице. Лет пять назад марка автомобилей Вояджер считалась одной из самых престижных в среднем ценовом сегменте. Разумеется, оригинальная — собранная в цехах американского Детройта, а не бразильского Салвадора. Продвинутый V-образный двигатель, крепкая сталь, надежная ходовая, и солидный внешний вид в довесок — что еще нужно автолюбителям со всего мира.

Нет, зажрались жители Калюжки, ежели позволяют себе подобную беспечность. Или думают шлагбаум на выезде панацея? Как будто его объехать нельзя, прорвавшись через сетчатые ограждения — ломануться на скорости, а после нырнуть в лабиринт тупиков, где тебя ни одна погоня не достанет.

— Чего скажешь? — Тоша первым нарушил затянувшееся молчание.

— По внешнему виду вроде американка. Но точно не скажу, это под капот заглянуть нужно.

— Да я не про машину — про гараж. До духового окна достанешь?

— Да как же не достанет? — возмутился Малюта, словно речь шла о его собственных способностях. — Видел, как Чижик лихо по стенам карабкается? Ну чисто прилипала: вжих — и уже наверху.

— Достать-то достану, — подтвердил я, — а вдруг внутри заслонка стоит или того хуже — отверстие фальшивое? Знаешь, как оно бывает: сначала делают по закону, чтобы необходимую регистрацию оформить, а как только нужные бумаги получают — закладывают кирпичом.

— Не бойсь, — тяжелая ладонь Малюты успокаивающе похлопала меня по плечу. — Дыра как дыра, я лично шурудил палкой. Нету там ничего, ежели только пауки... Чижик, ты

пауков боишься?

— Капканов боюсь, — признал я. — Помните, как в прошлом году Леший попался? Еле-еле зубья разжал. У него потом ногу по колено раздуло, пришлось ампутировать.

— Малой, ну ты вспомнил... Леший куда забрался — в продовольственный склад Хнычкина? Он же купчина прожжённый, его столько раз обкрадывали, что и не сосчитать, потому и двинулся на ловушках. А здесь обыкновенный банковский клерк — тюфяк с пузом. Поленится каждый раз капканы ставить. Кроме того, смотри, что у меня есть, — Тоша полез в карман и извлек наружу налобный фонарик.

Я аж присвистнул от восхищения, протянул ладонь и тут же по ней получил.

— Эй, ты чего?

— С возвратом, — строго заметил парень, — этот фонарик мне в три с полтиной обошелся. Настоящая фирма, а не какая-нибудь там подделка. Видишь название на ободке — valo, что по-фински означает свет.

Я взял фонарик. Подергал за ремешки, поднес к носу резиновую прокладку и, не сдержавшись, поморщился.

— Точно финская? Воняет, как от вьетнамского ширпотреба.

— Ща заберу!

— Да понял я... понял.

Пока крепил на голове фонарик, пришла очередь сумки, а точнее любимой Малютиной «бананки». Он в ней всякую мелочь хранил, вроде леденцов, жвачки или монет. А однажды в жару додумался сливочное масло засунуть. С тех пор на ярко-желтой поверхности ткани темнело пятно.

Пока Малюта возился с застежками и регулировал длину ремешков, Тоша продолжал инструктировать:

— Сюда положишь сигары. Аккуратно клади — вдоль, а не поперек. Не мни, не шурши и помни про целостность оболочки, иначе самим скурить придется... Когда сумку грузом набьешь, за спину перетаци, чтобы на животе не телепалось. И вылазь поаккуратнее, старайся «бананкой» об края не цеплять. Сам понимать должен, товар хрупкий.

Когда с приготовлениями было покончено, мы вновь отодвинули штакетню, и уселись по разные стороны от дыры: я справа, Тоша слева, а Малюта по центру. Один Гамахен остался на лавочке с мертвенно-бледным лицом. Эка бедолагу скрутило... И зачем только с собой взяли? От него же толку, как от козла молока. А если шухер начнется, он и вовсе станет помехой. Тащи тогда за собой — на смерть испуганного.

Мы наблюдали за улицей добрых десять минут: ни патрулей, ни случайных прохожих. Калюжка погрузилась в сладкий сон, и только собаки привычно брехали вдалеке, да пустой товарняк прогрохотал над степью.

— Предлагаю дожидаться трех ночи, — предложил Тоша и тут же счел за нужное пояснить, — в народе говорят, это самое фартовое время для кражи.

— И сколько нам еще ждать?

Парень сощурился, пытаясь разглядеть стрелки. Завертел кистью и так и этак, и даже пару раз встряхнул, словно надеялся, что это поможет сделать циферблат ярче. Пришлось щелкнуть фонариком. Часы у Тоши были механические. Такие на центральном рынке на развес продают — натуральным образом, храня в полиэтиленовых пакетах. Захотел приобрести — опускай руку и загребай. А лучше не заморачивайся и бери первые попавшиеся, ибо говно оно и есть говно, сколько бы сортов не предложили.

— Осталось полчаса, — наконец произнес Тоша.

— Не-е, вы как хотите, а я столько не выдержу.

— Мандражируешь? — пробасил понимающий Малюта.

— Не то чтобы сильно... Но ещё минут десять и точно буду как он, — я кивнул в сторону застывшего Гамахена.

— Тогда работаем, — Тоша высунул бритую голову наружу и еще раз оглядел пустынную улицу. — Вроде никого... План действий помнишь?

— Залезаю в гараж через духовое отверстие, нахожу коробку с сигарами, перекидываю содержимое в сумку.

— Вдоль, а не поперек, — напоминает Тоша.

И я послушно повторяю:

— Перекидываю вдоль, а не поперек. Перекидываю сумку за спину, чтобы не помять содержимое и возвращаюсь тем же путем.

— Какой сигнал подадим в случае шухера? — не успокаивается Тоша.

— Свист. Один длинный — внимание, два коротких — бросать всё и бежать.

— Зачем бросать? — удивился Малюта.

— А затем, — возмутился я такой непонятливости, — с краденым на руках больше дадут.

— Подумаешь, пару сигар... Тебе и так срок впаяют за незаконное проникновение.

Сидевший до того безмолвно Гамахен, зашелся в нервном смехе — неожиданном, и потому особенно жутком.

— Тихо, — прицыкнул на него Тоша и тут же переключился на здоровяка, — а ты думай тупой башкой, чего городишь!

— Чё сразу башкой? — обиженно засопел Малюта.

— А ни чё! Пацану через пару минут на дело идти, а у нас один истерит, другой про сроки базарит. Короче, Чижик, не слушай никого. Молись всем богам, в кого веришь и помни — ежели что случится, в беде не оставим.

Не оставят они, как же... А кто на выручку бросится? Медлительный и туго соображающий Малюта? Или дергающийся, весь на нервах Тоша, которому щелкни под ухом — первым в кусты побежит. А может утративший всякую связь с реальностью Гамахен? Нельзя на других рассчитывать — всё сам... только сам. Ну и Дева Мария заступница.

Попытался прочесть молитву, но язык словно к горлу присох. Нельзя просить небесные силы о покровительстве в подобных делах. Нехорошие они — грязные. Тут или раньше нужно было отказываться или разума просить, чтобы даже мысли не возникло на счет воровства. А теперь чего уж, коли взялся...

Высунув голову, огляделся. Цепочка фонарей убегала вдаль — туда, где виднелся шлагбаум и должна была стоять будка охранников. Из-за зарослей последнюю было не разглядеть. Наружу торчала лишь верхняя часть крыши с массивными катушками динамиков.

Свет в окнах соседних домов был погашен, на дворе середина ночи. Вот только темнее от этого не становилось. Любили местные жители иллюминацию: украшали фасады гирляндами, вывешивали фонарики на забор. Совсем они здесь не пуганные. У нас бы давно сперли, вместе со штакетником.

Вдох и выдох... *прости дурака, Пресвятая Богородица — заступись, не оставь...* И снова вдох и выдох... Набравшись решимости, я выскользнул из дыры и на всех парах понесся в сторону гаража. Подлетел к серой стене — прижался спиной, переводя сбитое

дыхание. Вновь огляделся — никого, если не считать жужжащего над ухом комара.

Теперь окно, где окно... Задрал голову, обнаружил искомое отверстие. Высоковато то находилось, почитай два моих роста. Ну да Лешка Чижов не такие преграды преодолевал. Тут главное хорошенечко разбежаться, подпрыгнуть и... мои ладони зацепились за кромку.

Дальше начиналось самое сложное. Кто подтягивался на одних пальцах, тот знает, насколько это тяжело. Особенно когда приходится держаться не за металлическую планку турникета, а за голый бетон.

Ноги мои заработали — задергались, оставляя следы. Под подошвами зашуршала осыпаемая наземь штукатурка. Последний рывок и я буквально ввинчиваюсь в узкое отверстие. Оказываюсь лежащим не на животе, как изначально планировалось, а на боку. Ну да это мелочи...

Продолжаю болтаться червем в дырке. Нижняя часть туловища все еще на улице, а верхняя уже внутри. Ноздри щекочет привычный аромат бензина. Страх нет, он остался где-то там, далеко позади. Внутри лишь кипящий азарт. Но даже так не спешу прыгать вниз в темную неизвестность. Щелкаю прикрепленным ко лбу фонариком, и полоска света ложится на пол. Никаких тебе капканов и прочих ловушек, лишь серый бетон.

Луч фонаря скользит, поднимается выше, выхватывая из темноты полки стеллажей. Как обычно, те завалены всяким барахлом, вроде мотка проводов, резиновых обрезков, тюбиков с неизвестным содержимым и о чудо — коробкой сигар. Она лежала поверх остального мусора, еще и столь яркой расцветки, что труднее было не заметить.

Обуреваемый эмоциями, я спрыгнул вниз. Едва не споткнулся об громыхнувшую на полу цепь, непонятно по каким причинам здесь оказавшуюся. Подбежал к стеллажу и схватился за пластиковую коробку. Все как пацаны и говорили: золотистый герб на фоне алого цвета с размашистой подписью Дон Карлос. Неужели оно самое? Не веря собственной удачи, схватился дрожащими руками за крышку и открыл. Двенадцать темных сигар лежали рядом. Забавно, сколь сильно они напоминали копченые колбаски, подающиеся к пиву. Вот только запах был не мясной, а горько-сладкий, похожий на ореховое печенье.

Недолго думая, я открыл сумку и принялся запихивать в неё сигары.

«Вдоль, а не поперек», — всплыл из глубин подсознания Тошин голос. И чего переживал, спрашивается? Это же не рюкзак какой, а узкая «бананка», в которую при всем желании поперек запихнуть не получится. Если только не сломать сигару напополам.

Понятно, что делать этого я не стал. Бросил поверх последнюю «колбаску» и закрыл изрядно раздувшуюся сумку. Хотел было выдохнуть, но тут лязгнула цепь — та самая, об которую едва не споткнулся. Опустил голову и посмотрел под ноги — вроде лежит спокойно. Но что-то же её зацепило? Неужели померещилось... И тут цепь звякнула снова, а следом раздался тревожащий душу глухой рык, словно старый зверь пробудился от спячки.

Звенья побежали, заструились серебристой змеей по бетонному полу в сторону противоположного угла. Луч фонарика выхватил картонную коробку, а рядом с ней огромного пса, скалящего острые зубы.

«Мамочки», — пискнул внутри испуганный голос. Сам я при всем желании не смог бы издать и звука.

Вот и всё... вот и приплыли...

Глава 7. По ту сторону буйка

В жизни не карабкался с такой скоростью. Роняя предметы, взлетел под самый потолок. Перелез через наваленные тюки и затаился, чувствуя, как бьющееся сердце норовит выпрыгнуть из груди. Мамочки, до чего же страшно.

Оставшаяся внизу псина зашлась в остервенелом лае. Она не умолкала ни на секунду, порою издавая совсем уж адские звуки, перемежаемые бульканьем, хрипом и грохотом железной цепи. Зверюга рвала и метала... Ну еще бы, принадлежащая ей дичь выскользнула из-под лап, и теперь дразнила одним своим запахом. Так близко и так далеко...

Поднявшаяся за тюками пыль щекотала ноздри. Но я даже чихнуть не мог, настолько испугался. А еще разум заполонили картинки одна страшнее другой: как острые клыки вопьются в тело, как примутся рвать, словно тряпичную куклу. Довелось однажды увидеть расправу уличных псов над заблудившимся кошкой. Так вот я для рычащей внизу твари, что мелкий котенок — на один зубок. Ой-ё...

Собаки не умели лазать, зато прекрасно прыгали в высоту. Гораздо выше человеческого роста, особенно когда под лапами есть упор вроде стенки или расположенных друг над другом полок. Последним ополоумевшая зверюга и воспользовалась. Стеллаж затрясся, заходил ходуном, роняя множество вещей: полетел вниз грохочущий металлом лист, застучали мелким градом многочисленные винтики и болтики. И все это под аккомпанемент непрекращающегося собачьего лая. Зверюга внизу бесновалась, черной тенью напрыгивая на полки. Стеллаж вздрагивал от каждого удара, вздрагивал и я, вцепившись пальцами в близлежащий тюк.

Мамочка дорогая... Дева Мария заступница, прости и защити... Чтобы еще раз согласился пойти на воровское дело, да ни в жизнь! Никогда и ни за какие коврижки. Мне бы только выбраться.

Увы, отверстие духового окна находилось на противоположной стороне. И по-другому, как спустится вниз, до него не добраться. А как это сделать, когда внизу резвится этакая зверюга. Вот если бы пацаны отвлекли. Постучали в ворота, поскребли, повыли, поддразнивая взбесившегося пса. Пять секунд, мне большего и не надо.

Помнится Тоша обещал подстраховать, если события пойдут не по плану. Но только где они — помощнички, когда по-настоящему припекло? Никого нет... Получается развели старшаки малолетку, как последнего лоха.

Нечто подобное я подозревал, чай не в благородном приюте воспитывался. Чужая подвох, но все равно согласился. Почему? Да хрен его знает... Согласился и всё тут. Теперича пропал Лешка Чижов. И ладно ежели разозлившийся хозяин сдаст воришку-грабителя в местный отдел жандармерии, а ежели нет... Ежели решит самолично наказать, отдав на расправу черной бестии, что рычит и мечется по гаражу.

Додумать я не успел. Противно запищала сигнализация и створки ворот медленно поползли вверх. Ночной воздух ворвался в пропахшее ароматами бензина помещение. Я лишь краешком глаза успел заметить стоящую на пороге фигуру. И кажись, в руках у неё было ружье. Точно — ружье! Не может палка иметь стальной блеск дула.

— Шарон, к ноге! — неожиданно тонким голосом прокричал хозяин. И псина послушалась! Перестала биться о стеллажи, закрутилась волчком вокруг ног вошедшего, повизгивая и жалуясь на ловкого воришку.

— Хороший... хороший мальчик, Шарон, — принялся приговаривать хозяин. Похлопал зверюгу по лоснящемуся боку. Та издала протяжный звук, больше всего похожий на сладкую зевоту, и задышала часто-часто. — Ну, кто здесь у нас притаился — показывай.

Послышался цокот когтей по бетонному полу, словно зверюга загарцевала, готовая в любой момент ринуться в атаку.

— Вперед, Шарон — ищи!

Металлическая цепь поводка лязгнула. Стеллаж вновь содрогнулся от удара, и мне стоило приложить немало усилий, чтобы не закричать от испуга.

— Шарон, я никого не вижу.

И снова удар, на этот раз куда сильнее прежнего, сопровождаемый глухим рычанием.

— Ах ты ночной шалопут, опять крыс по гаражу гоняешь? Сколько можно, Шарон?

В ответ пес разразился громким лаем. И лаял до тех пор, пока хозяин не отдал приказ:

— Сидеть, Шарон... Сидеть, кому сказано! Поглядим сейчас, что это за крыса такая.

Щелкнул выключатель, и яркая вспышка ослепила глаза. Судя по звукам шагов, хозяин подошел ближе. Принялся шерудить по полкам стеллажа: может руками, а скорее всего ружьем. Если дернусь, точно с испуга бабахнет.

— Что за серая мышка завелась в нашем гараже, а ну покажись.

На пол упал мешок с чем-то тяжелым. Хозяин выругался, но занятия своего не прекратил. Напротив, зашебуршал прямо подо мною. Точно ружьем работает — двигает стволом хранящиеся на полках предметы. Иногда я слышал, как он задевает металлическую стойку, нисколько не заботясь о царапинах. Лука Лукич подобного отношения к оружию не позволял. Он его холил и лелеял, словно изнеженную барышню, а этот шкрябает...

— Мышка-норушка, покажись, — нараспев произнес тонкий голос. До того противный, что уж лучше пенопластом по стене. — Не играй со мною в прятки.

Увы, Лешка Чижов не мышь, и даже не крыса. Он был слишком велик для грызуна, чтобы суметь затаиться и обмануть хозяина. Стоит тому скинуть тюк с верхней полки и...

На улице вдруг взвыла автомобильная сигнализация, настолько пронзительно и громко, что не выдержавший звуков пес заметался по гаражу.

— Сидеть, Шарон!

Выругавшись, хозяин выбежал из гаража, а следом за ним, громяхая цепью, вылетела собака.

— Ах вы ж, сукины дети! — долетел с улицы визгливый голос, перекрываемый воплями разошедшейся сигнализации. — Да я вас сейчас...

Дальше слушать не стал. Оттолкнул в сторону набитые тряпьем тюки. Спрыгнул сам, приземлившись на все четыре конечности. Больно ударился о валяющийся на полу мусор, кажись ладонь раскровил. Подумаешь, мелочи... У меня этих ссадин и синяков целая коллекция, а вот удача на всё одна.

Не раздумывая ни секунды, поднырнул под приподнятую створку ворот и ринулся в ночную темноту. За спиной заливалась лаем собака. Она одновременно гавкала и хрипела от стиснувшего горло ошейника. Цепь натянулась до упора, но в конец озверевшая псина продолжала рваться к перебегающим через дорогу пацанам. Я краем глаза уловил знакомые фигуры: приотставшего Малюту, косолапо перебирающего ногами, и юркого Тошу, успевшего добежать до противоположной стороны улицы. После чего сам рванул в кусты.

В ночи грохнули выстрелы: один, второй, третий... Видать хозяин и вправду отчаялся, раз начал палить. Зазвучали переливчатые трели свистков — а вот и проснувшиеся

охранники подоспели. Как будто и без них шума было мало.

Хвала небесам, хозяин не додумался спустить собаку. А может сам побоялся этакой зверюги. Как там бишь его звали — Шарон? Что за дурацкое имя для пса. Любят городские пижоны придумывать клички, чтобы звучало с пафосом и непременно иностранное, ибо отечественное по определению говно. Так и становятся кошки Машки — Мари-Антуанеттами, а псы Шарики — Шаронами.

Я битых полчаса блуждал по ночным закоулкам трущоб, пока не добрался до условленного места встречи — полуразвалившегося сарайчика на окраине. Соседей его частью снесли, частью разобрали на дрова, а этот каким-то чудом сохранился. Изрядно перекошенный, лишившийся части крыши, он давно бы завалился, если бы не подпиравший сбоку фонарный столб. Кажись на нем все и держалось.

Оживленные голоса я услышал издалека. Больше прочих тараторил Гамахен — видать попустило парня. Он настолько увлекся рассказом, что не сразу заметил мое появление. И только когда пацаны повскакивали с мест, обернулся.

— Малой! — расплылся в широкой улыбке Малюта. Попытался облапить, но я вовремя увернулся от медвежьей хватки здоровяка. Не умел тот силищу соизмерять, с одинаковым усердием заколачивая гвозди и хлопая по спине.

— А я говорил, нашего Чижика так просто не взять, — обрадовался Тоша. — Где сигары? Достал?

Для пущей солидности я поправил «бананку» на животе. Подтянул ремешки и неторопливо двумя пальцами взялся за замок.

— Ну не томи уже, — не выдержал Гамахен.

Собачка с шумом поползла в сторону, приоткрывая содержимое сумки. Не сумевший совладать с эмоциями Тоша присвистнул, Гамаш громко выругался, но больше прочих удивил Малюта, неожиданно затянувший басом:

— Ой, полным полна коробушка, есть в ней ситец и парча.

А после схватил и все же облапил. Да так крепко, что я даже пискнуть не сумел.

— Куда, медведь! — заорал испугавшийся Гамахен. — Товар же... товар попортишь.

Хвала небесам, с товаром все обошлось. Я разложил коричневые колбаски на подстеленную газету и отошел в сторону, давая возможность полюбоваться остальным.

— Охренеть! — только что и выдавил из себя Малюта.

— Сразу видать — дорогие, — с трепетом в голосе произнес Тоша. Схватил одну из сигар, поднес к носу, и с шумом вдохнул. — Каков аромат, а! Настоящие — доминиканские!

— Больно много ты в них понимаешь, — не удержался от шпильки Гамахен. — Всю жизнь второсортный Дукат курил и вдруг в знатоки заделался?

— Качественный товар распознать немудрено. Да ты и сам на — понюхай, — Тоша протянул сигару вздрогнувшему Гамашу — человеку не курящему, а потому на дух не переносившему табаку и все что с ним связано. — Чуешь ароматы далеких островов?

— Редкостная дрянь, — просипел тот, разразившись целой серией чихов.

— Сам ты дрянь, — обиделся Тоша. Прикрыл глаза и вновь затянулся перчёным ароматом. — Доминиканы — это небесная красота... Набегающие на прибрежный песок волны... Лазурный океан, раскинувшийся до горизонта, а на его фоне танцуют мулатки с ожерельями из ракушек. Плавно покачивают бедрами, вверх-вниз... вверх-вниз. Массивные груди мягко кольшутся — ждут, когда к ним прикоснуться, начнут мять, — Тоша вздрогнул

и обвел нас мечтательным взглядом. — Пацаны, может скурим по одной?

Гамахен от подобного заявления аж чихать перестал. Набрал побольше воздуха в легкие и заорал:

— Ты в своем уме, выкинуть на ветер тридцать рублей!

— Подумаешь, бабки... На что ты их тратить собрался: на шмотки дешманские, на жратву из забегаловки? — для пущей убедительности Тоша развел руками. — Посмотри вокруг: дома, земля под ногами и даже воздух — всё это пропитано трущобами. Они никуда не денутся, в отличии от шанса выкурить настоящую доминикану. Почувствовать, каково оно... Другой такой возможности может не быть.

— Да плевать я хотел на возможности и на твои доминиканы! Кури из своей доли, если уж настолько сильно приспичило. Малюта, скажи ему!

— Я с Гамашом согласен, — после короткой паузы рассудил здоровяк. — Тут двенадцать штук, значит каждому по три. Бери свои и делай что знаешь: хочешь — кури, а хочешь — в ноздрю засовывай, представляя барышень доминиканских.

— Верно, — обрадовался Гамахен. Подошел к разложенным на столе сигарам и тут же ойкнул, получив по руке.

— Куды отростки тянешь, — возмутился Малюта. — Прежде общее решение вынесем: поговорим, посоветуемся, чтобы все по-чесноку было, а после станем делить. Начнем с Чижика, он больше других шкурой рисковал.

Три пары глаз выжидающе уставились на меня. И наступила тишина...

— Чего говорить-то? — не понял я.

Малюта заботливо поправил лежащие на газетном листе сигары и принялся объяснять:

— У тебя есть несколько вариантов. Вариант первый — забираешь свою долю прямо сейчас и делаешь с ней что хочешь. Вариант второй — доверяешь мне, а я в свою очередь обязуюсь сбыть товар дядьке Гураму, как и договаривались по цене тридцать рублей за штуку.

Третьего варианта не прозвучало... Я опустил взгляд и посмотрел на разложенные рядком колбаски. Эх, забрать бы свою долю. До чего же заманчиво это было, но только что я с ней делать стану — продам? А кому — дядьке Гураму? Старый грузин на дух не переносит шпану. Прощлый раз грозился метлу об бока обломать. И ведь обломает, со старика станется.

Остальные продавцы еще хуже будут, потому что кто я для них — вошь бесправная? Чижика надурить сам бог велел. Не тот, который в Библии описан, а ихний — торговый, с нечистым родом одного племени. Для которого деньги и прибыль превыше всего остального. Нет, нельзя со столь ценным товаром на рынок соваться. И ладно если просто отнимут, а то еще наkostenяют от души.

Другое дело Малюта, его в Красильницком каждый торговец уважает. Не только за силу немереную, но и за высокую работоспособность. Где одна бригада три часа будет разгружать, Малюта за час управится.

— Деньгами возьму, — сказал я решительно.

Малюта кивнул и перевел взгляд на Тошу.

— Деньгами, — произнес тот, и тут же засомневался, — товаром... нет, деньгами... а, черт! Короче, одну сигару натурой возьму — прямо сейчас, а другие деньгой. Когда еще такой шанс выпадет.

Гамахен ухмыльнулся одной ему известной шутке. Состряпал мерзкую физиономию из разряда — вертел я вас с дядькой Гурамом на известном месте. После чего выпятив тощую

грудь, заявил:

— Сам продам!

Прозвучало солидно, вот только спустя пять дней, помывавшись по рынку и осознав всю бесперспективность собственной затеи, Гамаш был вынужден обратиться за помощью к здоровяку. А Малюта молодец — не растерялся. Вместо положенных тридцати рублей выдал двадцать. На возражения же обиженного Гамахена заявил:

— Продолжишь вопить и этого лишу. Тоже мне — умник, взял за моду рядиться, словно кисейная барышня: то так хочу, то этак. Сразу нужно было соглашаться, тогда бы и цена была выше. Она, с мелкого бери пример.

Зря Малюта это сказал. Гамахен и без того на меня волком смотрел, а после случившегося... Нето чтобы возненавидел — нет, уж слишком мелкая для подобных чувств была душонка, только и горадая, что подлости устраивать исподтишка. Один раз подножку поставил, когда я меньше всего этого ожидал, другой раз кинул с билетом.

Случилось это в последний день июля, когда всей компанией собрались пойти купаться: не просто на озеро — на платный пляж. Сколько раз об этом мечтали, сидючи на глиняном берегу в зарослях чертополоха. И вот когда появилась денюга — решились. Уж больно захотелось полежать на мягком песке. Или купив сливочного мороженого, развалиться на лежаке. Или на барышень поглазеть в соблазнительных купальных костюмах. Последнее больше к Тоше относилось. Он об этом всю дорогу трещал без умолку, а еще вспоминал вредную Тоньку-морковку, в очередной раз давшую от ворот поворот.

— Я ей вина купил крымского с императорским знаком качества. И целую коробку конфет притащил, а она — стерва такая, дверь чутка приоткрыла, чтобы только кончик носа видно было. И говорит мне: я занятая. Я спрашиваю — чем, а она хлоп дверью. Даже разговаривать не стала.

— Так может и вправду занятой была, — предположил Малюта.

— Знаю я её занятость, — процедил Тоша сквозь зубы. — Морковки малажские облизывать с утра до ночи — вот её работа, крольчиха ёбу. ая.

— А с подарками-то чего? Ну с теми, что Тоньке купил, — заинтересовался Малюта.

— А чё с ними, — пожал плечами расстроенный Тоша, дескать зачем спрашивать, коли и так все понятно. — Вино выпил, а коробку конфет выкинул.

— Как выкинул?! — возмутился здоровяк.

— Они шоколадными были.

— И чего?

— Ну и превратились в чачу от жары.

— И ты сразу выкидывать?!

— Только не начинай мозги компостировать, — поморщился Тоша. — Я когда открыл коробку, там сплошная жижа по формочкам растеклась, еще и цвета бурого такого ... Ты бы их все равно есть не стал.

— Нечего за других решать, чего они станут, а чего нет, — веско заявил Малюта. — И не такое дерьмо едали.

На сей факт контраргументов у Тоши не нашлось и спор затих сам собою. Мы свернули согласно указателю налево и через пару минут оказались перед воротами, ведущими на платный пляж. Чтобы не отстаивать очередь в кассы, Гамахен наперед озабочился покупкой билетов. Достал их из кармана и вот тут-то выяснилась незадача: квиточка было всего три, а нас четверо.

— Купил по привычки на троих, а про тебя забыл, — объяснил он случившееся недоразумение с самым невинным выражением.

Ага, как же... так я и поверил. Он эту подлость специально устроил, а теперь втихую ухмылялся, наблюдая за моей растерянной физиономией. Пришлось идти в кассы, и отстаивать положенную очередь.

В выходной день народу была масса, а окошко работало одно. Внутри кабинки сидела неторопливая тетка, болезненно реагирующая на любое замечание. Стоило кому-нибудь в толпе выкрикнуть: *«побыстрее можно»*, как она высовывала наружу красную от жары физиономию и принималась орать:

— Это кому там побыстрее! Кто такой умный выискался, а? Сейчас закроюсь на перерыв, совсем без билетов останетесь.

Спустя долгих полчаса, потный и злой, я наконец добрался до пляжа. Отыскал пацанов, что было не мудрено — Малюта горой возвышался над отдыхающими. Скинул одежду и не реагируя на подначки, влетел в воду: до чего же теплую и противную. Сходу доплыл до покачивающегося на волнах буйка. Оперся руками о разогретую полуденным солнцем поверхность и принялся наблюдать за купающимися на противоположном берегу. Двое пацанов брызгались у понтона, остальные спрятались в тени, накинув на головы футболки. Захотелось помахать неудачникам рукой, но я-то знал, что уже завтра окажусь на их месте.

Над головой кружил разморенный от жары мохнатый слепень. Он долго не мог решиться, куда ему сесть: на голову или руку. В итоге приземлился на желтую поверхность буйка, откуда и оказался смыт водой. А нечего из нормальных людей кровушку пить. Я этих тварей на дух не переносил, как и Гамахена. Пока в очереди стоял, все придумывал способы отмщения: то ли грязь в трусы запихнуть, то ли у берега притопить, а сейчас понял — ни к чему это. С Гамашом нужно было действовать похитрее — исподтишка, как он сам привык. Не кидаться мелкой собачонкой по любому поводу, а дожидаться момента, когда тот отвернется и нагадить в обувь... Ну или что-то типа того.

Обратно я уже плыл в приподнятом настроении. Один раз нырнул, коснувшись ладонью песочного дна. Выпрыгнул рыбкой и принялся довольно отфыркиваться. В воде кроме пузатых карапузов никого не было. Все-таки странные люди эти богатеи. Зачем на пляж ходить, ежели не купаться... Позагорать? Так нет же, большинство из них прячется в тенечке. Сидят белокожие как снег и плятятся на воду. Какое в том удовольствие?

Странные они... а самыми странными из них были барышни. Появляться в купальнике на пляже считалось за норму, чай не девятнадцатый век на дворе. Не хочется телеса объемные демонстрировать, одевай костюмы мешковатые или со специальной юбочкой до колен. Вариантов имелось масса, но некоторые продолжали упорно ходить в платьях, прямо по самой кромке воды, собирая подолом мокрый песок.

«Одинокая барышня, бредущая с зонтиком по берегу» — любили современные художники использовать сей образ в картинах, и режиссеры фильмов не отставали. В *«Рассвете над Цусимой»* так все и закончилось. Сначала показали крупным планом лицо гордого разведчика, приговорённого к расстрелу, а затем фигурку одинокой жены на фоне кровавого заката. До чего же грустно было, аж слезу вышибло. Но то в кино, а в жизни стоять монашкой на берегу было глупо. Особенно когда в небе нещадно палит солнце, а народ вокруг плещется и веселится.

Хорошо, что не все дамы страдали романтизмом. Многие все же переодевались, а были и такие, что отваживались носить бикини, подчеркивающие все прелести женской фигуры.

Не зря Тоша волновался перед походом на пляж. И дня не проходило, чтобы он не упомянул про него. И вот когда случилось, парень забыл про купание. Теперь стоял спиной к воде и не сводил взгляда с отдыхающих.

— Глянь-ка на ту, — зашептал он, стоило мне подойти ближе.

В указанном направлении располагался целый ряд лежаков и на самом первом из них дремал сморенный жарой Малюта. Здоровяк успел употребить прохладного пивка, купленного в обход всех норм и законов продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, и теперь громко посапывал. До девок здоровяку не было никакого дела, впрочем, как и Гамахену, потягивающему молочный коктейль из трубочки. Каждый получил то, чего хотел, и только один я не понимал, за что уплатил девяносто копеек. Вода по обе стороны от буйка была одинаковой.

— Куда зыркаешь, — зашипел раздраженный Тоша. — Вона туда смотри, на третью по счету — видишь?

Сначала я увидел ноги — чисто выбритые, лоснящиеся от массажного масла. Дамочка словно специально подогнула одну из них, давая возможность полюбоваться соблазнительными изгибами. Объемная грудь растеклась под чашечками бикини. Кажется, я даже видел холмики сосков, проступающих сквозь влажную ткань. А вот лица под темными стеклами очков было не разглядеть. Но и без того понятно — барышня красивая, вся из себя ухоженная с выкрашенными в модно-серебристый цвет волосами, и ноготками, остро подточенными на звериный манер. Настоящая хищница... И ведь знает где охотится — в месте, где водится полно одиноких мужчин. Выставила в качестве наживки соблазнительное тело и ждет, когда клюнет рыбка покрупнее.

Осетрина здесь водилась — городская чиновничья, и карпы банковские, и пузатые тюлени-клерки, предпочитающие вместо купания мягкие лежаки. Рыбы было полно, но пока вокруг вертелась одна мелочевка, вроде нас с Тошей и еще одного пацана, кажись впервые увидавшего женские телеса, и от того рот открывшего.

— Я влюбился, — пробормотал потерянный Тоша. Пришлось брызнуть в него водой.

— Ты чего?

— А ничего! Охолопись малясь, а то вишь — влюбился он. Это барышня для кого нужно барышня, нам такие не по карману.

— Но помечтать-то можно?

— Можно, — согласился я, — только за закрытыми дверьми, чтобы никто не увидел.

— Да ну тебя, — окончательно расстроился Тоша, подумал-подумал и побрел к воде. Мне даже жалко его стало, такого одинокого и брошенного. Ровно те барышни, что любили прогуливаться с зонтиком по бережку. Вот только зонтика у Тоши не было.

Пока одни грустили из-за дел сердечных, другие затеяли азартные игры. Отоспавшийся Малюта уговорил перекинуться в шута, а чтобы повысить интерес в качестве ставки предложил принять мороженное.

— Какое, — тут же уточнил я. — Ежели сливочное в вафельном брикете за три копейки — тогда согласен, а ежели клубничное — играйте сами. Мне подобное удовольствие не по карману.

— Пускай будет сливочное, — согласился Малюта и сладко зевнул. — Я любое съем, главное, чтобы холодное.

Зря Гамахен взялся размешивать карты. Ведь всякому известно, что коли взялся за раздачу — жди неудачу. Так оно по итогу и вышло: из десяти сыгранных партий парень

умудрился проиграть половину, четырежды в шутах оставался я и только однажды Малюта.

— Я же говорил, победу, — произнес здоровяк удовлетворенно.

— Нет такого слова, — полез в бутылку расстроенный Гамахен. — Есть слово победим или одержим победу,

— Мне какая разница: есть или нету. За мороженым-то тебе бежать, умник.

Пришлось Гамахену вставать и под раскатистый смех приятеля плестись в сторону мороженщика. Разноцветный фургончик прикатил еще час назад, сопровождаемый толпой малышни и музыкой, больше всего похожей на мелодию шарманки, обыкновенно зазывающей зрителей на уличное представление. Не хватало только зычного голоса:

«Почтеннейшая публика, сегодня к вашему вниманию будет представлено мороженное клубничное с шоколадной крошкой, выполненное по старинному венскому рецепту».

Гамахен встал в конец очереди, высунувшейся длинным хвостом под лучи палящего солнца. Натянул на голову панамку и принялся зло зыркать в нашу сторону. Что, не нравится? А мне каково было за билетом стоять?

Вдоволь натешившись видом несчастного Гамаша, я взялся пересыпать песок из одной ладони в другую. Был он здесь особенно мягким и приятным.

Соскучившийся в ожидании мороженого Малюта решил завести разговор о недавних событиях. Он все никак не мог взять в толк, откуда в гараже появилась собака. Какой смысл псину внутри держать — она же животное: пороняет вещи с полок, погрызет что можно и чего нельзя и до кучи эту самую кучу навалит. Чай не игрушка — живое существо со своими потребностями.

— А может и не было её в гараже, — ответил он сам себе, немного поразмыслив.

— Как же не было, когда было, — удивился я. — Она же меня едва не загрызла.

— Я о другом толкую. Некоторые хозяева для домашних питомцев специальные лазы обустраивают, чтобы каждый раз двери не открывать, и те могли свободно перемещаться. Может и в гараже подобная дырка имелась — в той стене, что примыкает к заднему двору. Псина же не сразу на тебя напала? Пока почуяла, пока разобралась в чем дело.

— Зачем мудрить, если есть сигнализация? — не понял я.

— А затем, что лишняя защита не помешает, — ответил за здоровяка подошедший Тоша. Накупался он на славу, и теперь вода обильными ручьями стекала с мокрых трусов на песок. — Сработало же?

— Хреново сработало. Сигары я стащил.

— То сигары, а теперь прикинь, что случилось бы с угонщиком, решившим заявиться за автомобилем? Сигналку на воротах любой увидит, а про собаку — сюрприз?

Имелась в Тошиных словах доля правды. Но я все равно не понимал... Не понимал к чему разводить сложности, коли хозяин-дурак бросает машину на улице. Раз в неделю так точно, оставляет Плимут аккурат под окнами.

Дядька Степан сильно обрадовался, когда узнал, что нужная модель автомобиля была найдена. И сильно огорчился, узнав подробности шухера.

— Хрен с ним с лобовым. Разбили и разбили — с кем не бывает, а вот то, что местную охранку переполошили, — Степан Никанорович по-стариковски вздохнул. — Они теперь вместо обычного сна прямыми обязанностями займутся. Месяц минёт, прежде чем все успокоится, а то и до самой зимы ждать придется.

Услыхав новости, пацаны поначалу расстроились, а потом ничего... Вырученные с продажи краденного деньги грели душу. Малюта приобрел давно желанную печатку с

изображением оскалившегося черепа, Тоша вспоминал выкуренную сигару с ароматом далеких островов, и только один Гамахен остался недоволен. С этого дела даже схуднул малясь, сделавшись злым и раздражительным.

Всё ему было не так: и якобы моя неуклюжесть, встревожившая пса и перебудившая всю округу, и скудоумие Малюты, разбившего лобовое стекло вместо того, чтобы просто пнуть по колесам.

— Малясь растерялся, — признал вину здоровяк. Его можно было понять, не каждый день приходилось лезть под пули. Пять выстрелов произвел клерк, пока спусковая скоба ружья не защелкала в холостую. Целых пять выстрелов по убегающим пацанам в спину. Но больше всего Малюту напугал вид захлебывающегося слюной пса. Хорошо, что клерк не сообразил спустить зверюгу с цепи, тогда бы мало не показалось.

В операции по отвлечению участвовало двое. Пока Малюта колотил по машине, Тоша должен был зайти с фланга и в случае необходимости вытащить из гаража избитого или покусанного Чижика, вот только я успел сбежать раньше.

Единственным кто остался не у дел, был Гамахен. Он продолжал сидеть на лавочке по ту сторону забора, пока остальные рисковали жизнью. Пацаны ему на это ничего не сказали, но все и так было понятно. Авторитет умника в компании упал ниже плинтуса. Не зря же Малюта опрокинул его с ценой на сигары. И в карты подкидывал Гамахену за милую душу.

Я в эти расклады старательно не лез, но Гамаш все равно злился, и злился именно на меня, полагая Чижика источником всех бед.

Когда он вернулся с мороженым, я сразу почуял неладное. Уж больно тот торопился всучить нужный стаканчик. Пригляделся и точно, на поверхности сливочного шарика расплывался вязкий комок слюны. Гамаш наблюдал за происходящим с ехидной ухмылочкой: ну чего же застыл или мое угощение не по нраву? Вот же ж гнида.

Не говоря ни слова, я снял пальцем верхний слой. Стряхнул на землю и только после этого принялся есть. Мороженное оказалось на удивление вкусным. Не тот замороженный лед, которым имеют обыкновение торговать на рыночной площади, а настоящие сливки — густые с соответствующим ароматом. И даже гнусная физиономия Гамаша не смогла испортить аппетиту.

— Ты чего это? — мои действия не остались без внимания.

— Муха попалась.

— Муха — это да! — согласился здоровяк, и откусил за раз больше половины стаканчика. Проглотил, даже не поморщившись от холода, после чего продолжил: — мухи — это полбеда, только и делают, что жужжат над ухом. Самая настоящая погань — это бычьи слепни. Мало того что кусают, так еще и личинки под кожу откладывают.

— Брехня, — не поверил Тоша, — меня сколько раз кусали, только кожа краснеет.

— Краснеет потому, что организм борется с заразой. Имеется у него такое свойство. Как бишь... Умник, помоги!

— Иммунитет, — откликнулся раздраженный Гамахен.

— Во-во, он самый! Здоровому человеку опасность не грозит. Кровь сама с заразой справится, а больному возле водоемов лучше не появляться. Кусанет такого слепень, отложит яйца под кожу, а потом из них вылупятся личинки. Начнут ползать по телу и кусать его — кусать! Могут и до смерти того самого...

— Чего того? — не понял я.

— Загрызть, — таинственным шепотом поведал здоровяк.

От представившейся картины с тысячей личинок медленно пожирающей плоть, стало не по себе. Я поднял руку и принялся изучать расчесанные до крови укусы. А вдруг началось? Ведь зудит не переставая.

— Горазд же ты сочинять, Малюта, — не поверил Тоша, — врешь и глазом не моргнешь. И про-то, что яйца под кожу откладывают, и про то, что человека живьем сожрут. Не... ну может африканские мухи на такое способны или мошки какие в лесах Амазонии, но чтобы наши — степные? Умник, скажи ему.

— Да достали уже, — мигом окрысился тот. — Умник скажи то, умник скажи это... Я вам чего — энциклопедия ходячая?

— А чё ты начал? — удивился Малюта.

— А ничё! Сами берите книжки — читайте, — Гамахен вскочил и быстрым шагом направился в сторону парка. Даже трусы отряхивать не стал, ставшие белыми от налипшего песка.

— Со мной такое тоже бывает, — после короткой паузы заключил Малюта, — особенно когда на солнышке перегреюсь.

— Сдается мне, не в солнце дело, — выдал задумчивое Тоша. Поскреб легкий пушок на подбородке, а после выдал: — мы чего сюда пришли, в теньке прятаться или купаться? Так айда!

Наплавались мы до великого опупения. У Тоши аж глаза покраснели, и вода пошла носом, а Малюта выполз на кромку берега огромной морской черепахой, да там и упал. Ноги его продолжали покоится в воде — мутной из-за поднятого со дна ила, оставшаяся же часть туши валялась на песке. Валялась и даже не предпринимала попыток подняться. Порезвились мы на славу, что и говорить. Я бы еще покатался на плечах здоровяка, но кажись укатали сивку крутые горки.

— Отстань, Чижик, — бормотал вымотавшийся в конец Малюта, — иди вон Тошу допекай.

Я зачерпнул пригоршню воды — плеснул в лицо здоровяка в надежде раззадорить, но тот лишь прикрыл глаза и затих в бессилье.

Тоша сидел неподалеку, уставившись в сторону противоположного берега. Там ближе к вечеру начиналось настоящее веселье. Металлическая конструкция понтона остывала, а значит можно было играть в стенку на стенку — любимую забаву уличной пацанвы. Правила были простые: участники разбивались на две команды, выстраивались друг напротив друга и после залихватского свиста начинали толкаться. Кто в итоге останется на понтоне, тот и победил. Драться, кусаться было запрещено, как и пинаться. А вот использовать борцовские приемы — пожалуйста. Потому малажская шпана чаще всего и выигрывала, у них этих секций спортивных на каждом шагу: и с казацкой борьбой, и с китайской, и даже завезенной с далеких Филиппинских островов. Зато у нас в наличии имелся Малюта, против которого не один прием не проходил, если только не удар ниже пояса. Правилами подобное запрещалось, поэтому и сносил великан противника, что медведь заросли сухостоя.

Эх, веселая это была игра — с криками, смехом, набитыми синяками и шишками. Я бы и сейчас с удовольствием потолкался, но увы находился на другом берегу. Оставалось лишь сидеть и смотреть, как пацанва разошлась по сторонам — загорелая, в одинаково черных трусах. Как с гиканьем кинулась друг на дружку, и первые тела полетели в воду.

Для человека со стороны происходящее могло показаться дракой, и только наметанный

глаз мог разглядеть стратегию в творящемся бардаке.

Тоша подобными навыками обладал, а потому следил за развернувшейся баталией с живым интересом. Массивный понтон заходил ходуном, до ушей донеслись отдельные крики, всплеск воды.

Тоше было интересно, а мне скучно. Вот если бы самому принять участие в стеночке, тогда другое дело, а смотреть, как веселятся остальные — какое в том удовольствие?

Захотелось шлепнуть лепеху грязи на спину приятеля, чтобы тот разозлился и принялся гоняться. Я даже зачерпнул горсть мокрого песка, как вдруг послышался знакомый до боли голос:

— Кавалер!

Ладонь дрогнула, и набранная каша темными струйками потекла сквозь пальцы.

Конечно же это была Арина. Девушка стояла неподалеку, в белом ситцевом платье и кокетливой шляпке. Из-под широких полей на меня уставилось весёлое веснушчатое лицо. Раньше и подумать не мог, что они у неё имеются. Не такие обильные и яркие, как у Гринькиных сестриц, но всё же.

— Чего замер, — смеясь, произнесла она, — или не признал?

Конечно, признал. Просто девушки умудряются быть такими разными. В квартале Желтых Фонарей она была Мари — холодной и властной, в откровенно обтягивающем платье и макияже, прибавляющем лишних годков. В домашней обстановке — теплая и уютная, совсем не кажущаяся взрослой. Наоборот, ведущая себя озорно, словно какая-нибудь девчонка из числа ровесниц. На городских улицах она сливалась с толпой. Выглядела неприметной серой мышкой, в платке и длинном наряде до пят. Сколько раз пробежал мимо, не замечая.

Сейчас же на пляже — она была настоящей леди. Каждая мелкая деталь вплоть до голубой ленточки на шляпе, подчеркивала образ утонченной и одновременно уверенной в себе леди. Не знал бы её лично, решил, что передо мною аристократка. Не из вновь принятых, недавно обретших дворянство, а потому ежедневно и ежечасно нуждающихся в подкреплении своего статуса. Мол, посмотрите какая я важная и дорогая — обвешенная побрякушками брендов по самое не могу. Нет, она была из рода старинного, давно всем и всё доказавшая, а потому способная выйти на люди в простом ситцевом платье.

Я подбежал к девушке и замер, словно степной сурок на дороге — не зная, что делать дальше. Почему-то захотелось прижаться и обнять её, почувствовать живое тепло, позволить длинным пальцам перебирать отросшие космы волос, которые все собирался и не мог состричь. Очень хотелось, но я переборол себя. Во-первых, из-за того что был мокрым, а во-вторых, телячьей нежности — это не про Лешку Чижова, точнее не про сегодняшнего меня. Год назад может и позволил себе подобное, но то год назад. С тех пор много воды утекло.

— Давно не виделись, кавалер, — шутливым тоном произнесла Арина, — а я смотрю, ты совсем взрослым стал: вымахал... возмужал.

Мои плечи помимо воли расправились, а нос задрался вверх. И надо сказать — зря, потому как девичьи пальцы тут же ухватились за кончик.

— Ай, больно!

Я дернулся, но девушка держала на удивление крепко, а еще начала крутить нос, желая сделать сливу. Пришлось приподняться на цыпочки.

— Ты мне что говорил? — строго произнесла она. — Или успел позабыть? Кто обещал, что в гости будет заглядывать? Сколько времени прошло с тех пор?

— Зайду, — прогундел я, согласный на всё.

— Ну смотри, — девушка разжала пальцы, и я с облегчением выдохнул. Тут же принялся тереть кончик носа. Не приведи небеса, и вправду слива получится.

— Зайду... годика через три, — буркнул обиженно. Что и говорить, не такой встречи я ожидал, да еще на глазах пацанов. Вон они — сидят, пялятся в мою сторону, Малюта аж рот раскрыл от удивления. Оно и понятно, чтобы девчонка уличной шпане нос крутила... Теперь позору не оберешься.

— Обиделся, — заключила Арина.

— А если тебе так? Знаешь, как больно?!

Девушка проследила за направлением моего взгляда и обо всем догадалась:

— Твои друзья?

— И что с того?

— Никогда бы не подумала.

— Что у меня могут быть друзья?

— Нет, просто они такие... взрослые.

Тоже мне, нашла взрослых. Это они среди мелюзги ходят важной птицей, а если по факту рассудить, такие же дети. Ни одному из них в баре пива не нальют и в квартал Желтых фонарей не пустят.

— Ну прости... Мы — девчонки, существа эмоциональные, всем сердцем переживаем за тех, кто нам дорог. А ты пропал, больше трех месяцев ни слуху ни духу, вот и не сдержалась, — Арина присела на корточки. Взяла меня за руки и нежно погладила ладони большими пальцами. От щенячьего взгляда девушки сделалось не по себе, словно это я был виноват в случившемся. Я прилюдно крутил сливу, а не она.

— Простишь?

В другой раз я бы непременно вырвался из цепких пальцев. Обиженно засопел и ушел, чтобы впредь знала, как мужской авторитет ронять. Но не теперь, когда пацаны смотрят.

— Ну? — на губах девушки заиграла виноватая улыбка. На чуть бледных, лишенных привычного макияжа щеках, появились ямочки. И я, не выдержав, улыбнулся в ответ. Вот не хотел сразу мириться, а оно само как-то вышло...

Арина весело рассмеялась. Попыталась обнять меня, но помешала шляпка. Широкие поля ткнулись в мой лоб, отчего головной убор соскользнул вниз — со светло-русых волос, уложенных в аккуратную прическу. Девушка ойкнула, но я успел поймать и шляпку и её саму, едва не завалившуюся на песок. Помог сохранить равновесие, потянув за руки.

— Мой герой! — заявила она и тут же строго добавила, — но это не изменит того факта, что ты обманщик. Мало того что в гости не заходишь, так еще и оставил бедную девушку наедине со старым шкафом. А ведь обещал помочь, помнишь?

Было дело... В углу комнаты стояла старая мебель, от которой Арина, да и сама хозяйка съемной квартиры давно хотели избавиться. Шпон потрескался, петли частью сломались, а частью лишились винтиков, отчего дверцу перекосило. Шкаф был настолько плох, что его даже бесплатно забирать не хотели. На дрова и то не годился из-за лакированной поверхности. Трухля, одним словом.

— Я помогу.

— Поздно, кавалер, — вздохнула Арина, — сама управилась. Сама, сама — всё время сама. Вечно от вас мужиков помощи не дождешься. А я не то, чтобы ловкая в обращении с инструментами. Пришлось учиться работать зубилом и молотком, разбирать мебель по

досочкам. Но ничего, за пару дней управилась.

Наконец, Арина обратила внимание на стоящих в стороне парней и не без доли кокетства поправила сбившиеся под шляпкой волосы.

— Кавалер, представь своих друзей. Ну же... не стоит пренебрегать правилами этикета.

— Это Тоша, — кивнул я в сторону первого стоявшего, — а это...

— Володька я, то бишь Владимир, — Малюта решил отрекомендоваться самостоятельно и правильно сделал. Я не знал его настоящего имени, как и многие другие в поселке. Малюта он и есть Малюта.

Тоша зачем-то решил представиться по новой. Сделал шаг вперед, и склонив погусарски голову, выдал:

— А-антон, к вашим услугам.

Только что каблуками не щелкнул. Оно может быть и случилось, будь он в ботинках, а не в черных трусах от фабрики Волобуйского.

— Владимир... Антон, очень рада знакомству, — девушка в ответ мило улыбнулась, — а я Арина — давняя знакомая этого молодого человека. Рада видеть, что у него появились новые друзья. Надеюсь, вы его не обижаете?

— Что вы, как можно, — проявил Тоша чудеса этикета. Но Малюта тут же все испортил:

— Ежели только сам не созорничает.

— И часто он озорует? — заинтересовалась девушка.

— Бывает... чего еще от молодого ожидать. Пока не перебесится, не успокоится... К примеру, в меня сегодня песком кидался, требовал покатать, а Гамахену и вовсе комок грязи в трусы засунул.

— А Гамахен это...

— Это наш четвертый, — пришел на выручку Тоша, и предвосхищая следующий вопрос, пояснил: — других в нашей компании нет.

— А как же девушки?

Арина сама того не подозревая надавила на больную мозоль. Парни и рады были бы пригласить девчонок, да только где нормальных сыскать? Нормальные с трущобной шпаной не водятся, им мама с папой запрещают, и народная молва. Стоит только слухам пойти, и не один нормальный мужик замуж не возьмет. Как в свое время случилось с Тонькой-Морковкой. Вправду она под одного из стригунов легла или приврала, кто теперь разберет. Только с тех пор отрывается девка. Знает, что товар порченный, вот и гуляет направо-налево — пользуется молодым телом, пока возраст позволяет. А дальше... а дальше будет дальше. Не то место Красильницкое, где далеко наперед думать нужно.

Пока Тоша ломал голову, как бы половчее ответить на неудобный вопрос, подоспела еще одна девушка — Кати, белобрысая подруга Арины. Одета та была вызывающе: в облегающее платье, демонстрирующее не только округлости пониже спины, но и голые плечи. Непозволительная роскошь для благонравных девиц.

— Ты где гуляешь, — начала она распекать подругу и тут же осеклась, заметив меня.

— Чижик!

Захотела потрепать за щечки, словно перед ней была не уличная шпана, а голожопый карапуз, только и знающий, что пузыри пускать.

«Ой, а кто это у нас. Смотрите, как подрос, как возмужал... И кому такое счастье достанется?»

Спасибо Арине, утащившей разошедшуюся подругу вслед за собой.

— Жду в гости, — крикнула она напоследок. Помахала рукой и свернула на дорожку, где их ожидали два кавалера — настоящих, не то что я... Судя по прикиду парни были из числа городских, при деньгах и с соответствующим пафосом. Тот пижон, что взял Арину под руку, носил авиаторы, солидно смотревшиеся на скуластом лице. Пряди светло-выкрашенных волос укладывались в затейливую прическу, а слащаво-нагловатое выражение лица словно умоляло: *ну вдарь меня — вдарь!*

Глядячи на эту картину, сами собой зачесались кулаки. Как он бесцеремонно повел себя по отношению к спутнице. Как схватил и притянул к себе, как облапил при встрече, тем самым унижая достоинство барышни. В общественных местах подобное поведение считалось недопустимым.

Можно было долго рассуждать о том, кем на самом деле является Арина, но другие-то об этом не знали. Постыдная часть жизни с отсветом желтых фонарей была скрыта за семью печатями. Здесь и сейчас она была обыкновенной девушкой в ситцевом платье — одной из многих, что выбрались на вечернюю прогулку в парк.

Я с болью в сердце наблюдал за уходящей парочкой. Смотрел до тех пор, пока они не скрылись в густой зелени сада. И только тогда понял, что не один. Рядом стояли пацаны: задумчивый Тоша, озадаченный Малюта и невесть откуда взявшийся Гамахен.

— Малой, а это кто?

— Никто! — зло рявкнул я. — Здесь вам что — цирк? Тогда чего пешки вылупили?!

И больше ни говоря ни слова, рванул к озеру. Обдал брызгами копошащуюся на берегу мелюзгу и сходу вошел в теплую воду. Достал до самого дна и оттолкнувшись ногами с шумом вынырнул. Увы, лучше не стало. Мерзопакостное ощущение никуда не делось, наоборот — захотелось пойти и настучать кому-нибудь по башке или сцепится в словесной перепалке с тем же Тошей.

Сплавал до буйка и обратно. Вышел на берег, но вместо того, чтобы вернуться к пацанам, остался стоять на самой кромке. Опустив голову, принялся наблюдать, как ступни медленно погружаются в песок, до чего же мягкий и податливый.

Диск раскаленного солнца опускался за горизонт. В близлежащих зарослях застрекотали кузнечики, чувствуя приближение долгожданной прохлады, а вот другие насекомые куда-то подевались. Одна лишь муха-бомбардир тяжело кружилась над водной поверхностью.

Отдыхающие граждане неспешно собирали вещи: паковали одеяла, со щелчком закрывали ставшие ненужными зонты. Крупная женщина, сверкая белыми икрами, кинулась в воду и едва ли не тумаками принялась выгонять на берег заигравшихся близнецов.

— Я тебе... неслух, — приговаривала она, грозясь все рассказать отцу. Но на пацанов угрозы не произвели ни малейшего впечатления. Самый шустрый ускользнул из-под опеки и снова бросился в воду визжа и барахтаясь.

— Чижик, чего застыл? — раздался за спиной трубный глас Малюты. Я обернулся и увидел собравшихся пацанов. Хотя чего там собираться. Тоша как был в знаменитых на всю округу трусах, так в них и остался. Малюта накинул на изрядно покрасневшие плечи футболку и только Гамахен переделся в шорты и распахнутую настезь рубашку. Последнее было скорее для форсу, потому как иначе пацанва с Красильницкого одёжку не носила. Чтобы обязательно пупок было видно и грудь, в случае с Гамашом впалую и безволосую.

— Куда собрались, — возмутился я, — еще и восьми нет.

— Это ты, Чижик — птица вольная, а нам завтра в первую смену вставать, — рассудительно заметил Тоша. — Так что давай решай — с нами, или останешься комаров кормить?

Хотел я сказать, что нету комаров, как вдруг один задребезжал над головой. Закончился тот краткий миг счастья без мошкеры. То время перед закатом, когда можно было откинувшись на лавочку, наслаждаться прохладой, а не отбивать веселый ритм по искусанным ляжкам. Увы, никогда заранее не угадаешь, во сколько оно начнется, и когда закончится. Но зато точно знаешь, что комарье после затишья становится злее. И грызет в разы сильнее.

— С вами, — проворчал я. Подобрал валяющиеся у лежака шмотки, и принялся отряхивать их от песка. Из складок вылетела щипалка — привычное для здешних мест насекомое. Ими даже девчонок не напугаешь, если только не попытаешься в ухо засунуть. Ох, и визгу тогда будет! А дело в том, что кличут их в народе ухвертками за якобы имеющуюся способность проникать в уши. Дескать, вкручиваются они в слуховое отверстие на манер штопора — пробивают перепонку острыми клещами на конце хвоста и лезут прямым в голову. Брешут поди... Сколько раз снимал их с одежды, когда просыпался по утрам. Бывало, и под одеяло забирались, но чтобы в ухо.

Верткое насекомое устремилось к Малютиной ноге. Но на полпути опомнилось и скрылось под очередным барханом. Лишь тонкая полоска следов осталась на песке.

— Айда, пацаны, — скомандовал Тоша и первым направился в сторону выхода.

Дорога наша лежала между тремя рядами лежаков. Потом босиком по теплomu, еще не успевшему остыть от полуденного солнца песку до асфальтовой площадки, служившей буферной зоной между пляжем и парком. На высоком столбе с вывеской «*мусорить запрещено*» висел пузатый динамик. Он то и сработал, стоило подойти поближе:

— Уважаемые дамы и господа, сегодня в центральном парке состоится финальная часть конкурса по латиноамериканским танцам среди пар. Спешите видеть зажигательную хабанеру в исполнении знаменитых масте..., - динамик взвизгнул и заглох. Подумал несколько секунд, и продолжил прерванное объявление откуда-то с середины: — ... гурманов работают рестораны европейской и азиатской кухни. К вашим услугам блюда от шеф-поваров популярных московских заведений.

— Видел я этих московских, — проворчал Гамахен. — Нагонят студентов с кулинарного, а те только и способны, что яичницу жарить.

— Ой, да много ты понимаешь в кулинарии, — не удержался от замечания Тоша.

— А чего понимать, когда всюду сплошной обман. Выдают местных студиозусов за шеф-поваров, а наивные дурачки вроде тебя верят.

— И че, прошлый раз тоже обман был, когда приезжал владелец сети ресторанов Момояма?

Гамахен сделал вид что задумался.

— Это у которого глаза с щелочку? Типа ниппонец, а на лицо чистый бурят?

— Да причем здесь глаза?! — закипел Тоша. — Ты лучше вспомни, как он ножами орудовал — те только в воздухе мелькали, как у жонглеров в цирке. И огонь прям в сковороде вспыхивал.

— Цирк и есть, — оскалился довольный Гамахен. — У хорошей хозяйки еда на кухне не полыхает.

— Дубина ты стоеросовая. Речь об азиатской кухне идет, понимаешь? Ази-ат-ской...

Любят они, чтобы блюда острыми были, перчеными, да с огоньком.

— С огоньком, это как? Подгоревшими?

Тоша аж зубами скрипнул от досады. Что и говорить, умел Гамахен на эмоции выводить. Начинаешь чувствовать себя дурачком, кипятишься еще больше, пытаешься объяснить прописные истины, и в конечном итоге остаешься в проигравших. А все потому, что соперник твой изначально не настроен на серьезный разговор. Бедолага Тоша это понимал, но всякий раз попадался.

— Малюта, скажи ему! — взвыл он после долгого спора об особенностях восточной кухни.

Здоровяк подумал-подумал, и выдал веское:

— Пить хочу.

Как это часто бывает, сказал один — прочувствовали многие. Я вдруг ощутил вяленый язык во рту. Бутылка воды, что захватили с собой в дорогу, давно закончилась, а от съеденного мороженого пить хотелось только сильнее. Уж слишком оно было приторным.

— Блин, до дома еще топтать и топтать, — расстроился Малюта, — а я без воды не могу, я без неё сдохну... Может в кафешку заглянем?

— Ты цены видел? — тут же отреагировал Гамаш. — Это же Орловский парк, здесь с людей втридорога дерут. И лимонаду просто так не нальют, прежде потребуют заказать столик.

— Блин, — расстроился Малюта еще больше.

— Кажись, в парке автоматы были с газировкой, — вспомнил Тоша.

— Так нет уже, вывезли прошлой осенью, — не без доли злорадства заметил Гамахен, словно сам пить не хотел, а наши мучения доставляли ему великое удовольствие.

— А мне пацаны сказали, что стоят.

— Какие пацаны, с заправки? Или Лёня-трепач с третьего подъезда?

— Вот что ты за человек Гамаш, вечно в пику сказать норовишь. И говнишь, и говнишь... короче, я в парк. Кто хочет пить, айда за мною.

И мы нестройной толпой направились следом за Тошей — все, даже несогласный до того Гамахен. Дошли до колоннады, украшавшей собою вход, и столкнулись с бдительным охранником. Тот, после проверки билетов приказал привести себя в надлежащий вид, то бишь одеться.

— Да ладно тебе, дядя, мы же с пляжа. Будет придирааться, — попытался включить делового пацанчика Гамахен. Пovyпендривался и сдулся под строгим взглядом.

— Молодой человек, вам напомнить о правилах поведения в общественных местах?

— Да Боже упаси, — всплеснул руками Гамахен, — что мы, дикие какие? Как вести себя в приличном опществе — знаем, и кому в пояс кланяться — тоже.

— Ну-ну, — недобро процедил охранник. — Вернул билеты, а после долго смотрел вслед, пока мы не скрылись за поворотом.

В парке повсюду горела иллюминация: гирлянды на ветках деревьев, огоньки в кафе, и конечно же фонарные столбы с исполненными под старину чугунными вензелями. На центральной дорожке аж глаза заболели от яркого света.

Народа по парку прогуливалось множество. Солидные господа в жилетках и начищенных до блеска ботинках. Барышни с их извечными зонтиками, элегантно используемыми на манер трости. Были и городские модницы в непозволительно коротких платьях до самых колен. Гимназисты, отставные военные, вечно носящаяся мелюзга — все

они одновременно говорили, спорили и смеялись. Отовсюду играла музыка, звучали здравицы и перезвон наполненных шампанским бокалов.

Я окунулся в ночную жизнь с головой, словно в переполненное праздником озеро. Но стоило лишь вынырнуть — свернуть на боковую дорожку, и очарование спало. Исчезли встречные прохожие, затихла музыка духового оркестра и даже свет фонарей сделался тусклым и безжизненным.

— Должно быть где-то здесь, — Тоша растерянно огляделся. Мы стояли аккуратно по центру площадки, окруженной темной стеной кустов.

— Ты уверен? — переспросил раздраженный Гамахен. Последнее время он только и делал, что елозил рукой под шортами, пытаясь вытряхнуть остатки песка. А всего-то и нужно было — последовать примеру других и окунуться напоследок. Мне было хорошо, и Тоше с Малютой тоже, а Гамахен аж весь исстрадался. Может потому и брюзжал всю дорогу, высказывая сомнения в умственных способностях приятеля. Теперь же даже обрадовался.

— Говорили ему... И где они? Где?! Где обещанные аппараты с газировкой?

— Здесь должны были стоять, — Тоша присел на корточки, и спустя секунду ткнул пальцем в глубокие вмятины на асфальте. — Вон, видишь!

— Да толку мне от твоих следов. Газировка, спрашиваю, где?!

— Увезли!

— Хвала небесам, наконец-то выяснили! — Гамахен театрально взмахнул руками. — Битый час втолковывал, что вывезли их еще прошлой осенью, так нет же — уперся... Цирковая обезьянка и та посообразительнее будет.

— Кто цирковая? — у Тоши аж желваки на скулах заиграли. Он резко поднялся и двинулся в сторону обидчика. Обыкновенно трусоватый Гамахен отступать не намеревался. Напротив, выпятил впалую грудь, словно боевой петух, изготовившийся к драке. Выставил вперед кулаки и демонстративно помахал ими в воздухе.

Случится бы драке, но тут в конфликт вмешался Малюта. Сделал он это не по причине миролюбивого характера. Отнюдь нет... Здоровяк с большим удовольствием посмотрел бы на то, как пацаны мутузят друг дружку. Простой он был человек, потому и радости у него были простыми. К примеру, бросить в соседа козюлей или подразнить гуся, неведомо каким образом занесенного в труппы. А еще обыкновенная пацанская драка. Что может быть лучше? И только совсем уж необычные вещи могли отвлечь его внимание.

— Глянь, малой, не твоя ли знакомая? — толкнул он меня в бок.

На дальней дорожке показалась девичья фигура в знакомом ситцевом платье и копной светлых волос, выбившихся из-под шляпки. Мне редко доводилось видеть Арину напуганной, и вдруг этот быстрый, спотыкающийся шаг. Она почти бежала, неловко припадая на левую ногу.

— Стой, шлюха! — послышался рык и следом на дорожку вывалился кавалер. Тот самый, что позволял себе всякое, лапая прилюдно. Очки-авиаторы перекочевали с переносицы на лоб, давая возможность разглядеть перекошенное в злобе лицо. В покрасневших глазах плескалась ярость. Мне доводилось видеть подобное, когда человек теряет контроль, превращаясь в подобие дикого зверя, готового снести любое препятствие на своем пути. Как было зимою, когда пьяный Михась едва не забил до смерти работницу мадам Камиллы. И вот теперь история повторялась. Жаль только, нет в кармане свинчатки.

— Убью, мразь!

Мужчина был быстрее, а тут еще Арина неловко споткнулась и повалилась на землю. Она все же успела подняться, но лишь для того, чтобы снова упасть. Догнавший девушку ухажер пнул с размаху, как обычно бьют мужики в драке, нисколько не сдерживая силу. А дальше...

Дальше я понять не успел, как ринулся на выручку. Перемахнул через ограду кустов и побежал напрямки, не сводя глаз с возвышающейся над девушкой фигуры. А тот продолжал бить. За первым ударом последовал второй и третий. Кавалер просто и незамысловато пинал распростертое на земле тело. Он отвел ногу для очередного замаха, когда я врезался в него — в тошнотворно воняющую одеколоном рубашку. Попытался повалить, но то ли скорость набрал недостаточную, то ли противник оказался на удивление ловким. Мир вдруг перекувыркнулся и на земле оказался я один.

— Чего?! — рявкнул опешивший мужик. — Ты ещё кто такой?

Поправил едва не слетевшие со лба очки и с удивлением заметил: — твою же мать, рубашку порвал... натуральный жаккард. Ах ты ж сученьш!

Я попытался подняться, но сильный удар вновь опрокинул меня на газон.

— На! Получай!

Туфля мелькнула в воздухе, и я схватился за неё — потащил, в надежде если и не повалить противника, то лишить маневра для атаки. Потому как если размахнется снова.

— С-сука... Лёва, Лёва ты где?! Тут какой-то гаденыш мелкий — прицепился... зараза!

Судя по звукам приближающихся шагов неведомый Лёва спешил на помощь. Он не стал размениваться по мелочам, а сходу влупил мне по спине.

— Бей гаденыша! — орал ухажер, пытаюсь выдернуть ногу, но я обвился вокруг неё клубком, словно почувывший опасность ежик. Жаль только, острых иголок выпускать не мог. Они бы мне сейчас ох как пригодились.

— Куда ты целишься, Лёва? По голове бей! По голове его — суку!

— У меня туфли итальянские, куда я?

— А ты каблукom сверху... Да бей же — бей... Лёва, он грызет меня... Лёва!!!

Ничего я не грыз. Как говорится в таких случаях, у страха глаза велики. Штанина задралась, вот и почувствовал враг остроту впившихся в кожу ногтей. Ради справедливости, не шибко и длинных, потому как обгрызал периодически.

— Бей!

Что-то тяжелое скользнуло по уху и хрустнуло лежащей рядом веткой. Видать, и вправду каблук пошел в дело. Как бы не попало сверху да с оттягом...

Волновался я зря — больше ударов не последовало, а пытавшийся стряхнуть меня ухажер, вдруг замер.

— Да что же это такое детсяя, дяденьки? — послышался откуда-то сбоку голос Гамахена. — Как же нехорошо получается, ай-яй-яй. Вы зачем ребенка обижаете или не слыхивали про конвенцию о защите прав детей?

— Пошел на х... со своей конвенцией, — высказался ухажер.

Зря он это. Я картины целиком не видел, но сильно подозревал, что Гамаш пожаловал не один. Как и было заведено в уличных разборках, первыми вступали в дело самые языкастые. Пока говоруны плели словесную паутину, остальные присматривались, да приценивались: от кого ждать беды и кого вырубить первым.

Остроумие здесь ценилось высоко, как и умение макнуть противника в дерьмо. Опустить, но так чтобы вышло красиво, без использования бранных слов, не говоря уже про

откровенный мат. Это было настоящее уличное искусство. Она как Гамахен завернул про конвенцию — издали зашел, явно к чему-то готовясь. А тут взяли и обломали, незатейливо поспав на три буквы. Нехорошо получилось... неправильно.

Я сразу сообразил к чему все идет. Быстренько отцепился от ноги и откатился в сторону. А вот кавалер оказался куда менее сообразительным. Он попытался выдать очередной пассаж про надоедливую мелюзгу, но быстро поперхнулся, получив кулаком в живот. Обыкновенно Малюта на мелочи не разменивался — бил напрямик в рожу, но тут пожалел... Бережно, даже ласково снял очки с головы скрючившегося противника и только после этого отправил в нокаут.

Подоспевший на выручку Лёва адекватно оценил сложившуюся ситуацию и ломанулся через ближайшие кусты. Оно и верно, это тебе не лежачего пинать, дорогой итальянской обувью. Может и в обратку прилететь.

Догонять Лёву не стали здраво рассудив, что сбор трофеев куда важнее забега по парку. Пока Гамаш с Тошей деловито обшаривали карманы неудачливого ухажера, Малюта примерил авиаторы. Поправил дужки, покрутил головой, после чего удовлетворенно заметил:

— Фирма!

Мне одному было не до трофеев, нужно было срочно проверить Арину.

Девушка нашлась неподалеку. Она сидела на земле и болезненно морщилась, потирая припухшую щеку.

— Красивая — да? — произнесла она и попыталась улыбнуться. Совсем уж горькой вышла усмешка — кривой, с выступившей на глазах влагой. Девушка крепилась и даже шутила, но я-то знал, как порою тяжело удержать слезы. Не от физической боли — нет, это как раз перетерпеть можно, куда сложнее справиться с унижением и обидой.

Я протянул руку и помог ей подняться. Арина оказалась на удивление легкой. Некоторые девушки специально себя голодом морили, чтобы больше парням нравиться, а этой даже стараться не нужно — от природы худая: руки спички, коленки торчат. Встал рядом, чтобы поддержать, но она легонько меня оттолкнула.

— Эй, ты чего?

— Тебе нужно бежать, скоро здесь будет охрана.

— Подумаешь..., - начал я хорохориться и тут же получил щелчок по носу.

— Как она тебя, а? — заухал довольный Малюта. Но девушка не обратила на здоровяка никакого внимания, словно кроме нас двоих и не было никого. Крепко схватила за плечи и повторила:

— Вам нужно бежать — и не спорь, я смогу за себя постоять.

— Ты уже постояла, — указал я пальцем в покрасневшую щеку. Только девушку это несколько не смутило

— Да послушай же! Скоро сюда сбежится местная охранка. Я найду с ними общий язык — сумею договориться, да и у мадам кое-какие подвязки имеются, а вот вас они слушать не станут.

Я перевел недоверчивый взгляд на лежащего на земле ухажера.

— А если он раньше очнется?

Злость холодным отблеском стали промелькнула в глазах девушки.

— Пусть только попробует! Я с этого козла еще деньги стрясу.

— Но...

— Всё потом... поговорим, когда в гости зайдешь.

— Да, Чижик, хорош рассусоливать, — вмешался в разговор Малюта, — или хочешь проблем огрести? Хлыщ этот за жандармскими побежал.

Зря он это сказал, потому как Гамахен принялся суетиться. Дернулся в одну сторону, рассчитывая укрыться в тени дерева, но передумал и рванул в противоположную — за беседку. Последней каплей стала взвившаяся в небо шутиха. Она со свистом пронеслась над нашими головами и бабахнула!

Запаниковавший Гамахен ломанулся через заросли напрямки. Следом рванули остальные: если Тоша рыбкой нырнул в кусты — едва слышно, то Малюта ушел солидно, с причитающимся ему хрустом ломаемых веток.

— Давай уже, беги, — прошептали за моей спиной и неожиданно сильно толкнули. Ноги сделали два шага вперед, а где два, там и три, и четыре. Я и сам не заметил, как побежал.

Пересек извилистую дорожку и нырнул в темноту парка. Свернул направо, следуя за звуками пыхтящего впереди Малюты. И ведь совсем недавно бегали по здешним местам, сопровождаемые трелями жандармских свистков.

Сейчас никто не свистел, но темнота стояла такая, что хоть глаза выколи. Возле дорожек было еще ничего — тусклые отблески фонарей давали возможность осмотреться, а стоило углубиться в парк и...

Я не увидел, как Малюта врезался в беседку. Лишь услышал глухой звук удара и последовавшие за ним матюки. Когда же подбежал ближе, заметил ползающую на карачках тень.

— Ты как, живой?

Пришлось повторить вопрос, прежде чем здоровяк отреагировал.

— Разбил, — пожаловался он.

— Чего... башку? — не понял я.

— Да причем здесь башка... Очки! Очки всмятку, — едва ли не взвыл от досады здоровяк. И даже потряс кулаком с остатками некогда шикарных авиаторов. Впрочем, на счет последних я не был уверен. Этакая темень стояла вокруг, поди разбери, что он там на самом деле держит — дужку от очков или подвернувшийся под руку пучок травы.

Весь задор к бегству у Малюты пропал. Пришлось едва ли не силой поднимать здоровяка, а после толкать к видневшемуся впереди забору. Даже когда выбрались наружу, Малюта не переставал причитать:

— Разбил, даже не поносил толком... почти новенькие, фирменные.

— Чего это с ним? — удивился Тоша.

Ответить я не успел. Малюта поднес здоровенный кулак к лицу приятеля и яростно затряс.

— Вот чего — видишь! Вот чего!!!

Меж пальцев торчали темные осколки стекла.

— Так они же не твои, чего зря расстраиваться?

— Как не мои? — опешил Малюта. — Что с бою взято, то свято!

— Хорошо, — не стал спорить Тоша, — а как разбить умудрился?

Здоровяк обиженно нахмурился

— Да там беседка одна стояла... Чё ты ржешь, чё ржёшь?!

Тоша и вправду едва сдерживал смех, а Гамахен и вовсе захрюкал, уткнувшись лицом в

ладони.

— Seriously, в беседку? — с трудом выдавил из себя Тоша. — Я понимаю, в столб фонарный врезаться или дерево не заметить, но в беседку? Она же огромная, да еще и выкрашена в белый цвет. Ты как умудрился?

— В очках я был, — потупив взор, принялся объяснять Малюта, — в них бежишь — нихрена не видно, чернота одна кругом.

— Снять не пробовал?

Малюта лишь рукой махнул, той самой, что сжимала многострадальные очки. Ответ на заданный вопрос лежал на поверхности, его даже озвучивать не пришлось. Когда дорываешься до того, о чем давно мечтаешь, разум и логика отступают на второй план. Так было с Тошей, объевшимся первой в этом году дыней и промаявшимся животом два дня. Так было с Гамахеном, купившим малоразмерные кроссовки со скидкой. Умный вроде, а мозгов... Все разносить их пытался — хромал до тех пор, пока не случилось нагноение из-за впившегося в мякоть ногтя.

Когда живешь в вечной нужде, то становишься голодным до определенных вещей. Хватаешься за них, пытаешься нарадоваться, пока существует такая возможность. В случае с Малютой радость была недолгой и длилась от силы минут пять. Может потому и переживал сильно.

Содержимое изъятых кошелька несколько подсластило пилюлю. Мы быстро поделили изъятые богатства, а двухрублевый остаток договорились проесть в ближайшей забегаловке.

Обратным путем шли куда веселее, вспоминая недавние события. И даже несколько километров пешком по обочине не показались такими уж утомительными. Да, каждый из нас о чем-то мечтал: Тоша с самой зимы грезил о дынях, Гамахен о новых кроссах, Малюта о солнцезащитных очках, а я? Чего хотел я? Если призадуматься, то многого: начиная с личного автомобиля и заканчивая апартаментами на верхнем этаже небоскреба. Но то в светлых мечтах о далеком будущем, которое может никогда не состояться. А прямо здесь и сейчас? Наверное, ничего... Было здорово ощущать себя частью компании. Не каким-нибудь там придатком, а полноправным членом, за которого если надо в драку ринутся. Теперь я это точно знал, потому и был счастлив.

Увы, у любой медали имелась оборотная сторона. Пацаны не только из беды выручат, но и поинтересуются: а собственно, что это было, точнее — кто? Личность девушки вызвала живой интерес. Особенно у охочего до женского полу Тоши. Он первым и спросил:

— Эта Арина кто тебе?

Правду говорить я не собирался, да и какова она — правда, если задуматься? Она мне не девушка, не знакомая с улицы, не мать и не сестра. Тогда кто — друг? А разве бывает дружба между мужчиной и женщиной? Мир велик, может где-то подобное и случается, но точно не в нашем поселке. Ни одна уважающая шпана в коллектив девчонку не примет. А уж когда вырастут... Когда вырастут, совсем другие интересы появляются, не имеющие никакого отношения к дружбе.

Думал я недолго, выдав пространственный ответ про дальнюю родственницу. При этом уточнять не стал: троюродная она мне сестра или четвероюродная тетка.

Пацаны, понятное дело, не поверили. Откуда взяться родне, от которой до сей поры не было ни духу ни слуху? А вьедливый Гамахен спросил:

— При чем здесь мадам?

— Какая мадам?

— Твоя родственница упомянула о некой мадам, имеющей необходимые связи с жандармскими.

— Что-то не припомню.

— Было, было такое... Я тут пораскинул мозгами и кое-что вспомнил, — в голосе Гамахена появилась обманчивая мягкость, — живет в Красильницком известная всем мадам по имени Камилла. И содержит она одно ночное заведение с этими... ну ты сам понимаешь.

— Не понимаю, — остановился я, — ты на что намекаешь?

Гамахен тоже был вынужден затормозить, поскольку шел следом. Мы замерли друг напротив дружки, и принялись играть в гляделки: злые с моей стороны и ехидно-насмешливые с его. Пускай только попробует сказать «шлюха». Я эти слова ему обратно в глотку вобью.

— Харэ, пацанва...заканчивай.

Неведомая сила отбросила меня в сторону. Сделала это легко и непринужденно, словно несмышленного щенка. И только задрал голову, я увидел возвышающегося Малюту. Здоровяк никого не толкал, не пихал, а просто втиснулся в тот небольшой зазор, что между нами образовался. Потому нас с Гамахеном и разметало.

— Чижик, ты случаем не оборзел? — палец Малюты ткнул в мою грудь. — Ты чего на старшаков бычишь?

— Вломить бы ему разок, — предложил Гамахен, окрыленный поддержкой. Вот только рано он радовался.

— Я те ща сам вломлю, — перевел Малюта суровый взгляд на товарища, — а для начала язык твой змеиный вырву.

— А чего такого?

— Ты овечку-то невинную из себя не строй. Потому как не овца ты — змея подколодная, умеющая жалить исподтишка.

— А чего сразу я? Или типа никто не понял, что у мелкого за «родственница» такая.

Малюта услышав подобное лишь покачал головой, а Тоша добавил:

— Не твоего ума дело.

— Почему не моего? — полез в бутылку Гамахен. — Чижик теперь один из нас, так кого стеснятся?

— Хорошо, — согласился Тоша, — тогда давай начнем с твоей матери.

Не знаю, что за история была связана с родительницей Гамаша, но тот сразу напрягся и принялся вопить, чтобы не мешали кислое с пресным.

— А ты почем знаешь, кем она Чижу приходится?

— Уж точно не матерью, — всё не мог успокоится Гамахен.

— Не матерью, — согласился Тоша, — но то, что человек близкий — сразу понятно. А раз так, то и капаться в грязном белье не след. Придет время, сам всё расскажет... или не расскажет. Не велика потеря.

— А то вам не любопытно, — предпринял последнюю попытку достучаться до пацанов Гамаш.

— Почему же не любопытно? — удивился Тоша. — Я вот с удовольствием про приключения твоей мамаша послушаю.

— Да пошел ты, — буркнул Гамаш и зашагал по направлению к поселку.

— Может зря ты про мать? — спросил Малюта, дождавшись, когда тощая фигура Гамахена скроется в ночи.

— Не зря, — твердо произнес Тоша. — Ты же его знаешь, если вовремя укорот не дать, совсем разойдется.

— Это да, — тяжело вздохнул великан. — Вроде не баба какая, не должно быть этих дней, а подишь ты, заносит с завидной регулярностью.

— Характер такой, — констатировал Тоша, подумал немного и добавил: — ты на него не обижайся. Так-то он парень нормальный — побесится с недельку, да успокоится.

Тоша как в воду глядел. Уже через пару дней количество шпилек в мой адрес уменьшилось, а потом и вовсе сошло на нет. Лишь слабый, едва уловимый отблеск злобы тлел в глубине его глаз. Я не заблуждался на сей счет... ничего Гамахен не забыл. Дохлаки вроде него компенсируют отсутствие физической силы хорошей памятью, а когда приходит время выкатывают счет с расписанными позициями по каждой из нанесенных обид.

До чего же порою бывают похожи люди, особенно в своей мелочности. Когда на днях заглянул в мастерскую, наткнулся на Еремея. Парень как раз провожал очередную клиентку. Распахнул дверцу спортивного авто, подал барышне ручку, помогая усесться в кожаное кресло. Весь из себя ухоженный, галантный.

Заметив меня недовольно поморщился.

— Чего тебе?

— Мне бы главного увидеть.

— Не будет сегодня Никанорыча — не ищи, и завтра тоже... в отпуске он, через неделю обещался вернуться.

Я уже собрался уходить, но тут навстречу попался один из мастеровых. Он-то и сообщил, что дядька Степан на месте.

Ну вот что за человек? Сколько воды утекло с тех пор, а он все забыть не может — пакостит по мелочам. И до того мерзкой стала физиономия у Еремея, когда я раскрыл его маленький обман. До того нагло ухмыльнулась, что захотелось сбросить разводной ключ прямо на ногу.

Нет, прав был дед Пахом, утверждая, что измельчал нынче народец. Не тот что раньше... только и знает, что жить своими обидами. Собирает их — копит, словно старая бабка деньги на похороны. Только прибытку с того никакого, одна лишь глухая злоба.

К Арине я все же заглянул. Наше общение вышло скоротечным: девушка явно куда-то спешила, но про случившуюся в парке драку упомянула. Отругала за самоуправство и потребовала дать обещание, что больше не стану вмешиваться в её личную жизнь.

— Даже если бить будут? — произнес я насуплено. Ожидал услышать слова благодарности, а вместо этого отчитали, словно провинившегося гимназиста.

— Особенно если будут бить, — строго произнесла девушка, — даешь слово?

— Даю, — пробурчал я. — А кто он тебе, этот козлина?

— Неужели ревнуешь? — лукавый огонек промелькнул в её глазах.

— Не то, чтобы... просто скажи, у вас свидание было или...

Легкий щелчок по носу заставил поморщиться.

— Или допускается исключительно в пределах квартала. Таковы правила мадам Камиллы или забыл?

— Значит свидание, — утвердил я. Зажмурился в ожидании очередного щелчка, но того не последовало.

— Ничего это не значит, кавалер, — устало произнесла девушка, — уже ничего.

Отсыпала на прощанье леденцов и отправила за дверь.

И как это понимать? Чего от меня требуется? Чтобы в следующий раз стоял и смотрел как её колотят какие-то уроды? Не будет такого... Пускай слово свое дал, но скрещенные пальцы за спиной еще никто не отменял.

Сразу после Арины отправился к пацанам. На заправке все было без изменений: начальство отсутствовало, работники дремали в теньке, а Тоша дымил сигареткой. Делал он это с ленцой, спрятавшись в тени и изредка прихлопывая разгулявшееся по жаре комарье.

— Деньги Малюте не давай, — первым делом предупредил он меня.

— А что случилось?

— У него из-за авиаторов совсем крыша поехала, — вздохнул Тоша. — Дужку в мастерской выправили, одно стекло вставили, а второе — то самое, которое треснуло, потребовало замены. Был вариант с дешевой пластмассой, но ты же знаешь Малюту, он у нас нынче модник. Хочет исключительно в фирме ходить, как городские пижоны. И все бы ничего, только одно стеклышко девяносто рублей стоит.

Я аж присвистнул от удивления.

— А ты как думал, это тебе не дешманские поделки. В дорогих вещах каждая мелочь по уму сделана, вплоть до винтика. Слышал про гармоническое стекло? Из него линзы льют, а поверхность специальным составом обрабатывают, чтобы значит не поцарапалось. А еще защитную пленку клеят от фиолетовых лучей.

— Зачем это? — удивился я.

Тоша вытащил из-за уха очередную сигаретку, щелкнул зажигалкой и с наслаждением затянулся. Постоял пару секунд, выдыхая облака табачного дыма, после чего признался:

— Хрен знает... У богатеев свои причуды, вот продавцы и выдумывают всякую ерунду, чтобы товар сбыть подороже. Для клерка с верхнего города подобные мелочи может и имеют значение, а Малюте оно нафиг не сдалось. Он про угрозу фиолетовых лучей и слыхом не слыхивал, пока в мастерской счет не выставили. Почитай, сотня целковых — это же с ума сойти можно, — очередная порция дыма вырвалась из Тошиных ноздрей. — Короче, по поводу бабок я тебя предупредил, а дальше сам решай.

— А чего решать? У меня таких денег нет, — честно признался я.

— Так всего и не попросит: курочка — она по зернышку клюет. Побегает наш здоровяк с месяц по поселку, кого посулами уговорит, кого кулаком крепким. Наберет необходимую сумму, а потом два года отдавать будет или вовсе забудет про долг. Что я, Малюту не знаю. Даже рубля ему не давай, если хочешь с возвратом.

Тоша как в воду глядел. Стоило показаться на заправке, и здоровяк тут же взял меня в оборот. Да так ловко у него это получилось, что ладонь сама потянулась к карману. Раньше подобных талантов за Малютой не замечал. Перед зеркалом он репетировал что ли, особенно этот жалостливый взгляд.

Денег я Малюте не дал, вместо этого угостив «сосачкой». Сам хрумкнул леденцом и побежал дальше.

Забот на сегодня было немало, и все благодаря Лукичу. Бобыль в последнее время оживился, принявшись раздавать указания: сходи туда, принеси то, отнеси это. И если беготня по поселку не утомляла, то вечерняя писанина напрягала конкретно. Пальцы болели от выступивших мозолей, а Лукич все таскал и таскал счета, за раз целыми пачками. Короче, забот целый рот.

Вот и на сегодня я получил очередное задание: сбегать во вновь открывшийся магазин, торгующий автомобильными запчастями. Требовалось изучить предложенный ассортимент, запомнить цены. Подобными вещами занимался не раз, но вот адрес...

Находился магазин на улице адмирала Калюжного. Да-да, той самой злополучной Калюжки, от которой всеми силами старался держаться подальше. Поклялся больше носа туда не совать, и вот снова угораздило. словно сама судьба решила подшутить над незадачливым Чижом.

Я долго думал, какое время лучше выбрать для визита, чтобы не влипнуть в очередную историю. В итоге пришел в полдень, в надежде что посетителей будет немного. И не прогадал, оказавшись в магазине наедине с изнывающим от скуки продавцом, только и думающим о том, как бы поскорее наступил обед. Оценив быстрым взглядом платежеспособность вновь прибывшего клиента, молодой парень даже с места не сдвинулся. Снова уткнулся в небольшой телевизор на краю стойки. Может стащить чего? Проучить наглеца, много о себе возомнившего? Такому по статусу положено было интересоваться чего изволите, а не выбирать среди посетителей, кто уважения достоин, а кто нет.

подавив волну раздражения, я подошел к полкам и принялся разглядывать разложенный на них товар. Чего здесь только не было: масла и присадки, блестящие диски и коврики, накладки на руль, наклейки и набалдашники для КПП. сразу видать — все фирменное, ни разу ни ворованное. За заводской порожек от Руссо-Балт двенадцать рублей просили! Да с такими ценами они быстро в трубу вылетят, точнее вылетели, если бы открыли свое представительство в поселке. Калюжка — другое дело. Местные зарабатывали достаточно, чтобы позволить себе фирменную запчасть.

Когда до обеда оставалось пятнадцать минут, продавец принялся косо поглядывать в мою сторону. Очень уж велико было его желание закрыться пораньше, но как это сделать, когда покупатель внутри. И ведь не выставишь наружу, правилами запрещено.

Парень крутился на стуле и так и эдак, словно острицы в заднице завелись. Пару раз хкекнул, пытаюсь обратить на себя внимание. И наконец не выдержав, провозгласил:

— Мы скоро закрываемся.

— Хорошо.

Спустя полминуты стул вновь скрипнул.

— С часу у нас обед.

— Да понял я — понял.

— Можете прийти после двух.

— Могу, — согласился я и выразительно посмотрел на циферблат висящих над стойкой часов. В запасе оставалось целых девять минут, поэтому куда торопиться? Я зевнул и неспешно, с заметной ленцой направился до следующей полки.

Все что оставалось продавцу — скрипеть зубами от досады. Звука я не слышал, но уж больно выражение физиономии было соответствующим.

Из дверей вышел ровно без одной минуты. Звякнул висящим над дверью колокольчиком и не успел спуститься с крыльца, как услышал щелкнувший позади замок. Когда обернулся, продавца уже не было, а за выдраенным до блеска стеклом красовалась надпись «*мы открыты*». Бедолага так торопился, что даже табличку забыл перевернуть.

Довольный жизнью, я спрыгнул с последней ступеньки на асфальт. Посмотрел в прозрачно голубое небо, обещающее очередной жаркий день. Погремел заранее припасенной мелочью в кармане. С делами было покончено, теперь можно за мороженкой

бежать.

— Алексей, подождите!

И невдомек было, что обращаются именно ко мне. Мало ли Алексеев ходит по улицам, важных и взрослых. Я же был Чижиком для всех, малым или просто пацаном, поэтому когда чужая рука коснулась плеча, дернулся от неожиданности. Отскочил в сторону и только тогда обернулся.

Напротив стоял Аполлинарий Андреевич — тот самый доктор из числа социалистов. Стоял и улыбался в аккуратную бородку, словно старому знакомцу.

— Алексей, что же вы, не рады меня видеть, напрасно-напрасно... У меня имеется для вас одна замечательная новость. Настолько, что даже подрядил специального человека на ваши поиски. До чего же сложно оказалось отыскать одного неугомонного юношу в дебрях трущобных. Уже и не надеялся на результат, и вдруг такой случай. Словно само провидение организовало нашу встречу.

Ага, как же... не провидение это, а проклятие Калюжки. Нутром чуял, что какая-нибудь ерунда случится, и вот результат.

— Алексей, вы же не собираетесь сбежать?

— Нет, — соврал я, не моргнув и глазом.

— Просто вы так дергаетесь.

— Тороплюсь я! Говорите уже, чего хотите?

— Всё дела и заботы. Неужели не найдется полчаса свободного времени для неторопливой беседы, — Аполлинарий Андреевич оглянулся, — а вот хотя бы и в этом заведении французской кухни.

Задрав голову, я наткнулся взглядом на вывеску ресторана: то ли лечабичу, то ли лечабичоу. Мало того, что надпись была сделана на иностранном языке, так еще и прописными буквами. Искусно так исполнена — затейливо, с вензелями и закорючками. На такую разок глянешь и сразу понятно, что заведение непростое — из числа престижных, куда обычному человеку вход заказан. Даже чопорный швейцар у входа имелся, в красной ливрее и мордой кирпичом. Сквозь затененные окна просматривались столики, устеленные скатертью до самого пола. А цены там, цены — ломают такие, что только князю или его подручным питаться. Куда до них мелкому Чижикю.

Аполлинарий Андреевич заметил сомнения на моем лице, потому обнадеживающе произнес:

— Мой друг, позвольте угостить вас обедом. Поверьте, предстоящая беседа ни к чему не обязывает, ни к каким договоренностям или требующим немедленной подписи бумагам. Вы просто выслушаете наше предложение.

— Чего это? — пробурчал я недоверчиво, на всякий случай сделав шаг назад. А ну как попробует схватить.

— Вы, кажется, хотели обучаться в академии для одаренных?

— Хотел, да только кто возьмет бесталанного.

— Именно это и предлагаю обсудить за порцией прекрасного французского паштета. Как вы относитесь к фуа-гра?

Глава 8. Не везет кому не везет

Никогда не понимал всей этой восторженности вокруг высокой кухни. Когда тебе в тарелке приносят с гулькин хрен, да еще и с таким важным видом, будто это не еда, а чудо великое.

Открывают металлическую крышку, а там... Нет, не обжаренное куриное бедрышко с исходящей паром картошкой, и не кусок семги с нарезанным дольками репчатым луком. Там... как бы это сказать помягче.

Сначала я потыкал вилкой в подозрительный комок слизи, потом отломил кусочек и поднес к носу. А запах ничего так — аппетитный, и на вкус гораздо лучше, чем выглядит. Я в пару приемов осилил съестное и воззрился на своего собеседника.

Аполлинарий Андреевич устроил целое представление из, казалось бы, обычной трапезы. Не понимаю, чего медлить, когда заказанное блюдо — вот оно, лежит прямо на твоей тарелке. Хватай ложку побольше, да ешь. Но нет, нужно с видом кулинарного знатока присмотреться, примериться, словно выбирая с какого бока половчее будет ухватить. И только после этого взяться за ножик.

Настрогал Аполлинарий Андреевич паштету на множество долек. Настолько ровных, что хоть линейкой замеряй. После подцепил и обмакнул в вазочку с кисло-сладким соусом. Покрутил вилкой, наблюдая за тем, как вязкая патока обволакивает кусочек французского деликатесу. И только после этого поднес ко рту — аккуратно, не уронив ни капли. Тонкие усики доктора дернулись в предвкушении, а сам он зажмурившись, словно разморенный кот под лучами летнего солнца, отправил в рот угощение.

А говорят, что бедные мало едят. Вона в богатых ресторанах тоже не шибко шикают. Основного блюда принесли — жалко смотреть, словно повар самолично высморкался по центру тарелки. Бросил пару веточек базилика, и отчего-то поперчил пустой край посуды. Зато бородинского хлебу нарезал целую корзинку. Его и доедал вприхлебку со сладким чаем, а после принялся глазеть по сторонам.

Да — красиво, да — вычурно, с положенными дорогому заведению атрибутами, вроде позолоты и зеркал. Кого другого королевский антураж мог впечатлить, но мне не понравилось. Уж лучше в столовой при автомастерской перекусить чем в этом «лечабичу»... И дело тут вовсе не в маленьких порциях не пойми чего, которое еще сообразить нужно, как правильно употребить.

Народная мудрость гласила: каждый телок, знай свой хлевок! Не предназначено было это заведение для голодранцев из трущоб. Даже купленная на прошлой неделе обновка в виде вьетнамской рубашки не могла исправить ситуации. Алексей Чижов выглядел как шпана, вел себя как шпана... да, собственно, ею и являлся. Кривые взгляды остальных посетителей сей факт только подтверждали.

Удивительно, что швейцар на входе пропустил. Может причиной всему был мой сопровождающий? Аполлинария Андреевича здесь не просто знали — его уважали: интересовались здоровьем, по-особенному гнули спину. А в самом конце официант принес десерту за счет заведения с наилучшими пожеланиями от шеф-повара.

— Угощайся, — Аполлинарий Андреевич кивнул на тарелку с пирожными.

— Их тут два, — заметил я, а сам почувствовал бурление в желудке. Уж больно вкусно они выглядели, облитые шоколадом с красными лепестками маслянистых цветков и

мармеладкой по центру.

— Мне доктор запретил много сладкого, поэтому кушай на здоровье, не стесняйся.

— Доктор? — удивился я. — А разве вы сами не...

— Врачи разными бывают, — с охотой принялся пояснять Аполлинарий Андреевич. — Я, к примеру хирург, а есть еще урологи, онкологи, стоматологи — сотни специальностей. И каждый разбирается в своей сфере.

— А вы колики сможете вылечить?

— Колики — это симптоматика, а не болезнь. Прежде всего необходимо поставить правильный диагноз и только потом назначить курс лечения: при гастрите — один, при язве другой, при наличии инфекции или паразитов — третий, — Аполлинарий Андреевич взял небольшую паузу. Допил остатки чаю, промокнул губы салфеткой, после чего неторопливо продолжил: — говорить о медицине можно бесконечно. Это благодатная почва, в особенности для людей, перешагнувших порог сорокалетия. Но вы же не из таких будете, Алексей?

— Живот иногда прихватывает, — признался я.

— Подозреваю, что в вашем случае причина кроется в неправильном питании или некачественных продуктах. Довелось на днях понаблюдать за условиями торговли на местном рынке: жара, повсюду ползающие мухи и продавцы, одной рукой отсчитывающие монеты, а другой достающие пирожки. Это же полная антисанитария... настоящий кошмар.

Аполлинарий Андреевич не на шутку завелся. Видать насущной тема для него оказалась, раз прибавил в громкости, заодно позволил себе рукою махнуть, словно какой-нибудь грузчик. Любят взрослые пошуметь на интересные им темы. Впрочем, мой собеседник быстро успокоился. Оборвал монолог на середине фразы и совершенно будничным тоном произнес:

— Полагаю, проблемы санитарии в Красильницком вас не сильно заботят? Что ж, тогда предлагаю вернуться к основной теме нашего разговора. Как на счет обучения в академии для одаренных? Еще не передумали, мой юный друг?

Глядит, а у самого в глазах хитринки бегают. Ох и непростой этот дядька — доктор. А может он и не доктор вовсе? Может это прозвище за любовь к расчленёнке и кровавым пыткам? Разве станет нормальный врач, по долгу службы обязанный спасать человеческие жизни, якшаться с социалистами? Ведь каждому известно об их методах. Надо чиновника взорвать и взорвут, нисколько не заботясь о случайных прохожих. Надо посыльного запытать — запытают, вырвав ногти и зубы. Любят на каждом углу кричать про кровавый царский режим, а сами-то они кто? Как есть убивцы.

Пауза затягивалась, и Аполлинарий Андреевич решил напомнить о себе:

— Так что скажете, Алексей?

Не хотелось иметь дел с социалистами, пускай и такими благообразными, как сидящий напротив собеседник. В особенности с такими как он, и маячившим за его спиной князем царских кровей. Товарищ Ортега... я много думал после того случая в «Трех медведях», может ли он быть родственником нынешнего императора или Аполлинарий Андреевич попросту оговорился, упомянув про его высочество. Что столь важная птица забыла здесь? Алтополис город знаковый в Российской империи, спору нет, но даже ему было далеко до столичного блеска Москвы и Петербурга. Никогда ему не приобрести размаха, свойственного высшему обществу Северной Пальмиры. Да и какое здесь общество, если задуматься? Кто в здравом уме решится жить посреди степи? Одним лишь славен

Алтополис — бесовскими искушениями. Игорные заведения с барами и казино, бордели и курильни, мюзиклы и скандальные театральные постановки — все что было негоже там, у нас дозволялось. Вот и приезжала столичная богема спускать пар. Но именно что периодически, на большее их ни хватало. Известный поэт Зураб Ворошилов даже стихи написал по данному поводу: *«и нет на свете ничего тоскливей, чем град высокий посреди степеней»*. Там было что-то еще про щемящее чувство в груди, когда проигравшийся в пух и прах драматург пустился в пешее путешествие. Добрел до окраины, но увидел лишь свет луны, озаряющей бескрайнее мертвое пространство. А чего еще он ожидал — степь же кругом! Летом прекрасная и цветущая, и уныло-тоскливая в сезон дождей.

Резкий звук вывел меня из задумчивости. Уставший от ожидания Аполлинарий Андреевич постучал ложечкой по краю блюда.

— Ну-с, так что скажете по поводу интереса к обучению? Имеется еще таковой?

— Да... но вы же знаете про обстоятельства.

— Разумеется, — улыбнулся доктор, — я не настолько стар, чтобы не помнить детали состоявшегося разговора. У вас отсутствуют необходимые маркеры, а значит нет законных оснований для поступления. Повторюсь — законных. Как говорится в народе, было бы желание.

— Вы предлагаете ПОДЛОГ?!

— Потихе, мой друг... прошу вас, потихе. Не стоит привлекать к себе излишнее внимание. Вот, выпейте лучше чаю.

Чаю не хотелось, но я все же допил остатки вместе с плавающим на поверхности мусором. Вытер тыльной стороной ладони губы, после чего спросил:

— Вы же сами говорили про невозможность попасть в Академию? Про анализы, которые берут постоянно.

— Говорил, — признал доктор, — но мы нашли способ обойти систему контроля. О деталях позвольте умолчать. Уж слишком важные господа задействованы в схеме. Все что требуется от вас, мой юный друг — дать согласие.

— И?

— Что и? — удивился собеседник.

— Согласие и что-то ещё очень важное.

Аполлинарий Андреевич открыл было рот, но я тут же его перебил:

— Вот только не начинайте вешать лапшу про благодарность за спасение жизни. Я хоть и мал ростом, но в подобную чепуху не верю.

— Жизнь товарища Ортеги дорогого стоит.

— Не дороже денег, — возразил я. — Не станет его высочество заморачиваться из-за какого-то там бродяжки. Монет отсыпать — пожалуйста, а лезть в мутную схему с поступлением в учебное заведение, курируемое самим Императором — не верю!

— М-да, чудны дела твои..., - доктор постучал пальцами по столешнице. — У меня сын твоего возраста — редкостный проказник растет. До сих пор верит, что подарки под ёлку Святой Николай кладет. В волшебников верит, в сказки, в доброе сердце... А ты получается нет?

— Почему же, в добро верю, но только когда оно обоснованно. Ни один человек не станет во вред себе действовать, если только не полный кретин или не имеет далеко идущих планов. Они же у вас есть, я прав?

Аполлинарий Андреевич усмехнулся в тонкие усики. Покачал головой, но все же

вынужден был признать.

— Ну хорошо... нам нужна некоего рода информация о царящих внутри порядках. О тех системах и методиках, что используются кураторами для раскрытия потенциала таланта. Если вкратце, нам нужен свой человек внутри академии.

— Стукачок, — конкретизировал я.

— Что за жаргонизмы, юноша, — тут же поморщился доктор. — Мы не оправляем вас в тюрьму, и не предлагаем закладывать коллег по учебе. Нас интересует исключительно методологическая часть вопроса.

— И даже взрывать ничего не придется? — не смог удержаться я.

— Кто мы по-вашему — звери? Пьем кровь безвинных младенцев и устраиваем шабаш в вальпургиеву ночь? Алексей, прошу, не разочаровывайте старика. Я только начал считать вас за человека разумного, с которым можно иметь дело.

— Но вы же социалист?

— И что? Что это значит? Вы хоть раз потрудились прочитать наши книги, изучить программу или беретесь судить со слов других? Налепили на человека ярлык и жизнь сразу стала простой и понятной, так получается? С ваших слов выходит, что так. А если человек говно, но при этом рядится в благообразные одежды, с ним как быть? Как быть с махровым монархистом господином Радулевичем? Слыхали о его недавнем предложении выселить всех неимущих за Уральский хребет? Дескать слишком много попрошаек развелось на столичных улицах. Так пускай на деле доказывают свою состоятельность Государю и Отечеству, осваивая безлюдные просторы на востоке страны. Сумеют выжить в сибирских лесах — честь им хвала, а нет — значит туда и дорога. Ибо нечего биомусор плодить, только и склонный, что к грабежам и насилию. Он даже наглядную статистику привел, открыв доселе неизвестную истину. Оказывается большинство преступлений в столице совершается гражданами неблагополучными, находящимися за чертой бедности. Ко всему прочему еще и плодящимися, как тараканы. Не проще ли будет сгрести всех в одну кучу и увезти железнодорожными составами на восток, — Аполлинарий Андреевич умолк, но не для того, чтобы получить ответ на заданные вопросы. Уж слишком их много прозвучало и все из числа риторических. Взял чашку с недопитым чаем, и смочив горло парой глотков, продолжил: — господин Радулевич выступил с докладом на прошлой неделе... не где-нибудь на улице — на пленарном заседании Государственной Думы. И что думаете, его кто-нибудь осудил? Подверг, как водится за подобные мысли, остракизму и гонениям? О нет, господа депутаты лишь покачали головами: *«Михаил Иванович, он же не социалист какой, он же за Царя-Батюшку. Да, склонный к радикальным решениям, но с правильным ярлычком»*. Представляете, ему все простили... Простили то, что многомиллионную часть сограждан назвал ненужным быдлом, требующим немедленной выселки в Сибирь. Представляете? А я вот не могу... Наше государство уродливо по природе своей: законы, порядки, обычаи... в конце концов само общество, разделенное на две неравные части: господ и тех, кому не повезло родиться. Да что далеко за примером ходить, оглянитесь вокруг? Что есть Красильницкое, как не гетто. Вы даже в Алтополис не сможете выбраться без специального разрешения. На юг в степь — пожалуйста, а на север в город только по спецпропускам. От вас бы давно избавились, вот только кто тогда будет работать на фабриках Волобуйского или на заводах Никитина? Может лет через двадцать-тридцать, когда производственную линию удастся полностью автоматизировать. И пойдут тогда железнодорожные составы, забитые под завязку безвольным человеческим скотом далеко на Восток. Покорять бескрайние

сибирские просторы, как и мечтал господин Радулевич.

Сидящий напротив собеседник не сказал ничего нового. Про роботов, способных заменить человека давно речи ведутся — почитай, полвека. Только воз и нынче там. Не станет господин Волобуйский тратиться на переоборудование, ежели по итогу человеческая сила выйдет дешевле. Пугалки это от социалистов, чтобы народ на свою сторону переманить. Использовать для своих целей, а когда до власти дорвутся, накинут на шею новое ярмо. И еще неизвестно, какое тяжелее окажется.

— Даю слово, что убивать никого не потребуется, — наконец произнес Аполлинарий Андреевич, — нам нужна только информация.

Мне почему-то вспомнился прошлогодний разговор с Малагой. Тот тоже сидел напротив, пил чай и вербовал. Только делал это куда мастерски, используя аналогии с храбрым разведчиком Одзаки, в которого мелюзга до сих пор на улицах играет. Плохо доктор знал пацанское сердце, это сразу видно. Про политику вещает, на которую мне плевать с высокой колокольни: и на монархистов, и на социалистов, и на эсеров — все они одним говном мазаны.

Нужно было отказываться, но я продолжал медлить. Смотрел в пустую чашку с прилипшими к стенке чайниками и видел витрины красивых магазинов, видел модный спорткар припаркованный возле небоскреба, и пушистые облака, проплывающие под окнами апартаментов — моих личных, и машины моей. Блин, почему в сказках все так легко и просто? В историях, где есть бес со своим коварным предложением, от которого следует отказаться, если только не хочешь попасть впросак. Почему в реальности все иначе? Почему так сложно сказать нет? Неужели в очаровании доктора дело? Нет, совсем нет... Просто в глубине души понимал, что другого такого шанса вырваться из трущоб может больше не представиться — никогда. И вот это *никогда* пугало пуще всяких демонов.

— У меня есть время подумать?

— Разумеется, мы не торопим с ответом, — кивнул Аполлинарий Андреевич. — Нам самим нужно решить часть вопросов, прежде чем приступить к реализации плана. Времени тебе до декабря.

— А дальше?

— А дальше начнем заниматься подготовкой документов. Ты же не думаешь, что поступление в императорскую академию, это легко и просто? Да и базовые знания необходимо подтянуть. Ты грамоте обучен?

— А то, — не без гордости заметил я, — читать и писать умею: печатными и прописью. Таблицу умножения знаю, и цифири столбиком делить могу.

— Хорошо, — кивнул доктор, — часть проблем это снимает, но все же без занятий с репетитором не обойтись. Знать одну цифирь для академии мало, юный возраст опять же. Сколько тебе полных лет?

Интерес Аполлинария Андреевича не был из числа праздных. Раньше в Академик брали всех подряд, лишь бы имелись в крови нужные маркеры. Но после нескольких случаев со смертельным исходом и последовавшей за этим шумихой в прессе, министерство по образованию было вынуждено ввести возрастную цензу. Теперь детей младше пятнадцати лет в учебные заведения не принимали.

— Осенью четырнадцать будет.

— Надо же, — удивился доктор, — а выглядишь моложе.

И этот туда же. Малага сомневался в моем возрасте, Лука Лукич, дядька Степан из

автомастерской, теперь вот Аполлинарий Андреевич взялся. Уж год-то своего дня рождения я знал. Жаль только, официальные документы остались лежать в старом доме. Не догадался прихватить их, когда сбежал на улицу. Теперь уж поздно... Новая хозяйка наверняка выкинула свидетельство на помойку, вместе с другими вещами, оставшимися после стариков.

— Говорю же, четырнадцать будет!

— Ну значит четырнадцать, — не стал спорить доктор. — Теперь осталось обсудить последний вопрос: как с тобой связаться?

— Не надо со мною связываться. Я сам наберу, когда решение приму. Вы только номер оставьте.

Я думал Аполлинарий Андреевич станет спорить, но доктор молча откинул полу пиджака. Извлек из внутреннего кармана визитку и протянул мне.

— Номер моего персонального приемника, — пояснил он, — звони в любое время.

Я покрутил в руках карточку — красивую, с золотым оттиском.

— Знаешь, как пользоваться?

Я честно признался, что нет.

— На самом деле это просто. Приемник — нечто среднее между телефоном и телеграфом. Набираешь указанный номер и оставляешь послание для абонента. Пять цифр вверху видишь — это мой персональный код. Называешь его диспетчеру, а дальше диктуешь текст сообщения. Минута, и я получаю электронную телеграмму, где бы не находился. Очень удобная штука.

— Как компактные телефоны?

Доктор рассмеялся:

— О, разница огромна. В столице новые технологии давно пришли на смену приемникам, а у нас — увы, качество связи не позволяет: то ловит, то не ловит, то сообщения с опозданием в полчаса приходят. Для офисных клерков может и невелика проблема, а для нас — врачей, пять минут промедления смерти подобны. Точнее, для наших пациентов.

Я засунул визитку в карман, где уже хранилась горсть слежавшихся леденцов, после уставился на доктора.

— У меня все, — сообщил тот.

Ну ежели все... Я принялся слезать со стула, задвинутого под самую столешницу. Едва не сдернул скатерть, бывшую в заведении до самого низа. И не жалко им, этакой тканью полы подметать.

Пока шагал к выходу — ждал, что меня остановят. Что Аполлинарий Андреевич начнет убалтывать, еще и денег на прощанье всучит, чтобы лучше думалось. Но нет, уговаривать меня не собирались. Вышел я на улицу совершенно свободным, не связанным никакими обязательствами.

Выданную доктором визитку я на всякий случай припрятал. Имелись у меня тайники, как и у любого нормального пацана с поселка. Целых пять штук, разбросанных по разным местам. Раньше в них хранилась всякая ерунда вроде цветных стеклышек и оберток от конфет, но со временем их содержимое кардинально изменилось. К примеру, в секрете у Южных ворот лежала настоящая чешская корона, неведомо каким образом занесенная в наш поселок. Я её выменял у местного дурочка Жужи на пару клубничных жвачек. Монета старая, выпущенная ещё в начале века, может и удастся коллекционерам за хорошую цену

продать. Имелись и три пистолетных патрона, найденных прошлой весной на заброшенке. Торговцы ими вряд ли заинтересуются, а вот среди пацанов «маслята» считались ценной валютой. Настоящие, боевые... Очень хотелось услышать, как они в костре бабахнут. Может так и сделаю, ежели не найду на что сменить.

В другом секрете, что располагался на крыше пекарни, была заныкана деревянная шкатулка. Место теплое и сухое — самое то для хранения бумаг. Удостоверившись в отсутствии слежки, я вихрем поднялся наверх. Дополз до трубы и отогнув край металлической планки, называемой у печников фартуком, извлек шкатулку. Помимо дешевых запонок внутри хранилась колода с изображением обнаженных девиц. Увы, часть карт отсутствовала, поэтому сыграть ими в шута не получится. А вот толкнуть падкому до женских прелестей Тоше — вполне.

Открыв крышку, пробежался взглядом по имеющемуся в наличии — ничего не пропало? Вроде все на месте: и запонки, и карты, и запасная резинка для рогатки. Положив визитку, я спрятал шкатулку обратно. Оперся спиной о шершавую поверхность трубы и прикрыл глаза. Заполонившая мысли суэта мигом улетучилась.

Хорошо было на крыше — свежо. Легкий ветерок задувал с южных просторов, норovia похолодить вспотевшую шею. Вот так бы сидеть, да слушать вечный гомон трущоб. Вдыхать разлившийся по воздуху запах степных трав и аромат выпечки, доносившийся снизу. Надо будет не забыть заскочить в пекарню, прикупить макового рулету. У пацанов как раз смена на заправке заканчивалась. Гамахен обещался принести грушевого лимонаду, оставшегося после семейного торжества, а у Малюты в записке имелась сгущенка одной известной московской фабрики.

Протираешь крышку, пробиваешь гвоздем две дырки: одну для питья, а через другую, чтобы воздух выходил. Прикрываешь глаза, и начинаешь потягивать вкусную до невозможности белую патоку. Медленно и со вкусом... Разве может быть что-то лучше?

Дела в пекарне шли не важно. Лежащий на полках товар не отличался привычным разнообразием, да и сам хозяин порядком осунулся. Оно и понятно, тяжело в одиночку тащить дело. Когда жена — сварливая старуха, а единственный сын вместо того, чтобы помогать, пьет горькую. Официальный повод забухать у парня имелся — несчастная любовь. Расстроилась свадьба Севастьяна и первой красавицы Калюжки — Таисии Парфирьевой. Добилась своего мамаша, уберегла любимого сыночку от гулящей девки. Хотя на счет последнего имелись сомнения. Родительница — та да, с половиной улицы переспала, прежде чем выскочить замуж, а вот дочка в порочащих связях замечена не была. Наоборот, вела жизнь тихую и скромную, как и положено благонравной девице. Только когда это слухам мешало?

Разбежалась влюбленная парочка. И что самое печальное, никому от случившегося легче не стало: ни Севастьяну, погрузившемуся с головой на дно бутылки, ни мамаше его, ни Таисье. Поселковая красавица в одиночестве томилась не долго. Связалась с клерком из города: на редкость невзрачным, поросшим жирком, да еще и старше её лет на десять. Сразу стало понятно, что не в любви дело. Будто назло она поступила окружающим. Дескать, распускали про меня слухи, что ради денег под любого лягу, так нате вам — подавитесь.

Жалко было девчонку, уж больно красивая. И дурака Севастьяна тоже жалко. Но жалче всего в сложившейся ситуации было пекаря. Нормальный он мужик — работяга, с раннего утра на ногах. И выпечка у него получалась пышной и вкусной — такой, что во всем поселке

не сыскать. И все было бы хорошо, но досталась ему в жены своенравная особа. Я когда на крыше жил, с ума сходил от её противного голоса, а она все пилит и пилит — ей-ей, пила двуручная. И то ей не то, и это не эдак.

Я когда рулет покупал, она аж специально из соседней комнаты вышла. Зная мужнину доброту проследить, чтобы он чего лишнего в пакет не положил. Так и стояла до самого конца, в спину смотрела, пока я из пекарни не вышел. Ух, змеюка!

Всю дорогу только о ней и думал — злился, вспоминая гаденькое выражение лица: сморщенное, словно у запечённого яблока. Пинал по пути пустые банки, камешки, а один раз запустил осколком кирпича в копошащийся клубок крыс. Ох и злился... и только когда показалась заброшенная голубятня, малясь попустило.

Находилась та на самой окраине поселка, среди полуразрушенных гаражей. Местные свозили сюда ненужный хлам и здесь же шныряли мутные типы в поисках поживы. Хватало наркоманов, нищих, алкашей и прочих опустившихся личностей. Я бы сроду сюда не сунулся, если бы не пацаны. Им отчего-то в голубятне нравилось, особенно на втором этаже, откуда открывался вид на степь.

Пацаны даже одну стенку разобрали, организовав подобие балкончика. Вычистили всю грязь, убрали мусор и осколки разбитого стекла. Малюта притащил со свалки мебель, прибил отломанную спинку, и получился диван: мягкий и удобный. Мы любили на нем сидеть, болтая о пустяках и наблюдая за тем, как солнце медленно опускалось за горизонт. Как волнуется ковыль, ходит волнами бескрайнего моря, наполненного стрекотом кузнечиков. Как наливается алым цветом полоска закатного неба и над головой появляется россыпь первых звезд. В такие моменты ни о чем особо не думалось. Просто хорошо было от осознания того, что ты есть: сытый и довольный. Что рядом сидят пацаны, спорят, ругаются, а порою несут чепуху. Хрустят сухариками и потягивают из бутылки сидро, или сгущенку, или подкисленную лимоном воду. Иногда это было пиво. Но мне алкоголь пацаны не давали. Говорили, мал еще — не вырасту, если буду бухать, а я и не больно-то просил. Так, попробовал пару раз — редкая гадость, оставляющая во рту неприятное послевкусие. Не понимаю, и чего они в нем нашли?

Голубятня стояла чуть в отдалении от первой линии гаражей, настолько поросшая кустами и деревьями, что только крыша торчала наружу. По ней и нашел. Свернул на узкую тропинку, и отмахиваясь от приставучих комаров, побрел к возвышающемуся впереди строению.

Странно, дверь оказалась открыта... Обыкновенно, пацаны закрывали её на щеколду. Не то чтобы это имело хоть какой-нибудь смысл. Окромя полуразвалившегося дивана внутри красть было нечего. Может случайно забрел бухарик или Тоша... Точно, Тоша! Помнится, он планировал свинтить с работы пораньше. Заскочить к Тоньке-морковке в гости, и уговорить последнюю пойти на свиданку. А что — спальное место наверху имеется, опять же вид со второго этажа открывается замечательный. И людей поблизости нет. Будешь стонать, никто не услышит, окромя ошивающейся поблизости стаи бродячих собак.

А что, если они уже того — начали? И тут я такой врываюсь, хлопаю в ладоши — вот смеха-то будет: смотреть, как визжит переполошенная Тонька и как прыгающий кузнечиком Тоша спешно натягивает штаны.

Полный веселого предвкушения, я толкнул дверь и только что успел — жалобно пискнуть. Чужая рука втащила меня внутрь, схватила за грудки, припечатав к стене с такой силой, что труха посыпалась с потолка. Из темноты на меня уставились сверкивающие

белками глаза.

— Кто таков?

— Иван Махров.

Зря я начал паясничать. Одно дело перешучиваться с бабками на рынке, и совсем другое — с незнакомым мужиком. Чужие пальцы еще сильнее стиснули горло. Приподняли над полом, отчего ноги мои задергались, пытаюсь отыскать твердую опору. Но не было её — не нашлось, лишь разрывающая легкие боль и тьма, поглотившая мир вокруг.

Даже не понял, когда меня отпустили. Просто в один момент оказался валяющимся на полу, с хрипом втягивающий в себя воздух. Ногти вцепились в деревянный настил и зашкрябали, словно в этом был некий ускользающий от помутившегося сознания смысл. До чего же хреново... Дышать, дышать пока имеется такая возможность. Как можно больше дышать.

— Очухался, мелкий паршивец?

Все та же рука оторвала моё тело от пола, но против ожидания душить не стала, а лишь помогла прислониться к стене.

— Готов говорить?

— Да.

Неизвестный присел на корточки, так что мне стали видны его руки — крепкие, перевитые нитями черных вен. Я не сразу сообразил, что это была татуировка. Она ползла колючей лозой по плечам, доходила до самой шеи и скрывалась под воротом майки. Стригун значит... Липкий страх проник внутрь с очередной порцией воздуха, и принялся распространяться по организму, как ржа по спелому колосу: пожирая... лишая воли. Это тебе не казачки малажские, и даже не социалисты, чаем с печеньем не напоят. И хорошо, если живым дадут уйти, а не придушат прямо здесь в голубятне.

— Как зовут? — задал он первый вопрос.

— Чижик я... Лешка Чижов.

— На кого работаешь?

— На Лукича.

— На малажских, стало быть, — добавил стригун после короткой паузы.

Глупо было отрицать очевидное, поэтому я закивал головой. Сидящему напротив бандиту это не понравилось. Он размахнулся и вlepил мне пощечину. Не ударил, а именно что хлестнул, словно девку какую.

— Никаких кивков и обезьяньих ужимок. Я спрашиваю — ты отвечаешь, усёк?

— Да.

— Не слышу?

— Да, — прохрипел я что было мочи.

Рука Стригуна снова потянулась ко мне, но против ожидания бить не стала, а лишь хлопала по плечу.

— А ты молодец, быстро смекаешь. Будешь меня слушаться, останешься цел... А теперь говори, какие дела с Лукичем?

— Да какие там дела — так, мелочи. Я ему по хозяйству помогаю, а он меня за это жильем обеспечивает и кормежкой.

— Только по хозяйству? — не поверил стригун

— Ну еще по рынку бегаю, слухи собираю всякие разные.

— Стучишь, стало быть?

Прозвучало обидно, тем более что не стукач я, а информатор — глаза и уши малажских казачков. Это на Центральной нашего брата не жалуют, а в Фавелах наоборот — уважают. В ихнем районе целая сеть выстроена из живых камер. Жандармские броневики еще только пылят по дальней улице, а генералы уже в курсе готовящейся облавы. А все благодаря острым глазам «хальконов» — соколов, стало быть, на русский манер. Бразилы уважали подобного рода профессию и только наши вечно путали, называя обидным словом стукач.

— Я не стучу, а информирую.

— Да? — удивился стрига подобной наглости, — а не всё ли равно? Хрен редьки не слаще.

— Может и не слаще, только разные они.

На потрескавшихся губах бандита заиграло подобие улыбки.

— Нравишься ты мне, паря — наглый, дерзкий, прямо как я в молодости. И откуда такой нарисовался?

— С Центральной.

— О как, местный, стало быть. И как тебе — местному пришло в голову на чужаков работать? Ты же в курсе, кто Центральную держит?

Ни в коем случае нельзя было говорить стриги. Они это прозвище за оскорбление считали, в случае чего могли предъявить, потому и сказал осторожно:

— Артель.

— Верно, артель свободного братства. Вот гляжу я на тебя паря: шустрый, бойкий, знаешь тему и местные расклады. Отчего же к нам не пошёл, а сразу к казачкам направился?

— Не по своей воли.

— Как это? — удивился бандит.

— Так ваши же меня казачкам и отдали. Доставили бандеролью на порог дома самого Малаги.

Выцветшие брови стригуна нахмурились.

— Поясни, — потребовал он.

Пришлось рассказать историю одного незадачливого пацана, угодившего в переплет прошлой зимою. Без особых подробностей, да собеседнику они и не требовались. Он сразу понял, о чем идет речь.

— Так это ты, стало быть, того казачка свинчаткой огрел? Да, навел тогда шороху... Михась ихний — тварь ссученная, приехал весь из себя персик: то вина ему подавай, то шпюху лучшую, аж с самого борделя мадам Камиллы... Совсем дела плохи у Малаги, раз таких гнилых людей в посланники отряжает. Или может неуважение свое хотел показать?

Стрига замолчал, словно ожидая услышать ответ, но я на подобную фигню не повелся. Это только кажется, что он со мной беседы беседует, а на самом деле проверяет — насколько хорошо усвоил урок. Только открою рот и сразу леща схлопочу или того хуже — кулаком промеж глаз, чтобы не лез со своим мнением, когда не спрашивают.

— Чем конкретно занимаешься у Лукича?

— Говорю же, хожу по улицам, собираю слухи. Иногда слежу за точками вроде ресторанов или торговых лавок: какие машины подъезжают, какие уезжают, что за народ толкётся. Недавно в магазин автозапчастей ходил, что на Калюжке открылся, к ценам присматривался. Лукич, он же еще мастерскую держит, потому иногда требует узнавать расценки по поселку.

— Приглядывает, — поправил меня стригун.

Я спорить не стал, приглядывает Лукич за мастерской или держит... В хитросплетениях бандитской иерархии черт ногу сломит, кто кому начальством приходится, и кто главнее. По официальным бумагам дядька Степан директором считался, а Лукич сторожем. Но то по документам, а на деле ни одно серьезное решение без бобыля не принималось. Как что, Степан Никанорович к нему идет, а меня за дверь выставляет, чтобы не подслушивал. Вот и думай, кто из них главнее: тот, кто в кабинете сидит в начальственном кресле или тот, кто каждую ночь обходы совершает с любимым ружьем на плече.

— Значит просто гуляешь и всё?

— Вроде того, — пробормотал я, почувяв скрытый подвох.

И точно — сидящий напротив стригун ухмыльнулся, нехорошо так.

— А чё за документы строчишь по ночам?

— Я?

— Головка от ху... Чё за документы, спрашиваю?

— Лукич иногда приносит стопку счетов. Вот их содержимое и заношу в тетрадь: название деталей в один столбик, цену в другой, количество в третий.

— Сегодня вечером вынесешь из дома — поглядим, что за тетрадка такая.

— Не могу, — возразил я, и тут же затараторил, опасаясь словить очередного леща. — Лукич ночью не спит — с ружьем шлындает: то в мастерскую зайдет, то во дворе затаится, а то обратно в дом — чай гонять. И нету у него никакого расписания, может за всю ночь ни разу не объявиться, а может дверью хлопать каждые пять минут. Говорю же, непредсказуемый он, поэтому незаметно свинтить не получится.

— А днем?

— А днем он её прячет, куда — не знаю.

— Фуфло гонишь?!

— Дяденька, клянусь чем угодно на свете — не знаю. Лукич тетрадку забирает и уходит в мастерскую. А уж где она там хранится, без понятия: может в сейфе прячет, может еще в каком потайном месте.

— Если прячет, значит что-то важное, — стригун поскреб заросший подбородок.

Я врал... Никуда Лукич эту тетрадь не прятал. Лежала она в верхнем ящике письменного стола. И только когда я заканчивал работу, он забирал её вместе с пачкой счетов. Не потому, что не доверял, а потому что не имел привычки хранить дома важные документы.

— А если я тебе вторую тетрадь подгоню?

— Дяденька, да хоть третью. Я первую едва заполнить успеваю, а если начать переписывать из одной в другую...

— Напрягись.

— Я-то могу, как курица лапой. Вот только Лука Лукич мазни не терпит, требует заполнять всё каллиграфическим подчеркиком. Да и вы после не разберётесь, где буквы закончились, а где цифры начались. Чистопись спешки не терпит.

— Что за слово такое — «чистопись», — стригун недовольно поморщился. — Ладно, хрен с тобой, через неделю чтобы был на этом месте, ровно в это же самое время.

— Для чего?

— Для разговорú.

Собеседник поднялся, отряхивая пыль с кремовых брюк, в которых, почитай, половина

поселка ходила — широченных, подвернутых выше голой лодыжки. Их еще парусиной кликали из-за больших размеров. Неудобные, но что поделать, ежели фасон такой. Раньше в светлых брюках только бразилы щеголяли, а наши смеялись — говорили, что это запахло и что не один нормальный пацан к подобному тряпью пальцем не притронется. И вот подишь ты, спустя пару лет переключалась мода и в наш район. Но только на штаны, цветастые рубашки в Центральной не прижились. Вместо них носили майки-борцовки черной расцветки. Ну и кепарики — незаменимый аксессуар для любого пацана с района.

Стоявший передо мною бандит исключением не был. Поправил клетчатый козырек и предупредив напоследок, чтобы языком не трепал, скрылся за дверью.

Вот же ж гадство! Я от души лупанул кулаком по полу, только легче от этого не стало. И откуда только узнали про Лукича? Какая гнида растрепала, у кого живу и на кого работаю? И ладно бы только это. В самом факте того, что мелкий пацан шестерит на одну из бандитских группировок не было ничего удивительного. Каждый крутится как умеет. Тут другое интересно: откуда стригуну стало известно про тетрадь? Что я помимо шатания по улицам еще и бумаги по мастерской веду? Кто растрепал? Лукичу в том не было никакого смысла, а сам я держал язык за зубами...

«Стоп, а что если...», — я аж замер от внезапно пришедшей в голову мысли. Про тетрадь ничего не говорил — то правда, но ведь жаловался. Пацанам жаловался, что приходилось по вечерам много писать. Мозоли на пальцах демонстрировал. Помнится, Тоша тогда шутил, со Львом Толстым сравнивал, а Гамахен писюном дразнил. Делал это не в шутку, как было принято среди своих — напротив норovil посильнее обидеть. Он вообще был зол на меня в последнее время. Гадил по мелочам, но красную черту никогда не переступал. И вот случилось... Заложил меня стригунам, падла.

Сердце бешено заколотилось в груди, а глаза застила красная пелена. Я плохо помнил, как дождался прихода пацанов. Как накинулся на Гамаша, как огрел того невесть откуда взявшейся палкой. Огрел бы еще сильнее, но Малюта на пару с Тошей оттащили меня. Придавив к сухой земле, принялись поливать водой. Только тогда очухался. Слизнул пару капель и понял, что никакая это не вода, а дюшес — тот самый, что Гамахен обещался принести на посиделки.

— Успокоился? — проухал откуда-то сверху Малюты.

— Ага.

— Ага — успокоился, или ага — я вам ща устрою? Ты, Чижик, конкретизируй ответ, а то по чумазой роже не понятно: остыл ты или продолжишь кидаться на пацанов.

— На пацанов нет, а на гниду пархатую...

— Бесполезно, — вздохнул Малюта и пожаловался рядом стоящему Тоше: — этак я его до осени держать буду.

— Да чего вы с ним вофитесь?! — завопил обиженный Гамахен. — Пинка под фад и всех делов. Этот сопляк в конец обофсел — на своих пфосаться начал.

Всё то время, что пацаны возились со мной, Гамаш сидел в углу и баюкал ушибленную руку. Знато я по ней палкой приложился, вона какой синяк расцвел — багровый, на пол плеча. И губу разбил. Он теперь ею шамкал, словно древний старик.

— Вафным себя почувствовал — да? Окофлился под нашим крылом.

— Сам ты козел, — не остался в долгу я, — а еще трепло, стукач и гнида позорная!

— Чё вы его флушаете? Чё флушаете! Отпифтит поганца и дело с концом.

Малюта больше переживающий о том, что пришлось вылить бутылку лимонаду —

молчал, и тогда роль миротворца взял на себя Тоша. Встал в позе рыночного решалы, заткнув пальцы за пояс, и принялся уговаривать:

— Тише-тише, народ... Я сказал харэ, пацанва — заканчивай собачиться! Рожи друг дружке завсегда начистить успеем. Предлагаю для начала выяснить причину случившегося, — Тоша дождался тишины и продолжил: — ну чё, Чижик, давай — объясняйся.

Я и объяснил по полной программе про недавний визит стригуна и о предмете его особого интереса. Настолько тайного, что лишние люди о нем знать не могли — никто, кроме присутствующей здесь троицы. Да и те могли лишь догадываться о содержимом тетрадки.

— Дела-а, — протянул задумчиво Малюта.

— Дела, — согласился с ним Тоша. — Слышь, Чижик, а чего ты сразу на Гамаша накинулся, а не на меня или вон — Малюту? Мы про твои писательские дела одинаково слышали.

— Слышали может и одинаково, да вот только гнилой среди нас один. Вечно мне пакости устраивал исподтишка или скажешь не так было?

— Да кому ты нахфен фдался! — перешел на крик взвинченный Гамахен. — Больно много о фебе вофомнил, сопляк феленый. Вафным себя почуфтовал — да, вфослым, после того как стафшаки в свою компанию пфиняли — да?

— Ты, Гамаш, пургу не неси, — неожиданно встал на мою защиту Малюта. — Только у тебя с Чижиком проблемы возникли. А знаешь почему? Потому что говна в тебе много. Сколько раз было говорено: не допекай мелкого, не доведет это до добра — и вот результат. Первым делом на тебя подумал.

— Плефать, — зло процедил тот.

— Я вот ща мелкого отпущу и тогда поглядим, чем плеваться станешь.

— А дафай, — мигом ощерился Гамаш. — Дафно мечтал вфгеть этого пифдюка.

«Эх и скотина! Сдал стригунам, и еще взгреть удумал»? — я задергался, пытаюсь высвободиться из хватки здоровяка — куда там... Тот только повел плечом и меня вновь придавило к земле.

— Харэ, пацанва, заканчивай... Заканчивай, я сказал! Так мы ни до чего не договоримся, — Тоша захлопал в ладони, пытаюсь успокоить всех. И у него получилось. Не то, чтобы у меня не имелось слов... были они — сплошь ругательные, еще и с запасом. Да только сложная вышла задачка с пудовым прессом на груди. Тут не то что говорить, дышать с трудом получалось. Гамахен же оказался слишком занят сплевыванием темных сгустков на пол. Вот требуемая тишина и установилась.

— Начнем с тебя, — палец Тоши ткнул в сторону харкающего кровью Гамаша. — Даешь слово, что не сливал информацию про Чижика на сторону!

— Да пофол он.

— Я еще раз спрашиваю, даешь слово пацана?

Гамахен повертел башкой, пошмыгал носом, и недовольно произнес:

— Даю.

— Теперь касаемо тебя, Чижик.

— Да чё вы его слушаете?! — не выдержал я. — Какое нахрен слово? Ему же соврать ничего не стоит. Ему же это запросто, что два пальца обоссать, а опосля стряхнуть.

— Теперь ты, — сурово повторил Тоша, — точно помнишь, что про тетрадку больше

никому не говорил?

— Что я — трепач какой?

— Нам-то вастфепал, — съехидничал Гамахен

— Да потому что думал — свои. А ты, с-сука паршивая зае..., - широкая ладонь Малюты накрыла мой рот и держала до тех пор, пока окончательно не успокоился и не затих.

— Уверен, что кроме нас четверых об этой тетрадке никто не знал? — в очередной раз повторил свой вопрос Тоша.

— Лукич только, но ему какой смысл меня сдавать?

— Ему никакого. Тогда может кто посторонний в дом зашел и увидел, как ты... это самое — пишешь.

— Посторонний? К Лукичу?! Я таких идиотов еще не встречал.

— Почему сразу идиотов? — удивился Тоша.

— Да потому! Жилище Лукича находится на заднем дворе. Его еще свалкой называют из-за количества ржавого металла. Чтобы туда попасть, нужно или через заднюю дверь мастерской пройти, где вечно народ трётся или через высоченный забор сигануть. А потом еще от цепного пса бегать, охраняющего периметр. Короче, случайный человек туда не сунется — это точно, а знающий — тем более. Лукич человек непростой, с ним без особой нужды лучше не связываться.

— Выходит, кроме нас троих про тетрадь никто не знал, — озадаченный Тоша почесал затылок, — хреновый расклад получается.

— Хфеновый, потому что мофгами февелить нужно. То же мне, гениальный фыщик выискался... Вефлок, мать его Холмс, — Гамахен сплюнул очередную порцию крови на дощатый пол. Поморщился и продолжил говорить уже более ясно и отчетливо: — чё на доме зациклились, как бараны? Откуда этот ваш Лукич тетрадь берёт — из мастерской? А сколько внутри народа ошивается? Или он её каждый раз под рубахой прячет вместе со стопкой счетов?

— Про счета откуда знаешь? — опередил меня с вопросом Тоша.

— Не debil, догадался. Всё Красильницкое на амбарных книгах сидит, припрятанных за прилавком. И эта ваша мастерская на Блинчикова не исключение. Наверняка половина выручки мимо кассы проходит, вот и ведут записи. То же мне, гении предпринимательства... Вместо серого вещества сплошные сухофрукты. Ручка и бумага — это прошлый век. Давно бы вычислительную машину завели и печатали, как все нормальные люди. В электронном виде информацию спрятать куда проще.

— Техника ломается, — возразил Тоша.

— Ага, зато бумага вечная, — тут же отреагировал Гамахен. Попытался ухмыльнуться, но из-за перекосившейся от боли физиономии вышло жалко зрелище, с нервными подергиваниями щеки.

«Какие же вы, бл. ть, недалекие», — читалась фраза в его глазах, — «с кем только дела иметь приходится».

— Думаешь, это мог быть кто-то из мастерской? — предположил Тоша.

— Или мы, или они — другого не дано. Если только мелкий паразит кому другому не проболтался. Да чё за примером далеко ходить — той же шлюхе, которую недавно в парке видели. Как там её зовут — Арина?

Я зарычал от злости — дернулся, но Малюта держал крепко.

— Точно, Арина... Скажи, она у тебя червячка бесплатно сосет или за деньги? Скидку

делает как постоянному клиенту или подрабатывает на общественных началах, в качестве оказания помощи неблагополучным слоям населения?

— Я тя ща сам ушатаю, если не заткнёшься, — пообещал Малюта.

Гамаш внял предупреждению: сплюнул очередной сгусток крови и принялся баюкать ушибленную руку.

С улицы долетел грохот проносающегося мимо товарняка. От железки до голубятни было рукой подать, потому и заложило уши от шума. Тоша продолжил что-то говорить, активно жестикулируя. Под конец разошелся и пнул полупустую бутылку лимонада, стоявшую по центру комнаты. Когда же опомнился, остатки сладкой газировки успели выплеснуться на пол.

Причины негодования Тоши стали понятны только после того, как грохочущий товарняк унесся дальше в степь.

— ... мне ваще насрать на ваши разборки! — орал он не переставая. — Я может устал после рабочей смены, отдохнуть хотел — по-простому, по-людски: посидеть, сухариками похрустеть, семки полузгать, а вы... вы, как говно в прорубе, вечно всплываете! И воняете... воняете... Малюта, отпусти мелкого. Да не держи ты его! Пускай выйдут на улицу, повыбивают друг из дружки дерьмо. Может тогда станет чуточку легче.

Здоровяк и вправду отпустил меня — снял тяжеленую лапищу с груди, только ожидаемой драки не случилось. Гамахен изначально не был настроен на конфликт, а мой пыл после всего сказанного порядком поубавился. Что если Тоша прав, и Гамахен меня не сдавал? Доказательств тому нет никаких: ни прямых, ни косвенных. Да и про тетрадку с записями работники мастерской наверняка знали. Чай не слепые — видели, как Лукич забирал её домой вместе со счетами, вот и связали одно с другим.

В голубятне повисла напряженная тишина. Гамахен сплюнул напоследок и ушел: то ли выказав тем самым немалую обиду, то ли подлечиться решил. Уж больно хреново нижняя губа выглядела, как бы зашивать не пришлось.

Малюта с Тошей тоже недолго рядились: взяли жратву, остатки лимонада и поднялись наверх. Я попытался подняться следом, но тут же был послан. И главное, обидно так — выгнали, будто паршивого пса, только что пинок под зад не отвесили.

— А ничё, что купленный мною рулет жрёте?! В глотке не застрянет?! — возмутился я от подобной несправедливости. Спустя пару секунд остатки рулета шлепнулись на землю рядом со мною. Жалко его было — свежайший, маковый, сделанный умелыми руками пекаря. А теперь только крысам на корм или сусликам.

Погода на дворе стояла расчудесная, без той утомительной жары, выжимающей литры пота и надоедливого ветерка, только и знающего, что клубы пыли в лицо швырять. Не погода — чудо. Вот только на душе моей было паршиво, а еще невыносимо стыдно за то, что повел себя как последняя истеричка. Перед Тошей, перед Малютой... перед Гамахеном стыдно не было. Доставал меня изо дня в день вот и получил, как говорится среди умных людей, по сумме всех факторов.

Еще эта треклятая тетрадь... Стригуны теперь с меня живого не слезут, будут тянуть и тянуть информацию. Сначала им будут нужны записи, потом за Лукичем заставят шпионить, а потом... А следующего потом может и не случится. Бобыль не дурак, быстро сообразит из какого крана вода капает. Кончит на заднем дворе, да там же и прикопает.

Блин, что же делать, что делать... А может плюнуть на всё и дать дёру? Куда только... В верхний город без специального пропуска не пустят, а раскинувшаяся на сотни километров

вокруг степь — гиблое место. Я же не евражка какой, чтобы одними семенами питаться. Быстро с голоду сдохну. И остаться нельзя, и бежать некуда. Прямо не жизни, а сплошной заколдованный круг. Может кто сглазил?

Пребывая в расстроенных чувствах, я не заметил, как подошел к дому бобыля. Лукич занимался чисткой ружья, разложив на газетном листе необходимые приспособления. Он был настолько увлечен любимым делом, что даже головы не поднял.

Я прошел мимо, напился теплой воды из чайника. Зашел в зал и принялся шерудить по полкам в поисках непрочитанных книг. Таковой оставалась одна единственная про приключения питерского школьника Дениса Ложкина. Я несколько раз принимался листать её, но всякий раз бросал, наталкиваясь на длинный монолог родителей героя о том, как следует себя вести. На редкость занудное чтиво, приправленное редкими приключениями самого Дениса. Собрались они с друзьями плот построить, чтобы по реке Неве сплавиться, но им постоянно кто-то мешал: то надоедливая сестра, то школа со своими проблемами, то невесть откуда взявшийся жандарм, называвшийся на страницах книги по старинке — полицейским. Вот и на сей раз случилась незадача. Прихватило у Ложкина живот, да так сильно, что свезли бедолагу в медпункт. И уже там строгая докторша принялась читать лекцию о необходимости правильного питания. Завела шарманку на три листа о том, что сначала нужно съесть суп и только потом сладкое. Автор что — издевается?

Я закрыл книгу и посмотрел на обложку. Нет, все верно написано: *приключенческая подростковая литература*. Ниже шло изображение плота с развивающимся на ветру парусом. Я даже смог разглядеть несколько мальчишеских фигур. Один из них стоял, уперев руки в боки, другой вглядывался вдаль, приложив к голове ладонь на манер козырька, третий сидел с удочкой в руках. Может рисунок на обложке — это замануха? Как заманивают ловкие торговцы наивных простаков. И так тебе яблочки нахвалят, лоснящиеся красными боками под ярким солнышком, что не выдержишь — купишь. А после выкинешь, потому как кормовая дрянь, не имеющая ни вкуса, ни запаха. Ровно, как это самая книга.

В другой раз, я может и осилил бы с десятков страниц, смог бы продраться через тонны скучного текста, но увы — в голове только и мыслей было, что о недавней встрече со стригуном.

Отложив чтиво в сторону, я начал придумывать занятия, чтобы хоть как-то отвлечься. Вышел во двор, но изголодавшиеся под вечер комары загнали обратно. Тогда достал из-под кровати деревянную заготовку под кораблик. Хотел к сезону дождей построить настоящий фрегат, чтобы запустить его в плаванье по самой большой луже за городом. Принялся стругать — задумался и в итоге испортил болвану. Теперь ни о каком корабле не могло быть и речи, если только на растопку пустить.

В расстроенных чувствах принялся бесцельно шататься по дому. Зашел на кухню — подвигал фарфоровых слоников на полке, заглянул в ванную — ополоснул соленое от пота лицо, заодно попытался пригладить вечно торчащие волосы. Снова вернулся на кухню — взялся рыться в холодильнике. И настолько увлекся сооружением многослойного бутерброда, что не услышал вошедшего следом Лукича.

— Рассказывай, — произнес он, усаживаясь на табурет.

— Чего это?

— А того это, — передразнил бобыль, — ходишь по дому, словно мертвец неприкаянный. И рожа до того бледная, что краше только в гроб кладут.

— Нормально всё.

— Ну раз нормально, — кряхтя, словно старый дед, Лукич принялся подниматься.

И тут меня осенило — а чего, собственно, я теряю? Идеального выхода из сложившейся ситуации все равно нет, а значит придется выбирать одну из сторон. Стригуны? Ну нафиг эту расписную братию. Они собственных шестерок не жалеют — в расход пускают, что уж говорить про меня. Чижик для них даже не шестерка — лох малолетний, которого не грех и попользовать. Нет уж, лучше Лукич... его я хоть знаю. Ну отвесит пару затрещин, пробьет в грудак — чай не в первой, отлежусь пару деньков и снова стану как новенький.

Рассказать о случившемся оказалось на удивление легко. Стоило только открыть рот и полилось, потекло весенними ручьями... Я говорил взахлеб, пытаюсь как можно скорее высвободиться от тяготившей душу ноши. Обо всем упомянул: и о внезапно посетившем голубятню стригуне, и о выдвинутых им требованиях. Единственное, о чем умолчал — это о пацанах. Тоша с Малютой точно были не при делах, а Гамахен... Лукич и без подсказки разберется, кто слил информацию на сторону. Она как сидит — думает.

Против ожидания лупить бобыль не стал, орать и обвинять тоже. Наоборот, на редкость спокойно отреагировал на случившееся, словно речь шла о погоде за окном. Попросил поставить чайник, а сам принялся постукивать пальцами по столешнице. Имелась у него такая привычка, когда сильно задумается.

— Напомни-ка, когда встречу назначили?

— Через неделю.

Лукич подвинул кружку, и я бухнул в неё крутого кипятку. Черная шапка из чайнок моментально всплыла на поверхности. По воздуху разлился терпкий аромат далекой Индии.

— Неделя, стало быть, — проговорил он задумчиво, — значит пойдешь через неделю.

— Один? — удивился я.

— А тебе что, нянька требуется? Сходишь, послушаешь, чего сей персонаж скажет. Говорить «да» не спеши — поторгуйся для вида, поканючь, и только когда к стенке прижмут — соглашайся.

— На всё?

— Если жопу предложат подставить, тут уже сам думай, — с присущим ему юмором пошутил Лукич, — а на счет всего остального даже не сомневайся. Он скорее всего заставит купить рулон кальки. Самый элементарный выход из сложившейся ситуации... Знаешь про такое?

— Да уж не дурак, — буркнул я. — Калька — эта такая специально шуршащая бумажка, которую между листами кладешь, и все что на одном пишется, на другом автоматически отображается. Только пачкает она. После нее руки становятся синими... и бумага.

— Значит купишь белую.

— Больно дорогая, — засомневался я.

— Малец, а ты случаем не обнаглел? Мало того, что обворовать собрался, так мне же еще за всё и платить.

— Никакое это не воровство, ежели вы о нем знаете.

— Разве? — удивился Лукич подобному доводу. — А что тогда, ну-ка просвети?

— Это спланированная операция по поимке засланного казачка, — твердо произнес я. — Вы же хотите знать, кто сливает информацию на сторону.

— Хочу, — не стал отпираться Лукич.

— Значит это операция, а вы её организатор! А организатор платит за всё!

— Эка как оно вышло, — то ли удивился, то ли восхитился моей наглости бобыль, —

уже условия диктовать начал. Не успею и глазом моргнуть, как на шею с ногами заберешься и сверху понукать начнешь. Хитро-хитро... Только тут вот какая штука получается. Может это ты про тетрадку разболтал? Похвастался перед уличной шпаной, что мол было оказано высокое доверие, и я — Чижик теперь всеми финансами автомастерской ведаю. Так?

— Не так! — возразил я, а у самого аж мурашки по коже побежали. До того пронзительным оказался взгляд бобыля. — Мне это ваше доверие и даром не надо. У меня от него сплошные хлопоты и вон — мозоли на пальцах. Сидеть ночами, горбатиться до рези в глазах. Ежели эту треклятую тетрадку больше не увижу, только обрадуюсь.

— Все сказал?

Нет, не все... имелись и другие жалобы. Но я в кои-то веки решил проявить благоразумие: устался в пол и засопел в две дырочки.

Лукичу подобное поведение пришлось по душе. Он вообще прибывал на редкость в благодушном настроении, а потому махнул рукой, да и отпустил восвояси: иди мол, гуляй.

Идти на улицу не хотелось, спать не хотелось, ничего не хотелось... Не знаю, то ли от нервов, то ли еще по какой причине принялся грызть леденцы. Те самые, что щедрой рукой отсыпала Арина. Потом пил чаю, пялился на жужжащую в окне муху. Долго смотрел, и только когда забрезжил рассвет, меня наконец сморило. Окунуло в долгожданный сон, где не осталось ни проблем, ни тревог, одна лишь мягкая убаюкивающая темнота.

В таком состоянии Лукич меня и застал, дрыхнувшего за столом. Разместившего голову аккуратно промеж пустого стакана и тарелкой с недоеденным бутербродом.

— Вали на улицу, — приказал он. Поставил на плиту чайник, а сам уселся на табурет, читать свежую прессу. Зашуршали пахнущие типографской краской газетные листы.

— Какие поручения будут на сегодня? — спросил я, ожидая услышать привычное «ходить и слушать». Однако Лукич удивил.

— Отдыхай, — пробурчал он.

— В каком смысле — отдыхай?

— В прямом... Каждому работяге согласно трудовому законодательству положен отпуск. Вот и у тебя этот самый... с сегодняшнего дня. Вали уже, не путайся под ногами.

Не успел дойти до порога, как бобыль остановил меня:

— Там на прихожке деньги. Можешь считать их своими отпускными.

Лукич не обманул, на лакированной поверхности действительно лежала стопка смятых банкнот. Я быстро пересчитал полученное богатство — целых пятьдесят рублей. Не плохой довесок к уже имеющейся наличности в записке.

Прежние горести как водой смыло. Сунув пару купюр в карман, я в приподнятом настроении духа вылетел на улицу. Что толку думать о вчерашних проблемах или о том, что может произойти через неделю. Вот так начнешь изводить себя, а оно возьми и не случись. Кто тогда вернет потерянное время? Часы жизни, проведенные самым наихудшим из имеющихся способов. Когда вместо того, чтобы гулять и веселиться, ты сидел и страдал, царапая душу когтями. Ну уж нет, подобного роскошества я себе позволить не мог.

Пришла пора исправлять вчерашние ошибки. И начать я решил с извинения перед пацанами. Накупил всяких вкусняшек и даже умудрился достать для Тоши сигарет. Не какой-нибудь там дешевенький «Дукат», ввозимый из Средней Азии целыми вагонами, а «Императорские — высший сорт» питерской фабрики братьев Шапошников. Говорят, ими не брезговал сам Николай Третий — батюшка ныне царствующей особы. Вышло дорого, но ничего — пускай пацанская душа порадует.

Лимонаду решил не брать — уж больно тяжело было тащить полуторалитровые бутылки в пакетах. Нужно будет, сами сбегают и купят, а я и так кучу всего набрал. То-то рожи вытянутся, когда раскроют пакеты и увидят содержимое.

Конечно, пожурят для порядка за вчерашнее. А потом мы все вместе завалимся на голубятню. Рассядемся на диване, начнем хрустеть сухариками и болтать о всяком разном. Тоша наверняка заведет разговор о девчонках, вспомнит о вредной Тоньке-морковке, гуляющей с малажской шпаной и не желающей одаривать лаской местных. Гамахен станет всячески подтрунивать над ним, а Малюта сладко зевать и глядеть в сторону бескрайней, покрытой желтой травой степи. Разве можно мечтать о большем?

Увы, моим планам не суждено было сбыться. Куривший за складом Тоша даже здороваться не стал. Отвернулся в сторону, словно меня здесь и не было, а на все попытки заговорить, лишь зло процедил:

— Посторонним вход воспрещен!

Ткнул в сторону выцветшего плаката с предупреждающей надписью. Вот только говорилось там о запрете курения, а не о проникновении чужаков на территорию. Для особо непонятливых даже рисунок перечеркнутой сигареты имелся. Хотел я указать на сей факт, да только толку. Если человек не хочет общаться, его никакими доводами не убедишь. И даже извлеченная из пакета пачка «Императорских» не станет весомым аргументом.

Я сунулся было на заправку, но и здесь меня ждало разочарование. Ни Малюта, ни Гамахен разговаривать со мною не собирались.

— Чижик, иди давай, — высказался за всех Кондрат. — Не видишь, пацаны не в настроении... а гостинцы можешь оставить. Обещаю, после смены отпразднуем твой отпуск.

В способностях этих ребят я не сомневался. Им только дай повод, они и свадьбу отметят и похороны, и все в один день.

Пакеты с гостинцами оставлять не стал. Пускай лучше сам тресну, чем этим обиженкам хоть крошка достанется. Знаться они не хотят — подумаешь. Я другую компанию отыщу лучше прежней, где не станут придирааться по пустякам... Ну хорошо, не по пустякам — за дело. Вона как губищу у Гамаша разнесло — на пол лица, и рука на перевязе висит. Но на работу-то вышел, значит не так все и плохо со здоровьем. Кости целые, а мясо что — мясо зарастет. Неужели нельзя было по-другому наказать, не изгоняя?

От хорошего настроения не осталось и следа, развеялось оно туманной дымкой по утру. И сделалось на душе паршиво. Не зря говорят, что к хорошему быстро привыкаешь, вот и я привык к компании. Еще год назад подобными мелочами не тяготился, мог неделю прожить, словом ни с кем не перемолвившись. А вот теперь подишь ты, скрутило — да так, что даже самые вкусные конфеты в глотку не лезли. До чего же хреновая штука — одиночество.

Ноги сами собой принесли на крышу пекарни, некогда заменившей мне дом. Где мог сидеть часами и любоваться зеркальными столпами, подпирающими небесную гладь. Небоскребы завораживали, дарили ощущения необычности всего происходящего. Вырывали из трущобной серости, пускай и на краткий, но вполне достаточный миг, чтобы почувствовать себя в сказке. Я и сейчас попытался провернуть подобный трюк. Прислонился спиной к трубе, вытянув ноги и... ничего не случилось.

Утратили величественные небоскребы былой ореол волшебства. Теперь я смотрел на них и думал о стоимости квадратного места, столь же заоблачного, как и серебристые шпили, мигающие по ночам разноцветными огоньками. Перебирал в памяти имена богачей,

способных потратиться на строительство подобных машин. Представлял людей, что каждый день ходят на работу, смотрят на раскинувшийся мир под ногами и радуются, что жизнь удалась. Неужели я принимал когда-то эти вавилонские башни за чудо? Эти бездушные куски из стекла и бетона, царапающие божественный небосвод? До чего же раздражающее зрелище.

В итоге не выдержал, прыгнул с крыши и направился в сторону дома под номером семнадцать, на улицу Тополиная.

Если однажды вам скажут, что трущобы — это сплошная серая масса, не верьте. Для людей со стороны может быть, но не для тех, кто день за днем просыпается под грохот пустопорожних товарняков, кто экономит копейку и думает о том, как пережить следующую зиму. Каждый уголок Красильницкого существовал в своем собственном ритме. К примеру, район питейных заведений, прозванный в народе «наливайкой», с утра мирно спал и даже мухи здесь летали лениво. А вот примыкающие к рынку улицы напротив шумели голосами сотен торговцев, норовящих впарить залежалый товар. Скрипели повозками, тарахтели мопедами, рычали моторами груженых грузовичков.

Улица Тополиная, известная на весь поселок ремесленными лавками, только-только продирала глаза. К обеду здесь распахивались первые ставни, а полусонные подмастерья выметали за порог скопившуюся пыль.

Каждый жил в собственном часовом поясе, мало соотносящимся с движением светила по небосводу. Чай не деревня какая, чтобы вставать с восходом и ложиться с закатом. Арина не была исключением из правил. По ночам она порхала яркой бабочкой, привлекая клиентов в заведение мадам Камиллы, а днем отсыпалась словно сурок.

Она даже выглядела похожей на него, вся пушистая из-за взлохмаченных волос, с удивленным, слегка встревоженным со сна взглядом.

— Что случилось? — спросила она первым делом, высунув голову из-за приоткрытой двери. Не стала дожидаться ответа, схватила меня за грудки и с силой втянула внутрь. Щелкнула замком, после чего несколько секунд вслушивалась в тишину.

— Соседка, — пояснила она, столкнувшись с моим непонимающим взглядом. — До чего же вредная старушенция попалась, все за мною следит: кто приходит, кто уходит. Порою складывается ощущение, что она дежурит под дверь. Раскладушку в коридоре поставила, только бы чего не пропустить, а потом хозяйке докладывает — ух, карга старая! — маленький кулачок погрозил стенке. — До чего же бесит... Слушай, кавалер, а может ты у неё под дверью навалишь? Или дверную ручку дерьмом извазюкаешь?

Признаться, не ожидал услышать подобных речей от взрослой, всегда рассудительной Арины, потому и раскрыл рот в немом удивлении.

— Шучу я... шучу, — тут же опомнилась девушка, — даже не думай об этом! Не хватало еще новых проблем огрести, тут бы со старыми разобратся... Ну, рассказывай, чего случилось?

— Ничего.

— Если бы ничего, ты бы в такую рань не приперся.

— Вот, — я протянул руку с пакетами.

— А поподробнее?

— Гостинцы принес, сухарики там, печенюшки.

— Сухарики, печенюшки, — передразнила девушка. Уперла руки в боки и грозно

установилась на меня. Точнее попыталась это сделать. Взлохмаченная, в помятой футболке, переступающая босыми пятками — она выглядела скорее похожей на сказочного домовенка, чем на рассерженную хозяйку. — Ты на часы смотрел?

— Нету у меня часов.

— Совести у тебя нету, кавалер — СО-ВЕС-ТИ!

— Пойду я тогда...

— Стоять! — неожиданно громко приказала девушка. — Ты посмотри на него...

Приперся посреди дня, разбудил, а теперь свалить собрался? Ну уж нет, кавалер. Теперь ты на собственной шкуре ощутишь, что такое не выспавшаяся и донельзя раздраженная барышня. И только попробуй хоть слово сказать по поводу беспорядка в квартире. Я тебе такую сливу накручу.

Беспорядок и вправду был знатный. Полкомнаты занимал разложенный диван с грудой подушек, одеяла и сбитой в гармошку простыни. Разбросанная одежда валялась повсюду: на полу, на стуле, и даже на столе лежал комок неопознанного тряпья: то ли майка, то ли полотенце.

Арина проявила редкую расторопность для недавно проснувшейся. Втолкнула меня в ванну, потребовав умыться чумазое лицо, а сама принялась коршуном метаться по квартире. Когда я вышел из уборной, она как раз боролась с диваном, пытаясь собрать оставшуюся половинку.

Я предложил помощь покрасневшей от натуги девушки. Подтолкнул с краю, но вместо благодарности получил нагоняй.

— Куда ты давишь? Ну куда?! Не видишь, левую сторону перекосило.

Ничего подобного я не видел, потому и свалил по добру по здорову на кухню. Уселся за стол и сложив руки, принялся дожидаться хозяйку.

Та показалась спустя десять минут, все такая же растрёпанная с жалким выражением лица.

— Ноготь сломала, — пожаловалась она.

— А я предлагал помощь.

— Спасибо, помощничек, — фыркнула девушка, — после тебя думала — всё, не соберу диван.

— Я мог бы вещи сложить.

— Труссы мои? Ну уж нет — спасибо, с нижним бельем я как-нибудь сама разберусь, без посторонней помощи.

Девушка уселась напротив, и принялась дуть на палец. Сочающаяся кровью трещина проходила ровно посередине ногтя.

— Может я...

— Сиди и ничего не трогай, — прикрикнула она на меня. Вышла и вернулась через пару минут с наклеенным поверх раны пластырем. Заодно надела шорты, слишком широкие для её узкой талии, а потому постоянно спадавшие.

Поставила на плиту чайник, и принялась громыхать грязной посудой, заполонившей раковину. А я-то всегда полагал Арину за чистюлю, а оно вона как... Или девчонки все такие — убираются, только когда гости придут?

То ли дело мужики... Дед Пахом сызмальства приучал постель заправлять, крошки за собой вытирать, одежду не разбрасывать, а аккуратно вешать на спинку стула. Да и в доме Лукича были заведены строгие порядки. Чтобы лечь спать, когда на столе оставалась грязная

посуда? Лучше сразу удавиться.

В раковине жалобно звякнула чашка. Я молча встал, подвинул девушку в сторону и принялся мыть тарелку. Уж с этим-то не хитрым занятием точно лучше справлюсь, чем она со своим перебинтованным пальцем. Перемыл посуду, протер столешницу от скопившегося на ней мусора, за что получил благодарный поцелуй в лоб.

Всё — Арина оттаяла. Нет, девушка продолжала ворчать, но я-то видел, что делает она это больше по привычке. Ушло раздражение, порожденное прерванным сном. А тут еще и вкусняшки подоспели в виде шоколадного печенья с кокосовой стружкой.

— И это все мне? — удивилась она, созерцая разложенные гостинцы. — Откуда такая щедрость?

— Вчера получил первые отпускные, — не без доли гордости заметил я.

— Ой, какие мы взрослые, — всплеснула руками девушка и погрузилась в пакет с головой. Спустя пять секунд оттуда донеслось восторженное: — вафельки! Мои любимые — французские с ванилью и кремом. И пакет маковых ирисок, и... стоп, а это что такое?

Ну вот, она добралась до закусок к пиву. Высунула голову из пакета и вопросительно уставилась на меня.

— Я там пацанам сухариков прикупил... рыбки сушеной, но они отказались.

— Тем самым?

Я лишь кивнул, не став уточнять детали. Понятно, что речь шла о пацанах с заправки, других друзей девушка не знала. Да и не было тех других...

— Понятно, — хозяйка отодвинула пакет в сторону. Сложила руки перед собой и уставилась на меня.

— Чего это? — сразу напрягся я

— Давай, рассказывай!

— Нечего там рассказывать

Но Арина не была бы Ариной, если бы так просто отстала.

— Давно сливу не крутили? — грозно нахмутив брови, заявила она.

— Говорю же, нормально всё.

— Нормально, это когда запропал на три месяца и ни духу, ни слуху. А раз появился с утра, значит возникли проблемы... Ну, чего молчим?

В итоге история последних злоключений Лешки Чижова была рассказана под горячий чай вприкуску с принесенными сладостями. Понятно, что не вся целиком. Так из окончательной версии исчезла тетрадка с черной кассой и свалившийся как снег на голову стригун. Коряво получилось, но главную суть девушка уловила верно:

— Ты избил приятеля палкой, и за это остальные объявили бойкот?

— Да какой избил... так, пару раз треснул.

— Палкой?

— Ну да.

— За некую историю, в которой он не виноват?

— Это еще бабка надвое сказала: не виноват он или специально из себя овечку строит. Гамахен, он знаешь какой хитрый, вечно пакостит исподтишка.

— Гамахен, — произнесла задумчиво девушка и тут же поморщилась, — фу, какое отвратительное прозвище.

— Каков человек, такова и кличка, — не без злорадства отметил я.

— И что, вы его всегда так называете?

— Не, чаще всего Гамашом кличем, иногда Гамою.

— Ну хоть так, — Арина захрустела французской вафлей. Пока сидели за столом, она успела распотрошить упаковку и теперь доедала остатки. — А Гамахен — это такой худенький, говорливый? Мне он понравился, симпатичный юноша.

Сделанное замечание острым уколом отозвалось в сердце.

— Да урод он! — не выдержав, выкрикнул я. И даже треснул кулаком по столу — так, что звякнули стоявшие на нем чашки. Арина аж про вафлю забыла.

— Я не знала, что ты такой.

— Какой такой?

— Агрессивный, несдержанный, склонный к безрассудным поступкам, — принялась перечислять девушка. — Раньше я считала это за проявление детскости, но теперь вижу, что ошибалась. Это твои сформировавшиеся черты характера.

— Получается, Чижик у нас агрессивный и злой, а Гамахен добренький и пушистый? Так получается?

— Нет.

— Но ты же сама сказала.

— Я лишь сказала, что один молодой человек имеет свойство закипать по малейшему поводу. И он тут же это подтвердил. Заметь, про некоего Гамаша не прозвучало ни слова. Да и откуда мне про него знать, когда виделись один раз в жизни.

— Симпатичный юноша, — передразнил я, припомнив недавнее.

— Ой, кавалер, только не говори, что приревновал, — весело рассмеялась девушка. — Это так мило.

Лично я ничего милого, а уж тем более смешного в сложившейся ситуации не видел, потому взял в обе руки чашку и принялся хлебать остывший чай.

— Пойми, не все проблемы в мире решаются с помощью насилия, — продолжила говорить девушка. — Не становись похожим на уродов, распускающим руки по малейшему поводу. Всевышний наградил человека разумом, так воспользуйся им. Научись думать, прежде чем лезть в драку.

— Больно тебе это помогло тогда... в парке, — не выдержав, съязвил я, и тут же пожалел о сказанном. — Прости, я не хотел.

Девушка грустно улыбнулась в ответ.

— Нет, ты все верно сказал. Я сама виновата в случившемся. Умные люди предупреждали держаться подальше от... от данного господина, а я не послушалась. Пропустила советы мимо ушей, вот и результат. Захотела почувствовать себя..., - оборванная фраза повисла в воздухе. На миг сомнение и неуверенность промелькнули на её лице. Она даже опустила взгляд, а на впалых щеках заиграл легкий румянец. — Ну чего смотришь? Да, вот такая я дурочка. Даже взрослым тетенькам порою хочется верить в сказки. Чтобы жизнь изменилась в один момент: по щучьему велению, по моему хотению. И неведомо откуда взявшийся принц прискакал бы на белом коне, и унес с собою в волшебный замок... Не молчи, кавалер, скажи что-нибудь.

— А что я должен сказать?

— Что мне еще далеко до тетеньки, тем более взрослой.

Я внимательно пригляделся к сидящей напротив девушке:

— На маленькую ты точно не тянешь.

Вместо ответа в меня полетела пустая упаковка из-под французских вафель. Я в долгу

не остался, запустив скомканным полотенцем. Угодил прямиком в цель — во взлохмаченную копну волос. После чего вскинул руки в победном жесте.

— Ах ты ж..., - возмущенная Арина бросилась ко мне с явным намерением накрутить очередную сливу. Я оказался шустрее, успел спрыгнуть со стула и нырнуть под стол. А уже оттуда кинулся в гостиную, где принялся кружить вокруг разложенного дивана.

Бегал, правда, недолго. Споткнулся о неведомо откуда взявшийся тапок и упал на пол. Пока очухивался, Арина налетела на меня разъяренной валькирией. В глазах скандинавской воительницы полыхали огоньки праведного гнева, взлохмаченные волосы топорщились, словно сплетенная из колючек корона. Она уселась на меня сверху, придавив всем весом, и принялась щекотать. Да так ловко у неё это получилось, что под конец только и оставалось, что издавать булькающие звуки, умоляя о пощаде.

А после уставшие, но довольные мы сидели на диване и пили газировку, только что извлеченную из холодильника. Болтали и смеялись о всяких пустяках. Хорошо было, ровно до тех самых пор, пока Арина не заявила:

— Ты должен перед ним извиниться.

— Перед кем — перед Гамахеном? Да пошел он!

— Должен! — продолжила настаивать девушка.

— А вдруг это он растрепал?

— Вина его не доказана, а ты свой проступок уже совершил. И что хуже всего, на глазах зрителей. Кому захочется дружить с повернутым мозгами человеком? А вдруг завтра на них с палкой кинешься?

— Не кинусь.

— Это ты знаешь, а они после увиденного не уверены.

Я крепко призадумался, а ведь права Арина. По-своему, по бабьи, но права. Умеют женщины на проблему с точки зрения остальных глянуть, что те подумают, да что скажут. Неадекватен Лешка Чижов, так получается? Выходит, что так... Как прыщавый Лузга с Товарной улицы, с которым никто дел иметь не хотел, потому что орет и кидается в драку по малейшему поводу. Уж сколько его били — почитай, целых зубов во рту не осталось, а все равно норовит отношения выяснить.

До вечера я маялся мыслями, все места себе не находил: то книжку читать пытался, то порванную майку штопал. А стоило солнечному диску коснуться горизонта, как появилась решимость. Не было её пару часов назад и вдруг такая сила меня обуяла, что взяла за шкуру и потащила за Южные ворота прямиком к голубятне.

Пацаны были на месте. Я издали услышал басовитые рассуждения Малюты о том, какие силки лучше ставить, и что сейчас в том никакого проку... Вот ежели по осени, тогда совсем другое дело. В особенности в октябре, когда они — суслики напитаются зерном, да обростут жиром.

Здоровяк любил рассуждать о вещах очевидных, делал это не торопясь, с основательностью, достойной побеленных сединами стариков, в особенности после того, как употребит бутылочку пивка. Малюта бубнил, а подремывающий на солнышке Тоша делал вид, что слушает. Молчал и вечно язвительный Гамахен, усевшийся в углу на турецкий манер. Оно и понятно, с разбитой губой особо не поразглагольствуешь. Он первым заметил мое приближение, но никак не отреагировал, словно это не Лешка Чижов на второй этаж поднялся, а бестелесный дух. Сделал вид, что почесывание облезшего носа его куда больше волнует.

— Грызуны есть грызуны, не умнее трущобных крыс, — продолжал бубнить Малюта. — Батя рассказывал, как ловил евражек на обыкновенную кротоловку. Берешь обрезок пластиковой трубы — главное, чтобы ничем не провонявший. Ладишь простенькую дверцу на гвозде, в длину чуть больше диаметра, подпираешь и... - здоровяк оборвал речь, услышав поскрипывание деревянных ступенек. Делавший вид, что дремлет, Тоша вдруг открыл глаза и недобро уставился на меня.

— Чего приперся?

— А чего, нельзя?

— Тебе нельзя.

Тут я увидел довольную физиономию Гамахена. Этот паразит сидел в углу и в тихую улыбался. Вот кто значит настроил пацанов против меня. Я вчера убежал, а этот вернулся и такой небывальщины наплел, что теперь со мной не то что разговаривать — слушать не будут. Гамахен, он же хитрожопый, он и не на такую подлянку способен.

И такая злость меня разобрала, что забыл зачем пришел. Вместо извинений кинулся к ненавистному Гамашу с кулаками. Жаль, что не успел подрихтовать вторую губу. Малюта схватил меня за шкуру, и словно нашкодившего кутенка, выкинул с голубятни. Прямым со второго этажа в кусты. Хорошо, что умудрился извернуться в полете, приземлившись на ноги. Иначе точно внутренности отбил.

— Это он вас подговорил, — крикнул я обиженно. И чтобы не возникло малейших сомнений, ткнул пальцем в фигуру Гамаша.

— С чего это? — удивился Тоша.

— А с того, что вчера никаких претензий не было. Ну ударил его пару раз, с кем не бывает.

— С нами не бывает... Мелкий, ты видимо туп и глуп, раз не понимаешь очевидных вещей. Гамаш свой, мы его с самого детства знаем, а ты чужак. Без году неделя, а уже на своих бычишь.

— Нам такие не нужны, — подтвердил Малюта.

— Сразу видать — безотцовщина, — влез в разговор Гамахен. — У таких как Чижик, понятие свой-чужой напрочь отсутствует. Мелкий зверёныш привык, что кругом одни враги.

Договорить Гамахен не успел, дернулся от пущенного в его сторону камня. Снаряд пролетел над головой и с глухим стуком ударился о деревянную балку.

— Не балуй, — предупредил Малюта.

— Да пошли вы! — огрызнулся я и развернувшись, зашагал в сторону гаражей.

Хотел добавить, что не видать им теперь денег за найденный Плимут. Пускай хоть лично подгонят машину к мастерской. Хотел, но не стал... И без того было понятно, что все связи разорваны и Чижик остался один. Как было раньше, как и было всегда.

Глава 9. Расплывающиеся в небесах звезды

Со Стригой я встретился ровно через неделю, как и было договорено — в заброшенной голубятне за городом. Хорошо, что пацаны были на смене, иначе пришлось бы объясняться. Не было больше прав у Чижика здесь появляться — всё, вход заказан.

Я ходил и смотрел на составленные в углу бутылки, на обертки, на забитую окурками банку из-под шпрот. Ходил и думал, как им тут было весело без меня. И вот какая странная штука, в компании я мог весь вечер просидеть на диване, ничем толком не занимаясь. Мог часами слушать разглагольствования пацанов и пялиться на горизонт, где в одну сплошную линию сливались небеса и степь. А одному не получалось — тошно было.

Стригун явился с большим опозданием. Прежде чем открыть дверь, он с полчаса шнырял по окрестным кустам, в поисках мест возможной засады. Мне хорошо был слышен хруст ломаемых веток, а пару раз даже пришлось наблюдать за фигурой, продирающейся сквозь густые заросли. Со второго этажа мучения бандита были особенно хорошо заметны.

Что не говори, стригуны стайные животные. Они как волки не умели бродить в одиночку: не в их это было стиле, не в их характере. Расписные предпочитали сбиваться в небольшие группы по три-четыре человека, гулять вечерами по улицам, и кошмарить торговцев, отказывающихся забесплатно отдавать понравившуюся им вещь с прилавка. Или пугать случайных прохожих, слишком вычурно на их взгляд одетых. Не приведи небеса, появиться в Центральной с серьгой в ухе. Если барышням подобная вольность дозволялась, то парней могли и отлупить. Вырвать украшение с мясом и силой запихнуть в рот, требуя немедленно проглотить. И плевать, что острая застежка серьги могла вызвать внутреннее кровотечение. Сказано — жри, значит жри.

Не ходили грозные хозяева улиц по одиночке. Оттого и странно было, почему этот приперся один. Злой и явно нервничающий, стригун всучил мне тяжелую пластиковую коробочку и тут же требовательно спросил:

— Знаешь, что это такое?

Дураком надо быть, чтобы не догадаться, в особенности при наличии массивного объектива. Покрутив для вида шукувину, я с умным видом произнес:

— Фотик.

— А какой?

Этот вопрос оказался сложнее. Я снова принялся крутить фотоаппарат, пока не увидел соответствующую надпись на оборотной стороне.

— Нева 600.

— Дебила кусок! Ты еще скажи, какого он цвета.

Про цвет я промолчал, и тогда расписной счел за нужное пояснить:

Это цифровая механика, снимает без всяких пленок, а фотографии записывает напрямую — на карту памяти, понял?

— Понял.

— Чего ты понял?

— Что никакой пленки не требуется.

Стригуна такой ответ не устроил. Он моментально оскалился и зло рыкнул:

— Пленки-пелёнки, бл...ть! Знаешь как пользоваться этой хреновиной?

— Если только в теории.

— А ну дай сюда! Понарожают идиотов... Теперь гляди внимательнее, здесь те не церковно-приходская, по сто раз объяснять не собираюсь. Вот тут отверстие для батареек. Следи за зарядом, чтобы при включении лампочка зеленым огоньком горела. А вот сюда, — бандит перевернул фотоаппарат, продемонстрировав небольшую заслонку внизу, — вставляется карта памяти. Её не трогаешь, понял? Не вытаскиваешь, не меняешь, и не засовываешь в ноздрю. Если только почую неладное.

— Да понял я... понял, — шмыгнул я носом.

Стригун бросил на меня изучающий взгляд. Настолько долгий и тяжелый, что я поневоле вжал голову в плечи. Вроде обошлось... Удовлетворенно хмыкнув, бандит продолжил лекцию:

— Каждую фотку в обязательном порядке перепроверяешь, чтобы изображение не двоилось и не плыло. Нажимаешь на эту кнопку и на экране появляется меню. Тут выбираешь, тут листаешь вправо-влево, удаляешь испорченные снимки, нужные сохраняешь. Короче, разберешься... тут все для малолетних дебилов: сфотографировал, нажал на кнопку, проверил качество, сохранил. Повтори!

— Нажал на кнопку, проверил качество, — послушно произнес я и тут же схлопотал звонкого леща.

— А сохранить где? — рявкнул разозленный стригун.

Пришлось повторить всё слово в слово, а потом еще раз и еще... Уж не знаю, что так взбесило расписного, но он едва сдерживался, чтобы не накостылять мне. Нервный какой-то попался учитель.

— И только попробуй снимки запороть, — зашипел он угрожающе. — Я те на роже такие завитушки нарисую кончиком ножа, что ни одна баба не даст: ни из любви, ни из жалости...

Сложилось впечатление, что он и сам не больно-то разбирается в предмете. Да и откуда бандюгану из трущоб знать, как работает современная техника. Не его это был аппарат — краденный, потому как не продают в Красильницком подобного. Слишком дорогое удовольствие для местных, не могущих позволить себе даже обыкновенную пленочную «Каму». Да и чего здесь фоткать: облезлые дома и хмурые рожи? Или серых ворон, слетевшихся на стихийно организованную помойку? Нет, имелись в трущобах и симпатичные места, но их пока отыщешь, фотик сто раз отобрать успеют. Я потому под рубаху его спрятал, когда возвращался в дом бобыля. Специально выбирал людные места и центральные улицы, избегая темных переулков. Шел долго, зато надежно.

— Первый раз вижу подобную штуковину, — удивился Лукич принесенному подарку. Покрутил аппарат в мозолистых ладонях, сделал пару снимков. — Ишь, мудрёно. И чего только умные люди не придумают.

— А вы про кальку говорили, — не удержался я от ехидства.

— Говорил, — не стал отрицать очевидного Лукич. — Только кто же знал, что они подойдут к делу с размахом. Видать, сильно им тетрадка понадобилась, раз рискнули дорогостоящую технику в чужие руки передать.

— Почему им? — удивился я. — Стригун один был.

— Уверен?

— Может за гаражами кто и прятался, мне со второго этажа было не разглядеть, а в голубятню точно скажу — один приходил.

Бобыль кивнул, то ли соглашаясь с озвученными выводами, то ли каким своим мыслям.

— Когда следующая встреча назначена?

— Через неделю.

— Тогда бери фотоаппарат и фоткай.

— Так нечего...

— Как это нечего? — удивился бобыль. — Муха в окне, чайник на плите, одуванчик на заднем дворе. Практикуйся малой, чтобы когда до дела дошло, рука была набита.

Лукич вроде мужик умный, но иногда такое скажет... Не растут одуванчики в августе. Чертополох тот да, колючками своими до поздней осени цепляться за штаны будет. Уж стебли частью посохли, заморозки первые нагрязнули, а он все стоит — под степным ветром качается. А одуванчики всё, как отцвели в мае, так больше и не видать их.

Фотографировать мне понравилось. Это оказалось на редкость увлекательным занятием — останавливать мгновения жизни, а после разглядывать их в мельчайших подробностях. Особенно интересно было наблюдать за упавшей в стакан воды каплей, взметнувшей вверх прозрачную корону. Застывшее украшение выглядело волшебным, словно сделанным из чистого хрусталя с множеством брызг-бисеринок. А фоткать муху не понравилось... Она и без того была не красавицей, а при максимальном увеличении и вовсе походила на уродливое существо с волосатой мордой и длинным хоботком вместо жвал. Получается, муха такое же сосущее, как и комар?

Через пару часов объектив перестал жужжать, лампочка заряда замигала желтым цветом. Пришлось идти в мастерскую за сменными батарейками. Их у дядьки Степана оказалась целая куча. Он так и сказал: забирай, сколько найдешь. Я выгреб все отделения шкафчика, стоявшего в углу кабинета. Набил целые карманы, а что не поместилось тащил в футболке. Правда, потом оказалось, что половина из них нерабочая, но зато остальных хватило с запасом. Нафотографировался аж до белых мушек в глазах, и даже во сне продолжал наводить объектив и щелкать, щелкать, щелкать.

На следующий день Лукич принес тетрадь. Но прежде, чем разрешить приступить к работе, велел внести правки — незначительные на первый взгляд: кое-где проставить новую дату или дописать доселе не встречавшуюся аббревиатуру из трех символов.

«2С/» — любопытно, что это может означать? Импортную автозапчасть или клиента, у которого в имени и отчестве встречаются две одинаковые буквы. К примеру, Сан Саныч или Серафим Станиславович. Записи в тетради были щедро приправлены подобного рода сокращениями. Я бы и половины не понял, если бы в свое время не поработал в мастерской.

Ох, неспроста это было, неспроста. Увлеченный процессом Лукич забыл даже про чистку любимого ружья. Все время, что я фотографировал, он находился рядом: то наблюдал, то уходил за свежей порцией чифира и возвращался снова. Каждый снимок был проверен на качество и четкость. Что-то он запорол, но большей частью одобрил, под конец выдал громкое:

— Молодец!

Необычайная щедрость для обыкновенно скупого на похвалы бобыля.

Два дня ничего не происходило, а на третий Лукич позвал меня на кухню, озадачив новым вопросом:

— Малой, у тебя же вроде знакомые имеются на заправке? Те самые, что по Плимуту работали. Так вот передай, что для них имеется новая работенка.

— Не могу, — буркнул я, и тут же счел за нужное пояснить, — поссорились мы.

— Допустим... А при чем здесь работа?

— Мы крепко поссорились.

— Пацан, ты порою меня удивляешь, — признался Лукич. — Может тебе пластмассовое ведерко с совком купить и отправить в песочницу играть? Замок строить, ну или я не знаю — куличики лепить? А может сопельки подтереть? Тоже не нужно? Тогда чего херню несешь?! Видите ли, поругался он... Мне в том какая забота? Сказано — сделать, значит пойдешь и сделаешь.

Не хотел я возвращаться к Тоше и остальным, и не только по выше названной причине. Имелось стойкое подозрение, что неспроста Лукич решил новую работу предложить. Уж больно элементарной она оказалась, словно задачка из учебника для первого класса: перегнать машину из одного района трущоб в другой. Зачем искать людей со стороны, зачем платить деньги, если под боком имеются свои? Мастеровые не только чинили, но и доставляли отремонтированные машины на авторынок или в гаражи важных клиентов. Это входило в круг их обязанностей. Тогда почему здесь не поступить схожим образом? Странно все это было, странно...

Когда край раскаленного солнца коснулся горизонта, я появился возле заброшенной голубятни. С южных равнин подул долгожданный ветер, нагоняя песку на окраины. Казалось бы, откуда ему здесь взяться, чай не африканская пустыня вокруг — степь. Но все равно каждый год на зубах скрипело, в особенности в конце лета, когда жухла трава, а на некогда зеленых холмах проступали бурые пятна потрескавшейся от жары почвы.

Иногда ветер приносил пыльные бури. На моей памяти такого не случилось, но дед Пахом рассказывал, как однажды откапывал трущобы от навалившего песка, ровно от снега. Говорил, что в будущем солнце станет светить жарче и превратится тогда местность вокруг в настоящую Сахару. Но случится это через тысячу лет, потому и ныне живущим волноваться не стоит.

Когда до голубятни оставалось пройти самую малость, показалась стая собак. Сначала на заасфальтированный пяточок выбежали две псины. Покрутились перед гаражами и уставились в мою сторону — косматые чучундры с вывалившимися из пасти языками. Затем появились еще три, покрытые грязной, обвисшей сосульками шерстью. Жарко им было, в этаких-то шубах. Не удивительно, что днем они отсыпались, и только ближе к вечеру выходили за пропитанием.

Ух, песье племя... Хорошо, что мне идти в другую сторону. Иначе пришлось бы пробираться по крышам полуразваленных гаражей или ждать, когда прогрохочет товарняк. Последнего собаки боялись пуще пламени. Казалось бы, давно живут на окраинах, должны привыкнуть — ан нет, всякий раз убегали, поджав хвосты.

Я свернул на узкую тропинку, петлявшую промеж густых зарослей. Прошел с десятков шагов и услышал знакомый бубнеж. Это Малюта, приняв на грудь очередную бутылочку пивка, растекался мыслью по древу:

— ... толку сейчас от сусликов? Дохлые они, не успели жирком обзавестись. Вот ежели по осени ловить, когда нагуляют запасов — тогда да, тогда дело. И не силки ставить — баловство это для малых детей. Хищник рано или поздно суслика обнаружит и из петли уволочет. Или слетится воронье поганое ... Нет, тут ловушка понадежнее нужна, вроде железной клетки. Батя мой еще когда их клепал, да торговал на рынке за две копейки. Там

главной хитростью входное отверстие было, чтобы суслик обратно не вылез. Делается просто... вырезается из пластиковой бутылки дверца, одним краем закручивается на гвоздь или проволоку толстую. Можно и не толстую, но тогда переплести важно для соответствующей прочности. Потом все это дело крепится...

Сколько раз я слышал историю про ловлю сусликов. Малюта как заезженная пластинка повторял одну и ту же мелодию по тысячу раз, но удивительное дело, слушать не надоедало. И было даже приятно. В особенности дремать, откинувшись на мягкую спинку дивана. Может все дело в уникальных свойствах голоса, имевшего по словам Гамахена успокоительные нотки. Стоило здоровяку открыть рот и мир вокруг становился уютнее: забывалось о тревогах, смолкали окружающие звуки и хотелось зевать. Неудивительно, что пацаны проворонили мое появление, убаюкал их бубнеж Малюты. И только когда заскрипели разошедшиеся доски пола, Тоша встрепенулся:

— Чижик, какого хера?! Русским языком было сказано, чтобы не приходил.

— Ща я его выкину, — пообещал Малюта и даже поднялся с дивана, разминая могучие плечи.

— Спокойно, пацаны — спокойно! Я не с пустыми руками в гости пришел, есть одна тема.

Здоровяк насупил брови. Он всегда так делал, когда подозревал скрытый обман. Протянул руку, намереваясь схватить меня за грудки, но тут вмешался Тоша:

— Давай для начала выслушаем. Вдруг Чижик чего интересного скажет.

Я и рассказал про машину, которую требуется перегнать со стоянки у Южных ворот до Транзитной зоны. Имелась таковая на севере, с оборудованным КПП и шлагбаумами, отделявшими Красильницкое от остальной части города. В народе её еще отстойником называли из-за строгости контроля. Попасть в верхний город из трущоб было непросто. Длинная вереница машин по полдня простаивала, ожидая очереди на проверку, а иногда и дольше в зависимости от обстоятельств. Соседняя полоса напротив всегда пустовала. Воспользоваться ей могли лишь счастливые обладатели прописки в верхнем городе. Могли, но не стремились, уж слишком дурной славой пользовалось Красильницкое среди местных. А те немногие, кто все же отваживался, приезжали либо за наркотой, либо за дешевым контрафактом.

Ловкачи из числа городских во всю пользовались привилегией свободной полосы, в особенности послаблениями при прохождении контроля. Они перевозили нелегальный товар в так называемых «тарах» — специально оборудованных для этого дела машинах. Обыкновенно заряженную «тару» парковали в отстойнике. Документы с ключами оставляли в камере хранения через дорогу и ждали, когда появится водитель — посторонний человек, главной задачей которого было перевезти товар через КПП. Если такого и ловили с нелегальным товаром, то предъявить ничего не могли. Ну да, взял машину в аренду, законом подобное не воспрещалось, а то что в бензобаке героину на две тысячи — пардонте, ничего не знал. Задавайте вопросы владельцу автомобиля, которого может и не существовало.

Схема рабочая, поэтому пацаны не удивились, услышав о моем предложении. Малюта так и вовсе ударил себя по ляжкам от радости. Он все мечтал отремонтировать взятые с бою авиаторы и тут такой царский подгон за плевое дело: всего лишь оставить машину в Транзитной зоне для перевозчика. Времени займет от силы полчаса, рисков ноль и двести рублей в кармане.

— Почему это двести? — возмутился Тоша. — Я может тоже заработать хочу, давай

поделим пополам.

Здоровяку подобный расклад не понравился.

— Чего делить-то?! У тебя даже документов нет, как ты за руль сядешь?

— Спокойно, — парировал Тоша.

— А вдруг остановят?

— Кто? На все Красильницкое пять постовых, да и те дальше Калюжки носу казать боятся.

— Ну а вдруг? — не успокаивался здоровяк.

— Чего вдруг? В поселке народ без прав гоняет. Ты и сам прошлой весной катался или забыл?

Всё Малюта помнил, как отцовской машиной половину домов в поселке обшаркал, а потом неделю на попе сидеть не мог. Всё он помнил и знал, просто в мыслях уже красовался в целехоньких авиаторах и тут такой облом. Ежели еще Гамахен свои права на долю предъявит...

— Пацаны, это подстава! — выкрикнул я.

В помещении стало тихо. Настолько, что было слышно поскрипывание досок над головой — обычное дело для старой голубятни. Две пары глаз вопросительно уставились на меня, а третью было не видно. Гамахен с самого начала сидел в тени, скрестив ноги на турецкий манер.

Не так я планировал... Хотел преподнести новость как-то помягче — намеками, чтобы они сами догадались, но уж больно Малюта за возможность подзаработать ухватился. Нет, надо рубить эту затею на корню, а то еще успеет привыкнуть к двумстам рублям, лежащим в его кармане.

— Чего-то я не пойму, — нарушил Тоша затянувшуюся паузу, — то работу предлагаешь, то отговариваешь. Чижик, ты уж определись, чего хочешь.

— А чего мне определяться. Работу другие люди дают, я же предупреждаю.

— Надо же, ОН предупреждает, — Малюта грозно задвигал бровями. — Слышь, Чижик а если я о твоих предупреждениях бобылю расскажу. Как думаешь, что он с тобою сделает?

— Да уж точно по головке не погладит, — пробормотал я. — Только не побежишь ты к Лукичу закладывать, не по-пацански это. И Тоша не станет — точно знаю, а вот в вашем третьем я не уверен.

Сидевший в тени Гамахен ничего не сказал, лишь слегка покачнулся, обозначая свое присутствие.

— К Лукичу не пойдем, тут ты прав, — медленно, словно раздумывая над чем-то произнес Тоша, — но с чего мы должны тебе верить?

— Да! — поддержал приятеля Малюта. — Может двести рублёв себе заграбастать решил, потому и выдумываешь всякое.

— Помните ту историю с тетрадкой?

Здоровяк хмыкнул, а раздраженный Тоша решил поторопить:

— Короче, мелкий, к чему клонишь?

— Да к тому, что Лукич подобному повороту дел только обрадовался. Я ему все передал: и про стригуна, и про-то, как меня прихватили, потребовав копию сделать. А он вместо того, чтобы ситуацию разрешить — дал добро, мол отдавай записи, но прежде... прежде мы кое-какие правки внесем. Там же про многие дела мастерской написано, в том числе и про изготовление «тарь», и чем они её заряжают, чтобы через транзитную зону

перегнать. Чуете, чем пахнет? Лукич через эти записи хочет левую информацию на сторону слить и расписным головняк устроить. А вас в темную играют, еще и крайними выставят.

Тоша присел на корточки, принявшись начесывать макушку для усиления мыслительного процесса. Гамахен молчал в темном углу и только один Малюта сохранял прекрасное расположение духа.

— Подумаешь, — заявил он, — машина чужая, товар внутри тоже не наш. Каждому в городе известно, что перевозчики не при делах. Надо будет, пускай сами хозяев ищут и разбираются, а мы свою денюжку получим и тю-тю. Двести рублёв на дороге не валяются, верно я говорю, Тошич?

Тоша покачался на кортах вперед-назад и наконец изрек:

— Херня вопрос, проскочим.

— Да вы чего, пацаны?! — не поверил я. — Это же расписные, они же вас с потрохами сожрут... Они же вас закопают, просто так из-за одних принципов.

— Ты на артельщиков не гони, малой. Нету у них таких принципов. Торговцев на рынке трясут — то правда, и городским петухам могут рыло начистить, но чтобы просто так на мокруху подписаться. Это перед ними конкретно провиниться нужно. Верно Малюта говорит, не станут они перевозчиков кошмарить. Если товар нужен — изымут, если тачила — угонят, а к нам какие претензии?

— Вы... вы не понимаете. Здесь скрыто гораздо большее. Не станет Лукич ради обыкновенной контрабанды сложные комбинации разыгрывать. Вот скажи, чего он с помощью этой тетрадки добиться хочет?

Тоша пожал плечами.

— Может стригунов на бабки выставить.

— Как?

— Без понятия. Я в мутные схемы лезть не собираюсь. Перевезу указанную тачку до пункта назначения, а дальше хоть трава не расти.

— Больно ты за нас распереживался, малой, — поддержал приятеля Малюта. — Без сопливых разберемся, где тут кроется подвох... А то может и нет никакого двойного дна в предложении Лукича, может ты специально воду баламутишь? У самого поди уже планы имеются, как двести рублёв потратить, а?

Я лишь вздохнул в ответ, толку со здоровяком спорить. Силушкой природа того не обидела, а вот умом слаб оказался. Только и горзд, что гвозди кулаком заколачивать на потеху рыночной толпе. Кажись, Малюта прочитал мои обидные мысли, потому как моментально задвигал бровями.

— Чё ты здесь трёшься... чё трёшься?! Дело свое сделал — доложил, ну и вали на все четыре стороны. Или хочешь, чтобы со второго этажа пустил полетать, как в прошлый раз? Так я мигом организую.

Здоровяк растопырил руки и шагнул в мою сторону, больше пугая, чем на самом деле желая поймать. Еще и заухал для пущего эффекта, словно перед ним стояла не прожжённая шпана с улицы, а несмышленное дитяти пяти лет от роду.

Из всей компании я меньше всего рассчитывал на благоразумие Гамахена. Но именно он его и проявил, остановив разошедшегося Малюту.

— Погоди-ка, пускай договорит.

— Чего договаривать, — удивился здоровяк, — и так все ясно.

— Тебе может и ясно, а у меня куча вопросов имеется, — Гамаш наконец поднялся из

тени, но дальше в комнату не пошел, облокотившись о спинку дивана. Помнит, чем наша прошлая встреча закончилась, потому и держится на расстоянии. Разбитая губа зажила, осталась лишь небольшая припухлость со следами ссадины. И якобы сломанная рука — о чудо, свободно шевелилась и двигалась, лишившись повязки. Не прошло и пары недель...

— Чего тебе неладно, умник? — проворчал Малюта, с хрустом разогнув спину. — В кои-то веки бабки сами в руки плывут. Целых двести рублей...

Гамахен не обратил внимания на бубнеж здоровяка, вместо этого спросив:

— Что за пометки вносились последними?

— Буквы, цифры, символы разные, — принялся перечислять я. — С некоторыми из них раньше не сталкивался. На обозначение машин не похоже, да и у деталей другая нумерация.

— Сможешь по памяти воспроизвести?

— Двойка... эс... черточка такая наискосок,

— Черточка типа тире? — влез Малюта.

— Да нет же... говорю, наискосок, словно забор перекосило.

Я рубанул ладонью воздух, но пацаны все равно не поняли. Пришлось спускаться вниз и чертить символы на потрескавшейся от жары земле. Кончик палки шкрябал, оставляя за собой неглубокие борозды, а лица пацанов хмурились все больше и больше. Пока Гамахен наконец не выкрикнул:

— Погоди.

Присел на корточки и принялся рассматривать самую короткую из сделанных надписей — «2С/». Провел по ней пальцем, повторяя каждый изгиб.

— Ты чего? — не выдержал Тоша

— Два атома углерода промеж бензольного кольца.

Тут и Малюта не выдержал.

— Может бензинового?

— Бензинового, — передразнил Гамахен. — Если бы читал книжки, то знал, что 2С — это известная группа психоделиков, разработанная на основе фениламинов (*примечание от автора: в данном случае речь идет о химическом соединении фенилэтиламин*). Про папу Шульгина слышали? Профессора Оренбургского университета, жившего в прошлом веке? Ну вы чего, это же известная личность — Александр Шульгин. Он еще популярную книгу написал про химическую наркоту со всеми выкладками. Жандармские, когда первые экземпляры увидели быстро смекнули, к чему дело идет. Весь тираж арестовали, но часть все же просочилась в свет. И пошел народ варить «Мескалины» и «Молли».

— Шульгин... Шульгин, — наморщил лоб Тоша, — я про что-то такое слышал: химоза, культурная революция 90-х в Питере... Был один известный ученый, устраивавший оргии со студентами под наркотой. Его еще с кафедры поперли, лишив всех званий и привилегий.

— На счет оргий брехня, — возразил Гамахен, — старенький он был, чтобы в подобных вещах участвовать, а вот с университетской должности уволили — факт. Власти посадить хотели за развращение молодых умов, но Шульгин успел сбежать в Японию, а уже оттуда подался в Северо-Американские Штаты, где и устроился химиком в частную компанию. Короче, дядька известный на весь мир. Одни его любят и «папой» называют, другие за демона принимают, а третьим он крупные убытки принес.

— Картель? — догадался я.

— Он самый. Представь, у тебя налажено серьезное дело, куча народа задействована в схемах, а тут прыщавые юнцы из мединститута начинают варить амфетамин. И главное,

никаких проблем с урожайностью, никаких затрат с доставкой — знай себе химичь в деревянном сарайчике за городом. И что хуже всего, клиентская база из числа молодых быстро подсаживается на новую наркоту, а значит продажи коки и герыча падают. Смекаете?

— Тут полным дураком надо быть, чтобы не смекнуть, — проворчал Малюта, изучая сделанные мною записи. — Только чего же в поселке никто не варит, если это так просто?

— Так я же говорю — картель! Стоит только первым таблеткам в трущобах появиться, как бразилы моментально химиков вычислят и убьют. Не просто так, а самым изощрённым из имеющихся способов, чтобы другим неповадно было.

— А из чего варят? — в голосе Малюты проявились не свойственные для него деловые нотки.

— Да из всего подряд: из лекарств, купленных в аптеке, из чистящих средств, из ванилина, — принялся перечислять Гамах.

— Да ладно, из обыкновенной ванили, которую в пирожки кладут? А чё за метод? С чем мешать нужно?

— С абрикосами! Ты чем слушаешь, башка деревянная? — разозлился на приятеля Гамахен. — Я же говорю — бразилы церемониться не станут. Лично домой придут, яйца отрежут и в жопу засунут вместе с ванилью. И моли богов, чтобы родных поблизости не оказались. Сикариос известные отморозки, им плевать кого убивать: младенца или седого старика.

— Хорош нагнетать, — пробубнил здоровяк, — я просто так спросил, для интереса.

— Не тем интересуешься. Лучше подумай, чем нам эта ситуация грозить может? Стоит двести рублёф такого риску?

Малюта задумался. Со стороны могло показаться, что он и вправду решает в уме задачку: усиленно таращится, шевелит губами. А если подойти поближе, то можно услышать приглушенное: «*пятежду пять и два в уме вычитается*». Но нет, не склонен был здоровяк к сложным умственным решениям, а потому впадал от них в особое состояние, в умных книжках называемое сомнамбулизмом. Вреда от этого не было никакого, да и пользы если честно — тоже. Малюта на короткий миг выпадал из реальности, а когда возвращался обратно, то хлопал глазами, словно очнувшийся ото сна младенец. И разум его был столь же чистым и не замутнённым.

Тоша в отличии от приятеля обладал куда большей гибкостью ума, а потому сразу сообразил, чем пахнет дело. Ткнул пальцем в полустёртую надпись и произнес:

— Допустим вся тетрадка полна таких записей, и что из этого следует? В поселке появилась синтетика?

— Бери выше.

— Лаборатория по её производству?

— Именно, — Гамахен удовлетворенно кивнул.

— Значит трущобы скоро будут наводнены новым наркотиком, более дешевым и потому более доступным, — продолжил рассуждать Тоша. — Продажи кокса и хмурого резко упадут, и как следствие упадут доходы картеля. Вроде бы всё логично, но только все равно не сходится. На кой черт за тетрадкой пришли стригуны. Им-то какой интерес в этом деле: поспорить атамана малажского с генералами из Фавел? Так они и без того воюют, причем местом разборок выбрали Центровую — вотчину расписных. Помните, как весной братию артельщиков едва не смели под горячую руку. Те всё прятались по хазам, словно

перепуганные сурки. В следующий раз могут и не отсидеться. Нет, война стригунам не выгодна. Тогда к чему им понадобилась эта информация?

— Без понятия, — честно признался я. — Может с помощью этих записей хотят выйти на лабораторию. Ведь как не крути, Центровая их зона ответственности, и в случае чего спросят с них. Потому и торопятся отыскать варщиков первыми, пока не стало слишком жарко.

— Я другого не понимаю, — перебил меня Гамахен. — Получается, что Лукич добровольно подставляется, отдавая записи. Ведь тетрадка кому принадлежит — ему? Ну хорошо, не ему лично, а мастерской на Блинчикова. Те, кто в теме, прекрасно осведомлены о роли бобыля в предприятии, и кто на самом деле крышует бизнес. Что же получается, малажцы сами на себя состряпали компромат? Ради чего, ради еще одной войнушки? Так это и без тетрадки легко устроить... Несостыковочка вырисовывается.

— Всё стыковочка, рисовать только нужно уметь, — не удержался я от подначки. Очень уж хотелось утереть нос умнику, в кой-то веки зашедшему в тупик. — Чё вы к принадлежности тетрадки привязались? О чем она свидетельствует? О том, что такая-то и такая машина были переделаны под «тару» с целью перевозки определенного груза. Повторяю, не производства синтетика, а подготовки к перевозке: уменьшить там объем бака или днище подпаять. К хозяину мастерской какие претензии? Если что-то не устраивает — пожалуйста, ищите заказчика.

— Но Лукич-то понимает, для какого товара готовит машины? — не сдавался Гамахен.

— И что?

— Он же знает, что картелю это не понравится.

— И что дальше? Конкретно ему предъявить за что? Изготовлением химозы и её перевозкой Лукич не занимается.

— Да как же не занимается, если ты к нам пришел? — удивился Тоша.

Я глубоко вздохнул. До чего же трудно иногда бывает со старшаками. И все то они знают, и все понимают, только когда доходит дело до очевидных выводов, начинают тупить.

— Потому и пришел, что вы ни к мастерской, ни к Лукичу отношения не имеете.

— А бабки кто платит будет?

— За это можете не переживать... не понадобятся деньги мертвецам.

Лица пацанов посмурнели. Кажись, они наконец осознали, чем это приключение может закончиться для них: не новыми шмотками и жратвой, а деревянными крестами над могилами.

Пока они думали, я принялся шоркать подошвой, стирая надписи на земле. Шоркал так сильно, что очнулся Малюта. Окинул нас задумчивым взглядом, после чего изрек:

— Ну чё, народ, как бабки делить будем?

Лукич с присущим ему спокойствием воспринял сообщение об отказе. Кивнул головой, мол бывает и такое, не хотят пацаны подзаработать, значит найдем других. Снял любимое ружье со стены и ушел в обход. Я же улегся на скрипучую раскладушку, но вместо того чтобы заснуть, принялся ворочаться с бока на бок. Не прошел даром сегодняшний разговор. Нагнал я на пацанов жути — да так, что самого проняло. Теперь лежал и представлял себе всякие страсти. Как встречусь со стригуном, передам фотоаппарат со снимками, а он вместо спасибо вспорет мне живот. И до того фантазия разыгралась, что и вправду кишки закрутило.

Остаток ночи я пробежал до горшка, а под утро меня бледного и вспотевшего обнаружил Лукич. Поинтересовался, чего такого умудрился съесть, и узнав про прокисшее молоко, сильно расстроился:

— Кому было сказано — не трогать продукты с нижней полки? Ты чем думал, дурья твоя башка?

— С улицы пришел, вот и захотелось, — повинился я.

— Ну и как, вдоволь напился? Вкусно поди, кисленького хлебнуть?

Крутило меня лихо до самого обеда, и только после того, как Лукич принес микстуру, малясь попустило. До вечера я отлеживался, набираясь сил, а когда солнце склонилось к закату, явилась ко мне очередная напасть под названием жор. Есть захотелось так, что подмёл в холодильнике всё имеющееся подчистую. Добрался даже до слежавшегося комка лапши и завяленных до состояния мумии огурцов. От последних толку не было никакого: ни сока, ни привычного хруста на зубах. Запаха и того лишились.

Когда с перекусом было покончено, я откинулся на спинку стула. Хотел было поставить чайник, но в животе оказалась такая тяжесть, что поневоле прикрыл глаза. Сном это трудно было назвать, скорее бодрствованием в полглаза. Потому и услышал, как вернулся Лукич.

Бобыль вид пустующих полок не оценил. Не то чтобы он часто пользовался холодильником, если только ветчины собирался нарезать на дежурство или прохладного квасу глотнуть, до которого Лукич в последнее время был охоч, особенно в полуденную жару. Он и сейчас достал бутылку хлебного, почесал заросший щетиной подбородок, а после спросил:

— Где остальное?

Будто он ужинал то остальное. В особенности комок слипшейся лапши, сваренной мною позавчера.

— Съел, — вынужден был признать я.

— Ну и чего сидим, кого ждем? Дуй давай.

— Куда?

— На кудыкину гору воровать помидоры. В магазин говорю, дуй. В мясную лавку через дорогу свежего сервелату завезли, а еще колбас Краковских. Купишь и того, и другого по килограмму.

Ох ма... это же сколько деньжищ выйдет — целая уйма. Я аж с лица сбледнул, как представил изрядно уменьшившуюся стопку банкнот, припрятанных за тумбочкой на черный день. И ведь не скажешь Лукичу, что денег нет, его подобные мелочи не волнуют.

— Может лучше молочных сарделек, — предложил я севшим голосом. — Они тоже вкусные, а если с мелко порезанным лучком обжарить, да яичницей сверху залить. Обьеденье получится, а не завтрак.

Лукич посмотрел на меня внимательным взглядом.

— Денег жалко?

— Жалко, — признался я.

— Ладно, хрен с тобой... беги в столовую, пока не закрылась. Скажешь Сафире, я послал.

До чего же не хотелось сталкиваться со зловредной поварихой, невзлюбившей меня еще со времён работы в мастерской. Но уж лучше так, чем отдавать деньги из собственного кармана.

Помещения мастерской пустовали. Рабочая смена давно закончилась и народ большей

частью разошелся, лишь в глубине зала слышался легкий перестук молотков, да шум воды в душевой.

Очередь в столовой отсутствовала, но это не помешало тетке Сафире вредничать. Сначала она не поверила в то, что меня послал Лукич. Потом вместо того, чтобы выдать съестного, принялась ссылаться на занятость. Видите ли, десерт ей приспичило готовить на ночь глядя. Для кого — для себя? Вона и без того щеки раздуло больше остального лица.

Делать нечего, пришлось усесться за пустующий столик и начать ждать, когда тетка Сафира соизволит освободиться. В противоположном углу устроился Еремей, успевший сменить рабочую робу на обычную одежду. Сидел он, как это водится, не один, а в компании богато разодетой барышни. Спутница по возрасту в матери годилась, но когда это останавливало молодого повесу. Заливался Еремей речистым соловьем, не замолкая ни на минуту. А женщина кокетливо улыбалась и водила ручкой, как это водится у избалованных городских барышень.

— Ах оставьте, Вячеслав... ах, оставьте, — то и дело приговаривала она, демонстрируя безупречно ровные зубки.

Вячеслав, ха! Так уж получилось, что стеснялся Ерёма своего родового имени. Слишком простоватым оно ему казалось, не заслуживающим столь красивого парня.

Е-ре-мей — на что это похоже? На среднерусское дырявое рубище, папахивающее залежалым нафталином? Другое дело — *Вя-я-ячеслав*. Была в нем и лучезарная слава и звонкое «Я», на которое самолюбивый парень делал особое ударение. Правда в его исполнении это больше походило на лягушечье кваканье, однако дамам отчего-то нравилось, особенно прибывающим в том немолодом возрасте, когда от былой красоты не осталось и следа, а погулять еще хочется.

Эх, быстрее бы получить еду и сбежать отсюда. Сил нету смотреть на этого фанфарона. И почему женщины такие дуры? Не все, конечно... Арина точно не стала бы терпеть его обезьяньи ужимки. Ухватила бы пальцами за нос и накрутила такую сливу.

Еремей почувствовал чужой взгляд. Обернулся и поморщился, словно увидел покрытого струпьями бомжа. Видите ли, противно ему стало. Мне может рожу его лицезреть тоже никакого удовольствия не составляет, но нет же — сижу и терплю.

— Кто этот мальчик? — долетел до меня женский голос.

Еремей наклонился к самому ушку барышни и принялся шептать. От фанфарона хороших рекомендаций ждать не приходилось. И точно, среди набора звуков я смог уловить знакомое слово «чумазик». То самое прозвище, которым Ерема наградил меня, и которым окромя него никто не дразнил.

Барышня, обернувшись в мою сторону, прикрыла рот ладошкой и глупо захихикала, а довольный произведенным эффектом Еремей продолжил нашептывать.

Ах ты ж, мразина... Специально голосом выделил, чтобы я услышал. И я услышал, не сомневайся. Рогатку слажу и тогда поглядим, какие кренделя начнешь выписывать, уворачиваясь из-под обстрела. Не обычным шпоном, сделанным из алюминиевой проволоки, а снарядами тяжеловесными, собранными из болтов и гаек. Такими и до крови пробить можно.

Картина представившейся мести сгладила минуты ожидания. Я настолько успокоился, что даже не обратил внимание на ворчание тетки Сафиры, выдавшей пакеты со снедью. Взял тяжеленую поклажу в обе руки и потащил.

— Чижик, что-то не видать тебя последнее время, — послышался насмешливый

голос. — На озеро перестал ходить и с большими парнями больше не тусуешься. Неужели что-то случилось?

Нет, это была не шпонка, и даже не гайка — настоящая пуля, выпущенная в спину. В другой раз я может и проигнорировал бы ехидство Еремея, но не при текущих обстоятельствах. Еще и на пацанов с заправки намекает, гнида. Стоп... Так вот кто меня слил! Как же я сразу не догадался? Зациклился на Гамахене, когда под боком этакая зараза обосновалась. Это ведь Еремей целыми днями в мастерской ошивается. Слоняется без дела или в столовой сидит — наблюдает, кто и чем занимается. Увидал Лукича, выходящего из мастерской с тетрадкой и кучей счетов подмышкой и додумал, связал одно с другим. Он стригунам стуканул — точно! Не из желания заработать, а из одной лишь вредности, чтобы мне насолить. Ах ты ж...

Мир в одно мгновение перевернулся. Я даже сообразить не успел, как все случилось. Вот иду с пакетами огибая столик — краткий миг вспышки, и уже сижу верхом на Ерёме, бью что есть мочи по смазливой физиономии. Потом мастеровые рассказывали, как тетка Сафира охаживала меня половником, пытаясь оттащить в сторону, как кричала барышня, призывая на помощь. Вопила так, что услышал дядька Степан, задержавшийся после рабочего дня в кабинете. Услыхал и Мартьян, вылетевший из душевой в чем мать родила. Если бы не последний, забил бы я Ерему до потери сознания, и визжащие бабы тому нисколько не помешали. Что мне половник, я его даже не почувствовал. Все что видел перед собой — это красную пелену, сквозь которую проступало ухмыляющееся лицо Еремея. **НЕНАВИЖУ!**

Меня вытащили на улицу, словно нашкодившего кутенка. Мартьян придавил сверху, чтобы не дергался, а Степан Никанорыч включил воду и принялся поливать из шланга. Я попытался сбежать, но куда там — жилистые руки мастерового держали крепко. Ледяная струя воды нещадно хлестала по лицу, мешая не то что видеть, но и дышать. Я попытался прикрыться, выставил одну ладонь перед собой, другой оперся на размокшую от воды землю — поскользнулся и плюхнулся в образовавшуюся лужицу. Снова попытался вырваться и снова упал в грязь.

— Хватит, дядька Степан, — взмолился я, не выдержав борьбы с водным змеем.

— Охолонился чутка?

— Да.

— Не слышу?

— Да! — проорал я и тут же закашлялся от угодившей в рот воды.

— Ну смотри у меня.

Заскрипел вентиль и поток воды иссяк. Мастерской помог подняться, и я несколько секунд стоял, ничего не соображая. Это мир вокруг покачивается или меня шатает? Ощущения были хреновыми, словно только что очнулся от дурного сна и теперь пытаюсь понять на каком собственно свете нахожусь.

— С Лукичем сам будешь объясняться, — не терпящим возражения тоном произнес дядька Степан. Будто у меня имелись другие варианты.

— Чего застыл — иди уже.

— Там наверху пакеты остались со съестным.

— Принесем, — пообещал Мартьян.

Я молча кивнул и побрел к дому, хлюпая размокшими сандалиями. Ледяная вода продолжала стекать струйками, тело трясло, а зубы стучали так, словно на дворе царило не

жаркое лето, а промозглая зима с её бесконечными ливнями. Шмотки промокли до нитки, пришлось их снимать и развешивать на специальной планке, приспособленной у крыльца. Лукич на ней все больше рыбу сушил, но иногда случалось, что и рубаху, и исподнее.

Уже будучи в одних трусах, я решился переступить порог. Тщательно протер ноги о лежащую на полу тряпку и только после этого прошел внутрь. С бобыля станется отвесить леща за грязные следы, оставленные в коридоре. Вроде мужик взрослый, а чистюлей будет похлеще некоторых девок. Не зря говорят, что он в армии успел послужить, иначе откуда взяться такой аккуратности. И постель у него заправлена без единой складочки, и столешница от чистоты сверкает, и грязная посуда в раковине не задерживается. Может среди ночи разбудить и потребовать, чтобы вымыл одну единственную ложку, коей варенье перед сном зачерпнул.

Лукич сидел на кухне в привычной позе, закинув ногу на ногу и читая газету. Услыхав шаги, поднял голову и некоторое время изучал мой внешний вид. После чего протянул задумчивое м-да-а...

Я не стал дожидаться вопросов и честно все рассказал, не забыв упомянуть о подозрении по поводу Еремея.

— Он слил информацию стригунам, больше некому, — заявил с уверенностью и умолк, ожидая решения Лукича. Почему-то был уверен, что оно последует, но бобыль лишь устало вздохнул.

— И что, это всё? — не выдержал я. — Еремей выскочит сухим из воды?

— Не он это.

— Да как же не он, когда он! До такой степени меня ненавидит, что душу дьяволу готов продать. И про счета мог догадаться, и про тетрадь.

— Доказательства где? — перебил меня Лукич. — Или одни лишь подозрения? Я те не бабка беззубая на базаре, чтобы пустыми домыслами кормиться. Вот когда факты будут, тогда и приходи, а сейчас вали отседова.

— Да как же так... Еремей предатель.

— Пшел с глаз моих! — рявкнул бобыль и я счел за лучшее отступить.

Вышел во двор потерянным. Попытался привести мысли в порядок, но те разбегались будто шальные тараканы, увидавшие свет. И только один вопрос стучал в голове:

«Почему? Почему он не желает этого заметить. Ведь Еремей предатель... он это, больше некому».

Я побрел в сторону мастерской, спотыкаясь о разбросанные на земле детали. Дорожку чистили каждый месяц, да только толку. Притащат мужики во двор очередной кузов, разберут на мелкие запчасти, порежут на куски и можно приниматься за уборку по новой. Они и сейчас стояли, кузова эти — от Бьюика, от старенькой «Рубы», и от с трудом различимой немецкой машины: может Даймлера, а может Бенца. С последней успели поработать «турбинкой» (*примечание от автора: просторечное название угловой шлифовальной машинки, известной в народе как болгарка*): срезали крышу, стойки, распотрошили внутренности под капотом — так что даже бывший хозяин не сможет признать в этой груде металлолома угнанного коня.

Я прошел половину пути и вдруг понял, что из всей одежды на мне остались трусы — те самые знаменитые фабрики Волобуйского. И куда такой красивый отправлюсь? Чай не малое дитяти, чтобы в одном исподнем по улице бегать. Мокрая одежда продолжала сохнуть, а возвращаться в дом к Лукичу не хотелось. Сказано же было — проваливай, вот и

свалил...

Походил по территории взад-вперед, попинал разбросанные болты и не придумал ничего лучшего, чем усесться на бревно, брошенное у проржавевшего остова Руссо-Балта. Сначала пялился на проплывающие в небе облака, потом взялся за палочку и принялся ковыряться в земле. Какое-никакое занятие в ожидании, пока успокоится Лукич.

Вскоре во дворе показался Мартьян. Мастеровой отнес пакеты со съестным, но возвращаться на работу не стал — подсел ко мне на бревнышко. Достал из нагрудного кармана пачку сигарет, щелкнул зажигалкой и принялся пускать густые облака дыма в темнеющее небо.

— А ты знал, что дневного времени суток в каждой точке земного шара одинаково? — неожиданно спросил он.

— И на севере? Там же темно полгода?

— Зато оставшиеся полгода светло. В этом и заключается великое равновесие мира. Каждому жителю Земли солнышка отмерено поровну: и негру в Африке, и эскимосу в тундре. Справедливость, однако.

— На небесах понятно, там близко к Богу, — пробурчал я, — но почему в земной жизни равновесия нет? Почему одни получают всё: и деньги, и семью большую, и возможности, а другим с гулькин нос? Или нужно обязательно помереть, чтобы справедливости дожидаться?

— Типун те на язык, — Мартьян и вправду сплюнул на землю, а после принялся шоркать подошвой, затирая желтый от никотина харчок. — Молодой еще рассуждать о смерти, да и о справедливости тоже. Ишь чё выдумал, не хватает её... А сам-то больно о справедливости печёшься? За что сегодня на Еремея с кулаками набросился?

— Было за что, — неохотно признал я.

— Поделиться не хочешь?

— Нечем тут делиться... И без меня знаете, что Ерёмка ваш гнилой человек.

— И?

— Разве этого мало?

— Конечно мало. Ты факты давай!

И этот про факты речь завел, сговорились они что ли... Обосновать человеческую подлость, да пожалуйста — это сколько душе угодно. Только успевай пальцы загигать.

— Пока остальные работаю, Еремей с барышнями шашни крутит и чай в столовой гоняет.

— То так, — не стал спорить Мартьян, — а знаешь скольких из них он сделал постоянными клиентками? Сколько рубликов с богатых дамочек состриг и в кассу мастерской принес? Или думаешь начальник наш — Степан Никанорыч ничего не видит? Всё он про всех знает и всё ведаёт. Ежели имеется у человека талант перезрелых барышень окучивать, пускай этим и занимается. Не всем же болты с гайками закручивать, кому-то нужно и слабый пол ублажать.

— То же мне велика работа бабам глазки строить, — не выдержав, хмыкнул я.

— А и велика! Не простое это занятие с бабами уживаться... С ними в принципе легко не бывает, — бывший уже третий раз женатым Мартьян, тяжело вздохнул. Загушил остатки сигареты и полез в карман за новой. — Ты пойми, не дело это — проблемы мордобитием решать. Ты же среди людей живешь по людским законам, а не в стае диких волков. Вот взять, к примеру меня... Я плешивого Кузьмича из монтажки на дух не переношу за то, что он нужную мне работу под самый вечер откладывает. Знает, зараза такая, что жду и все

равно тянет. Но ничего, я ему за это в шампунь добрую часть уксуса плеснул, чтобы залысины еще больше стали, — мастеровой хохотнул, вспомнив о недавнем происшествии. — Всякое между нами бывало, но чтобы с кулаками кидаться и лицо в кровь бить, такого никогда.

— Дядька Мартьян, это у вас фантазии на шампунь хватило, а я чем могу тем и отвечаю.

— Ты сможешь гораздо больше, если научишься управлять собой.

— Как это? — не понял я.

— А так... Чувствуешь, что злость изнутри подпирает, ушел в уголочек, досчитал до полста и глядишь — помаленьку успокоился.

— А если совсем невмоготу?

— Терпи.

— Не-е, не хочу быть терпилой.

— Ты это здесь брось! — Мартьян недовольно поморщился. — Чай не за решеткой сидим, чтобы воровскими понятиями бросаться. У каждого в жизни найдется свой Еремей, который раздражать и злить будет одним своим видом. Судьба — она госпожа мудрая, она ничего просто так не дает: ни золота, ни тернового венка. В первом великое искушение заложено, а научить... Научить способны лишь испытания, преодолев которые станешь сильнее. Ни как лютый зверь, живущий по законам дикой природы, а как человек. Это у волка нет других возможностей, кроме того, как пускать в ход клыки и когти, а тебя голова на плечах сидит. Вот и научись пользоваться ею, чтобы не устраивать безобразия вроде сегодняшних. Или думаешь, что вечно сухим из воды выходить будешь? — Мартьян покосился на лужу воды, оставшуюся после моего купания, и на всякий случай уточнил, — это я образно. Ты пойми, Алексей, следующего урока судьба может не предоставить. Она хоть и госпожа мудрая, но дураков страсть как не любит. Бросит преподавать жизненную науку и тогда все, пиши пропало: закончится дело отбитыми почками или того хуже — пробитой головой, а все потому, что испытания своего не прошел Еремеем. Не самым я тебе скажу поганым выходцем из рода людского. Еще такие персонажи повстречаются на пути, что Ерема твой по сравнению с ними мелким прыщом покажется.

Я слушал Мартьяна, и хлопал по голым ляжкам, гоняя разошедшихся под вечер комаров. А ведь прав механик получается, второй раз я на одни и те же грабли наступаю: сначала на Гамахена накинудся, оказавшегося не при делах, теперь вот на Еремея. Бьюсь башкой об стену, как твердолобый баран — машу кулаками, лезу в драку вместо того, чтобы спокойно разобраться. Прав Мартьян, жизнь — это большая наука. Любят меня наверху, если раз за разом за ручку берут и подводят. Раз показали, как делать не надо, второй, а третьего может и не случиться.

Механик вскоре ушел, а я остался сидеть, расчесывая в кровь волдыри. И только когда на улице окончательно стемнело, вернулся в дом. Застал собирающегося в ночной обход бобыля. Он как раз проверял наплечный ремень, когда я зашел на кухню. Тихонечко, чтобы не мешать, прошел в угол, уселся на табурет и принялся наблюдать. Каждый вечер Лукич делал одно и то же: проверял затвор, щелкал спусковым механизмом. И всякий раз меня это раздражало, в особенности тот сосредоточенный вид, что принимала его физиономия. Будто важным делом занят... А может так оно и есть, может Лукич таким образом нервы успокаивает? Вон буддийские монахи четками щелкают, а этот патроны перебирает, чтобы глупостей не натворить. Никто же не знает, какая школа жизни у бобыля была. Нашел он единственно верный способ, как с внутренними демонами справиться, и теперь пользуется

им — успешно, потому как ни разу я не видел бобыля вышедшим из себя. Хотя поводов к тому имелось предостаточно.

— Чего хотел? — Лукич соизволил заметить мое присутствие.

— Я это... был не прав.

Бобыль отложил ружье в сторону и уставился на меня. Его левая бровь приподнялась выше правой, что означало крайнюю степень удивления. Я попытался объяснить свою позицию, но из-за царящего в мыслях хаоса вышла сплошная несуразица.

— Мне это к чему? — перебил бобыль, не выдержав «мэканий» да «бэканий». — К Никанорычу иди — договаривайся. Это у него завтра работник на смену не выйдет. После твоих сегодняшних выкрутасов у Еремея башка три дня трещать будет, если не больше. И это... купи уже вторые штаны, а то ходишь — смотреть стыдно.

На этом разговор наш закончился. Лукич повесил ружье на плечо и, хлопнув дверью, вышел на улицу. Я же остался расчесывать искусанные комарами ляжки. Может и вправду запасные купить?

На следующий день постучался в кабинет к Никанорычу. Дядька Степан нахмурил брови, изображая рассерженного начальника, но чувствовалось, что в душе он давно меня простил. Особенно после того, как Алексей Чижов явился с повинной, не став бегать и прятаться за чужими спинами.

Попенял для порядка за несдержанность, куда же без этого, а в качестве наказания прописал трудовую терапию. Правда в мастерскую меня не пустил. Указал на остов Руссо-Балта, ржавеющего во внутреннем дворе, и велел скрутить с него все что под руки попадетса вплоть до мельчайших деталей. Задача оказалась трудной. Тот же Малюта управился бы за час, а у меня не всегда хватало силенок открутить обыкновенный болтик, что уж говорить про изъеденный ржавчиной. Приходилось работать зубилом, стучать молотком и пинать от отчаяния.

За этим занятием прошло три дня, а на четвертый пришла пора долгожданной встречи со стригуном. Честное слово, лучше бы еще один кузов разобрал. Я настолько перетрухал, что припрятал заточку за пояс. От расписных всего можно было ожидать, в том числе избавления от лишнего свидетеля. Какой дурак станет в живых оставлять, особенно в столь щекотливом деле, где пересекаются интересы сразу нескольких группировок. Фотки получат и чик ножом по горлу.

Мне было страшно... очень страшно. В ожидании встречи со стригой кусок хлеба в глотку не лез. Всю ночь мучали кошмары, а когда проснулся утром, то вдруг понял, что до вечера могу не дожить. От осознания этого скрутило так, что едва смог заставить себя выйти из дома. Шел на негнущихся ногах и жадно вглядывался в лица встречных прохожих. Умудрялся находить новые краски, и что уж совсем удивительно распознавать доселе скрытую красоту. Может на пороге смерти открывается перед человеком великая истина? Иначе откуда возникла эта способность видеть необыкновенное в обыкновенных вещах? В облупленных стенах домов, в перекошенной крыше сарая, разбитом окне? Раньше всего этого не замечал или раздражался без меры, а сейчас глаз отвести не мог, испытывая странное щемящее чувство. Говорят, перед смертью не надышишься. Выходит, что и не наглядишься тоже.

Когда дело дошло до передачи фотоаппарата, руки тряслись, что у пропойцы с великого бодуна. Я все ждал подвоха, когда схватят за глотку и начнут душить или пихнут пером в бок

незамысловато. Но все обошлось: стригун остался доволен качеством проделанной работы, забрал старую карту памяти, взамен выдав новую.

— Это еще зачем? — удивился я.

— За надом. Чё хлеборезку свою раскрыл, щегол? Бери фотик и продолжай щелкать дальше.

— Тетрадку?

— Нахера мне снова тетрадка? Ты же возле мастерской живешь, вот мастерскую и щелкай: расположение комнат, какие тачилы на приколе стоят, ну и железяки всякие типа оборудования. И не забудь сигнализацию сфоткать, куда провода по стене идут, к чему подключены. Ну и распределительный щиток само собой.

От подобной новости у меня аж дыхание перехватило.

— Да вы что?! Да как же это?! Одно дело тетрадку фотографировать, когда рядом никого нету и совсем другое дело помещения мастерской. Внутри постоянно кто-то ходит: днем работники, ночью Лукич с ружьем. Я же не смогу, я спалюсь, я... я...

Договорить я не успел. Крепкие пальцы стригуна схватили меня за горло, слегка надавив. Этого слегка вполне хватило, чтобы выкатить глаза и начать хрипеть.

— Я чё, похож на человека, которого это волнует? — в ноздри ударил запах чужого одеколona, приторный и одновременно горький, похожий на нюхательный табак. Потолок, стены, физиономия стригуна — все это вдруг потеряло свою четкость, начало плыть бесформенными пятнами. Мир вокруг потемнел, и чужая хватка ослабла.

— Времени тебе месяц, усек?

Трудно сказать нет, когда сама смерть смотрит в глаза. Навидался я таких отморожков: им что кутенка утопить, что человека прирезать — одно удовольствие. Будут стоять и наблюдать, как чужая жизнь медленно утекает по капле.

Стригун ушел, а я остался сидеть на грязном дощатом полу: потирать шею и радоваться, что остался в живых. Впрочем, радовался недолго — жизни той отмерено было ровно месяц. И где гарантии, что при следующей встрече стригун меня не придушит. Не доделает то, что уже несколько раз порывался начать.

Спрятав фотоаппарат под майку, я стрелой вылетел из голубятни. Припустил вдоль линии гаражей, нисколько не заботясь о любопытствующих взглядах. Хотелось как можно быстрее сообщить новости Лукичу. Услыхать, что он скажет в ответ. Может снова какую хитрость придумает или решит избавиться от наглого стригуна. Последнее было лучше всего, уж больно тот меня пугал — до жути.

В доме меня ждали. Лукич был не один, а в компании Василя — молчаливого казака из ближайшего окружения атамана. Если он знает про дело с тетрадкой, стало быть, и сам Малага в курсе, а это значит...

Что это значит, додумать мне не дали, потребовав пересказать о результатах состоявшейся встречи. И результаты эти их крайне порадовали. Вечно каменное лицо бобыля треснуло в улыбке, а Василь, не удержавшись, хлопнул себя по ляжке.

— Каков наглец, — заявил он, хорошенько отсмеявшись, — этак скоро потребует ключи от сейфа, где Никанорыч наличные хранит. А то и само содержимое.

— Да-а, — протянул Лукич, — не зря в народе говорят, наглость — второе счастье. Что делать-то будем?

Казак на секунду задумался, покрутив кончик усов.

— А ничего делать не будем... Скоро такие события завертятся, что станет не до

любителя фотографий.

Василь как в воду глядел. Не прошло и двух недель, как случилось потрясшее Красильницкое событие. На парковке возле Южных Ворот взлетел на воздух автомобиль. Взрыв был такой силы, что разметало стоявшие по соседству автомобили, а у магазинчика, торгующего рыболовными снастями, повыбивало окна. Обломки долетели аж до стоящей через дорогу заправки.

Об подробностях происшествия мне поведал Тоша:

— Гляжу я значит, по воздуху кусок резины летит, а следом черный шлейф тянется. Шмяк! и на асфальт рядом с бензоколонкой упал. Горящий, прикинь? А если бы пары бензина рванули?

Слова Тоши звучали куда убедительнее, не смоли он очередной сигареткой под знаком «курить запрещено». А вообще рассказ получился на редкость живым, с подробностями. Добавлял эмоций и тот факт, что рванул предназначенный к перевозке автомобиль. Согласись пацаны подзаработать и лежали бы сейчас обугленными кусками мяса, как тела двух несчастных, позарившихся на двести рублей.

Я сразу почуял неладное, как только услышал грохот взрыва, а следом взметнувшийся в небеса столб черного дыма. Прибежал к Южным воротам одним из первых. Стоявший в оцеплении жандарм близко не подпустил, но и того, что увидел, хватило с лихвой. Черный остов автомобиля, обильно залитый пожарной пеной, валялся на краю парковки. Пузырящиеся ручейки стекали по обочине, впитываясь в голодную до воды почву. Чуть дальше лежали обугленные останки, прикрытые белой простыней — оказавшейся слишком короткой, поэтому наружу торчали конечности. Особенно поражала деформированная до неузнаваемости рука, вытянутая в сторону небес то ли в крике отчаяния, то ли в мольбе о помощи. Тело второго погибшего оказалось закрыто жандармским фургоном. И хорошо... ни к чему лишние страсти.

Как я догадался, что рванул тот самый автомобиль? Слишком много совпадений для одного случая: место на парковке возле ворот, сроки, а чуть позже и пацаны подтвердили. Первым подозрительную машину заметил Малюта. Он больше других переживал о деньгах, потому и обратил внимание на оставленный седан синего цвета. Настолько переделанный, что даже при ближайшем рассмотрении не поймешь, каковой тот модели.

Добрых десять дней автомобиль стоял на приколе. И добрых десять дней Малюта нудил и бухтел о потерянных средствах: *«когда еще удастся раздобыть двести рублей, почитай что даром»*. Зато после случившегося... Прибежавший на звук наших голосов здоровяк был взбудоражен больше обычного: махал руками, ухал совой, описывая момент взрыва. Шума наделал много, а толку... Не знай я, что на самом деле произошло, хрен бы догадался.

Мы стояли и болтали как в прежние времена. В какой-то момент показалось, что они действительно вернулись. Что Тоша сейчас хлопнет по спине, и скажет: *«Чижик, айда купаться»*, а Малюта пообещает притащить халявную банку сгущенки на голубятню, где будем вечером сидеть и болтать, как ни в чем не бывало. Увы, иллюзии рассеялись, стоило начальнику смены вынырнуть из-за угла.

— Я один работать должен? — принялся орать на пацанов Кондрат. — Жора с утра дрищет, с толчка не слезает, Лысюк за ведром воды ушел и уже полчаса нету ни ведра, ни самого Лысюка. Рук не хватает, клиента наплыв, а эти стоят — ляды точат! Вы чего млять, в конец оборзели?

В итоге за складом остался стоять я один...

Плохо мне было. Нет, животом я не маялся, как порою случалось. Ничего не болело, не саднило, и даже расчесанные в кровь волдыри не беспокоили. Болезнь моя имела другое — душевное свойство. Это когда до того тоскливо, что хоть волком вой, поэтому принялся слоняться по поселку. Прошелся по центральному рынку, бойко торгующему на разные голоса, посмотрел на громаду дремлющего борделя и даже забрел на улицу известного адмирала, сулящую сплошные неприятности. Не знаю, чего хотел этим добиться, может поглядеть на красивые фасады домов, а может надеялся на что-нибудь этакое — очередное ненастье, способное перешибить волчью тоску. Не случилось... ничего не случилось: ни социалистов, ни стригунов.

До самого вечера бродил вдоль витрин богатых магазинов. Увидел в окне кондитерской набор шоколадных пирожных и не сдержался — купил. Слопал целую корзинку, а потом залил сверху стаканом приторного сидро, шибавшего нос газами. Еле-еле добрел до лавочки. Эко и разморило меня от сытости. Да так, что едва не уснул, пригретый лучами заходящего солнца. В голове было пусто, а вокруг царили мир и спокойствие. Не долго...

Уже ночью в районе Центральной прозвучала стрельба. Не отдельные выстрелы, а настоящая канонада, перемежаемая взрывами. Один раз шарахнуло так, что задребезжали стекла в окнах. Лукич велел сидеть дома и не высовываться. Повесил любимое ружье на плечо и ушел в ночь, я же остался в неведении. В нем и прибывал, бегая из комнаты в комнату, прислушиваясь к звукам отдаленного грохота.

И только под утро, когда в мастерскую пришли первые работники, мне удалось узнать кое-какие подробности. Слухи разнились в деталях, но все сходилось в одном: ночью случился рейд Генералов. Несколько вооруженных колонн на мотоциклах и пикапах въехало в район Центральной: две со стороны Фавел и еще одна через Южные ворота. Уже находясь внутри, они разбились на множество групп, атаковав отдельные цели. Так первым пострадал большой дом с черепичной крышей, где имели обыкновение проводить время тузы. Всех, кто находился внутри, покروшили в фарш, особенно не разбирая, кто расписной, а кто шляха случайная. Досталось и ресторану, которым они заведовали и где любили покутить, и прочим заведениям, так или иначе принадлежащим артели. Поговаривали, что фавельцы наведались в гости к Киче, одному из главных в иерархии стригунов, но того то ли дома не оказалось, то ли успели предупредить.

Гоняли ночью расписных, что тараканов по кухне. Всех бы передавили, но особо шустрые успели укрыться в западной части поселка, контролируемой казаками. К малажцам рейдерские группы сунуться не рискнули. Покуражились напоследок, разграбили все что плохо лежало, и скрылись в недрах Фавел. Поди разыщи их в месте, где каждый второй состоял в банде, а каждый первый из числа сочувствующих.

Жандармские это понимали, потому и не спешили войти в поселок. Встали по периметру трущоб, чтобы не приведи Всевышний, тараканы не поползли в верхний город, и принялись ждать решения сверху. Пока ждали, ситуация разрешилась сама собой: стрельба стихла и на улицах перепуганного Красильницкого наступило затишье. В поселок жандармские все же вошли, но в этот раз обошлось без броневиков и войск специального назначения. Блокпосты организовали лишь на двух главных улицах, да и те к вечеру сняли за ненадобностью.

Жандармские уши, вопросы остались. И самый главный из них, кто теперь в Центральной власть? Стригунам здорово хвосты прижали, так что они теперь не скоро

очухаются. Фавелы может и рады были проглотить столь жирный кусок, да только кто им позволит — нехристям иноземным среди народа православного командовать. Тут и обычные жители взбунтуются, дома свои подожгут, а латинян в свой район не пустят.

Я долго мучал мастеровых расспросами, пока из кабинета не вышел дядька Степан и не прогнал меня.

— Иди вон на улицу любопытствуй, — велел он мне.

Я и рад бы, да только запретил Лукич дальше двора нос высовывать. Сам куда-то ушел, а мне только и оставалось что маяться в неизвестности. Делать нечего, взял с полки книжку и в сотый раз принялся читать историю про приключения Дениса Ложкина, который вместо того, чтобы отправиться в плаванье на плоту, занимался откровенной ерундой: то ветхой старушке дверь чинил, то цветов на клумбе нарвал для одноклассницы, а та его за это отчитала. Короче делал все что угодно, лишь бы не сплавляться вниз по Неве. А тут еще приехавший в гости дядя узрел в племяннике хулигана и принялся жизни учить. Дескать, уроки нужно зубрить, старших слушаться и сладкое перед ужином не есть, и такой тягомотины на добрых три страницы. А приключения где?

Содержимое строчек ускользало от моего внимания, сколько бы я не пытался сосредоточиться. Посторонние мысли жужжали и жужжали надоедливым роем, раз за разом подкидывая одни и те же вопросы. Что, если Гамахен прав, и в тетрадке действительно упоминалось о синтетических наркотиках, или хуже того, лаборатории по их производству? Что если записи и стали всему причиной? Нет, полный бред... Передавал-то я информации стригунам, им какой смысл кипишь устраивать, да еще и в собственном районе. Вот если бы про детище папы Шульгина узнали генералы...

«Стоп»! — лежащая в руках книжка захлопнулась с глухим звуком. А не это ли самое случилось? Что могло быть хуже, чем устроенный наркокартелем карательный рейд? Из-за чего генералами овладела слепая ярость? Задели за святое? Получается, что так... У бандитов в отличии от простых людей святость заключалась не в образках, и не в фарфоровых фигурках Девы Марии, украшавших каждую хижину Фавел. Для них важны были власть, деньги и репутация. Последнее может главнее всего, об этом в свое время атаман говорил. Какой же ты наркоторговец, если позволяешь чужакам захватывать рынок. Не где-то там в далекой Москве, где сходятся интересы кучи народа, а прямо здесь под боком — в родном Красильницком, где все давным-давно договорено и поделено. Никто не имеет права торговать наркотой в трущобах без ведома на то генералов, а тем более производить — **НИКТО!** И это правило соблюдалось всеми, в том числе и заклятыми врагами бразил — малажскими казаками. Значит...

А что это значит, додумать я не успел. Входная дверь хлопнула и в коридоре показалась фигура Лукича. За широкой спиной бобыля маячила еще одна тень. Я не придавал этому особого значения, мало ли кто в гости пожаловал. Тот же Василий, навещавший нас в последнее время чуть ли не каждый день. Сами чаю сядут гонять, а меня снова на улицу выпрут, чтобы не нарушал секретности разговора.

Не дожидаясь команды, я встал с кресла, поднял взгляд и обмер, потому как из-за плеча Лукича показался Михась.

— Помнишь меня? — рот казака ощерился в довольной улыбке. — По глазам вижу, что помнишь. И я тебя не забыл, мелкий поганец. В особенности тот подарок, которым ты меня наградил.

Михась опустил бритую голову, и я увидел шрам, тонкой линией проходящий через

макушку — давнишний след от свинчатки.

— Ну как, нравится?

Не знаю на что Михась рассчитывал, задавая вопросы. Если припугнуть, то у него получилось. Ноги сами рванули к окну — единственно возможному выходу, остававшемуся за спиной. Хотел я вывалиться наружу вместе с сеткой от комаров и дальше через задний двор уйти на улицу.

Но увы, вмешалась судьба-злодейка. Сделала она это самым подлым из имеющихся способов. Что я, не знал про кресло? Знал и все равно налетел на угол. Потеряв равновесие перекувыркнулся и с грохотом покатился по полу, сбивая по пути различные предметы, вроде табурета или трехногого торшера. Попытался вскочить, но Михась был уже рядом.

Не зря говорят в народе, что каждого казака обучают рукопашному бою. Этот оказался не только сильнее, но еще и куда ловчее меня. Оплел запястья невесть откуда взявшимися стяжками и кинул обратно на пол, придавив сверху коленкой.

Я попытался было дернуться и тут же огреб. Лоб мой с глухим стуком ударился о деревянный настил, а потом еще раз и еще...

— Ну что, щенок, пропало желание бегать? Погоди чутка — побереги силы, они скоро тебе понадобятся.

— Дядька Лукич, за что?! — закричал я, понимая, что единственной надеждой остается бобыль, молча наблюдающий за разворачивающейся сценой. — Я же ничего плохого не сделал... Я же всё согласно вашему приказу, дядька Лукич?!

— Ты пойми, щенок, — с неожиданной теплотой в голосе проговорил Михась, — иногда людскую жизнь отдают в качестве довеска к оплате. Ты мой положенный бонус за хорошо проделанную работу, потому не создавай лишних сложностей, не вертись.

И от этой его заботы стало еще хуже.

— Дядька Лукич! — заорал я, осознавая, что все происходящее — это не нелепая случайность и не чья-то ошибка. Передали Лешку Чижика из рук на руки, словно бездушную вещь. За что, значения не имеет. Нюансы отходят на второй план, когда на кону стоит твоя жизнь. — Дядька Лукич, он же меня убьет.

— Что ты, что ты, — запричитал Михась, изображая заботливую кумушку. — Чай не нехристь какой, детскую душу губить. Еще и крещеную поди? Грех-то какой тяжкий... Лучше возьму молот потяжелее и перебью коленные чашечки до мелких осколков, а после кистями займусь. До каждой косточки доберусь, чтобы даже пальцами пошевелить не смог, не поморщившись от боли. Свезу на десяток верст от города и в степи оставлю. Сумеешь доползти, честь тебе и хвала, а нет — земля пухом. И заметь, никакого душегубства. Чист я останусь перед богом, — и Михась словно в насмешку перекрестился свободной рукой.

Невыносимый ужас сковал душу. Я отчетливо понял, что это конец — настолько страшный и мучительный, что даже врагу не пожелаешь. Перед глазами замелькали образы распятого на земле тела и тяжелого молота, опускающегося с небес. Он с хрустом ломает суставы — крошит кости на острые осколки-ножи, пронзающие тело при малейшей попытке пошевелиться. Да от такой боли на месте скончаться можно, не то что десять верст проползти.

Чужая рука схватила за шкуру и, оторвав от пола, потащила в сторону выхода. Я попытался обернуться неподвижным кулем, но после пары болезненных тычков был вынужден начать перебирать ногами. Мамочка дорогая, до чего же страшно... Кажется, я читал молитвы, путал их, менял местами слова, прося о милости то Деву Марию, то Христа,

то Михаила Заступника. И конечно же маму, приглядывающую с небес за непутевым сыном.

В коридоре было настолько темно, что я едва смог различить доски настила под ногами, а когда оказался за дверью, то и вовсе ослеп. На улице царила глубокая ночь, наполненная стрекотом неугомонных сверчков. Ноздри наполнил тяжелый металлический запах, на который раньше не обращал внимания: может все дело в запчастях, во множестве разбросанных по территории двора, а может в разбитом носе. Вдруг подумалось, что я в последний раз иду по этой самой тропинке. И больше никогда не окажусь в мастерской, не перекинусь парой приветственных слов с Мартьяном, не пошучу над курящим за складом Тошей, и не увижу, как Малюта пальцами гнет гвоздь-двойку. И Арина... Девушка наверняка будет волноваться, искать меня. Может однажды посмотрит в сторону степи и не будет знать, чьи это обглоданные косточки лежат под волнующимся ковылем. Не захороненные по христианскому обычаю, а оставленные в чистом поле, словно я самоубивец какой.

Мамочка дорогая, до чего же страшно...

— Михась, погодь-ка, — послышался за спиной голос Лукича.

— Чего еще? — недовольно процедил казак, но все же остановился. Толкнул меня в бок, чтобы не вздумал шалить, а после грохнул выстрел. Он прозвучал громом среди ясного неба — настолько неожиданно, что на мгновенье смолкли сверчки. Я рванул вперед, руководствуясь единственно верным правилом выживания: если бьют — беги, если стреляют — беги, если не понимаешь, что происходит — беги... Беги, не раздумывая и не сомневаясь. Только трудно это сделать со связанными за спиной руками. Я запелся в собственных ногах и споткнувшись, с размаху полетел на землю. Удара не почувствовал, лишь огненную боль в вывернутых до предела запястьях. Сцепил зубы от боли и пополз вперед, к месту, где как думалось находился спасительный выход.

— ... ты обещал, — послышался за спиной хриплый голос Михася, — ты... ты дал слово.

— И слово свое сдержал, — подтвердил Лукич, — прощение атамана ты получил и деньги — все согласно условиям договора.

Ступеньки крыльца заскрипели под весом бобыля. Я скорее почувствовал, чем увидел его приближение. Завертелся еще быстрее, пытаюсь укрыться в спасительной темноте. Но куда там — неумолимое время словно застыло на месте, и я вместе с ним, словно глупый жучок, угодивший в стакан с густым киселем. Дергался, дрыгался из последних сил, а возвышающиеся впереди кусты не приблизились.

Шорох шагов за спиной стих.

— И пацана я тебе отдал на блюдечке с голубой каемочкой, а вот оставить в живых после не обещал. Уж прости, но такие были договоренности. Ты никогда не умел видеть дальше собственного носа, Михась. Амбиций нажил целое море, а вот ума не сподобился.

— ... атаман узнает... он не простит, — речь казака становилась все менее связной. Отдельные слова с хрипом вырывались из его глотки. Но я уже не слушал, а полз и полз вперед — до тех самых пор, пока не уперся в ботинки, замершие перед самым носом. С силой вжался в землю — замер и перестал дышать, словно это могло помочь. Над самым ухом щелкнуло лезвие ножа, а спустя секунду лопнула натянутая до пределов стяжка. Побежала, заструилась кровь по онемевшим рукам. Заколола сотней иголок, впившихся в едва шевелящиеся конечности.

— Когда надоест играть в дождевого червя, сходишь в мастерскую, принесешь пару брезентовых мешков, — произнесла нависшая над головою тень Лукича. Колыхнулась,

направившись в сторону дома. Заскрипели разошедшиеся ступеньки крыльца, хлопнула входная дверь.

Я с трудом перевалился на спину. В траве по-прежнему пели сверчки, обласканные теплотой летней ночи, шумели далекие улицы верхнего города, и где-то неподалеку хрипел умирающий Михась. Встать и куда-то идти не хотелось... не было сил. Из стиснутых зубов наружу рвался дикий плач, но я все же сдержался — проглотил подступивший к горлу комок, а после уставился в полог звездного, расплывшегося от слез неба.

Глава 10. Осень пришла

Осень пришла в Красильницкое согласно расписанию. Еще вчера яркое солнце радовало глаз, а стоило перевернуть страницу календаря, и серая хмарь затянула небо до самого горизонта. И кому только в голову пришла идея отмечать Новый Год в сентябре? Почему не в апреле, когда мир вокруг расцветает или скажем в мае — самом красивом времени году, полном еще сочной, не успевшей засохнуть зелени. Что за радость отмечать праздник под аккомпанемент накрапывающего дождя?

Люди вокруг только и делали, что носились с подарками. В мастерской появились украшения из гирлянд и бумажных фонариков, а дядька Степан в кои-то веки решил отойти от строгих правил, позволив накрыть в столовой праздничный стол. На шумное мероприятие собрались целыми семьями: с женами и детьми, невестами и подругами. Надо отдать должное Сафире, та хоть и была теткой вредной, но при этом весьма способной, если речь шла о командовании. Она даже Никанорыча переплюнула, сумев в кратчайшие сроки организовать мастеровых. Те не только залу украсили, но и расчистили площадку под танцы — прибрав, казалось бы, вечный хлам. Заодно сыскались некоторые потери, вроде старых накладных или очков Кузьмича, утерянных прошлой весной.

Каждый принимал участие в подготовке, и даже ленивый Еремей позволил взвалить на собственные плечи груз ответственности. Он занялся единственным, что умел... ну, если не брать в расчет талант по окучиванию престарелых барышень — сел за баранку старенькой «Рубы» и принялся кататься по поселку, выполняя мелкие поручения. Все оказались при деле, кроме меня.

Не то чтобы Лешку Чижова не приглашали — звали еще как, дядька Степан, Мартьян, другие мастеровые. Даже Лукич обмолвился в том духе, что дескать не стоит запираяться от людей, ежели не хочешь оставшуюся жизнь бобылем прожить. Кто бы говорил... И Мартьян свое заладил: Новый Год на носу — праздник, его непременно нужно отмечать в кругу близких людей.

Кому я там близкий? Тетке Сафире, едва не ошпарившей кипятком в прошлые выходные? Случайно она выплеснула кастрюлю, когда я мимо проходил. Ага, как же... так и поверил. Или тому же Мартьяну? Каждый норовит потерянного щенка потрепать по холке, а что — он забавный, смешной. Можно его жизни поучить за между прочим, чтобы скуку во время перекура развеять. Или как Лукич...

После той злополучной ночи бобыль пару дней не обращал на меня внимания — занимался своими делами, пока однажды не появился под вечер и не ошарашил заявлением: *«мы едем в гости»*.

По телу пробежался неприятный холодок. Мне почему-то сразу представился Михась — такой, каким видел его последний раз: с выступившей на лбу испариной, с остекленевшим взглядом. Нынче тело казака покоилось в степи, но туда мы не поехали, свернув по пути на запад. Машина принялась петлять по закоулкам малажской стороны, а потом я увидел знакомый дом с резным крыльцом и яблоневым садом.

Малага все так же сидел за столом: в белой сорочке, расстегнутой до середины груди, в синих казацких штанах с лампасами, словно и не уходил никуда с нашего последнего разговора. Он во всю хрустел сухарями вприхлебку с горячим чаем. До того аппетитно, что не сразу обратил внимание на вновь прибывших. А заметив нас кивнул, мол располагайтесь

гости дорогие, сейчас остатки дожую и тогда поговорим.

Разговора толком не получилось, да и не собирались со мною беседы вести. Просто поставили перед фактом, что теперича я казацкого рода племени. Заявили на голубом глазу, словно позабыв, о чем говорилось прошлой зимою. Не давал я согласия на пожизненную кабалу в малажской ватаге, не просился в банду. Лишь отбывал годовую повинность за тот давний случай с Михасем, про который окромя меня одного никто не помнил. Или делали вид, что не помнили.

Перевернули все с ног на голову, назвав прошедшие месяцы испытательным сроком. Я даже чашку ароматного чаю не успел отхлебнуть, как вдруг ощутил тяжесть ярма на шее.

— Ловкий ты, Алексей... и соображалка быстро работает, — заявил атаман, — нам такие люди нужны.

Им-то нужны, это понятно. А меня спросили? Хотел я возмутиться, но перед глазами сам собою всплыл образ Лукича с ружьем наперевес. В ушах прозвучало эхо далекого выстрела, отчего язык к небу присох и не шевелился до окончания встречи. Нет, я еще не совсем спятил, чтобы атаману малажскому в его же доме перечить.

Промолчал я и когда вернулись обратно. Взял набившую оскомину книжку про приключения питерского школьника, забрался с ногами на кресло и сделал вид, что читаю. У самого же мысли ворочались: что делать... что теперь делать?! Выходит, дурачком я был, раз всерьез надеялся, что меня отпустят. В особенности после всего того, что успел узнать и увидеть. Заведение на Блинчикова было не просто автомастерской, занимающейся перепродажей ворованных тачек. Это был настоящий форпост малажских ватажников в районе Сермяжки. Если бы в криминальном мире существовало понятие диппредставительства, то это было бы именно оно с положенными функциями и штатом.

Угораздило же меня попасть в самый центр змеиного кодла, из которого теперь по собственной воли не выбраться. Атаман так прямо и сказал: *«мы на тебя рассчитываем»*, при этом забыв уточнить в какой роли: пешки или жертвенного агнца. Да и роль ферзя в отдаленном будущем не прельщала. Помнится, покойный Михась в ближниках ходил у Малаги, за одним столом с ним сидел и чем по итогу все закончилось — безымянной могилой в степи? Права была бабушка Лизавета, когда советовала держаться подальше от этого рода-племени. Ругала их на чем свет стоит, называя лихой бедой. Предупреждала сколько раз:

— Никогда не знавайся с бандитским отребьем. Не будет добра от гнилого семени, только душу свою погубишь, так и знай.

Я это знал, и все равно умудрился влипнуть. Судьба словно издевалась надо мною, каждый раз давая не то, что прошу. Ведь если задуматься, до чего же забавная история приключилась. Гринька всю жизнь мечтал стать настоящим бандитом, которого бы боялись и уважали. Он даже учился блатному жаргону просматривая кучу фильмов, репетировал перед зеркалом тяжелый взгляд, от которого бы мелкие лавочки падали в обморок. Я же грезил обучением в академии Его Императорского Величества для одаренных. Видел в этом единственный шанс вырваться на свободу из того клоповника, где оказался волею судьбы, а по итогу... А по итогу перепутала злодейка наши нити, развела с точностью наоборот. Так я оказался на коротком поводке у малажцев, а друг в Академии. Хотя какой он к черту друг — песий сын и предатель. Уж сколько времени прошло, а таящаяся внутри злоба не затихала. Стоило только вспомнить мерзкую ухмылку Гриньки и едва тлевшие угольки ненависти разгорались с новой силой. Из-за него все пошло под откос, из-за его языка длинного! Если

бы тогда не сболтнул, кто напал на Михася — глядишь, и сложилось бы моя судьба иначе. Как — не знаю, но то что по-другому — точно. Без Лукича, имеющего право распоряжаться моей жизнью, без маячившего за его спиной грозного атамана.

Воду в сите не удержишь, как не старайся. Уже на следующей неделе половина Сермяжки знала, кто есть Чижик. Не уличная шпана без роду и племени, а малажский ватажник. Однажды на рынке меня погнала одна из торговок. Сделала это больше по привычке, заметив ошивающегося у прилавка беспризорника. А соседка на неё возьми и пришикни, дескать ты чего — подруга? Знаешь, на кого с бранными словами бросаешься? Наклонилась на ушко и что-то тихонечко зашептала. Несчастливая женщина аж с лица сбледнула. Округлив глаза от страха, принялась мучительно подыскивать новые слова. Уж наверняка более ласковые прежних. Только я дожидаться не стал, развернулся и быстрым шагом покинул торговый ряд.

По началу подобная слава радовала. Особенно на Асташково, где жила сколоченная братьями Сидоровыми банда. Гоп-компания, отнимающая карманные деньги у таких же малолеток, как и они сами. Самый старший из них — Санек был пятнадцати лет отроду, а младший Коржик то ли девяти, то ли восьми. С каждым годом их аппетиты росли и множились. И вот уже поползли по поселку слухи, что они пьяных обирают. Не только тех, кто вповалку лежит и лыка не вяжет, но и способных дать отпор — одному или двум, но не целой стае мелких шакалов, атакующих с палками наперевес. Первое убийство было лишь вопросом времени.

Раньше я Асташково стороной обходил, огибая по кривой дуге за две улицы, а нынче шел напрямки, чувствуя за спиною злые взгляды. Ничего не могли мне сделать мелкие шакалята, потому как знали: нападение на Чижа сродни нападению на любого из малажцев, а последние нынче в фаворе у госпожи удачи — чувствуют себя хозяевами в Центральной наравне со стригунами.

Дорого заплатила артель за оказанную услугу. Временным прибежищем их обеспечили, от гнева картеля уберегли, но и плату взяли такую, что уж лучше было бы в голой степи схорониться. Потеряли расписные свою единоличную власть, и как следствие уважение. Теперь каждый знал, что в случае опасности они сбегут, словно паршивые шавки — поджав хвосты. И что лихость их напускная, только и способная, что рыночных торговцев пугать. Другое дело — казачки, неоднократно дававшие укорот обнаглевшим бразилам. Такие и себя защитят, и район от возможного рейда. Не то что эти...

Авторитет малажцев взлетел до невиданных высот. Теперь ходили казачки по улицам поселка важными, чувствуя себя чуть ли не освободителями всего православного народу. Меня эти изменения тоже коснулись: теперь каждая собака на поселке знала, что Чижик — человек того самого Лукича. Старые знакомцы умолкали при моем появлении, а торговцы на рынке становились необычайно добрыми и ласковыми. Некоторые так и вовсе норовили угостить сладостями, говорили теплые слова, только в глазах не было и следа от той теплоты. Одна лишь настороженность и затаившаяся злоба.

Статус давил... Из тела ушла былая легкость и я уже не бегал — ходил, словно окруженный прозрачным пузырем. Стоило людям оказаться внутри него, как они тут же начинали вести себя иначе: ввали, заискивали или вовсе умолкали, ожидая, когда я пройду мимо. Не было больше старого Чижика на улицах поселка — исчез он... испарился. А новый никому не нравился, и даже старые знакомцы предпочитали держаться от меня подальше.

На Новый Год я ощутил одиночество особенно сильно. Душу словно скрутило в тоскливом приступе, когда и одному тяжело и с людьми невыносимо. Чтобы хоть как-то отвлечься, решил пойти на рынок, где к тому времени установили массу развлекательных аттракционов. И уже на первом из них меня пропустили без очереди. Зазывала мало того, что предложил пострелять бесплатно, так еще и положил сверху пять дополнительных пулек. Демонстрировал натянутую улыбку, а я стоял и чувствовал, как проклятый пузырь искажает вокруг пространство. Как люди в толпе бросают тайком ненавидящие взгляды, как перешептываются за спиной, а стоящая впереди девчонка дергает за рукав отца, спрашивая:

— Пап-пап, почему этот мальчик впереди? Ведь сейчас наша очередь.

И куда бы я не пошел, куда бы не направился, пузырь следовал со мной. Слишком тесным местом оказалось Красильницкое, где все друг у друга на виду, а уж район Сермяжки тем более. Не Центральной — Сермяжки... Вот и я уже начал мыслить категориями казаков.

Хотел прогуляться в сторону Южных Ворот, поздороваться с пацанами, которых не видел несколько недель. Но здраво рассудив, решил отказаться от этой затеи. Вряд ли мнение Тоши или Малюты обо мне изменилось в лучшую сторону. Скорее наоборот — ухудшилось, особенно учитывая последние новости. Чижик теперь не сам по себе, Чижик теперь малажский — бандит, одним словом. А от последних умные люди старались держаться подальше, если только не хотели получить пером в бок или взлететь на воздух вместе с машиной... Нет, на заправку я больше ни ногой.

Потолкался еще на площади, поглядел на веселящуюся толпу, да и отправился восвояси под монотонно зарядивший дождик. Вроде и гулял всего ничего, а из тела будто всю энергию высосало. Хотелось забраться под крышу, под любой навес, забиться в угол и, накрывшись курткой, прикорнуть. Почувствовать сквозь дымку дремоты забытый запах табака, исходящий от деда Пахома. Услышать надтреснутый старческий голос, рассказывающий очередную сказку под перестук дождевых капель. Вернуться в прежний мир, где все было легко и понятно. Где проходила четкая граница между добром и злом, и где я был непременно на стороне первого. Не бандитом с улицы, а былинным богатырем в остроконечном золотом шлеме и развивающимся за спиной плащом алой расцветки.

У каждого воина было тайное место, откуда брался запас неисчерпаемой богатырской силы. К примеру, у крестьянского сына Ильи Муромца — это была избушка в родной деревне, а у земледельца Микулы Селяниновича — могучий дуб посреди леса. У меня такое место тоже имелось, расположенное аккуратно на крыше пекарни.

За последний год оно никакпельки не изменилось. Я помнил каждый скол и каждую трещинку, дурманящий аромат свежей выпечки и горечь, исходившую от порядком поистрепанной гидроизоляции. Местами настолько дырявой, что можно было просунуть руку и ощутить ладонью шершавую поверхность бетонного покрытия. Печная труба оставалась такой же теплой, как и всегда. Я по привычке облокотился на неё и уставился вдаль. В ту сторону, где возвышались столпы зеркальных небоскребов, едва различимых в дождевой пелене. Закутался потеплее в куртку, прикрыл глаза и ничего... Ни капельки живительной энергии не просочилось внутрь. Только надоедливый дождь барабанил по крыше. Ушла магия из места, когда-то давно казавшегося домом. С волшебными столпами, подпирающими твердь хмурого неба и степью, нынче сменившей окрас и ставшей похожей на корсака в рыжевато-бурой шубке. Помнится дед Пахом рассказывал, что водятся среди них девы-обёртыши. Если в лесах они перекидывались в волчиц, то здесь в степную лисицу с пушистым хвостом и забавно торчащими ушками. Если удастся такую приручить, то станет

она тебе верной спутницей: доброй хозяйкой и заботливой матерью будущих детей. Не сыскать среди девиц лучшей избранницы, если бы не одна червоточинка — часть звериного нутра, запрятанного глубоко в душу человеческую. Каждое полнолуние покидали они уютное супружеское ложе и уходили в степь, где оборачивались в красивого степного зверя. Бегали и резвились под светом серебристой луны, дурачились со своими сородичами. Заигравшись, могли и вовсе не вернуться, в особенности если первые лучи солнца заставляли их врасплох, и острый нюх не мог почуять запаха родного дома. Тогда умирали волшебные звери от отчаяния, понимая, что больше никогда не смогут увидеть любимого супруга, деток. И тела их лежали нагими в степи.

Однажды прошла молва, что нашли мёртвую девушку за железнодорожной насыпью. Обнаженную и красивую, как и положено той, что способна оборачиваться в лисицу. Видать не дошла до дома, совсем чуть-чуть ей оставалось. Пацаны с улицы гурьбой побежали, чтобы одним глазком посмотреть на чудо дивное. И я очень хотел, но дед Пахом запретил. Сказал, что не след ради развлечения на мертвецов таращиться, не по христианским это обычаям. Мне, конечно, обидно стало, почему это другим можно, а мне нельзя. Надулся и сидел сычом до тех самых пор, пока вернувшиеся пацаны не рассказали, что сказки врут. Выглядела эта девица серой, что земля на которой лежала, вся в кровоподтеках и ссадинах. И не было в ней ничего красивого, разве что выющиеся волосы. Каждый год в степи находили обернувшихся и не сумевших вернуться домой лисиц: полуразложившихся, с остатками одежды и плоти на белеющих костях. Теперь я уже вырос и понимал, что никакая это не сказка. Волшебство окончательно покинуло мир и осталась лишь быль, подернутая серой пеленой дождя.

Мне вдруг захотелось увидеть содержимое припрятанной неподалеку шкатулки. Посмотреть собственными глазами на то, что имело некогда высокую ценности. Детский клад оказался нетронутым: дурацкие фантики, обертки — которые я тут же рвал и выкидывал... старинная монета, а вот это, пожалуй, оставлю, как и боевой патрон от пистолета. На самом дне лежала визитка с золотым тиснением, о существовании которой успел забыть. А ведь это было совсем недавно: богатый ресторан, кусок французского паштету на блюде и Аполлинарий Андреевич, делающий свое предложение.

«Времени тебе до декабря», — прозвучали слова в памяти.

Стоп, а ведь это может быть выход. Да-да, я держу в руках билет на скорый поезд из Красильницкого. И может быть это единственный шанс сбежать от малажцев, посадивших на крепкий поводок. Имелись у Лукича задумки на мой счет, точно имелись. Не зря же он намедни сказал, что скоро приступаем к тренировкам, будем укреплять силу духа и тела. Слова красивые, спору нет, но я-то знал, что за ними стоит: станут Лешку Чижику колошматить день-деньской, обучая новым казацким приемам. И ладно если только это... Лукич давно ворчал, что нет в моей жизни распорядка: когда хочу ложусь, когда хочу встаю. Живу вольной пташкой, не знающей забот и хлопот. Всё — хватит, долетался. Пришла пора из Чижики настоящего казака лепить. Какого именно, боббель не уточнил, но и без того было понятно, что навроде того молодняка, которого в казармах натаскивают. Живое мясо для будущей схватки с Фавелами. В том, что таковая грядет, не оставалось сомнений: существовавшее до сих пор равновесие было нарушено, некогда разделявшая противоборствующие стороны серая зона перешла под контроль малажцев, а значит быть войне.

Капли дождя заскользили по поверхности гладкого пластика. *«Аполлинарий Андреевич*

Стоцкий» — ведущий специалист по челюстно-лицевой хирургии клиники Святого Пантелеймона Целителя, — гласило содержимое визитки и номер персонального приемника в самом верху. Пять цифр... набрать их и одной проблемой в жизни станет меньше. Всего лишь пять цифр... набрать их или погодить, чтобы не вышло как в той старой пословице, когда из огня да в полымя. Как бы не оказались социалисты наихудшей проблемой из имеющихся. Малажские казаки они что — зло известное, действующее в рамках понятной логики, а чего эти нехристи хотят, еще поди разбери. Пудрят мозги обывателю рассказами о справедливости, дескать нет её в обществе... А она вообще когда-нибудь была, эта самая справедливость? Даже в сказках такого нет, что уж говорить о реальной жизни. Благо они хотят для простого народа... Пардонте, а сами-то вы откуда вышли, из рабочих и крестьян? У одного на роже написано, что дворянчик, другой доктор, паштетом французским на обед питается, третий и вовсе царю родственником приходится. И все с заботой о простых людях.

Визитка в пальцах дрогнула.... Бандиты малажские или социалисты, до чего же непростой выбор предстоит. И посоветоваться не с кем... Хотя стоп, о чем это я?

Крышка шкатулки с глухим стуком захлопнулась. Спрятав сокровище, я спустился с крыши и уже с легким сердцем направился по родному адресу.

Тополина, дом семнадцать...

Хозяйка небольшой квартирки выглядела заспанной, словно извлеченный из норки сурок. Пока я говорил, она все зевала и расчесывала пальцами комья спутавшихся волос, а когда закончил — потребовала:

— Теперь тоже самое, но помедленнее.

Дала кружку чаю, чтобы смог перевести дух. Поставила на стол вазочку полную овсяных печений — погрызть и успокоиться. И вправду, чего это я раздухарился? Аж дыхание сбилось, пока пытался изложить свой рассказ.

Вторая попытка далась куда легче. Я старательно делал паузы, сцеживая воду и взвешивая слова. Не отклонялся от заданной темы и Арина, до того дремавшая — заинтересовалась. Уселась напротив, подогнув под себя ногу и даже подперла кулачком щеку, что означало крайнюю степень внимания.

Когда повествование было закончено, девушка некоторое время молчала, обдумывая услышанное, а после спросила:

— Ты точно уверен, что они не аферисты?

— Кто? — не понял я.

— Ну эти твои «великий князь и компания». Тайное общество за закрытыми дверьми, свечи, чтение вслух книг... прости, но это больше тянет на развод.

— И какой в этом смысл?

— Ну ты же сам рассказывал, что теперь работаешь на малажцев. Аж на самого Лукича — смотрящего за целым районом. А это значит через тебя можно получить доступ к сверхсекретной информации.

Мне показалось или в голосе девушки прозвучала ирония. Нет, не показалось, вон и лукавая искорка промелькнула в глазах. Эх, знала бы она, насколько близка к истине. Ткнув пальцем, угодила в самое яблочко. Имелся уже один охотник до тайн — ловкий стригун. Вот только неслышно его в последнее время, запропастился куда-то.

— Нет, это не аферисты, — уверенно заявил я. — Зачем разыгрывать сложную

комбинацию, если существуют более простые пути. Да и не они ко мне пришли, я к ним.

— Угодил на тайную вечерю с великим князем во главе стола, — рассмеялась девушка. — Позволь спросить, что же они читали: Новый Завет, Жорж Санд или о ужасе запрещенного к изданию Герцена?

— Не скажу, — пробурчал я.

— Не скажешь, потому что не знаешь или потому что обиделся? — Арина состроила озабоченную мордашку. До того потешно получившуюся, что я с трудом сдержался, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Не скажу, потому что без понятия.

— Хмм, полусумрак... свечи, — девушка сделала вид что задумалась. — погоди, а может они вызывали красного беса революции. Точно — беса! Ведь не зря же в народе говорят, что они с нечистой силой знают... Эй, кавалер, ты куда это собрался?

— Приду, когда будешь настроена на серьезный разговор, — бросил я через плечо.

— Ну хорошо-хорошо, я сдаюсь, — Арина задрала вверх руки, такие же худые и тонкие, как и она сама, — клянусь больше не шутить по данному поводу.

— Свежо предание, — проворчал я больше для порядка. Уж очень не хотелось уходить из уютной квартиры. Не портила общую картину даже разобранная постель, с которой поднял девушку — вон, до сих пор продолжает зевать, хотя до того и выпила кружку крепко заваренного чаю.

— Ну? Чего уставился, кавалер?

— Ты вредная.

— Да, я могу быть вредной, — призналась хозяйка, — но и ты пойми правильно. Заявился весь такой красивый посреди дня, разбудил бедную девушку, навел шороха: тайное сообщество, великий князь... Знаешь, сколько в истории России было самозванцев, одних только Петров Третьих с десятков наберется. А уж Лжедмитриев...

— Товарищ Ортега не такой. Он ни на что не претендует, наоборот сам предложил.

— Да-да, я уже слышала про место в Академии, — наигранно скучным голосом произнесла девушка, — а чего еще он обещал?

— Не он, а доктор.

— Ах да я забыла, был же еще доктор в ресторане. Напомни, как называлось сие заведение?

— Лячбича... или лячибичита, — я потер лоб, пытаюсь напрячь память. — Блин, да не помню. Оно еще на Калюжке углом стоит, на входе лестница с ковром и швейцар имеется.

— Может «Ля шабишу»?

— Может и так, — не стал я спорить, — паштет гусиный у них и вправду отменный. Только на хлеб его почему-то не мажут, едят прямо так — с зеленью, и вприкуску с кисло-сладким соусом.

— И бокалом Шардоне, — непонятно отчего вздохнула моя собеседница.

— Не-е, бокалов не было... Мы пили сладкий чай из фарфоровых чашек, а после доктор карточку всучил, — я извлек из кармана красивую визитку и не без гордости положил на стол. — Сказал, ежели надумаю сотрудничать, чтобы позвонил, но обязательно до декабря, иначе потом поздно будет.

— Надо же, похоже на настоящую, — девушка покрутила в руках визитку, — качество материала, золотое теснение... Аполлинарий Андреевич Стоцкий — ведущий специалист по челюстно-лицевой хирургии клиники Святого Пантелеймона... Х-м-м, мне кажется, или так

называется одна из больниц в центре горда?

Я сроду не ходил в аптеки, потому и промолчал.

— Не возражаешь, если я оставлю визитку у себя. Хочу проверить кое-какую информацию.

— Да без проблем, — пожал я плечами. Пятизначный номер запомнился, а большего и не требовалось.

— Теперь по поводу твоей просьбы, — Арина на секунду замялась. Неужели кусок картона пошатнул уверенность девушки в том, что все случившееся афера или глупый розыгрыш? Похоже на то, иначе не стала бы она хмурить тонкие брови и отбивать дробь по столешнице острыми ноготками. — Предлагаю встретиться через неделю. Надеюсь, что к тому времени мне удастся раздобыть кое-какую информацию. И если доктор действительно существует...

— ... значит я оказался прав, — продолжил я за девушку. Рассчитывал получить ответную улыбку, но Арина нахмурилась только сильнее.

— Это лишь будет значить, что некоторым важным господам из верхнего города зачем-то понадобился ребенок.

— Я не...

— Помолчи!

— Но я не...

— Помолчи, я сказала! Или напомнить, сколько детей пропадает каждый год? Не все они тонут в озере или убегают играть в степь. Бывают случаи и похуже.

— Что я, девка какая, чтобы меня насильничать, — попытался я перевести все в шутку и снова неудачно. Настолько, что Арина чуть ли не силком выперла меня за дверь, строго наказав явиться через неделю, а до той поры никому не звонить, с подозрительными господами по ресторанам не шляться и вообще, вести себя тише воды, ниже травы. Будто я до этого только и делал, что шумел, да столовался по дорогим заведениям.

Целую неделю я не покидал пределы внутреннего двора. Не из-за слов Арины, не из-за опасения быть убитым или похищенным, вовсе нет... Другая причина держала меня.

Привел Лукнич для моего обучения молодого казачка — Дмитрия, стало быть Митьку. Правда последний на простонародное обращение обижался. Требовал величать себя на «вы» и непременно мастером. Ну надо же, какие мы важные. У самого вместо усов цыплячий пушок, а требований вывалил целый вагон и маленькую тележку: от драки не убегать, палку в руки не брать, песком и камешками не бросаться, в низ живота не бить. Взял и лишил за раз всех козырей, а других в запасе не имелось. Трудно на равных драться с противником, который мало того, что старше, так еще и обучен хитрым приемам. Как он меня только не кидал: и через плечо, и через бедро, и закрутив волчком на месте. А один раз, упершись ногой в живот, перебросил через себя, запустив в долгий полет. О многом успелось подумать в те секунды, что находился в воздухе, в том числе и нафига все это нужно? В пушечное мясо хотите превратить для будущих бандитских разборок? А вот хрен вам — сбегу. Не к социалистам, так за Южные ворота. Сооружу лежанку в заброшенном гараже и как-нибудь перезимую. Не пугала меня перспектива остаться без крыши над головой, чай не в первой. Куда хуже виделось будущее, состоящее из сплошной череды тренировок.

Укатал меня мастер Митька, что сивку крутые горки. К концу недели я не только с постели вставал с превеликим трудом, но и конечностями шевелил еле-еле. На какой бок не

повернулся — всё больно. Не осталось на теле живого места: всюду синяки, да ссадины. А этот мастер, растудыть его в качели, заявлялся чуть ли не каждый божий день. Ходил к нам в дом, как на церковную службу, и гонял, гонял, гонял...

Никакими увещеваниями его было не пронять, никакими жалобами. Дождик крапает на улице — обсохнешь, грязи во дворе по уши — отмоешься, рука болит — пройдет. Все у мастера Дмитрия было легко и просто.

Кажись, никогда в жизни так не изматывался. Ходил по дому живым мертвецом: не думал, не мечтал и ел только потому, что должен, не чувствуя вкуса. До раскладушки добирался, чтобы упасть и тут же заснуть. Даже забывал в туалет сходить. Просыпался посреди ночи с готовым взорваться от напряжения мочевым пузырем. Ох и тяжело мне было... тяжело.

Когда пришла пора идти к Арине, подумалось: «а может ну его»? Может лучше остаться дома и прикорнуть? Тем более что небо за окном снова заволокли свинцовые тучи, и принялся накрапывать противный дождик. Идти не хотелось, но я все же собрал остатки раскисшей воли в кулак. Накинул куртку на плечи и выбрался наружу или вернее будет сказать — выполз, а потом долго хромал по родным улицам поселка, припадая то на левую ногу, то на правую, до конца так и не определившись, какая больше болит. Раньше прошел бы это расстояние не задумываясь, а сейчас каждый поворот, каждый новый проулок отдавался ноющей болью.

«Потерпи пару недель... скоро привыкнешь», — говорил мастер Дмитрий, забывая уточнить, к чему именно. К нагрузкам или ощущению половой тряпки, которую многократно выжали и бросили обсыхать у порога? Я настолько устал идти, что даже не обрадовался, когда впереди замаячил знакомый фасад. Придерживаясь за перила, словно старый дед, поднялся на второй этаж — постучал. За соседней дверью зашебуршало, а это значит любопытствующая старушка была на посту.

Арина долго не открывала, и я уже собирался уйти, когда раздался звук шлепающих по полу босых ног. Щелкнул замок, и маячившая в сумраке тень отступила в сторону, позволяя войти. Странно все это было... Обычно хозяйка встречала меня у самого порога, а тут словно специально шагнула в тень. Еще и свет в прихожей не зажгла.

— Чего застыл, кавалер? — не выдержала девушка. — Ты уж давай — решайся или туда, или обратно. Вечно открытой дверь держать не стану.

Полный нехороших предчувствий, я переступил порог. Руки мыть не пошел, вместо этого уселся на табурет и принялся наблюдать за копошащейся у плиты девушки. Точнее за профилем на фоне светлого окна.

— Ты чего? — Арина почувствовала мой взгляд.

— Можешь повернуться?

— Обойдешься.

Я не стал спорить, вместо этого спрыгнул с табуретки и подошел к ней. Ну точно, на левой скуле виднелись следы синяка. Арина попыталась скрыть их под толстым слоем тонального крема, но не помогло. Как не помогла и кофта, которую девушка сроду дома не носила. За стоячим воротничком пряталось пятно кровоподтека.

— Такое себе, — пробормотал я, ошарашенный увиденным.

— Ой, а себя-то давно в зеркале видел, — обиделась девушка, — синяк на синяке.

— У меня тренировки.

— В качестве груши для битья? — хмыкнула она. — Ты уже ходить нормально не

можешь, всего перекособочило. Ну, чего пялишься?

— Жду, когда перестанешь соскакивать с темы и назовешь имя того, кто это сделал.

— И что тогда, к Лукичу своему побежишь докладывать?

Сказанные слова прозвучали хлестко, словно Арина пыталась причинить ими боль. Знала же, что не по своей воли я оказался среди малажцев. Знала, и все равно бросила...

— Прости, — кажется, девушка поняла, что перегнула палку. Отвернулась и тихо пробормотала: — последние дни сама не своя: срываюсь на всех, хамлю. Синяки... да что синяки — ерунда по сравнению с прочими обстоятельствами.

Арина оперлась руками о столешницу и склонила голову, так что я не мог видеть её лица. Лишь слышать невыносимую горечь в словах.

И что же теперь делать? Понятно, что среди уличной шпаны лезть в душу считалось стремным, особенно в такие моменты. Проблемы каждый должен переживать сам, не вешая сопли на окружающих. Хочешь утешения — иди в церковь, а улица она... она слабых не любит, не терпит и не прощает. Потому и не любили среди пацанвы жалельщиков, могли в случае чего и в глаз засветить. Но то среди пацанвы, а как быть с девчонками?

Рука дрогнула, но так и не смогла подняться, погладить по голове. Вместо этого я попросил:

— Расскажи.

— Тебе это нужно? — прозвучал глухой голос из-за шторки волос.

— Это нужно тебе, а раз так, я готов сидеть и слушать... Печушки найдутся?

Угощение к чаю вскоре закончилось, а рассказ девушки все продолжался и продолжался, прерываемый походами в ванну и шмыганьем распухшим носом. Я и не знал, что в салоне мадам Камиллы творилось столько всего. Подозревал конечно, что в борделе существует своя строгая иерархия, но вот нюансы... Их мне никто никогда не рассказывал. В первую очередь сама Арина, пытавшаяся оградить мелкого Чижика от грязного белья. И вот теперь пришло время.

В Желтых Фонарях существовало три ценника. Первый и самый дешевый стоял на опытных жрицах, чьи груди обвисли от времени, а килограммы косметики с трудом скрывали морщинистое лицо. В ту же категорию входили дурнушки, простушки и те, кто нуждался в срочных деньгах. Они клиентов не выбирали, а потому вынуждены были делать все что прикажут. Сказано обслужить бандитскую малину они и поедут, несмотря на все сопутствующие риски.

Второй ценник был закреплен за подавляющим большинством работниц. Достаточно высокий, он позволял отсеять из числа клиентуры всякую подзаборную шваль. Прибытка от таких не было никакого: чаевых — ноль, заказанного в номера вина — ноль, фруктов и прочей закуски — ноль. Зато хлопот набиралась целая авоська. Обыкновенно дорвавшиеся до женского тела нищелюды желали попользоваться товаром по полной, забывая о том какие услуги были оплачены. Смотреть и не трогать — была самой распространенной из них. А как утерпеть, когда прелести — вот они, прямо перед глазами. Ты только протяни руку и схвати. Некоторые хватали, а после вылетали на улицу под свист и улюлюканье других посетителей. У мадам Камиллы с этим было строго.

Имелись у второй категории жриц и свои особые предпочтения, вроде согласованного рабочего графика и процента от чаевых. Сумма последних могла перекрыть первоначальную стоимость оказанных услуг в несколько раз. Оно и не удивительно, расслабленные клиенты

под хмельком отличались повышенной щедростью. Выезды за пределы салона назначались исключительно по желанию девушки. Хочешь подзаработать лишних денег — пожалуйста, не хочешь — неволить не станут.

И наконец третий ценник, предназначенный для ночных бабочек ВИП класса. У них и процент от чаевых был куда выше и возможность отказать клиенту имела. Последнее было особенно важным, учитывая скотское отношение некоторых из них. Товар есть товар, его пнуть можно и бычок затушить. Пока охрана услышит крики, пока прибежит на помощь... Покуражился чуток, с кем не бывает. Это «шалости» нищевродов мадам Камилла не могла и не хотела прощать, а богатым клиентам из города многое дозволялось. Ты главное виру за порчу имущества отстегни и бывай до следующего раза. Девушки про таких клиентов знали, и начинали дрожать от ужаса, стоило тем переступить порог. Боялись все кроме счастливых обладательниц ВИП статуса.

Арина принадлежала к числу последних, поэтому до недавнего времени чувствовала себя в безопасности. Постоянные клиенты из числа состоятельных граждан купали девушку во внимании и подарках, что пузырьки в бокале шампанского. Вырученных средств хватало не только на одежду и еду, но и на аренду квартиры в одном из самых спокойных районов трущоб. Так было до недавнего времени, пока не случилась ссора с мадам Камиллой. Причины конфликта девушка не назвала, упомянув только, что поругались горячо, а уже на следующий вечер хозяйка борделя подложила её под одного из чиновников мэрии. Сей господин считался завсегдатаем Желтых Фонарей, спускающим стопку банкнот каждые выходные. Мадам Камилла любила богатых и щедрых, и всячески их приваживала, потакая некоторым «слабостям» из числа сомнительных.

К примеру, сей господин любил бить своих партнерш во время услады. Начиналось все с невинных похлопываний по филейной части, а заканчивалось пощечинами и ударами по лицу. Не так чтобы сильно в кровь, но синяки после свиданий с ним оставались.

— Это было похоже на изнасилование. Я кричала, я сопротивлялась... Наконец мне удалось вырваться из комнаты и убежать, — девушка грустно улыбнулась. — Надеюсь этот козел надолго запомнит нашу встречу. Я столько ногтей обломала, пока расцарапывала ему лицо. Ты же знаешь, я могу.

Арина попыталась изобразить хищницу, выставила перед собой руки — зашипела на манер дикой кошки, вот только получилось это жалко. словно дрожащий маленький котенок, испугавшийся собственной тени.

— Правильно сделала, — одобрил я поступок девушки, — значит в следующий раз не придет.

— Этот не придет, придут остальные.

— Тогда и им дашь поджоппника. А не поймут, мы их быстро в бараний рог скрутим.

Девушка грустно улыбнулась.

— Мой кавалер, мой защитник, ты не понимаешь... понижение в статусе уже состоялось. Теперь спокойной жизни мне не дадут. Речь сейчас идет не о мадам Камилле, с ней то как раз все понятно, а вот остальные... Трудно работать в женском коллективе, особенно когда занимаешь привилегированное положение. Столько завистниц вокруг, только и ждущих возможности втоптать тебя в землю. Да я лучше бы снова под этого козла легла, чем видеть ухмыляющиеся рожи. Сучки!

На Арину это было не похоже. Обычно она редко ругалась, да и меня сколько раз хлопала по губам за сквернословие, а тут словно прорвало.

— Может уволишься?

— Как? — раздался жалостливый то ли стон, то ли всхлип.

— Просто перестанешь ходить туда и все.

— И все? А паспорт, а другие документы, оставшиеся у мадам в сейфе? Без них я на нормальную работу не устроюсь, и даже уехать из этого треклятого места не смогу.

— Можно обратиться в жандармерию — сказать, что потеряла. Они восстановят.

— Серьезно? — красные от слез глаза уставились на меня. — Ты знаешь, сколько месяцев продлится бумажная волокита?

Я этого точно не знал, никогда не имел дела с документами за неимением оных. Слышал только, что долго.

— Хозяйка выдумала какие-то штрафы, издержки, — продолжила хлюпать носом Арина. — Сказала, что я должна отработать положенное, иначе не видать мне паспорта.

— И каков размер вирусы? — осторожно поинтересовался я.

— Пятьдесят тысяч.

— Рублей?

— Но не фантиков же, — Арина попыталась изобразить улыбку, но ничего не вышло. Дрожащие губы отказывались подчиняться своей хозяйке. — У меня остались кое какие накопления, которых не хватит и на десятую часть озвученной суммы. А еще надо платить за жилье, за еду... Ладно, чего уж там, мне не впервой... и не из такой задницы выбиралась. Давай лучше поговорим о тебе.

Признаться, после всего услышанного я успел позабыть о причинах визита. Вечно сильная и уверенная в себе девушка вдруг оказалась такой уязвимой... Без родни в городе, без ухажера и близких друзей, способных помочь и защитить, она была одинокой в целом мире. Настоль же одинокой, как и я сам. Вот только шкету с улицы выжить в трущобах куда проще, чем молодой и красивой девушке. Но она молодец, держится. И даже сейчас вспомнила обо мне, хотя своих проблем было выше крыши.

Повинуясь порыву, я подошел к скособочившейся на табурете девушке и крепко обнял. Прижал к себе, чувствуя, как по щеке заструилась влага: то ли моя, то ли чужая. Одни в целом мире...

— Спасибо, — прошептала она. Чмокнула сухими губами в лоб, а после легонечко оттолкнула. — Ну хватит уже телячьих нежностей, а то сейчас разревусь.

— Доктора говорят, плакать полезно.

— В моем случае бесполезно. Поверь, этот водопад слез ничем не остановить, стоит только начать.

Арина сумела достаточно быстро переключиться с одной темы на другую, словно и не было мгновения слабости. Деловым тоном пересказала все, что удалось узнать за неделю.

Господин Стоцкий и вправду числился в штате медперсонала клиники Святого Пантелеймона. Арина мало того, что пробила информацию по базе данных, так еще и сумела раздобыть копию фотокарточки. Плохого качества, с поперечными полосами и многочисленными пятнами по сторонам, но все же я узнал его. Это был тот самый Аполлинарий Андреевич, угощавший гусиным паштетом.

И великий князь тоже нашелся — Александр Михайлович Романов, который год пребывающий в достославном городе Алтополис в статусе инкогнито. Пресса о причинах столь затянувшегося визита не сообщала и официальные лица помалкивали, но как известно шила в мешке не утаишь. Ходили слухи, что между дядей и племянником случилась крупная

ссора: один наговорил всякого, другой же разгневался сверх всякой меры, и даже соизволил разбить фужер вина о стену. Как известно монарших родственников не сажают, вот и отправился Александр Михайлович в далекий степной город. Где по сей день и прибывал в качестве ссыльного.

Раздобыть фотографию великого князя не составило труда. Со страниц журнала на меня уставился товарищ Ортега, только моложе лет на пять: без морщин и задорного блеска в глазах.

— Выходит, не мошенники, — пробормотал я рассеяно. Не то чтобы изначально были сомнения... просто одно дело, когда общаешься с человеком в сумраке бара без соответствующего антуражу и величия, и совсем другое видеть его запечатленным на фоне гербового флага Империи в военной форме.

— И что мне теперь делать?

— Соглашаться.

— Но они же социалисты?

— И что?

— Как что?! — удивился я. — Да они же хуже турков будут, те хоть басурмане — враги понятные, а эти — православные, своих же бомбами закидывают. И царей убивают, и церковь всячески поносят. Они... они...

— Тебе тоже бомбу дают? Нет? Вот когда всучат, тогда и начнешь паниковать, а сейчас успокойся.

— Когда всучат, поздно будет, — проворчал я из одного лишь упрямства.

— Никогда не слышала, чтобы социалисты кого-нибудь силой заставляли. Да и какой в этом смысл, когда своих фанатиков хватает. Тебя же не обрабатывали идейно, не уговаривали в партию вступить?

— Вроде нет, — пожал я плечами. — Но все равно не хочу иметь с ними никакого дела. Социалисты хуже чертей, так еще бабушка Лизавета говорила.

— Экий твердолобый, — вздохнула девушка. — И откуда только в вас мужиках упертость берется? Встанете как бараны напротив ворот и бьетесь башкой раз за разом. Нет чтобы обойти... Вот скажи, кавалер, только честно — ты до конца жизни хочешь проторчать в этой дыре? Что тебя ждет в Сермяжке? Долгая мучительная смерть от туберкулеза, свирепствующего каждую зиму или быстрая от лезвия ножа в пьяной драке? Кем ты мечтаешь здесь стать — шестеркой на побегушках у бандитов? Или рассчитываешь дослужиться до валета? Какое своим будущее видишь, кавалер? Нет, если тебя все устраивает, то пожалуйста — возвращайся к Лукичу и забудь, о чем мы только что говорили. Продолжай жить и дальше никчемной жизнью маленького человечка, которого даже за пределы трупоб не выпускают.

— Почему это не выпускают. Я хоть сейчас могу выйти.

— Куда, в степь? Ну да... ну да... суслики новым гостям всегда рады.

— Почему сразу в степь, — обиделся я, — подрасту малясь, паспорт оформлю и получу пропуск в верхний город.

— Дырку ты от бублика получишь, а не пропуск.

Обидно признавать, но Арина была права — не пустят меня в Алтополис. Тут и без криминального прошлого добиться разрешения будет не просто, а уж с оным. Теперь Лешка Чижов известен в поселке, как человек Лукича. А раз знают в трупобах, прознают и в жандармерии. Прощай верхний город навсегда, если только не соглашусь на предложение

товарища Ортеги... До чего же не хочется.

— О чем задумался, кавалер? — в стакане девушки звякнула ложечка.

— О том, что у судьбы своеобразное чувство юмора. Терпеть не можешь социалистов, тогда получи и распишись. Презираешь стукачей, доносчиков и информаторов... что же, теперь сам станешь одним из них.

— Дурачок ты, Алеша и уши у тебя холодные, — впервые за все время знакомства девушка обратилась ко мне по имени. Все чаще кавалером дразнила, иногда Чижиком, но Алексеем никогда.

— Чего это я дурачок?

— А того, что одного от другого отличить не можешь. Тебе выпал редкий шанс вырваться из болота, может быть единственный за всю жизнь. Поэтому не раздумывай — хватайся обеими руками за возможность, а если сомневаешься — выйди на улицу, оглядись. Стоит ли это место того, чтобы прожить здесь остаток своей жизни и умереть? Присмотрись к лицам прохожих, неужели они счастливы? Не веришь им, посмотри на меня. На девчонку, которая мечтала танцевать и играть в спектаклях, а в итоге стала шлюхой. Внимательно посмотри и запомни.

Я попытался было возразить, но девушка накрыла ладонью мой рот.

— Беги дурачок... Беги отсюда со всех ног.

К вечеру того же дня я зашел на телеграф и оставил сообщение для Аполлинария Андреевича. Доктор не заставил себя долго ждать. Уже на следующий день пришел ответ:

«МЕСТО ПЕРВОЙ ВСТРЕЧИ. В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. БУДУ ЖДАТЬ. АА»

И гадай теперь, чего хитромудрый Аполлинарий Андреевич хотел этим сказать. Допустим с местом все понятно — это бар «Три медведя», где мы впервые встретились. Но вот что он хотел сообщить следующей частью шифра: «в тот же день»? Что здесь имеется в виду — день недели, а может число месяца? Если последнее, то придется ждать аж до октября. А вторник — вот он, уже на носу. Мудрит доктор, ох мудрит... Неужели думает, что жандармские устроили за мной слежку или секретность вошла в привычку?

Оказалось, не то и не другое. Устроил Аполлинарий Андреевич будущему работнику проверку. Так и сказал — тест на сообразительность. Мол приду к означенному времени — хорошо, не приду — тоже неплохо. Ибо бестолковые в предстоящем деле не нужны.

— Мой друг, вы же понимаете, что Академия Его Императорского Высочества — это не простое учебное заведение? — спросил он, когда мы разместились в задней комнатке заведения, любезно предоставленной барменом. Да и не комнатка это была, скорее кладовая, заполненная припасами и многочисленными ящиками. На один из них господин доктор и сел, предварительно постелив носовой платок. Я же подобной брезгливостью не страдал, потому плюхнулся на первую подвернувшуюся коробку.

— Да уж не глупее прочих буду — понимаю.

— И то, что за студентами ведется круглосуточное наблюдение и то, что охрана повсюду?

— Вы, господин хороший, жути не нагоняйте. Пуганные мы и жандармскими, и охранниками, и прочей нечистью. Лучше прямо скажите, чего делать надобно?

Аполлинарий Андреевич вздохнул.

— В том-то и дело, что сами пока не понимаем. Это место словно пятно на солнце в безоблачный день: вроде у всех на виду, а присмотреться не получается — глаза слепит.

Разобраться в происходящем со стороны невозможно, вот поэтому нам и понадобился свой человек внутри.

— Хорошенькое дельце выходит, — присвистнул я, — прямо как в сказке: поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.

— Я понимаю, это непросто...

Укрыться от утренних заморозков — вот это не просто, когда в одежде прорех, что дырок в сыре. Или ходить целый день голодным, когда натурально начинаешь грызть шелуху из-под семечек, лишь бы заглушить ноющую боль в животе. А пребывать в сытости да тепле, тоже мне задачка.

— Вы хоть скажите, на что это будет похоже?

На холеном лице доктора проступили глубокие складки. На миг он задумался, перебирая в голове возможные варианты, и наконец спросил:

— «Рассвет над Цусимой» видел?

— Это который с Юзефом Савицким в главной роли? — я аж замер от восхищения.

— С ним самым, — улыбнулся доктор. — Помнишь, как главный герой устроился на военную базу секретарем? Он и не подозревал о планах японского правительства захватить южную часть Сахалина. Просто продолжал работать и ждать, когда попадется что-нибудь интересное. Только через два года ему удалось перехватить обрывок зашифрованной радиограммы. Вот и тебе так придется.

— Ждать — это легко.

Выказанное утверждение не понравилось доктору. Настолько, что аж полоска тонких усиков дернулась от возмущения.

— Время — самый коварный враг, которое только можно представить, — возразил он строгим голосом. — И не спорьте, юноша, уж я-то всяко больше вашего повидал и знаю, на что оно способно. Стоит лишь на мгновение расслабиться, потерять бдительность...

— Пряма уж на мгновение, — не поверил я.

— Юноша, не забывайте, что у вас нет необходимых маркеров, чтобы считаться потенциальным носителем таланта, поэтому мельчайшая капелька крови в пробирке, полученная вне рамок стандартной процедуры, будет грозить разоблачением. Любая оговорка, любая оплошность при передаче информации будут стоить свободы до конца жизни, а может и самой жизни. Понимаешь это? Осознаешь ту цену, которую придется заплатить в случае провала?

Мне вдруг вспомнился последний кадр фильма с красивым закатом и супругой казненного Одзаки, одиноко бредущей по берегу. Почему-то подумалось про Арину... будет ли она переживать, когда узнает про мою гибель. Или сама к тому времени уйдет из жизни, не выдержав побоев пьяных клиентов. А может просто исчезнет, как исчезали сотни молодых и красивых до неё. Найдут опосля полуголубую за железнодорожной насыпью и похоронят на краю кладбища, неподалеку от безымянных могил. У неё же кроме меня никого нет, а уйду я и вовсе никого не останется. С мадам Камиллой в контрах, девчонки на работе отвернулись. Нет, надо решаться — сейчас или никогда.

— Я помогу вам, но с одним условием?

— Каким же?

— Вы передадите указанной барышне сумму в размере пятидесяти тысяч рублей.

Кажется, мне удалось удивить доктора, успевшего вспотеть в душном помещении. Он полез было в карман за платком, но вспомнил, что тот находится в другом месте. Пришлось

утирать выступившие капельки пота по-простецки — тыльной стороной руки.

— Признаться, не ожидал... Пятьдесят тысяч — серьезная цифра.

— Поэтому и предлагаю считать это авансом в счет заключенного договора. Мне же полагается некая сумма подъемных от покровителя? Ну вот, считайте, что вы их и выплатили.

— Как все легко и просто у тебя получается, — улыбнулся доктор. — Подъемные это не просто строчка в контракте — это в первую очередь возможности. Возможности для таких как ты общаться с сокурсниками на равных, даже самыми именитыми и богатыми. Академия находится в пределах городской черты, поэтому все удовольствия Алтополиса будут в вашем распоряжении: ночные дискотеки и вечеринки, походы в рестораны и кино. И за все это придется платить из собственного кармана.

— А как же стипендия? Я слышал про повышенную в размере имперского полтинника

— Мой друг, вы плохо представляете уровень жизни в городе. Озвученной суммы хватит разве что на пару раз выбраться в клуб.

— Да и плевать... харчи казенные, койка есть, одежду на поносить дают — чего еще нужно? А городские развлечения — подумаешь, без них раньше обходился и сейчас как-нибудь обойдусь.

Аполлинарию Андреевичу подобная лихость пришлась не по душе. Он снова задергал тонкими усиками, после чего спросил:

— Тебе доводилось слышать выражение белая ворона? Знаешь, что значит эта метафора?

Я само слово «метафора» не понимал, что уж говорить про ворону-альбиноса, сроду в наших краях не водившуюся.

— Быть не таким как все, выделяться из общей массы — вот что это значит, — печатая каждое слово произнес Аполлинарий Андреевич. — Ты уверен, что хочешь сидеть в четырех стенах Академии, в то время как твои приятели по учебе гуляют и веселятся? Коллектив не любит одиночек, в особенности тех, кто ими пренебрегает.

— Ничё, меня любят, — шмыгнул я носом.

Понятное дело, что доктор был прав. Коллектив — это считай морская волна, против которой лучше не плыть. Иначе отбросит, что щепку в сторону, забьет под самый корень, где и будешь сидеть, не высовываясь до самого выпуска. Я это прекрасно понимал, вот только Арина... И угораздило же её устроить свару со старушенцией, известной на все Красильницкое скверным характером. Уж кто как не работница Желтых фонарей должна была это знать. Сколько раз предупреждала, а сама... Перед глазами возникло бледное лицо девушки с потухшим от безнадеги взглядом.

«Беги дурачок», — отзвуком колокольного эха зазвучал в памяти её голос, — «беги отсюда со всех ног».

Дед Пахом говорил, что нельзя поддаваться страху, сколь бы силен он ни был. Стоит один раз дрогнуть — побежать, и будешь бегать всю оставшуюся жизнь. Нет, я не Гринька-подлец, который ради спасения собственной шкуры готов заложить друга или бросить спутницу в парке. Я никогда не стану таким как он — не хочу!

Аполлинарий Андреевич увидел твердую решимость в моих глазах, а потому спорить не стал.

— Хорошо, я переговорю с товарищем Ортегой, — произнес он на прощанье. Назначил дату следующей встречи и первым вышел из подсобки, оставив после себя перевернутый

ящик и расстеленный на нем платок. Почти не польвованный, с вышитым в углу торговым знаком «*К. О. Жиро и Сыновья*». В отличии от фабриканта Волобуевского эти господа рассчитывали совсем на другой контингент, потому и задирали цены на продукцию в два, а то и в три раза. К примеру, за обыкновенный платок на рынке отдашь пару копеек, а за чудо с голубым орнаментом выложишь все сорок и это если отыскать удастся сыщешь. В поселке подобным добром не торговали. Да и кому, скажите на милость, сдались платки, пускай даже самые дешевые? Велика важность, сморкнуться на землю и вытереть пальцы об штаны. Блажь все это господская, вот что.

Я с сомнением посмотрел на лежащий на ящике кусочек ткани. Блажь то она блажь, но все же сорок копеек...

Недолго думая, засунул платок в карман и выбежал следом.

Дни до следующей встречи тянулись в монотонном ритме тренировок. Каждый день я вставал и делал разминку в ожидании прихода Митьки, точнее мастера Дмитрия. Росту в казачке было немного, зато гонору — что ты... выискался мастер.

Вот господин Ганзбур, сидящий в небольшом ларьке при входе на рынок — тот да, тот настоящий мастеровой. Механизмусы любых часов сладит, хоть нашенских, хоть европейских. Только диву даешься, как он в скоплении шестеренок умудряется разбираться. Вечно крутящихся, вертящихся и до того мелких, что при одном только взгляде вышибало слезу. Старого еврея уважали все вокруг и даже расписные не трогали, признавая за ним право беспошинной работы. Один он был такой рукастый на все Красильницкое, и этот черт тоже рукастый, но по-иному: через плечо бросать горазд, блокирует ловко, в железный захват берет. Про таких в поселке обычно говорили драться горазд, но чтобы величать мастером... Это на Дальнем Востоке целый культ вокруг мордобоя возвели, специальных храмов понастроили, где только этим и занимаются. У нас же в церквях молятся за спасение человеческой души, и словом «**мастер**» за другое величают.

Попытался я Митьке объяснить, что грешно непотребными для православного человека вещами гордиться. Тексты из Священного Писания в пример привел, а тот возьми и подсеки мои ноги, да так ловко, что шлепнулся я с размаха о оземь, отбив мягкое место. Больно было и обидно, что с таким болваном приходится иметь дело. Но ничего, я умел терпеть, день за днем постигая науку рукопашного боя. Тело уже не ныло по утрам, прося милости и пощады. Не умоляло поползти до раскладушки и рухнуть навзничь, без задних ног. За два месяца я успел приноровиться к Митькиным уловкам и тому приходилось потрудиться, чтобы провести очередной хитрый прием. Эх, мне бы силенок поболее, тогда бы поглядели, кому чаще в осенней грязи валяться.

Лукич иногда выходил во двор, чтобы посмотреть на мои мучения. Устраивался на бревно, если светило солнышко, или прятался от непогоды под козырьком. Стульев на крыльце не имелось, поэтому бобыль усаживался прямо на ступеньки — один, а иногда в компании Василя или дядьки Степана. Он никогда не вмешивался в тренировочный процесс, лишь наблюдал, потягивая чефир из дымящейся кружки.

Я много раз задавался вопросом, что сделает Лукич, когда узнает о моих планах. Как расценит мое бегство в верхний город? Как предательство? Выходит, что так... Раньше никогда не доводилось слышать о бывших стригунах, отставных малажцах или вышедших на пенсию членах картеля. В этих конторах срок действия трудового договора отсутствует за ненадобностью, будешь впахивать до конца жизни, а если что-то не устраивает, то степь —

она широкая, она в свои объятия всех примет.

Не то, чтобы об этом много беспокоился. Проклятые тренировки выматывали, не оставляя места для лишних мыслей. Поест, поспать, умыться... и снова задний двор, мастер Митька — день за днем, круг за кругом.

Единственное, что меня по-настоящему тревожило — это предстоящая встреча. Я все гадал, примет ли князь мое предложение по поводу пятидесяти тысяч. Деньги-то не маленькие, чтобы их так просто отдавать. Наверняка попросят какие-нибудь гарантии... Думал, предполагал, так оно по итогу и вышло.

— После оформления свидетельства ты подпишешь все требуемые документы — это первое, — начал перечислять Аполлинарий Андреевич. — Озвученную сумму мы передадим барышне напрямую без твоего участия или участия иных посредников — это второе. И наконец третье, ты будешь беспрекословно выполнять все наши указания. Никаких если, не могу или я передумал... С момента заключения контракта и до его окончания ты становишься негласным членом организации со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Я не хочу заниматься политикой.

Доктор усмехнулся, и неожиданно мягким голосом произнес:

— Мой друг, право заниматься политикой еще нужно заслужить. Данная профессия требует определенных знаний, умений и опыта, мы же берем тебя на совсем другую должность.

— Должность? — переспросил я. — Вы так говорите, будто принимаете меня на работу.

— Так и есть. Любая крупная организация напоминает предприятие с разветвлённой структурой, где каждый занимается своим делом. Есть юристы и приказчики, есть своя служба безопасности, бухгалтерия и рекламщики — много кто есть. Твоя задача — добыча информации, исключительно и только. Никаких политических акций...

— И вас не смущает тот факт, что я не разделяю вашу веру.

— Взгляды, мой друг, — поправил Аполлинарий Андреевич, — всего лишь взгляды или если будет угодно — социалистические учения. Не люблю термин вера. Он слишком претенциозен, а потому подразумевает под собой нечто величественное, оторванное от реальности. Мы же суть есть люди мирские, рассчитывающие на собственные силы... исключительно и только на них.

— Получается, вы против Бога?

— Не в коей мере. Вопросы веры носят личный характер, мы же занимаемся делом общественным, направленным на изменение материальной составляющей жизни, такой как законодательная система, финансовая, образовательная, и прочее-прочее-прочее, не имеющее никакого отношения к проявлению божественной воли.

— Атеисты, — вспомнилось мне научное слово. Правда, бабушка Лизавета называла их безбожниками, нехристями и чертовым семенем, но я все же решил не перегибать палку.

— Мы не можем со сто процентной уверенностью опровергнуть существование высшего разума во вселенной, поэтому атеизм — это тоже своего рода вера. Они могут часами спорить о том, кем создан человек и в чем его предназначение, рассуждать о вопросах высшего порядка не менее витиевато, чем это делают церковные иерархи. У нас же другие задачи, направленные на решение материальных проблем — здесь на земле, а не где-то там в небесах среди облаков. Атеисты ли мы? Может когда доживем до пенсии и появиться свободное время... Еще вопросы?

— Тут такое дело, — замылся я, не понимая, как толком выразить собственную мысль, — по поводу подчинения. Я сейчас живу в доме одного человека...

— Ты о Лукиче? Не волнуйся, до подписания контракта наши требования не будут вступать в противоречия с его приказами. Живи как живешь — тренируйся, исполняй указания, в общем делай все то, что делал ранее. Когда придет время, мы просто вывезем тебя отсюда.

— А дальше?

Аполлинарий Андреевич изобразил легкое непонимание на лице, поэтому пришлось пояснить:

— Что будет на новом месте? Вы уверены, что Лукич меня не достанет?

— Об этом можешь не переживать, — доктор успокаивающе улыбнулся. — В поселке малажские бандиты имеют большую силу — это правда, но на верхний город их власть не распространяется.

Я сильно сомневался по этому поводу, но спорить не стал. У каждой банды имелись свои представительства в городе. У тех же стригунов всем заведовал Кича, по слухам снимающий трехэтажные апартаменты недалеко от центрального парка, у фавельцев — один из генералов, а у казаков... У них наверняка имелся свой человек в городе, может даже не один. Просто народная молва об этом умалчивала или несла столь откровенную чушь, что и обсуждать не хотелось.

— Если вы говорите, что защитите...

— Защитим, будь уверен, — кивнул доктор, — а теперь давай вернемся к личности барышни, которой внезапно посчастливилось разбогатеть.

Конечно же Арина ничего не знала о намечающейся сделке. Я не стал ставить девушку в известность, понимая, что та вряд ли одобрит мое решение. Начнет отказываться, еще и сливу накрутит вдобавок, а деньги сожжет. Она такая, что может. Поэтому я с радостью возложил сию непростую миссию на плечи доктора.

Аполлинарий Андреевич сильно удивился, узнав подробности.

— Это конечно не мое дело, — сказал он, немного поразмыслив, — но оставлять столь крупную сумму этой... этой девушке.

Слово «шлюха» так и не прозвучало из его уст. Доктор был человеком воспитанным и лишь неодобрительно покачал головой.

— Я не изменю своего мнения.

— Как знаешь, парень... как знаешь.

Передача означенной суммы была назначена на третьей декабря, а уже пятого числа меня должны были забрать из опостылевших трущоб в город. Все приготовления были закончены, нужные бумаги подписаны, оставалось лишь ждать.

Страдай я бездельем, точно бы издергался из-за переживаний. А так с утра тренировка, потом перерыв на обед, переваривание пищи и снова тренировка до самого вечера. Оставшиеся часы перед сном я обыкновенно проводил за чтением книги или посвящал бессмысленному шатанию по поселку. Прощался с родным местом, выглядящим столь неуютно в сезон дождей. Серость и безнадега царили повсюду, крысы и те забились в кучи раскисшего мусора, не показывая носа наружу.

Знакомые до боли места... Вот старый дом, где я когда-то давно жил с мамой, дедом Пахомом и бабушкой Лизаветой, и от которого почти ничего не осталось. Новая хозяйка

умудрилась сменить все, начиная от занавесок на окнах, и заканчивая выкрашенной в зеленый цвет парадной дверью. Теперь вместо нее темнело безликое железное полотно.

Иду дальше, перепрыгивая через лужи на Первозванной. Сворачиваю в ближайший закоулок и оказываюсь перед пекарней, ставшей когда-то давно вторым домом. Труба на крыше по-прежнему оставалась теплой. Я специально проверил — забрался наверх, провел ладонью по шершавой поверхности кладки. На севере горели шпили высокого города — пустого и бездушного, едва различимого в мареве дождей. С юга простиралась степь, все такая же грязно-рыжая, будто шкурка линяющей лисы. Она одна оставалась неизменной, и будет оставаться такой еще очень долгое время. Пережив и маму, и деда Пахома с бабушкой Лизаветой, и меня.

Я не умел прощаться. Раньше никогда этого не делал, а потому не знал какие поступки принято совершать, какие слова говорить. Хотелось перекинуться парой слов с Тошей, которого не видел с тех самых пор, как начались изматывающие тренировки. Узнать у Малюты, починил ли тот свои авиаторы, и даже выслушать едкие замечания от Гамахена. Почему едкие? Да потому что других у него не бывает.

Я долго думал, как заявлюсь к пацанам на заправку, как увижу курящего за складом Тошу, вечно расхристанного, со скинутыми ниже пояса лямками комбинезона и торчащей наружу футболкой. Как протяну поздороваться руку, спрошу про дела и... не случилось. Не умел я прощаться, просто не знал как.

Не зашел и по знакомому адресу на улицу Тополиная, но совсем по другой причине. Сегодня Арине должны были принести оговоренную сумму — наличными, в специально подготовленном для этого дела чемоданчике. То-то она обрадуется, когда его откроет. А еще больше удивится, когда узнает благодаря кому получила эти деньги. Сначала, конечно, разозлится, а потом обрадуется. Ведь это решит кучу проблем и заодно позволит начать новую жизнь в верхнем городе.

Я очень хотел, чтобы она переехала вместе со мной. Переданных денег хватит с лихвой, чтобы расплатиться с мадам Камиллой и арендовать новое жилье. Рядом с Академией вряд ли, уж больно престижным считался район, но где-нибудь на севере запросто. Первое время буду помогать ей по хозяйству — мало ли, что может потребоваться: гвоздь забить или шкаф собрать. В качестве гостинца буду приносить столь любимившееся девушке печенье с кокосовой стружкой. А потом мы станем пить чай и болтать о всяких пустяках, как было раньше.

Осталось только уговорить саму Арину. Именно с этой целью я и собрался заглянуть к ней завтра в гости. В последний день перед отъездом.

Вечером у Лукича нашлось занятие. Он притащил невесть откуда взявшийся ящик с хламом и велел разобрать. Пока я раскладывал болты с гайками, бобыль занялся своим любимым делом: перевернув газету на последнюю страницу, принялся разгадывать кроссворд. Имелся у Лукича для этого дела огрызок карандаша, который он все никак не сточит. Уж и пальцами держаться было неудобно за этот «коротыш», а он все продолжает писать. Забавно было наблюдать, как он волосатой лапищей выводил отдельные буквы, как подслеповато щурил глаза, натолкнувшись на особо мелкий шрифт. Как принимался ворчать если попалась плохая новость, словно брехливый старый пес, которому запрещено было лаять, но звериное нутро требовало свое.

Лукич почуял мое внимание. Оторвав взгляд от газеты, недовольно поинтересовался:

— Чего там?

— Перебираю.

— Долго ты.

— Тут мелочевки вона сколько, каждый винтик по размеру переложить надобно. Нет, ну ежели хотите, могу в кучу бросить.

— В кучу не надо, — заметил Лукич. Некоторое время наблюдал за моей возней, а потом вдруг произнес: — холода на носу... Куртку тебе новую купить нужно.

— Так есть же.

— В том, что у тебя есть, перед нормальными людьми показаться стыдно: заштопанная дыра прямо посредине груди. И ладно бы цвет нитки совпадал: белый шов на синем фоне — это же додуматься нужно.

— Какие нашел, такими и заштопал, — пробурчал я, понимая, что спорить бесполезно. Прав был Лукич, шов и вправду смотрелся уродливым. Куртку я еще прошлой весной изорвал, когда неудачно с крыши спрыгнул. Шляпка гвоздя прямо под козырьком торчала, вот и не заметил. Треску было...

— В выходные пойдешь на рынок, купишь новую. И не спорь! Ты теперь не голь перекатная, чтобы в рванине по улицам щеголять.

— Дорого поди, — произнес я, до сей поры одежду никогда не покупавший. Да и смысл тратиться, когда ту же куртку нашел в гаражах за Южными воротами. Видать кто-то в ней работал, да и забыл, повесив на ручку ворот. А штаны удалось выменять на блок украденной жвачки. Конопатый Петрусь был выше и шире в поясе, поэтому поначалу приходилось мучиться. Но то ничего, за последнее лето организм мой малясь вытянулся и теперь не возникало нужды закатывать брючины. Жаль только от пояска отказаться не получилось: то ли пузо у Петруся было слишком большим, то ли задница.

— Деньги в тумбочке возьмешь, — утвердил Лукич.

— Сколько?

— Сколько нужно. Будем считать это премией за хорошую службу.

Ох уж эта тумбочка, сколько искуса в ней было первые месяцы. Деньги хозяин дома хранил открыто, даже не думая прятать. А порою словно специально устраивал проверку, мол возьми пару банкнот — купи краковских колбасок в мясной лавке, или печенья, или сыра непременно Пресненского наисвежайшего. Один раз я не утерпел-таки, стащил пару копеек со сдачи. Лукич ничего не сказал, молча принял продукты, а на следующий день поинтересовался:

— Ценник подняли? А на что, на молоко? Скажи тамошнему молочнику, если еще раз стоимость задерет, лично приду и шею намылю.

С той поры искушения больше не возникало.

На следующий день я подошел к тумбочке и, открыв верхний ящик, долго смотрел на разбросанную мелочь вперемешку с банкнотами. Сколько здесь, рублей сто — сто двадцать. Тут не только на новую куртку хватит, но и оставшийся гардероб обновить. Постоял я, подвигал пальцем монеты, пошуршал «синицами» (*примечание автора: простонародное название пятирублевых купюр за синий цвет основного фона*) да и захлопнул, не взяв ни копейки. Сам не понимаю, отчего так поступил. Казалось бы, не тормози, выгребай всю имеющуюся наличность подчистую. Ведь завтра Лешки-Чижики уже здесь не будет. Тю-тю, дядя — прощай.

Подумал, и все равно не смог. Сколько не накручивал себя, сколько не вспоминал всего плохого, что приходилось снести от бобыля. И в грудак тот бил с такой силы, что едва смог дышать. За дело, но бил же... И Михасю вынес меня на блюдечке и сразу же отнял. И в банду записал без спросу. Только имелся ли у бобыля другой вариант?

Искать ответы было некогда. Уже через пять минут в дверь постучал мастер Митька и началась изматывающая тренировка. До самого обеда мы кружились по раскисшей от дождя земле: прыгали, бегали, отрабатывали приемы. А после, наспех перекусив и приняв душ, я направился по ставшему родным адресу.

Шел, а в мыслях раз за разом прокручивался предстоящий разговор. Интересно, Арина станет браниться? Да наверняка... Таких как она называли демоном в юбке. Сначала отругает, обзовет глупым рыцарем или накрутит сливу, а после обязательно обнимет.

Почему так? Все из-за несносности характера, привыкшего к плохому и потому не умевшего принимать добро. Это не я выдумал, это она сама так сказала. Случались у Арины приступы плохого настроения, когда она принималась ворчать не только на окружающих, но и на саму себя. Дескать слишком наивный я, привык смотреть на мир широко открытыми глазами ребенка, и не понимаю, какая она на самом деле испорченная.

Неужели она думает, что когда я вырасту — все изменится? У меня же ближе её никого нету...

Я с необычайной легкостью поднялся на второй этаж и осторожно постучал: раз, второй... На третий послышалось легкое шепуршание за соседней дверью — вредная старушенция была на посту. Да и плевать...

Я снова застучал, на этот раз с большей силой. Тарабанил так, что заломило в сбитых после тренировки костяшках. Обыкновенно в это время девушка была дома: отсыпалась после ночной или копошилась по хозяйству. Может вышла в магазин?

Громко щелкнул замок соседней двери и сквозь щель протиснулось сморщенное лицо.

— Чего шумишь, — проворчала недовольная старушка, — али не видишь, нету хозяйки.

— Нет так нет, — покладисто согласился я, — значит через часок загляну.

— И через часок не будет.

— Значит через два.

— И через два не застанешь, — не успокаивалась вредная старушенция, — сказано же, нет её. Съехала сегодняшним утром.

— Как съехала?!

— А так! Погрузила чемоданы и укатила на все четыре стороны.

Мысли с трудом ворочались в голове — плыли, цеплялись друг за друга, потому и спросил, глупо хлопая глазами:

— Куда погрузила?

Старушку мой растерянный вид порадовал. На морщинистом лице расплылась довольная улыбка.

— В такси — специальное грузовое, у нас в поселке такие не ездят, стало быть, заказала из самого города. Я все видела я все считала. Девять чемоданов погрузила — это же откуда такому добру взяться, а? Жила-то небогато, мужиков не водила, а тут чемодан за чемоданом, коробка за коробкой — туда-сюда... туда-сюда, шоферюга аж выносить устал. Я как это дело увидела, сразу хозяйке позвонила, чтобы вертихвостка эта чего лишнего не прихватила. А Степановна, ох и наивная в душе женщина. Сказала, что дескать квартирантка

полностью расплатилась, потому никаких претензий к ней не имеет. А может та краники с ванной свинтила или душ? Цены то поди не маленькой стоят, в особенности ежели недавно меняли. И светильники! Уж больно на дорогие Степановна разорилась. Я ей говорю, куда такие в съемную квартиру ставишь, не для себя же стараешься — для чужих людей.

Старушка продолжала трещать, но я уже не слушал. Спустился на площадку ниже, только бы не видеть сморщенной физиономии. Уселся на голые ступеньки и принялся думать. Как назло, мысли в голову не шли, лишь дребезжал в ушах противный старческий голос:

«... укатила на все четыре стороны».

Арина не могла так просто сбежать. Она бы обязательно попрощалась или оставила сообщение... Да, точно — сообщение. Записку или устное послание кому-то из числа общих знакомых. Вот только кому? Имен хватало, и все они находились, точнее работали в одном и том же месте. В заведении, куда приходиться было запрещено под страхом физической расправы. В квартале Желтых Фонарей...

При других обстоятельствах я может и мог бы рассчитывать на забывчивость человека. На то что обида истлела и поросла ковылем, но только не в случае с мадам Камиллой. Она никогда никому не спускала: будь то конкурент по бизнесу или ленивый почтальон. «Поругавшись единожды — поругался навеки» — под таким девизом жила зловредная хозяйка борделя.

Только что она сделает — прикажет охране дать тумачков? Меня за всю жизнь столько раз колотили, что парой новых затрецин не испугаешь.

До квартала развлечений добрался быстро, не смотря на ноющие после тренировки ноги. То и дело дорогу преграждали напивавшиеся влагой лужи, чья темная поверхность таила неприятные сюрпризы вроде ям. Утонуть в таких не утонешь, чай не колодец бездонный, но искупаться успеешь знатно. Несколько раз приходилось обходить настоящие озера, а один раз я был вынужден искать брод, потому как от дома до дома не имелось сухого места. Кто-то заботливый подложил доску, но увы длины её хватило ровно до середины. Вторая доска тоже имелась, но была отброшена в сторону и теперь валялась у противоположной стены. Может смыло волной от проехавшего мимо автомобиля, а может кто-то злой решил подшутить. В поселке подобного люда хватало, живущего по принципу «лишь бы другим сделать хуже».

Здание борделя встретило привычной тишиной. Темнели зашторенные окна, молчала и вывеска, имевшая обыкновение мигать, издавая сухое потрескивание. Желтые Фонари спали в преддверие очередной веселенькой ночи. Сколько дней прошло с тех пор, как я был здесь последний раз? Теперь уж и не вспомнить... Мало что изменилось с тех пор. Поселок застыл в безвременье, застыл и бордель, являющийся его неотъемлемой частью. Все те же потрескавшиеся стены фасада и дверь, своей уродливостью бросающаяся в глаза. Ее несколько раз обливали какой-то дрянью, пилили и даже пытались прострелить. Однако мадам Камилла, известная своей прижимистостью, ни в какую не хотела её менять. Ночью следы от пуль незаметны, а днем... а днем бордель не работает.

Из этого же принципа со стороны черного входа никогда не прибирались. Свои успели привыкнуть к нагромождению мусора на заднем дворе, а другим здесь делать нечего. На то он и задний, чтобы чужаки здесь не шлялись.

Поднявшись по ступенькам, я отбил костяшками положенный ритм. Глупо было

рассчитывать на то, что пароль останется прежним. Сколько воды утекло с тех пор...

В коридоре послышались звуки тяжелых шагов, а следом щелкнуло оконце. Оно находилось высоко, слишком для моего роста, поэтому пришлось подпрыгнуть, чтобы стоявший по ту сторону человек смог разглядеть лицо.

— У-ух ё, — от неожиданности выругался охранник, — Чижик, ты что ли? Чего пугаешь?

Хвала небесам, сегодня дежурил туповатый Густав, он же Гриша-Рябой. Яго на его месте не стал бы даже разговаривать, а этот открыл дверь и обрадованно уставился на меня.

— Ты где пропадал?

Обмануть деревенского Гришу было легче простого, но я решил этого не делать, честно напомнив.

— Мадам Камилла запретила появляться.

— Ах да, точно, — Гриша наморщил лоб, — извини малой, но внутрь заведения впустить не смогу. Сам понимаешь, хозяйка отругает.

— Да мне только спросить насчет Мари.

Разгладившееся было лицо Гриши снова нахмурилось.

— Насчет этой вертихвостки? Даже не начинай! Она такое учудила — ТАКОЕ!

Сердце тяжело бухнуло в груди, предчувствуя плохие новости. А Гриша разошелся не на шутку, принялся шуметь и размахивать руками, рассказывая о том, какую змеюку пригрели на груди. Оказывается сегодняшней ночью Мари обчистила мадам. Сейф открыть не смогла, зато вынесла бижутерию, хранившуюся в верхнем ящике и что хуже всего украла фамильную драгоценность в виде бриллиантовых сережек. Хозяйка имела обыкновение снимать их к концу ночи. Прятала сразу в сейф, но в этот раз то ли отвлеклась, то ли слишком устала. Положила в ящик стола, а плутовка хватъ чужое и такова.

Пропажу заметили только к утру. Пока искали вора, Мари успела собрать вещи и уехать из города. Оскорбленная мадам дернула за ниточки, подключила все имеющиеся связи, но как выяснилось напрасно. Девушка не собиралась отсиживаться в городе, а сразу отправилась в аэропорт, откуда прямым рейсом вылетела в Санкт-Петербург. И ищи теперь ветра в поле! В многомиллионной столице затеряться одному не составит труда, а ежели сменит паспорт, то и вовсе невозможно.

— Паспорт? — удивился я, — а разве у Мари не забрали документы?

— Кто?

— Хозяйка ваша.

— Мадам Камилла? С чего бы это? — удивился Гриша.

— В наказание.

— Ты чего такое городишь? Ты в своем уме? Чай на дворе не девятнадцатый век царит. Рублем наказать — пожалуйста, с работы выгнать — в два щелчка, а личные документы изымать имеют право только жандармские. Ты же хозяйку нашу знаешь, она на подсудное дело никогда не согласится.

— Это если не конфликтовать, — возразил я, — меня вон в зашей выгнала.

— Так выгнала, не убила же, — резонно заметил охранник. — Да и какой смысл им враждовать. Всех все устраивало: хозяйку — доходы, Мари — статус первой звезды. Она тут как сыр в масле каталась: клиентами перебирала, что модница в магазине платьев. Когда хотела приходила, когда хотела уходила. Все было для неё.

— И VIP статуса не лишили?

— Зачем? — удивился здоровяк. — Ты же не станешь резать курочку, приносящую золотые яйца. Один важный ухажер из города только за встречу готов был выложить три сотенных. И выкладывал, прикинь! Что и говорить, умела Мари кавалеров вокруг пальца обвести, больно уж ловка была девица. Эй малой, ты чего?

Я схватился за рубаху Гриши. Но не от того, что поплохело — нет, просто окружающее пространство вдруг показалось дурным сном. Ткань под пальцами была грубой, как и должно быть с форменной одеждой охранника. И запах пота от неё исходил самый натуральный. Нет, не сон... Может врет? Другой может и приукрасил бы, но только не простоватый от природы Гриша.

— Чижик, ты куда?

Я махнул рукой и вышел из-под козырька под начавший накрапывать дождик. На душе сделалось пусто: ни мыслей не осталось, ни чувств. Одно лишь биение сердца, отдававшееся в ушах глухими ударами. Перед глазами закружились пары выдыхаемого воздуха. Может это все же сон? Бывает же такое, что кошмар нельзя отличить от яви. Помнится, один раз с голодухи колбаса копченая приснилась. И запахи она имела и вкус. Вот только наесться ей было невозможно...

Я задрал голову, подставив лицо небесной хмари. По коже моментально заскользили холодные змейки. Они бежали по лбу, по щекам, заставляя ежиться от проникавшей за шиворот влаги. Хотелось навеки забыться, как случалось порою в сказках. Съесть волшебное яблочко или выпить заколдованной воды, только бы не ощущать сосущую пустоту, тошнотворным комком подступившую горлу. Только бы не знать...

Не помню, как добрался до дома. Снял хлюпающие ботинки и пошел на кухню, оставляя за собой мокрые следы. По ним меня Лукич и вычислил. Не став вдаваться в подробности плохого настроения (не тот был человек бобыль, чтобы в душу лезть) всучил тряпку и заставил убрать за собой. После скомандовал лезть в горячую ванну.

— Только попробуй засопливить, — предупредил он, словно в человеческих силах было отказаться от болезни. Зараза не спрашивает, стоит ей приходить или пока лучше обождать. На то она и зараза...

После водных процедур мыслей в голове не прибавилось. Наоборот, захотелось спать еще больше. Я бы непременно достал раскладушку и завалился спать, но у Лукича на вечер имелись другие планы. Решил он обучить меня обращению с холодным оружием. Не бою, как показалось вначале, а всего лишь заточке. Для этого дела достал три оселка разной степени зернистости и начал показывать с какого бруска следует начинать, чтобы по всей длине лезвия появился заусенец. Какими движениями и под каким углом держать, чтобы получился боевой нож, а не кухонный — только и годный, что разделки замороженной рыбы.

Провозились мы до поздней ночи, перепробовав с десятков разных лезвий, а под конец Лукич спросил:

— Запомнил?

Я молча кивнул, хотя у самого в голове ничего не осталось. Лишь обрывки разнородной информации, плавающей на поверхности сознания никому не нужным мусором.

— Завтра закрепим, — пообещал напоследок Лукич, сам того не понимая, что завтра уже не будет.

Когда засветлело за окном, я собрал вещи и вышел из дома. В закинутой за спину сумке было не так уж и много: перочинный ножик, пара понравившихся книжек и фотоаппарат, доставшийся на память от стригуна. Можно было взять больше, к примеру дорогие наручные часы, которые Лукич надевал, когда выходил из дома или экзотический африканский нож с ручкой из слоновьей кости. Можно было обчистить тумбочку, где хранилась вся имеющаяся наличность. Можно было... но я не стал. Одно дело воровать из нужды, когда пузо сводит от голода и совсем другое, имея в сердце холодный расчет. Не было у меня на это права, каким бы плохим человеком Лукич не казался: не по божьим законам, не по людским.

На улицах поселка было пусто. Лишь редкие прохожие попадались на встречу, да завсегдатаи питейных заведений, с удивлением обнаруживших, что наступило утро. Пару раз дорогу перебежали крысы, до того наглые и упитанные, что оставалось удивляться, почему это люди хозяйничают в городе, а не они.

Помятую о разлившейся по пути лужи, свернул направо, в сторону Первозванной и уже оттуда напрямки потопал в сторону Транзитной зоны. Вот где народа было полно в любое время суток. Цепочка из авто протянулась от шлагбаума и до самого конца улицы. Уставшие от ожидания водители дремали, откинувшись в креслах, другие кучковались по интересам, обсуждая последние новости и смеясь, третьи на скорую руку перекусывали, благо уличной еды вокруг хватало. Я остановился у лотка, торгующего беляшами, и уже собрался купить один, ароматно пахнувший, капающий жиром на бумагу, когда меня окликнули. Молодой человек лет двадцати, одетый в форму водителя.

— Алексей Чижов? — уточнил он еще раз.

— Да, но..., - я собирался возразить, что мне вообще-то назначено в здании автовокзала, но парень слушать не стал. Да и что там было до того здания — рукой подать.

— Пройдемте, Аполлинарий Андреевич уже ждет.

Водитель не обманул. В салоне черного Понтиака действительно сидел доктор. Был он на редкость задумчив, и потому не сразу отреагировал на мое появление.

— Мой юный друг, — воскликнул он, убирая в сторону бумаги, которые до того внимательно изучал. — Прошу вас, садитесь. Вот видите, приходится читать полученные документы, можно сказать только с печки. Вот это, — протянул он мне первый листок, — разрешение на въезд в деловой район Алтополиса. Административный и жилой до двенадцати часов ночи, но это временное ограничение — до тех самых пор, пока не получите официальный статус студента. Берите-берите, не сомневайтесь... Вот копия свидетельства о рождении... с оригиналом, увы, придется пока обождать. И наконец экземпляр договора на попечительство. Данные бумаги входят в перечень обязательных при пересечении контрольно-пропускного пункта. Стоит напомнить о правилах поведения в ходе проверки?

Я отрицательно покачал головой.

— Что же, прекрасно, — доктор зашуршал листами. — Второй экземпляр договора я оставлю пока у себя, а к остальным документам привыкайте, мой юный друг. Они теперь неотъемлемая часть вашей новой жизни или если угодно будет считать — личности.

— А что со старой? — удивился я. Как-то нехорошо прозвучали слова доктора, словно у меня собрались забрать кусок чего-то очень важного и дорогого.

— А старая останется здесь. Вы теперь не просто Лешка Чижик с трущобных окраин, а Алексей Чижов, абитуриент и будущий студент Академии Его Императорского Величества. Звучит?

Я кивнул. Кажется, вышло не убедительно, поэтому доктор счел за нужное спросить:

— Вижу, вас что-то тревожит. Может быть остались неразрешенные дела в поселке или проблемы, о которых мне, как представителю вашего попечителя стоит знать?

— Не то чтобы проблемы, — замялся я, — скорее вопрос... Вы позавчера передали деньги?

— Ах вы об этом, — улыбнулся доктор. — Всё, как и договаривались: пятьдесят тысяч наличными Арине Балыкиной, урожденной Островой. До чего же интересная биография оказалась у вашей избранницы. В шестнадцать лет вышла замуж, в семнадцать развелась, обокрала бывшего супруга на значительную сумму и сбежала сначала в Оренбург, а после в Алтополис. Попала в плохую компанию, наделала долгов в следствии чего была вынуждена скрываться в трущобах. Весьма колоритная личность, стоит заметить, замешанная в многочисленных аферах, кражах, подлоге с ценными бумагами. За руку её ни разу не ловили, то правда, однако собранное досье не оставляет ни малейших сомнений в сопричастности ко всем вышеперечисленным преступлениям. После того как товарищ Ромеро дал полную раскладку, я было засомневался, а стоит ли передавать ей деньги. Может попытаться переубедить вас, продемонстрировать доказательства? Но товарищ Ортега настоял на своем: *«людям свойственно ошибаться, кто мы такие, чтобы лишать их этого законного права»*.

Судя по всему, последняя фраза была цитатой, потому как доктор произнес её намеренно громко, выделив голосом.

— Людям свойственно ошибаться, — повторил он снова.

— Это не ошибка, — выдавило мое пересохшее горло.

— Как скажете, мой юный друг... Благодаря аттракциону невиданной щедрости, ваша знакомая по прилету не стала задерживаться в столице, а сразу же вылетела в Париж — la Cité de l'amour (*примечание автора: в переводе с французского «город любви»*). Почему бы и не попутешествовать, имея на руках столь приятную сердцу сумму. Париж, Мадрид, Лондон — о, эта барышня нигде не затеряется.

— Она... она что-нибудь просила передать? Запиской или может на словах?

Аполлинарий Андреевич покачал головой.

— Ни единого словечка?

— Мне очень жаль.

Автомобиль развернулся на небольшой площадке перед вокзалом и, выдав рокочущий рык, покатил в сторону КПП: мимо спешащих пешеходов, мимо выстроившихся цепочкой машин. Дождь забарабанил по крыше, оставляя россыпь мелких капель на стекле. Они то и дело сливались, сбежали вниз, оставляя след из ломанных линий.

Жалел ли я о чем-нибудь? Разве что о беляше в промасленной бумаге, который собирался, но так и не успел купить.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net